

2р. 20к.

Издательство · Наука ·

М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков

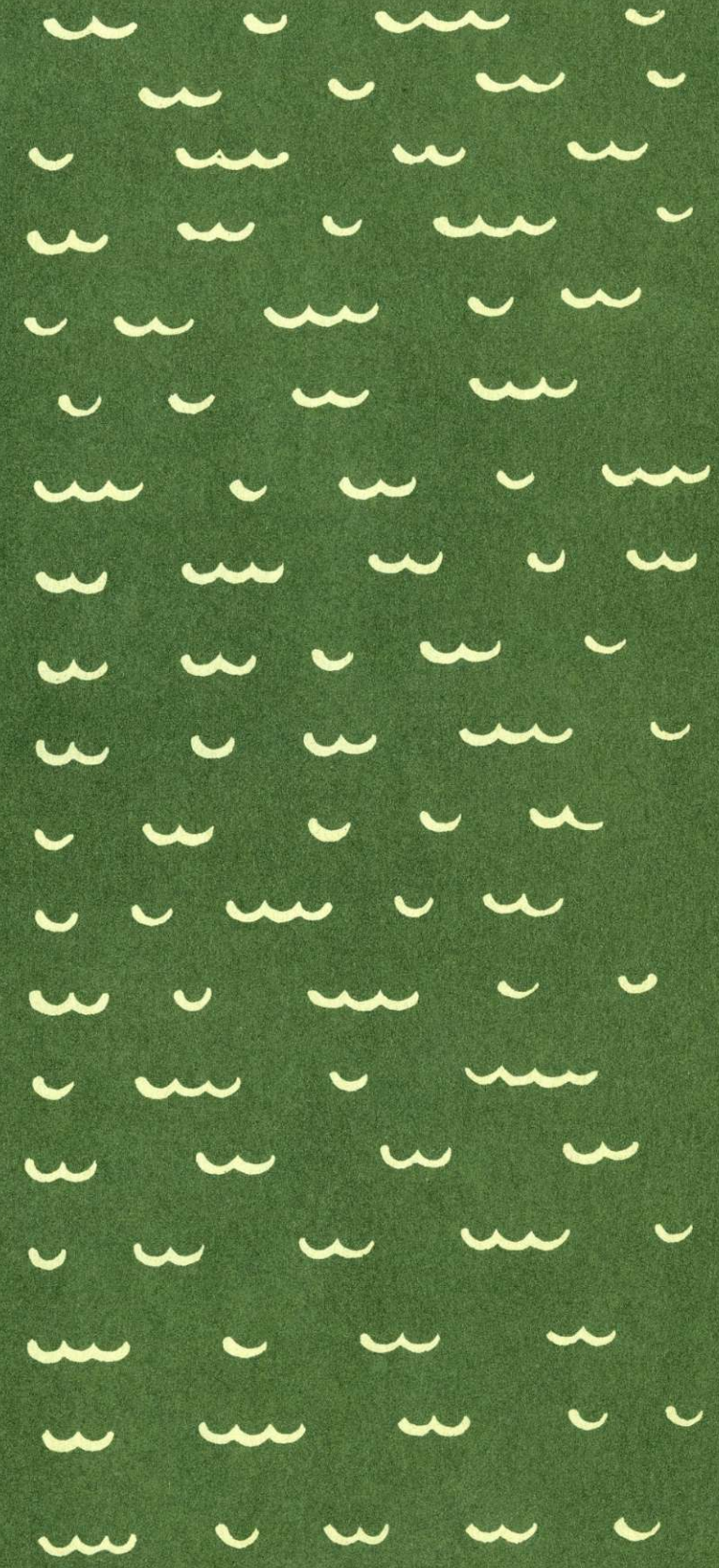
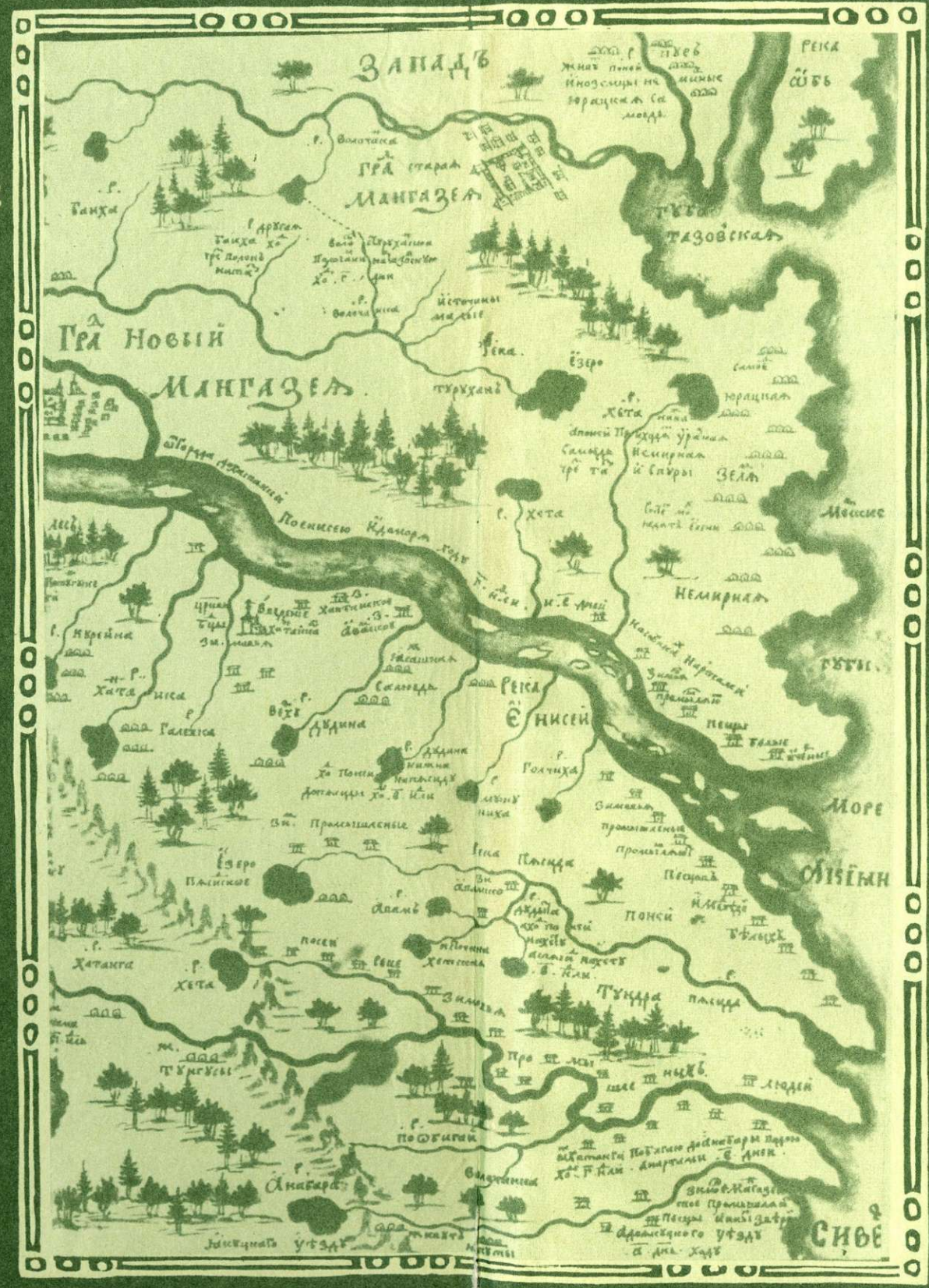
МАНГАЗЕЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ ПОЛЯРНЫХ МОРЕХОДОВ И ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ XVI – XVII вв.

Издательство · Наука ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИИ И КОНТРОЛЮ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
ОРДЕНА ЛЕНИНА АРКТИЧЕСКИЙ И АНТАРКТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков

МАНГАЗЕЯ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ ПОЛЯРНЫХ МОРЕХОДОВ И ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ XVI-XVII вв.

ЧАСТЬ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В работе подводятся итоги археологических исследований культуры русских землепроходцев и мореходов XVI—XVII вв. Они основаны на анализе материалов Мангазейского городища. Книга иллюстрирована таблицами. Большое внимание авторы уделили вопросам формирования постоянного русского населения Сибири.

Ответственный редактор
академик **Б. А. РЫБАКОВ**

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа «Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв.» является продолжением вышедшей в 1980 г. книги «Мангазея. Мангазейский морской ход». Обе эти работы были задуманы авторами как единое монографическое исследование, посвященное Мангазее — первому русскому городу в сибирском Заполярье.

В основу работы над этим важнейшим памятником был положен комплексный метод исследования. Были использованы результаты многолетнего изучения архивных документов, данные археологии, нумизматики, дендрохронологии и географии. Особое внимание было уделено археологическим источникам, которые в таких масштабах были впервые использованы при изучении позднефеодального города России.

К сожалению, этот ценнейший источник еще недостаточно используется исследователями — «археология редко поднимается» выше XVI—XVII вв.¹ Вместе с тем приходится констатировать, что зачастую для решения многих вопросов социально-экономической жизни позднефеодальных городов традиционных источников оказывается недостаточно. В этой связи совершенно справедливо мнение М. Г. Рабиновича, который писал, что «существующие источники не являются сплошными и оставляют множество пробелов как в территориальном, так и в хронологическом, и в социальном отношении... и надежда на их пополнение сейчас не велика»².

Очевидно, что одним из основных источников пополнения этого фонда являются археологические исследования, в том числе раскопки памятников XVI—XVIII вв., тем более что археологические данные для этого периода особенно малочисленны. В наибольшей степени это касается городов Урала и Сибири, где подобные исследования вообще единичны.

Среди них нужно указать на раскопки Ермакова городища на р. Тагил, которые с 1945 г. с перерывами проводит Нижнетагильский историко-революционный музей (основные исследователи О. Н. Бадер, Н. П. Кипарисова, А. И. Россадович). Среди находок, происходящих отсюда, наибольший интерес представляют монеты времени Ивана Грозного, подтверждающие хронологию памятника³. Этим же музеем произведены раскопки ряда первых русских металлургических заводов на Урале, относящихся к XVII в.⁴

Частичные исследования ряда позднефеодальных городов Урала были произведены экспедицией Перм-

ского государственного университета под руководством В. А. Оборина. Среди них Орел-городок, Соликамск, Верхотурье, Пелым. Особенно интересные результаты дали раскопки Пельма, города XVI—XVIII вв. на восточных склонах Урала, где обнаружены различные изделия, в том числе из дерева, а также остатки жилых и оборонительных сооружений⁵.

Большой интерес представляют работы А. П. Окладникова на Таймыре, где им исследованы остатки русской экспедиции XVII в. (находки на острове Фаддея и в заливе Симса)⁶. Многочисленные предметы материальной культуры, найденные здесь, одновременно мангазейским и во многом перекликаются с ними. По мнению одного из авторов настоящей книги, находки на острове Фаддея и в заливе Симса принадлежат экспедиции мангазейского жителя Ивана Толстоухова⁷.

Среди исследованных русских памятников на территории Восточной Сибири особенно выделяются Братский и Илимский остроги⁸ и Зашиверск⁹.

Особое место в ряду археологических исследований русских памятников периода позднего феодализма занимают раскопки на архипелаге Шпицберген, где преобладают поселения XVII—XVIII вв.¹⁰ Эти памятники являются почти единственным источником по воссозданию истории освоения русскими поморами этого арктического архипелага, поэтому значение их трудно переоценить. Важно подчеркнуть, что находки на Шпицбергене тесно переплетаются с материалами Мангазеи, поскольку они не только совпадают по времени, но и являются отражением одного и того же процесса освоения русскими людьми бескрайних просторов Арктики.

С наибольшей полнотой археологические материалы использованы при изучении Мангазеи и всего круга проблем, связанных с историей этого города. Раскопки Мангазеи дали не только самый многочисленный, но и наиболее яркий и выразительный материал, позволяющий объективно решить основополагающие вопросы, связанные с общей планировкой города, динамикой его развития и вообще с характеристикой его как сформировавшегося долговременного поселения. Наряду с этим археологические находки и архивные материалы позволяют рас-

⁵ Оборин В. А., Русанова К. М., Шмыров В. А. Остатки русского города Пелым и Пельмского поселения. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

⁶ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.: Л., 1951.

⁷ Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977, с. 16.

⁸ Окладников А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И. Раскопки Илимского острога. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

⁹ Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск. М., 1977.

¹⁰ Старков В. Ф., Овсянников О. В. Археологические исследования на Шпицбергене. — Вестник Академии наук СССР, 1980, № 3.

смотреть конкретные стороны жизни, социальной и хозяйственной деятельности населявших его людей. Найденные при раскопках предметы быта, орудия промыслов, одежда, обувь и другие находки, позволяют представить облик русского промышленника на севере Сибири в XVI—XVII вв. Особый интерес представляют предметы, связанные с местными ремеслами — литейным, кожевенным, косторезным, бондарным и др. Впервые исследователи получили такой массовый натурный материал, как великолепно сохранившиеся фрагменты жилых и хозяйственных комплексов.

Культурные напластования мангазейского поселения отложились за сравнительно короткий хронологический промежуток, что позволяет рассматривать их как монолитный пласт культуры русского населения Сибири конца XVI—XVII в.

Опыт изучения Мангазеи и других русских памятников XVI—XVIII вв. показывает, что археология этого периода, работающая на стыке с этнографией, играет большую роль в изучении этого важного, переломного периода отечественной истории, ее данные являются полноценным историческим источником.

Первая часть монографии о Мангазее была посвящена в основном двум крупным вопросам: истории формиро-

вания города от поморского городка XVI в. до оставления его в 1672 г. и особенностям мореплавания на западном (мангазейском) участке русской Арктики. На основании письменных и археологических источников был сделан важный вывод о характере этого поселения как типичного сибирского «непашенного» города.

Вторая часть монографии посвящена раскрытию внутреннего содержания жизни города — его быту, ремеслам, промыслам, торговле, архитектуре. В ней авторы попытались показать облик русского промышленника и землепроходца XVI—XVII в. и тот мир, который его окружал.

Эта часть, как и первая, выполнена коллективом авторов. Введение и заключение написаны М. И. Беловым, О. В. Овсянниковым, В. Ф. Старковым; главы 1 и 10 — М. И. Беловым; главы 2, 4, параграф «Изделия из цветных металлов» в главе 5 — О. В. Овсянниковым; главы 3 и 9 — В. Ф. Старковым; главы 7 и 8 — О. В. Овсянниковым и В. Ф. Старковым.

Помимо основных авторов в работе приняли участие: А. С. Мельникова (ГИМ), написавшая главу 6, И. И. Баранова и Г. Н. Комлева (Музей этнографии народов СССР), написавшие параграф «Обувь и изделия из кожи» в главе 5, Е. В. Травина (ААНИИ), написавшая параграф «Изделия из стекла» в главе 5.

Глава I

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТОЯННОГО НАСЕЛЕНИЯ «НЕПАШЕННЫХ» ГОРОДОВ СИБИРИ XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. русское феодальное государство в ходе географических открытий, присоединяя северные земли Евразии, стремилось к созданию на новых территориях долговременных населенных пунктов. Несмотря на все многообразие их можно свести к двум типам:

Первый тип — небольшие поселки-слободы типа Варзуги, Кегоры, Усть-Цильмы в европейской части страны и промысловые зимовья-становища, расположенные в нижнем течении Енисея, а также по рекам Хете, Хатанге, Индигирке, Колыме и Анадырю — в азиатской части. Близки к ним возникшие еще в XVI в., т. е. в пору первоначального освоения новых северных земель, такие промысловые городки, как Носовой, Надымский, Пантуев и Тазовский.

Второй тип — ясачные зимовья, множество которых было разбросано по всей северной окраине азиатской части страны. В отличие от промысловых зимовий, где проживали охотники за пушниной и морским зверем, а также торговцы, производившие обычный обмен товарами, — эти зимовья являлись государственными поселениями, т. е. создавались и существовали на средства царского правительства. Некоторые из наиболее важных ясачных зимовий вскоре увеличились в размерах за счет прирезки оборонительного земельного пояса или специальной укрепленной площадки и стали называться острогами или имели двойное название — зимовья и остроги. Это Нижне-, Средне- и Верхнеколымское, Нижне-, Средне- и Верхнеиндигирское, Верхоянское, Усть-Янское зимовья и остроги.

Известны значительные по своим размерам ясачные зимовья. Таким зимовьем являлось Туруханское, не уступавшее по величине Мангазее, а из острогов — Якутский, заложенный в 1632 г. на р. Лене. В 80-е годы XVII в., после того как его тынообразные крепостные укрепления были заменены городнями, Якутск стал городом.

Венцом постоянных поселений являлись все же города. Приказная документация XVI—XVII вв. относит их к разряду «непашенных», расположенных в зоне вечной мерзлоты, вдали от земледельческих районов. Для прокормления своего населения они были вынуждены ежегодно завозить «хлебные запасы» с юга. Среди «непашенных» городов и острогов особенно известны Кола, Пустозерск, Березов, Мангазея, Туруханск, Якутск и Охотск.

В научной литературе все еще мало освещена проблема возникновения и формирования северных городов. Нами сделана попытка на примере Мангазеи осветить этот важный вопрос, обратив особое внимание на характер и особенности формирования постоянного городского населения, что являлось одним из решающих факторов становления русского позднефеодального города на Севере.

В данном случае исследователю приходится иметь дело с традиционным утверждением, что заполярный город на р. Таз — Мангазея — не имел постоянного населения. «Мангазейский посад, — писал С. В. Бахрушин, — не имел постоянных жителей... он жил своей своеобразной жизнью: он существовал для приезда с Руси торговых и промыш-

ленных людей, оживал осенью, когда прибывали из Руси кочи с русскими людьми, хлебными запасами и товарами»¹. Эту точку зрения разделял и другой исследователь, посвятивший свой труд Мангазее и населению Красноярского края XVII в., — В. А. Александров².

Неясен и сам вопрос, что в условиях Севера следует понимать под термином «постоянные жители». Правильное решение его позволит четко разделить городских жителей на социальные группы.

Постоянное население «непашенных» городов делилось на три категории: служилых людей, т. е. стрельцов, оброчных людей и ружников. Однако оказалось, что категорий было больше. Например, оброчные люди делились по меньшей мере еще на три группы: оброчные люди из административного аппарата, посадские и жильцы-годовальщики. Принятое администрацией упрощение — попытка канцелярии упорядочить выплату казенного жалованья — денежного, хлебного и соляного. Исследованию социальных групп города может помочь изучение документов Сибирского приказа, в том числе «счетных списков» о выдаче годового жалованья. Ценность их, к сожалению, уменьшается из-за того, что по существовавшим в те годы правилам в них содержались лишь обобщенные сведения. Нами будет сделана попытка расчленить общие данные счетных списков и, выделив в процентном отношении каждую социальную группу, подсчитать ее количественный состав.

Значительную помощь в определении постоянного населения Мангазеи оказал список людей, переселившихся в 1669—1672 гг. из Мангазеи в Туруханское зимовье³. Подлинность списка подтверждается личными подписями каждого переселенца в том случае, если он мог написать свою фамилию; за неграмотных расписывались их земляки. В списке переселенцев названо 137 мужчин, переехавших на р. Турухан. Если следовать принятому в научной литературе для XVI—XVII вв. подсчету среднего состава городской семьи⁴, из Мангазеи в Туруханск переехало 446 человек. Список переселенцев свидетельствует, что даже в конце своего существования, в период упадка, Мангазея все еще являлась городом средней величины и не уступала по числу жителей Березову, Туринску, Верхотурью и другим городским поселениям. В связи с этим важно подчеркнуть, что изучение различных групп, составляющих постоянное население Мангазеи, представляет интерес не только в плане наиболее полной характеристики «непашенных» городов Руси, но и всех остальных сибирских городов.

¹ Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. — Научные труды в 4 томах. М., 1955, т. III, с. 298.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 13, 28, 30.

³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 635.

⁴ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

ТАЗОВСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ

Вопрос о том, почему Мангазею охраняли не казаки, как, например, Якутский острог, а стрелецкие войска, вряд ли нуждается в специальных доказательствах. Казачьи войска предназначались для сухопутных боевых операций и всегда выступали как конница. В условиях тюменской заболоченной тундры действия конницы были значительно ограничены. Кроме того, переброска конницы на огромные расстояния в условиях полярной тундры представляла большие трудности из-за отсутствия транспортных средств, а содержание ее — вследствие трудности заготовки кормов при отсутствии санных покоев.

Непригодность конницы к операциям на Крайнем Севере впервые была замечена летом 1600 г., когда назначенный воеводой в Мангазею князь Мирон Шаховской пытался использовать приданный ему конный отряд. Как свидетельствует надпись на чертеже «Губа море Мангазейско», в первом же бою с «юрацкой самодю» в бассейне р. Кровавой, в устье р. Таз, князь потерял восемь казаков и ни одного стрельца. С тех пор из Тобольска и Березова в Мангазею посылали только стрельцов — 50 тобольских и 50 березовских. Вооруженные маневренным стрелковым оружием и защитными средствами от града стрел, стрелецкие отряды в военном отношении представляли собой как бы маленькие крепостицы и во многом напоминали средневековых рыцарей, хотя и не носили лат и кольчуг. Важно подчеркнуть и другое. В условиях заболоченной лесотундры регулярное сообщение между зимовьями возможно было поддерживать по речным магистралям — иными словами, приходилось пользоваться водными путями Мангазейского воеводства. Было еще одно преимущество стрельцов перед казаками: зародившись в середине XVI в. как гвардия великого князя московского, охранявшая крепости, расположенные на периферии Москвы, сменяемые по распоряжению великого князя, в начале XVII в. стрельцы в значительной мере утратили свою подвижность, осели в отведенных им для охраны городах.

Тенденция к оседлости учитывалась воеводскими властями при формировании постоянного стрелецкого гарнизона Мангазеи. Он был набран в 1625—1629 гг. по указу царя Михаила Федоровича тобольским воеводой Ю. Я. Сулешевым-Черкасским. Гарнизон состоял из 50 стрельцов, до того бывших промышленными людьми. Стрельцы размещались на посаде обычно в помещениях государственных учреждений; иногда они имели собственные дворы. В 1630 г. на посаде располагались дворы тазовских стрельцов Даниила Углова, Ивана Тотменина и Даниила Дедова⁵. Контингент постоянных стрельцов возрастал. В 1669—1672 гг. постоянный стрелецкий гарнизон Мангазеи составлял уже 65 человек⁶.

Не совсем четко определяется отношение тазовских стрельцов к мирской общине, о правах и обязанностях которой убедительно писал С. В. Бахрушин⁷. Из документов видно, что стрельцы являлись участниками всех городских мероприятий наряду с общиной. Совместно с жилецкими людьми стрельцы приняли участие в восстановлении ими же разбитого гостиного двора. «В прошлом, 150 [1641] году октября в 6 день, — читаем в правительственном документе, — [приказано] всем торговым и промышленным и жилецким людям выбрать меж собой с торговых и с промышленных людей, из лучших и из средних людей по 10 человек для строения государства гостиного двора», и к этому числу «приставить к выбранным служилых

людей»⁸. Кроме того, предлагалось привлечь к строительному делу туруханских торговых, служилых и жилецких людей⁹. Однако задуманное мероприятие сразу не было выполнено. И все же, как показывают результаты раскопок, гостиный двор был построен в 40-е годы. Отмечено, что важную роль в этом сыграли мангазейские и туруханские стрельцы. Та же самая картина наблюдалась при восстановлении сгоревших при пожаре 1642 г. построек кремля — воеводского двора, съезжей избы, тюрьмы, амбаров и сторожек¹⁰. Из приведенного примера видно, насколько тесной являлась связь между стрельцами и посадским населением. И это вполне объяснимо. Н. И. Павлицкой установлено, что московские городовые стрельцы 30—70-х годов XVII в. по существу превратились в ремесленников¹¹.

Таким образом, из военной организации стрельцы превратились в почти гражданскую, близкую к посаду и отстаивающую его интересы. Хорошо известны совместные выступления стрельцов и посада в городских восстаниях в Новгороде, Пскове и Москве (1648 г.).

Подобный же процесс сращения стрельцов с посадом отмечен и в Мангазее. Конечно, мангазейские стрельцы отличались по роду своих подсобных промысловых и ремесленных занятий от московских. Им приходилось участвовать в охоте на пушного зверя, заготовке рыбы, в частности юколы. Примеры участия стрельцов в промысловых артелях довольно часты. Зимой 1652 г. мангазейские стрельцы Степан Дмитриев Вилой, Иван Дмитриев, Иван Обросимов, Тимофей Дементьев участвовали в охоте на соболей¹². В 1650—1652 гг. на лесных промыслах Мангазеи из 123 охотников десять были стрельцами¹³. В рыбной ловле участвовало значительно больше стрельцов. Тазовский стрелец Василий Ларионов избрал своим подсобным промыслом охоту на зайцев и куропаток, известно также, что он принимал участие в заготовке юколы¹⁴.

Для мангазейского рынка стрельцы заготавливали разные изделия, приносящие немалый доход. Так, стрелецкий десятник Шумил Артемьев в 50-е годы занимался выделкой меховых рукавиц и шапочных подскорков¹⁵. Стрелец Иван Дмитриев продавал на рынке шапочные подскоры и бобровые рукавицы¹⁶. Есть основания полагать, что уже в эти годы среди стрельцов началась имущественная дифференциация. Так, некоторые стрельцы стали участвовать в дорогостоящих транспортных операциях — приобретали большие грузовые суда в личную собственность. Сами стрельцы не принимали участия в перевозке на своих судах грузов, но охотно предоставляли их другим, извлекая из торговых операций немалые прибыли.

Среди таких стрельцов оказался Мороз Марков, который в навигацию 1634 г. использовал приобретенный им икоч для посылки на р. Обь, откуда были доставлены в Мангазею промышленные люди и товары¹⁷. Кстати говоря, богатая семья стрельцов Марковых и их представители упоминаются в различные годы существования Мангазеи. В 1644 г. в тазовском гарнизоне служил Лука Марков, сын

⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 60—61.

⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 139, л. 66—67.

¹⁰ Там же, л. 166.

¹¹ Павлицкая Н. И. Исторические судьбы стрелецкого войска во второй половине XVII в. Дис. . канд. ист. наук. 1941. Библиотека ЛГУ им. Горького.

¹² ЦГАДА, ф. 214, кн. 297, л. 12—18.

¹³ Там же, л. 62.

¹⁴ Там же, кн. 45, л. 8.

¹⁵ Там же, кн. 297, л. 31 об.

¹⁶ Там же, л. 32.

¹⁷ Там же, кн. 82, л. 52.

Мороза¹⁸, а в 60-е годы его место занял Никифор Марков¹⁹.

Из документов видно, что стрельцы принимали участие в вывозе мангазейской пушнины. Так, в 1652 г. из Мангазеи через Урал выехало 26 человек, из них 3 стрельца с пушвиной²⁰.

ЖИЛЕЦКИЕ ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ

Теперь, когда изучены сохранившиеся в фондах Сибирского приказа и портфелях Г. Ф. Миллера мангазейские дела, можно с уверенностью говорить об отсутствии относительно систематизированных письменных источников, содержащих данные о мангазейском посаде. До сих пор о нем судили на основании отрывочных сведений. Неоднократно цитированное исследование С. В. Бахрушина о Мангазейской мирской общине в силу занятой исследователем негативной позиции не могло решить вопроса правильно и до конца.

Сейчас Мангазейская мирская община представляется как разноликая в социальном и даже податном отношении правовая организация населения русского города. К сожалению, нельзя получить ответа на многие вопросы, в особенности на вопрос, что представляли собой входившие в ее состав жилецкие люди. Чаше всего в исследованиях они отождествляются с посадскими людьми. На самом же деле жилецкие люди — это большая категория постоянных жителей, в состав которой входили и посадские люди. В число жилецких людей включались также оброчные люди, намного превосходившие по численности посадских.

Исследование вопроса о посадских людях Мангазеи наталкивалось на проблему их численного состава. С. В. Бахрушин считал, что в Мангазее было «не более десятка человек мужского населения», а это, разумеется, не могло составить посад²¹. Сейчас можно еще более точно сказать, что если подходить к изучаемой проблеме с формальной стороны, то в мангазейском посаде не насчитывалось и десятка человек. В 1644 г. в таможенном документе был приведен поименный состав посадских людей Мангазеи. Это Нехорошко Патрикеев, Мишка Онуфриев, Омелька Чичкан, Матюшка Оверкиев и Тренька Иванов Монолька²². В 1650 г. к этому списку было добавлено еще два человека — Никита Онуфриев Зырян и Гаврило Давыдов Крени²³.

Таким образом, формально весь посад Мангазеи состоял из семи человек. Однако результаты раскопок мангазейского городища в районе посада, даже в наши дни занимающего две трети его территории, пришли в резкое противоречие с цитированными документами и утверждениями С. В. Бахрушина.

При раскопках мангазейского посада обнаружено, исключая его большую торговую часть, до 50 зданий жилого типа с явно выраженным ремесленным профилем. В них изучены развалы десяти плавильных печей, помещений в отдельные здания, тигли и шлаки. По самым скромным подсчетам обслуживать печи должны были 20—30 человек. Если же допустить, что все обнаруженные на раскопках плавильные печи принадлежали состоятельным мангазейским оброчникам, имевшим право найма людей, то независимо от того, были или нет записаны работные люди в посаде, их необходимо отнести к ремесленникам города.

Раскопки внесли полную ясность в размеры и характер мангазейского посада. Однако интересно рассмотреть и ряд других вопросов. Так, при изучении таможенной и приказной документации замечено, что в этих документах г. Мангазея и Туруханское зимовье представляются как части одного целого, а туруханский посад — не вполне самостоятельным. Это подкрепляется многочисленными фактами.

Так, мангазейские воеводы рассматривали отряд туруханских стрельцов как составную часть единого стрелецкого гарнизона. Та же картина наблюдалась и по отношению к туруханским посадским людям. Воеводы требовали от туруханских «жилецких людей» сбора денег на восстановление разрушенного гостиного двора и сгоревших кремлевских построек. Такой же точки зрения придерживалась и таможня. Кстати, таможня так и не решилась назначить в Турухан таможенного чиновника, возложив всю ответственность за сбор налогов и пошлин на городских таможенных голов. В их обязанность входило ведение общих с туруханским зимовьем таможенных книг и общей отчетности. Сбор пошлин, поголовный и оброчный налоги посадских людей производилось синхронно одними и теми же таможенниками весной, летом и зимой. Из текстов таможенных сборных книг явствует, что здесь не делалось никаких исключений из правил в сборе пошлин в Туруханском зимовье и в Мангазее. Так поступали в 1631—1634 гг. городовые мангазейские таможенные головы Федор Веретной и Дмитрий Макеев, в 1636—1637 гг. Иван Кокорин и Петр Брагин, а в 1651—1652 гг. Максим Шемякин и Иван Саблин²⁴.

В связи с этим возникла необходимость дополнительного изучения таможенных документов Мангазеи, благодаря чему был получен ответ на вопрос, в чем выразилось единство мангазейского посада, в какой связи две эти его части находились в зависимости друг от друга. Удалось выяснить следующее: непосредственная связь двух частей мангазейского посада осуществлялась прежде всего по линии общения посадских людей, приезжавших в Мангазею и в Туруханское зимовье на гостиный двор или на промыслы.

Обнаружены также документы, которые подтвердили, что мангазейские посадские люди с семьями перебирались в Туруханское зимовье на постоянное жительство. Так, мангазейский посадский человек Степан Романов Подшивало, который еще в 1633 г. значился мангазейским посадским²⁵, в 40-е годы переехал жить в Туруханское зимовье, стал туруханским посадским человеком²⁶. Точно так же в 1637 г. поступил и мангазейский посадский человек Ивашка Иванов²⁷. Правда, можно посчитать такие переезды исключением, но вряд ли этим можно объяснить обратное явление — переезды из Туруханского посада в Мангазею. В цитированном списке мангазейских переселенцев 1669—1672 гг. названо 12 туруханских посадских людей²⁸, возвратившихся в Туруханское зимовье. В Мангазее они поселились за несколько лет до этого, а возможно, в 40-е или 50-е годы, когда там развертывалось плавильное дело.

Возник также вопрос о численном составе туруханской части мангазейского посада. Этот вопрос удалось разрешить, когда в делах отыскался первый список туруханских посадских людей, составленный в 1637 г. мангазейской

таможней. В перечне указано 22 фамилии²⁹. Через 9 лет списочный состав посадских людей изменился³⁰ на 90%. Причины столь радикальных перемен туруханской части посада неизвестны. Возможно, что часть посадских людей покинула Туруханское зимовье и уехала в другие края, некоторые были посланы в Мангазею. Одним словом, всего в 1646—1650 гг. в Туруханском зимовье проживало от 22 до 24 посадских людей. Следовательно, во всем мангазейском посаде было 30—33 человека. К этим цифрам следует добавить 20—30 работных людей, которые привлекались к плавному делу.

Исследование таможенных документов показало, что в Мангазее был значительный посад, не уступавший по своей численности посадам многих сибирских городов, таких как Березов, Туринск, Верхотурье, Томск. Многолюднее был тюменский посад (209 человек) и посад столичного сибирского города Тобольска (64 человека).

Социально-экономическое положение посадских людей существенно не отличалось от положения остальных категорий и групп жилецких людей. Посадские люди платили казне оброк по 4 алтына 2 деньги в год с человека. Об уплате оброка упомянуто в таможенной переписке за 1663—1670 гг. В одном из документов этой переписки есть такая фраза: «Да с туруханских и хантайских посадских людей с годового оброка взято 47 рублей 3 алтына и 2 деньги». А рядом сделана другая надпись. С посадских людей «с их торгов и промыслов взяты десятые деньги»³¹.

ЖИЛЕЦКИЕ ОБРОЧНЫЕ ЛЮДИ

Характер и особенности жизни оброчных людей как Мангазеи, так и других сибирских городов не установлены. В исторической литературе нет даже попытки определить, что же собой представляли оброчные люди, населявшие русские города XVI—XVII вв. и сыгравшие важную роль в развитии городского хозяйства.

Оброчники входили в состав жилецких людей, довольно обширной категории городского населения. Это усложняет проблему и мешает прежде всего установить количественный состав оброчников. К тому же до нас не дошли материалы «дозорных книг» городов, за исключением книги Тюмени, датированной 1624 г.³²

Не много сведений об оброчных людях содержится и в других архивных материалах. В таких обстоятельствах выходом может быть применение вычислительного метода к дешифровке, в частности «счетных списков» Мангазеи, где содержатся данные о выдаче всем зарегистрированным жителям города денежного, хлебного и соляного жалованья. Речь идет о стрельцах, ружниках и оброчниках.

Подсчитав жалованье стрельцов и ружников, можно определить жалованье оброчников. Зная же численность первых двух категорий, можно установить процентное соотношение между ними, а затем и количество оброчников.

Выше уже установлено количество тазовских стрельцов. Есть возможность высчитать денежное жалованье каждому из них. Так, например, по «Росписному списку» г. Мангазеи 1625—1626 гг. на оплату 53 стрельцов казна израсходовала 354 руб., выдавая каждому стрельцу 6 руб. 30 коп. в год³³. Сложнее оказалось установить величину жалованья служителям культа — ружникам. В основу было положено денежное, хлебное и соляное жалованье, которое выдавалось им в Илимском остроге в 1634 г.³⁴ В этом году в Илимской церкви насчитывалось два попа — черный и белый, дьячок, пономарь и просвирица. Им было выдано 19 руб. 50 коп., 20 четвертей ржи, 20 четвертей овса и 7 пудов 23 гривенки соли. Указана была величина жалованья каждого человека. В Мангазее служителей культа было несравненно больше. Ведь, кроме Троицкого собора, на посаде имела Успенская церковь и церковь Михаила Маленна и Макария Желтоводского. В соборе служило не менее двух священников, двух дьячков, двух пономарей и двух просвириц. В двух других ординарных церквях, надо полагать, штат не отличался от штата Илимской церкви. Следовательно, согласно илимским ставкам, в Мангазее 17 церковнослужителей получали ежегодно 64 руб., 60 четвертей ржи, 63 четверти овса, 23 пуда соли в год. Денежное жалованье мангазейским служилым людям и ружникам составляло 398 руб.

Что касается выдачи хлебного жалованья, которое получали стрельцы, то вопрос этот нуждается в доисследовании. Беспорно, хлебное жалованье мангазейским служилым людям превышало размеры его в других городах, но, вероятно, совпадало с жалованьем стрельцов «непашенных» городов. Так, в Якутском остроге казакам платили 5 1/8 четверти ржи, 4 четверти овса и 1/4 пуда соли³⁵.

Мангазейские стрельцы получали явно больше хлеба. Так, в жалобе на злоупотребления мангазейской администрации в 1642 г. мангазейский оброчник Яков Павлов жаловался на то, что подрядчик подъячий съезжей избы Никифоров незаконно взял у него его хлебное жалованье — 10 четвертей ржи — и продал на рынке, в том числе и его «жонке», которая вынуждена была купить, так как «осталась без хлеба»³⁶. К сожалению, почти не сохранилось сведений о выдаче личного хлебного жалованья. Одно из поздних свидетельств относится к 1649—1650 гг., когда служилым, оброчным людям и ружникам выдавалось 737 четвертей муки и 152 пуда соли в год³⁷. В данном случае, исходя из того, что стрельцов было 50, а ружников 17, оброчные люди получили 465,4 четверти ржаной муки и 85,75 пуда соли. Это означает, что муку получили 119 оброчников, а соль — 91. С 1 сентября 1648 г. по 1 сентября 1649 г. съезжая изба выдала на уплату жалованья 733 четверти ржаной муки и ржи³⁸, причем 50 стрельцов получили 260 четвертей хлеба, 17 ружников — 102 четверти, остальные — 362 четверти, т. е. 49% пошло на 64 оброчника.

Из приведенных вычислений видно, что оброчных людей в Мангазее насчитывалось в первом случае 119, а во втором 64. Такое резкое колебание численности оброчных людей объясняется разнообразными перипетиями в жизни города.

За этот период город пережил воеводскую смуту и разрушительный пожар. В средней части этого периода, в 1633 г., число оброчных людей все еще оставалось значительным. Так, согласно таможенной книге Сибирского приказа от 1633 г., где были поименно перечислены оброчники, названо 103 человека³⁹. Кстати, среди этих людей значились и посадские, например Емельян Иванов Чичкан, Степан Романов Подшивало. Здесь единственный раз названы занятия оброчников, в данном случае участвовавших в рыбной ловле. Дело в том, что к фамилиям некоторых оброчников добавлен и род их основных занятий: Иван Савельев Устюжанин — денщик, Тренька Григорьев — иконник, Володька — рудомет, Оська Нечаев — кузнец, Якимка — ведерник, Сергей — банщик, Будило Иванова — банщик, а Тренька, «что у банщиков живет». Из приведенного примера вопрос о занятиях оброчных людей ясен: в число их входили не только ремесленники, но и довольно широкие слои городского населения. Об этом говорит и ответ тобольских воевод Семена Копылова, Леонтьева Полуэктова и князя Андрея Голицына царю Михаилу Федоровичу, посланный в 1634 г. на запрос, «сколько на котором посаде людей и сколько из них живут и у которых государевых дел»⁴⁰. Ответ составлен в форме «Росписного списка жилецким посадским людям Тобольского разряда». В нем говорится, что «в государевом деле» в Тобольске 74 человека, в Верхотурье — 30, в Мангазее и Енисейске — 43, в Туринске — 35, в Тюмени — 209, «а всего в Тобольске, в Верхотурье и Тюмени — 348 человек». Все эти люди занимались различными службами — были таможенными головами, целовальниками, денежными сборщиками, сборщиками соболиной казны, людьми, назначенными «у пушечных запасов», «у житниц», «у питья», «у подгородных житниц», «у соляных амбаров», «на архиепископском дворе», «у духовных дел», приставленные «к торьямам», «к выемочному и невяленному питью», выбранные в земские старосты и десятичники.

В заключении «Росписного списка» сделана важная оговорка о том, что «меж себя посадские люди тою службою считают за годовую», т. е. за эту службу им платят годовое жалованье. В «Росписном списке» названы «полугодовые службы». К ним отнесены поездки на Обдорскую и Киртайскую заставы, на Ямышинское озеро, Калмыцкий двор в Тобольске, в Устюг Великий «для покупки всяких запасов». Восемь человек снаряжалось на Сулемскую мельницу для сбора «выделенных денег». Отмечались более кратковременные службы Тобольского разряда. 12 человек по три-четыре месяца в году выделялось в ясачные волости «для хлебного сбора и на рыбные ловли, и на кровье, и на чердашны, и для выдельного пятинного хлеба». По четыре человека снаряжалось «на дороги для осмотру ясачных людей ясачной казны, чтобы ясачные люди добрые мягкие рухляди мимо саку никуда не продавали». Всего посадских жилецких людей, сказано в «Росписном списке», живет в годовой службе и в мелких всяких выездах в Енисейске и в Мангазее 43 человека⁴¹. Вероятно, это примечание следует понимать как указание на то, что Тобольск разрешал содержать в этих двух поселениях по 20—23 человека.

Из приведенных материалов «Росписного списка» явствует, что все перечисленные в нем оброчные люди относились к разряду административных служб. По-существу оброчники представляли низшую городскую администрацию, за исключением таможенных голов — представителей высшей администрации.

ЖИЛЕЦКИЕ ОБРОЧНЫЕ ЛЮДИ-ГОДОВАЛЬЩИКИ

Однако оброчниками считались и те горожане, которые участвовали в промыслах, причем их численность намного превосходила численность представителей низшей администрации. Для них даже существовал особый термин — «годовальщики», или «жилцы-годовальщики»⁴², или «жилцы-поставщики», как они названы в таможенной описи Мангазеи от 1630 г.⁴³ Годовальщиками все эти люди назывались не потому, что жили в Мангазее и Туруханском зимовье в течение одного года или одного сезона, а потому, что получали от казны жалованье, т. е. были оброчниками. Заработок оброчников по мангазейским окладам превосходил заработок представителей низшей администрации города. Жилцы-годовальщики зарабатывали на охоте и рыбной ловле значительные суммы. Особенно прибыльна была заготовка юколы, столь необходимой для промышленников, которые вели соболиный промысел «на собачьей ноге».

В Мангазее содержались сотни собак, и, чтобы прокормить их, требовалось много «рыбьей кости» — юколы. В 1630 г. во время артиллерийской и оружейной дуэли на мангазейском посаде в течение нескольких дней было убито «200 соболинных собак». В 1633 г. оброчники-рыбаки привезли и передали таможе значительное количество юколы, получив каждый значительные суммы. Так, Василию Иевлеву Кайгородцу за 14 беремей «рыбьей кости» таможня дала 11 руб. 26 алтын, Андрею Сергееву за 20 беремей — 25 руб., Якуньке Мезенцу за 10 беремей — 16 руб.⁴⁴ Это значительные по тому времени суммы, если учесть, что за годовую службу стрельцу полагалось 6 руб. 30 коп., а целовальник получал жалованье в размере 7—8 руб.

С годовальщиков брался сравнительно низкий налог — по 8 алтын 2 деньги в год с человека. Так, в 1636 г. таможенные головы Петр Брагин и Иван Кокорин с 47 оброчников собрали налог по 8 алтын 2 деньги с каждого⁴⁵. В апреле 1637 г. те же головы «збирали пошлину с жилцов годовальщиков по 8 алтын 2 деньги с человека», всего с 89 человек⁴⁶. В декабре того же года налог собирался с 70 человек, в ноябре — с 58⁴⁷. В мае таможенники собирали налоги с 97 человек⁴⁸.

Из приведенных цифр видно, что в Мангазее и на Турухане, кроме 20—21 таможенного чиновника, оговоренных в «Росписном списке» 1634 г., имелось еще от 58 до 97 оброчных людей. Заметим, что эта цифра совпадает с той, которая названа в 1633 г.

Подтвердилось и предположение о том, что оброчниками являлись жилцы, по несколько десятков лет находившиеся в Мангазее и Туруханском зимовье. Это удалось выяснить при сопоставлении и анализе списка годовальщиков за ряд лет. Бывало, что в промыслах участвовали целые семьи жилцов-годовальщиков. Например, семья Андреевых участвовала в промыслах 1634—1635 гг.⁴⁹ Заметна сезонная сменяемость промысловиков: одни годовальщики ходили на осенний промысел, другие — на весенний, третьи — на летний, а потом менялись местами. Так, в 1631—1634 гг. в трех промысловых сезонах рыбной ловли попеременно участвовали Третьяк Трофимов, Михаил Минеев, Мелентий Филиппов Саламат, Федот Кычков.

Таким образом, подтверждается, что годовальщики —

²⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 84, л. 172—174 об. Это Анисим Кичков, Савва Яковлев, Селиванко Тимофеев, Иван Тимофеев Кузиков, Якунька Кузиков, Петрушка Федоров, Ласка Харитонов, Гришка Аверкиев Хлябин, Нечко Кузин Ратилов, Гришка Володимиров, Иван Исаев Казанец, Алексей Антонов, Иван Никитин, Данила Данилов Сильного, Степан Никифоров, Лучка Еремеев, Васка Савин Аргунов, Иван Насекин, Степан Романов Подшивало, Никитка Петров, Карпунька, Тимофеев, Самыска Игнатьев.

³⁰ Там же, стб. 13—16, л. 89. Новые имена следующие: Андришка Иванов Холмогорец, Иванка Петров, Савка Анцыферов, Максимка Афанасьев, Кузнец Вожанин, Гришка Матибор, Петрушка Петров Вычугжанин, Боженко Григорьев, Микифорка Неверов, Мандрача Минин, Иван Анисимов Бахмата, Якунька Юрьев Важенин, Михалка Исаков Устылыимец, Пидорко Харитонов, Полко Леонтьев, Федька Кузиков, Лучка Костянтинов Хромой, Матюшко Иванов Казанец, Федька Павлов, Митька Степанов (20 человек).

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 650, л. 8.

³² Тюмень XVII века. М., 1903, с. 17—32.

³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 4 (2), л. 453.

³⁴ Там же, кн. 306, л. 2 об. — 5.

³⁵ Белов М. И., Подвиг Семена Дежнева. М., 1973, с. 47.

³⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 134, л. 461.

³⁷ Там же, стб. 218, л. 46.

³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стб. 218, л. 46—47.

³⁹ Там же, кн. 45, л. 410 об.—526 об.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 656 (ч. 1), л. 252—258.

⁴¹ Там же, л. 254.

⁴² ЦГАДА, ф. 214, кн. 297, л. 2.

⁴³ Там же, кн. 26, л. 479 об.—484.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 45 л. 510—514 об.

⁴⁵ Там же, кн. 84, л. 111—112.

⁴⁶ Там же, кн. 34, л. 158—160.

⁴⁷ Там же, л. 161.

⁴⁸ Там же, л. 175—184.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 45, л. 3—13, 29.

это большая категория постоянного населения «непашенного» города. Они составляли основную массу городского населения, наряду с посадскими. Изучение документов об оброчных людях Мангазеи вполне разъяснило, почему на ее посаде было обнаружено более 50 жилищ ремесленного характера. Это были дома оброчных людей — кузнецов, ведерников, иконников, банщиков, денщиков, а также промысловиков-годовальщиков. Среди этих построек кое-где, главным образом на окраине посада, были разбросаны дома посадских людей.

ОБРОЧНЫЕ ЛЮДИ-ОТКУПЩИКИ

Остается под вопросом еще одна группа более или менее постоянных жителей Мангазеи — это откупщики. Формирование этой группы важно проследить потому, что впоследствии из нее вышли купцы-предприниматели. Эта тенденция вообще характерна для XVII в. — «нового периода русской истории», характеризующегося «концентрацией небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, — подчеркивал В. И. Ленин, — то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁵⁰. Не совсем ясным остается вопрос о том, были ли откупщики оброчниками, т. е. входили ли в состав лиц, плативших годовой оброк.

Система откупов была завезена в Мангазею из России и быстро приспособлена к местным условиям. Далеко неполный список откупов удалось выявить при анализе «Расчетных списков» Мангазеи, в которых содержались итоги таможенных сборов. К сожалению, «Расчетных списков» сохранилось очень мало. Поэтому число и характер откупов можно установить только за небольшой ряд лет. Большие все же сохранились для начального периода (1625—1629 гг.), а также для последнего (1663—1670 гг.).

Наиболее ходовыми являлись годовые откупы на две торговые городские бани. Размер выплаты за каждую составлял 50 руб. 20 алтын. В банях располагались «зерновые избы», где играли в зернь. С них сумма откупа составляла 300 руб. Там же находилось помещение, где происходили «закладные игры» (картежная игра). За это помещение откуп в год равнялся 643 руб.

На откуп брали и кабак, расположенный в центральной части посада (раскоп 18). Здесь имелось три откупа — «за медовое питье», «за пиво и брагу» и «за квасную и усляную продажу».

При храмах и лавках гостиного двора откупщики скупали «дорное бранье», т. е. выпечку и продажу больших просвир с тисненым крестом и продажу «благословенного хлеба». В большой цене находился откуп «за горячее вино». За год казна брала за него 818 руб. 50 коп.

В различных концах города располагались конторы по ведению судебных дел. Они также находились в руках откупщиков. Передавались на откуп и рыбные промыслы, за исключением тех, которыми руководила таможня. Известен откуп промыслов на ловлю язми, мережами, а также зимний лов сетями и пушальницами⁵¹.

Есть основания считать, что на откуп было передано и плавильное дело, причем назывались возможные кандидатуры откупщиков и среди них — Третьяк Обросимов, владелец большого литейного двора, руины которого были найдены на раскопках 8, 9 и 10. Вообще имя Третьяка

Обросимова нередко встречается в мангазейских документах. В одном из них говорится о купчей на его дом⁵².

В результате изучения большого количества материалов об откупах, разбросанных по различным столбцам и книгам Сибирского приказа, создается впечатление, что в Мангазее под покровительством казны многое оказалось в руках откупщиков. Само по себе откупное дело было выгодно и для откупщиков. Воеводская и приказная администрация всячески поощряли их деятельность. Из среды откупщиков в будущем вырастет новая социальная категория купцов-предпринимателей.

Примером может служить деятельность государственного откупщика подьячего и кабатчика Никифора Чаплина. В Мангазее он появился в 1621 г., совершив путешествие из Тобольска по Оби, Обской и Тазовской губам на кочках. Он привез с собой на продажу 294 ведра с полуведром вина и 169 пудов пресного меда⁵³. В два последующих года к нему были направлены на 13 кочках хмель и вино, но при кораблекрушении «на Поворотной реке» и на «Поливных кошках» некоторые его товары погибли. Воеводы Иван Федорович Танеев и Дмитрий Семенович Погожий оказывали Чаплину всевозможную помощь. Так, по их распоряжению, под кабак был передан дом из четырех комнат. Вскоре Чаплину показалось, что «з государевыми кабацкими запасы ему, Никите, со служилыми людьми (в доме жили стрельцы до передачи его под кабака. — М. Б.) жить и петухам государева питье за теснотою не мочно». Поэтому он решил прикупить еще одно помещение, которое, уезжая, оставил мангазейскому жильцу, зерновому откупщику Федору Веретному. Имя этого Веретного — точнее Федора Григорьевя Веретного Кайгородца — нередко встречается в документах 1630—1633 гг., т. е. спустя 10 лет после отъезда Никифора Чаплина. Числился он среди оброчных людей. В Мангазее Чаплин широко развернул торговлю вином и медом. У него трудились ярышки-батраки, помогавшие ему. Не скупился он и на покупки. На свои деньги приобрел два новых медных котла, «чтоб воду грети для медвяных ставок», как сказано в документе, писчую бумагу, восковые свечи, бочки и япончины (тип накидного брезента). Чаплин совершенно свободно нанял для поездки в Турухановское зимовье, где намеревался продать мед, двух рабочих людей, заплатив им оговоренную сумму денег. Приобретены были для похода нарты и лыжи. В Тобольск Чаплин вернулся богачем. Он привез 1530 руб., тогда как стоимость товаров, отпущенных ему казной, едва превышала 900 руб.

В целом состав постоянного населения «непашенного» города Мангазеи оказался многоликим, а по характеру своей деятельности и социальной принадлежности более дифференцированным, чем рисуют его официальные документы.

Удалось расчленил застывшие категории служилых и жилецких людей. В категорию жилецких людей входили не только посадские, но и оброчные — жилецкие оброчные люди, жилецкие оброчные люди-годовальщики, жилецкие оброчные люди-откупщики.

Анализ документов податного и окладного характера позволил представить каждую социальную группу в процентном и абсолютном цифровом выражениях, а затем произвести подсчет общей численности населения Мангазеи.

Так, в последние годы существования города на основе списка переселенцев общая численность жителей Мангазеи

составляла 446 человек. Эту цифру можно считать минимальной, так как она относится к характеристике городского населения периода упадка города, когда многие жители уже вынуждены были переселиться в другие районы Сибири, в особенности в Якутский острог. Значительная часть «из-за беспромыслицы» возвратилась в центральные районы страны.

В формировании населения Мангазеи большую роль играл наплыв торговых, промышленных и гулящих людей, из которых сложилось постоянное население города. Так, в 1628—1629 гг. через Мангазею прошло и было зарегистрировано таможней 1524 человека⁵⁴, в 1630 г. 926 человек⁵⁵, а через Енисейский волок прошло 1105 человек⁵⁶. В 1634 г. всего в Мангазее побывало 982 человека⁵⁷. Разумеется, таможенные подсчеты прибывавших в Мангазею и Туруханск торговых и промышленных людей довольно относительны. На самом деле их было значительно больше. Дело в том, что таможенники регистрировали только уплативших пошлину, и, конечно, сюда не входили работные и

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 54—330.

⁵⁵ Там же, кн. 75, л. 190.

⁵⁶ Там же, л. 193.

⁵⁷ Там же, л. 217 об.

гулящие люди, численность которых совершенно не поддается учету.

Документально установлено, что, кроме 50 тазовских стрельцов и 17 ружников, в годы расцвета города на его посаде проживало 118—119 жилецких людей-оброчников, 30—32 жилецких посадских человека, 20—30 работных людей, занятых обслуживанием плавильных печей. В целом население посада составляло 248 человек мужского пола или 650 человек вместе с женщинами и детьми.

В Кремле в те годы проживало от 20 до 30 холопов и челяди, обслуживавших воеводский двор, т. е. 65—98 человек. Следовательно, во всей Мангазее постоянное население составляло солидную цифру — 715—748 человек.

Отсюда следует и другой вывод: Мангазея периода расцвета по численности своего постоянного населения не уступала главным сибирским городам, а некоторые и превосходила. Вот почему, оказавшись на некоторое время в центре продвижения крестьянских масс за Северный Урал, она смогла сыграть значительную роль в заселении и освоении Севера, в географических открытиях прибрежной полосы Северного Ледовитого океана, в том числе и Таймырского полуострова, а также в распространении своеобразной северной культуры Руси, в создании которой приняло участие и аборигенное население, вовлеченное в общий прогресс освоения.

Глава 2

РУССКОЕ СИБИРСКОЕ ЖИЛИЩЕ XVII в.

Жилище — важнейшая сторона культуры русского населения Сибири XVII в. Изучение истоков сибирского домостроительства, его генезиса, имеет принципиальное значение в исследовании истории культуры позднесредневековой Руси. Поэтому не случайно история древнерусского жилища в Сибири рассматривается в литературе как большая и важная историко-культурная проблема, которой посвящено немало работ. До недавнего времени основным источником для исследования русского жилища эпохи освоения сибирских земель служили преимущественно этнографические данные, ретроспективное изучение которых позволило выявить северорусские корни происхождения сибирского жилища эпохи первоначального освоения зауральских земель русским населением¹. Привлечение письменных документов конца XVII — начала XVIII в. значительно расширило источниковедческую базу вопроса, открыло новый пласт ценнейших памятников, обогащающих наше представление о величине и составе дворовых построек у различных социальных групп посадского населения, а также об отдельных архитектурно-строительных приемах². Наряду с этим необходимо отметить, что успех регионального исследования сибирского жилища находится в прямом отношении со степенью изученности русского и, в первую очередь, северорусского (крестьянского и посадского) домостроительства. До сих пор продолжают оставаться неразрешенными следующие вопросы: время сложения «двора» как комплекса связанных между собой построек; характер «связи» этих построек и время появления двух-, трех- и многочастных жилищ, конструктивные приемы сооружения жилища XVI—XVII вв. Отсутствие натурального материала XVII в. значительно затрудняло решение всего комплекса вопросов, связанных с изучением сибирского жилища. В результате археологического исследования Мангазейского городища впервые появился материал, являющийся по существу новым источником, дающим возможность проследить весь комплекс архитектурно-строительных приемов, использованных сибирскими строителями в XVII в. Остатки жилищно-хозяйственных построек, обнаруженные на мангазейском поселении, дают ценный материал для выяснения планировки усадеб и отдельных построек, о площади, конструктивных особенностях, а в отдельных случаях и декоративных элементах и размерах этих сооружений. Кроме того, они позволяют выделить наиболее типичные для первоначального этапа освоения русскими сибирских земель жилищно-хозяйственные сооружения.

В настоящей главе основное внимание уделяется исследованию наименее изученных сторон сибирского домостро-

ительства: технических строительных приемов, планировочной структуры и принципов компоновки жилищно-хозяйственных комплексов. Здесь рассматривается весь архитектурно-археологический материал (более 100 построек), но, учитывая его неодинаковую сохранность, остатки жилых и хозяйственных построек разделены на три группы: а) дворовые комплексы построек, которые можно рассматривать как усадьбы; б) отдельные постройки, которые могут дать информацию о размерах, конструктивных деталях (к таким постройкам отнесены отдельно стоящие срубы, а также отдельно стоящие избы с пристройками в) фрагментарные строительные остатки, представляющие интерес для выяснения отдельных строительных деталей.

ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕК

В процессе археологических раскопок были открыты нижние части (на высоту 1—4 венцов) жилых, хозяйственных и производственных построек. Это дает возможность впервые на натурном материале судить о целом ряде важнейших элементов сибирских построек с начала XVII в. (рис. 1).

Фундаменты. Почти все открытые в Мангазее постройки были поставлены непосредственно на грунт, точнее на тот тонкий слой щепы, который образовался от обработки строительного материала на месте. Подкладки под основание сруба, встреченные очень редко, служили лишь средством нивелировки участка. Например, на воеводском дворе под сруб «В» была положена длинная продольная подкладка. Стремлением предохранить помещения от влаги и холода объясняется тот факт, что в Мангазее полы довольно высоко подняты — переводины пола врублены во второй-третий венец сруба.

Во время раскопок ни разу не было встречено использования при сооружении построек «стульев». Правда, при раскопках посада (раскоп 1) под углом одной плохо сохранившейся постройки был обнаружен пень, оставшийся после вырубki строителями стоявших здесь деревьев. Использование пня в качестве «стула» объясняется просто: здание ставилось в прибрежной полосе посада, имевшей небольшой уклон в сторону р. Таз, и пень был использован как средство для нивелировки площадки под здание. Своеобразным фундаментом являлись для новых построек строительные остатки нижних горизонтов. Широкое распространение такого приема в Мангазее объясняется, вероятно, не только скученностью застройки на территории поселения, но и явным стремлением использовать остатки прежних построек в качестве фундаментального основания. Вследствие этого постройки верхних горизонтов повторяют в той или иной мере первоначальную планировку.

Стены. При строительстве жилищ использовались стволы всех местных пород деревьев и такой материал,

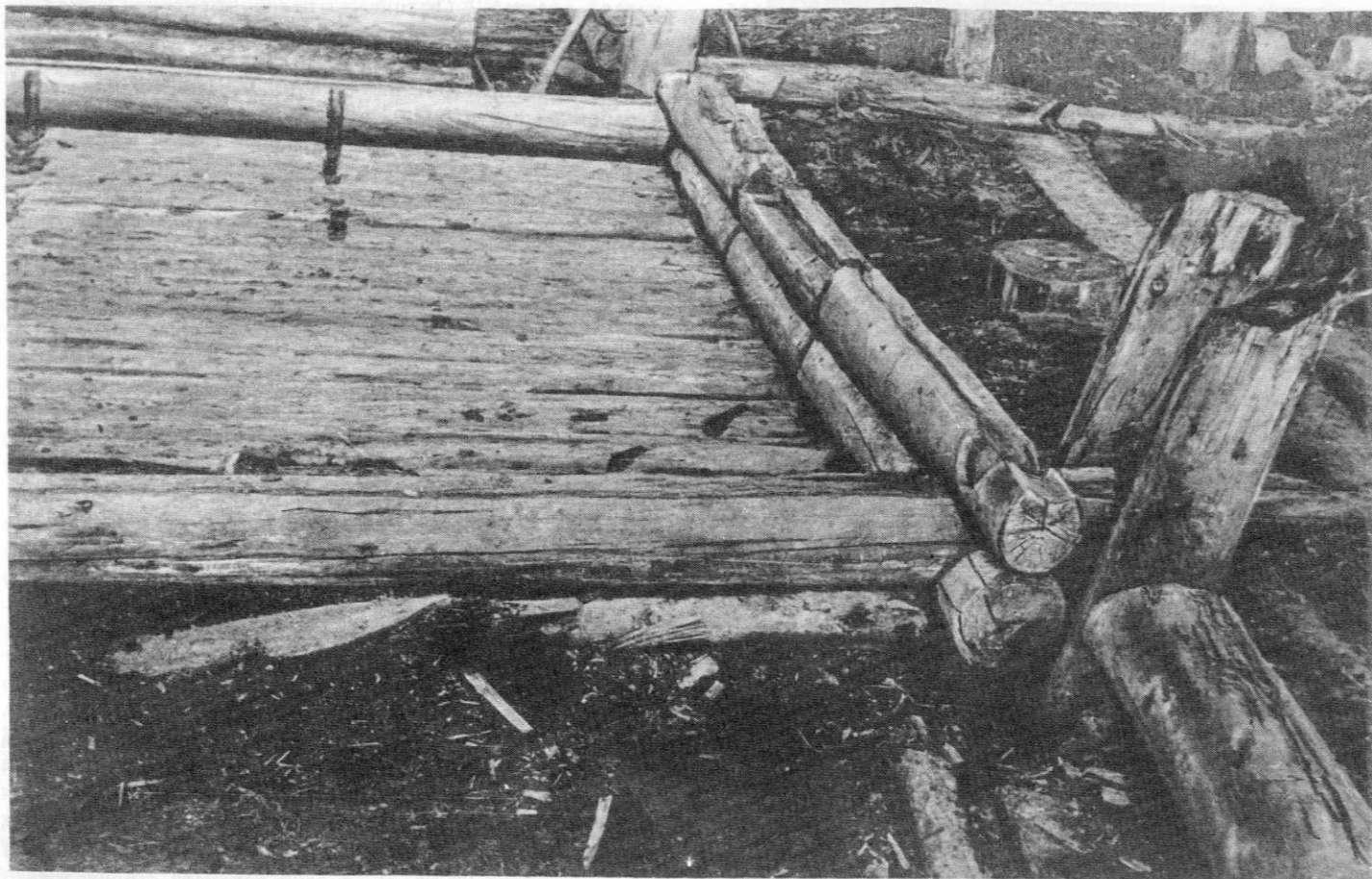

Рис. 1. Общий вид постройки на воеводском дворе

как судовые доски³. Неочищенные от коры стволы деревьев транспортировались на место строительства, где их очищали при помощи скобеля, а чаще — топора. На некоторых бревнах видны следы транспортировки — затесы на концах для обхвата веревками⁴. Деревья рублены исключительно топором, следов использования пилы не зафиксировано⁵.

Подавляющее большинство мангазейских построек имеет рубленые стены (толщина бревен 0,2—0,3 м). Срубы рублены в обло с остатком, паз и чаша расположены в нижнем бревне (рис. 2; табл. 1, 1—3). Любопытно, что И. В. Маковецкий при обследовании башен Братского острога установил: для одних башен плотники вынимали паз в нижней части бревна, а для других — в верхней. Он объясняет это различной квалификацией плотников, возводивших башни⁶. Вероятно, дело не в квалификации

мастеров. Например, все новгородские срубные постройки с X по XV в. имели паз и чашу в нижнем венце, и прием этот, по данным этнографии, доживает до довольно позднего времени (рубка с пазом в верхнем бревне появилась в церковных постройках в XVII в., а в крестьянских — в XVIII в.⁷ Объяснение долговечия такого приема состоит в том, что пазы между бревен конопатились мхом — мшились, и при пазе в верхней части бревна мох из пазов не вываливался. По размерам срубы в большинстве случаев близки к квадратам (3,8 × 3,8; 4 × 4; 4,5 × 4,5; 5 × 5; 6 × 6; 6,5 × 6,5; 7 × 7 м), причем постройки размерами 3,8 × 3,8 — 5 × 5 м преобладали.

Столбовая конструкция в Мангазее применялась при сооружении главным образом сеней. В столбы, достигавшие порой диаметра 0,3—0,35 м и имевшие вертикальные пазы шириной 6—7 см и глубиной 4—5 см, набивались бревна (табл. 2, 1, 2) с затесанными для пазов концами (так называемая набирка, или замет). Этот строительный прием, по данным раскопок в Новгороде, широко использовался в древнерусском домостроительстве при возведении сеней или хозяйственных построек с XII в.⁸ Письменные источники зафиксировали его широкое применение в XVI—XVII вв.⁹, а при сооружении большого дома-двора он использовался еще в начале XX в. Использование столбовой конструкции при сооружении сеней в Енисейске

³ В. А. Александров связал применение судовых древесины с нехваткой строительного материала (Александров В. А. Указ. соч., с. 138). Это не совсем точно, так как на стройку шел специфический материал — судовые доски. Их использование (как и других частей судов) для настила полов отмечено почти в каждой открытой постройке. Использование частей лодок и небольших судов в домостроительстве зафиксировано археологами в Старой Ладоге не только внутри построек, но и в вымостке улицы (Равдоникас В. И. Отчет о раскопках в Старой Ладоге в 1950 г. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1950, № 14, л. 5, табл. 6).

⁴ П. И. Засурицев высказал предположение, что такие бревна применялись для вязки плотов (Засурицев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 123, с. 19).

⁵ В литературе неоднократно высказывалась мысль, что рубленые углы (так же как и колотые доски) меньше подвержены гниению и прочнее.

⁶ Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.). — В кн.: Быт, искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971, ч. 1, с. 111.

⁷ Засурицев П. И. Указ. соч., с. 19. Прием рубки срубной постройки с выемкой пазы в верхней части бревна встречается и в сибирских жилищах середины XVIII в. (Маковецкий И. В. Указ. соч., с. 137, рис. 14).

⁸ Засурицев П. И. Указ. соч., с. 20.

⁹ Сооружения дворовых оград «заметом» в XVI в. описал И. Е. Забелин (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1895, ч. 1, с. 439—443). О широком использовании этого приема при сооружении северорусского жилища свидетельствуют письменные источники XVI—XVII вв.

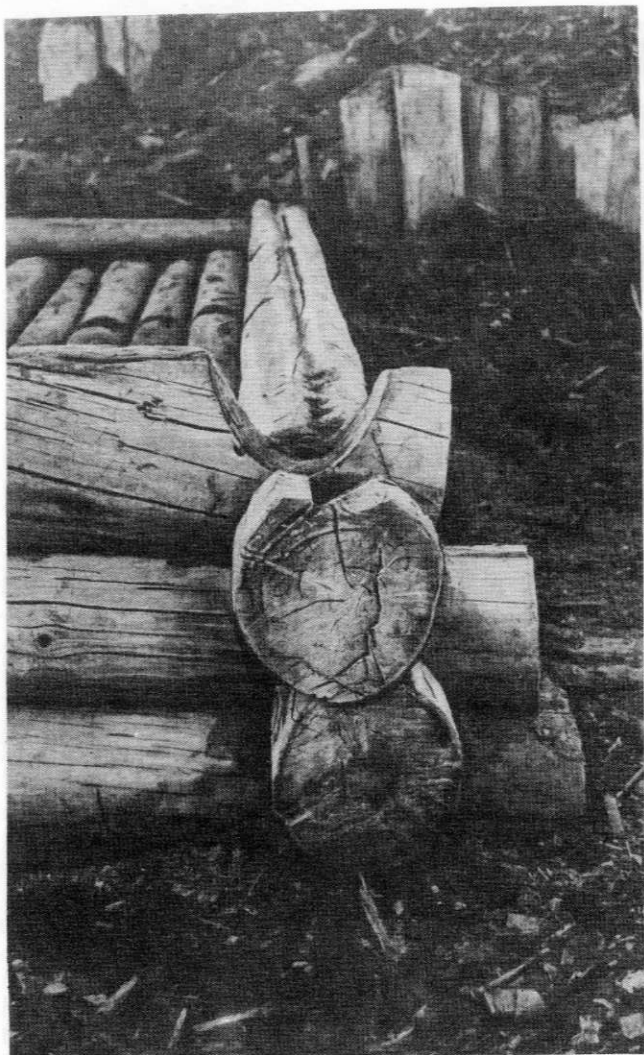

Рис. 2. Угол рубленой постройки на воеводском дворе

в конце XVII в. зафиксировано в письменных источниках¹⁰. Характерно, что термин «заплот», употреблявшийся на Русском Севере в XVI—XVII вв. для обозначения стены или ограды, построенной техникой замета, в настоящее время на Севере не встречается. В Сибири же он, по данным Е. Э. Бломквист, сохранился до XX в.¹¹

Однако горизонтальная «набирка» иногда выступает не в «чистом» виде. В ряде случаев (табл. 2, 2) при сооружении столбовых сени один из столбов мог не иметь паз: небольшую выемку имел, наоборот, один из торцов продольных бревен (другой конец бревна все-таки обязательно был забран в паз). Наряду с горизонтальной набиркой употреблялась и вертикальная: паз помещался в верхней части горизонтального лежащего бревна, в этот паз «набирались» вертикально стоящие бревна (табл. 2, 3). Наконец, при сооружении сени применялся и смешанный прием, когда горизонтальная «набирка» сочеталась с рубкой в обло (табл. 2, 4). Лишь единственный пример рубленых сени в трехчастной связи встречен в раскопе 14. Ю. П. Спегальский высказал оригинальное, не лишенное основания, предположение, что в древнем Новгороде наряду со столбовой конструкцией сени прием «набирки» широко применялся при сооружении различного рода пере-

ходов и галерей¹². Он считал, что сени каркасной конструкции были широко распространены в массовых жилищах деревни и посада в XVI—XVII вв., а рубленые сени получили распространение с конца XVII в.¹³ Однако сама столбовая конструкция сени не говорит о ее «легкости» или «экономичности» по сравнению с сеними рублеными. Нельзя забывать, что кровля столбовых сени, как и рубленых построек, лежала на бревнах, врубленных в самцы. Иметь самцовое завершение столбовые сени могли лишь при наличии обвязки верхней части столбовой конструкции¹⁴. Более того, археологические остатки таковы, что они не исключают следующее сочетание строительных приемов: подсенья—столбовая конструкция, второй этаж (собственно сени)—срубная. Учитывая, что сени в XVI—XVII вв. выполняли функцию связи не столько помещений трехчастного жилища нижнего этажа, сколько помещений верхнего этажа, а также служили для размещения чуланов, отхожих мест и т. п., такое предположение нельзя исключить.

Этому не противоречат многочисленные изображения облегченной (столбовой, «решетчатой») конструкции сени на планах и рисунках XVI—XVII вв. Дело в том, что «облегченный» — это парадный фасад сени, а «задний» фасад мог быть и срубным. Это хорошо видно, например, на изображении трехчастных построек на плане Тихвинского посада. Замена сени столбовой конструкции срубными сеними в массовых жилищах, как можно предполагать, не закончилась в XVII в., что объясняется возросшей ролью этих помещений в трех- или много-частной связи. Сени в мангазейских жилищно-хозяйственных комплексах имеют неодинаковые размеры. Например, сени воеводского комплекса нижнего горизонта имели площадь около 20 кв. м., а сени верхнего строительного горизонта — около 34 кв. м. Характерно при этом, что сени в воеводском комплексе как нижнего, так и верхнего горизонтов имели с одной из сторон своеобразные «заезды» — небольшая клеть в трехчастной связи этих построек оказывается как бы частично включенной в сени. Вероятнее всего, что это «отделение» сени являлось отхожим местом для тех, кто жил во втором этаже трех-частного дома связи. В плане сени представляют собой обычно вытянутое помещение вдоль длинной оси трехчастной связи, реже квадратное (размеры сени: 3,6 × 3,6; 3,7 × 5; 4 × 2; 4 × 2,5; 4,6 × 3; 4,9 × 4 м). Для сооружения стен срубных построек и сени использовались преимущественно целые бревна. Отмечен лишь один случай, когда в стене срубного жилища бревно состояло из двух частей, скрепленных в «замок». Только в сенях воеводского комплекса задняя стенка сени состояла из нескольких прясел, во всех остальных — только одно звено (одно прясло).

Вопрос о конструкции и более четком определении функции и трансформации сени в северорусском и сибирском домостроительстве XVI — начале XVII в. еще далек от окончательного решения. Ведь письменные документы этого времени нередко умалчивают о наличии связи между постройками, например между избой и клетью. Это дает повод некоторым исследователям считать такие сооружения отдельно стоящими постройками. Можно предположить, что связь все-таки была, но она не обязательно представляла собой отдельное помещение срубной или столбовой конструкции. Известны многочисленные северорусские постройки конца XIX — начала XX в. с такой

«неразвитой» конструкцией сени, когда выпуски бревен срубом образуют между постройками довольно узкое, освещенное одним высоким окном помещение (также двух-этажное, с дверью на первом этаже).

Обычно подсенья в мангазейских дворовых комплексах представляет собой единое помещение, не имевшее внутренних перегородок. Интересна внутренняя структура большого подсеня (33 кв. м) в верхнем горизонте воеводского комплекса (квадраты ГД4, 5). В юго-восточном углу подсеня было отгорожено помещение 2 × 2,5 м, две его стенки — часть стены подсеня и прилегавшего сруба, две другие выполнены в технике «набирки». Любопытно, что только эта часть подсеня имела вымостку из досок, уложенных прямо на землю. Судя по слою навоза, здесь держали скот.

Полы. То внимание, какое уделялось исследованию способа настилки полов, не случайно. Характер пола, расположение переводин (лаг) является своеобразным индикатором для определения характера жилища, места входа и печи¹⁵. Хорошо сохранившийся пол в мангазейских постройках встречается довольно редко. Сохранность переводин, особенно узлов их сочленения с венцами сруба, зависит от того, на сколько венцов сохранилась постройка. Если здание сохранилось на 1—2 венца, то судить о характере врубки лаг часто трудно. Однако наши наблюдения все же позволяют наметить несколько способов настилки полов в различных (жилых и хозяйственных) постройках. Полы в помещении подсеня, как правило, настланы по ходу, а половые доски — параллельно входу. Небольшие габариты подсеня позволяли обходиться без переводин, т. е. пол настился от стенки до стенки. Говорить о характере сочленения бревен стенок подсеня и концов половиц трудно.

Там, где пол сохранился довольно хорошо, можно представить следующую конструкцию: концы половиц были впущены между бревнами в стенках подсеня. Следов специальных пазов или подтесок на этих бревнах не обнаружено. Имеются подсенья (раскоп 18, нижний горизонт), где под половицами лежало несколько подкладок. Однако в большинстве случаев таких подкладок не было, так как уровень пола в этих помещениях соответствовал уровню пола в примыкающих к подсенью срубных постройках (на уровне третьего венца).

Отсутствие пола в подсеньях отмечено лишь на воеводском комплексе как нижнего, так и верхнего строительных горизонтов. Характер пола, наличие и расположение переводин в срубных постройках зависели от функционального назначения помещения и размещения в нем печи.

Представление о конструкции полов в помещениях для скота дают две хозяйственные постройки в нижнем строительном горизонте воеводского комплекса (рис. 3, 1, 6, в). Пол срубов вымощен тонкими бревнами («кругляк» диаметром 14—15 см), подтесанные концы которых забраны в пазы между первым и вторым венцами сруба. Направление пола — «по ходу» (в обоих помещениях находились дверные проемы) (рис. 4). В раскопе 8 был вскрыт сруб с толстым слоем навоза на полу (рис. 3, 5, а). Пол из досок был настлан «по ходу» и лежал на двух длинных продольных переводинах. Концы переводин врублены в стенку сруба. В этом же раскопе была вскрыта постройка с хорошо сохранившимся полом, настланном из длинных досок, уложенных на четырех переводинах, лежащих прямо на земле. Переводины в срубных постройках Мангазеи лежали на земле или были врублены во второй-третий венец сруба. Встречены два способа врубки переводин — глухая и сквозная (первый способ преобла-

дал). Замок врубки — простой, паз в виде ласточкина хвоста — не встречен ни разу.

Таким образом, характер пола и его конструктивные особенности дают возможность судить о функциональном назначении помещения, наличии в нем печи. Для хозяйственных помещений (хлебов, холодных подклеев) характерны лаги в виде сплошной вымостки из «кругляка» или досок, переводины нередко уложены прямо на землю. В нижнем этаже срубных построек, где были найдены остатки печей (подклети являлись теплым, жилым помещением), характер лаг был иным. Во-первых, доски вымостки как бы оконтуривали место печки и, во-вторых, конструкции переводин могла быть более сложной. Пол в теплых подклетах, как правило, настился «по ходу», переводины врубались во 2—3-й венец сруба и нередко соединялись поперечными врубками. Поскольку конструкция пола в этих помещениях тесно связана с печью, целесообразно рассмотреть остатки печей, обнаруженных в Мангазее.

Печи. Печи в мангазейских жилищах представлены аморфным развалом глинистой массы с булыжником. В тех случаях, когда остатки самих печей не сохранились, об их присутствии свидетельствовал характер вымостки пола, элементы опечка, место или остатки припечного столба. Можно выделить несколько конструктивных особенностей в сооружении печей. 1. Основание печи впущено в материк (или лежит на материке), печь на уровне переводин пола оконтурена опечком из мелкого кругляка, концы которого забраны в пазы вертикально врытого столба. 2. Основание печи лежит на вымостке из досок, над которыми проходят обычно две переводины. В тех случаях, когда не было обнаружено ни остатков печи, ни следов опечка, о месте ее расположения можно судить по переводинам: в той части постройки, где находилась печь, было, как правило, несколько переводин. Остатки печей найдены в северо-западном, юго-западном, юго-восточном, северном, западном углах построек, и имеется лишь один случай, когда печь располагалась в центре помещения (раскоп 21, нижний горизонт). Для того чтобы не допустить прогиба под печкой, строители не только клали в этом месте близко лежащие друг от друга переводины, но и соорудили под основанием печи небольшой сруб, связанный с переводинами¹⁶.

Расположение печи в подклетах, направление половиц дают возможность определить место входа в постройку (если сруб сохранился больше чем на один венец). В жилые подклети входили обычно из подсеня, печь в этих случаях находилась в одном из ближайших или противоположных входу углов постройки. В немногих случаях, когда в жилую подклеть входили со двора, печь чаще находилась в одном из дальних углов помещения. Такое расположение печи вполне целесообразно — жилое помещение меньше выступало, теплее было и на полатах, которые размещались над печью.

Входы. Остатки нижней части дверных проемов и дверных полотнищ обнаружены в помещениях первых этажей зданий — главным образом в подклетах. Конструкция дверных проемов довольно устойчива. Два выделенных нами типа отличаются деталями: 1) основание (порог) вырублено в толще окладного или 1—2-го бревен сруба (табл. 1, 3—6), 2) основание порога является вставкой во второй или третий венец сруба и скреплено с бревном сруба пазами (табл. 1, 8). Ширина дверных проемов 82—83 см. Два боковых стойка дверной колоды (ободверины)

¹⁰ Александров В. А. Указ. соч., с. 167.

¹¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ, новая серия, 1956, т. XXXI, с. 284.

¹² Спегальский Ю. П. Жилища Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 83.

¹³ Там же, с. 97.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Засурцев П. И. Указ. соч., с. 23—28.

¹⁶ В порядной 1680 г. на постройку теплой церкви в Устюжском уезде описана конструкция печи, помещенной в трапезной: под трапезой «срубить под печь ряжь до мосту» и «зделать опечек от стен дале, как бы человеку можно печи кругом ходить» (РИБ. СПб., 1890, т. XII, с. 523—526).

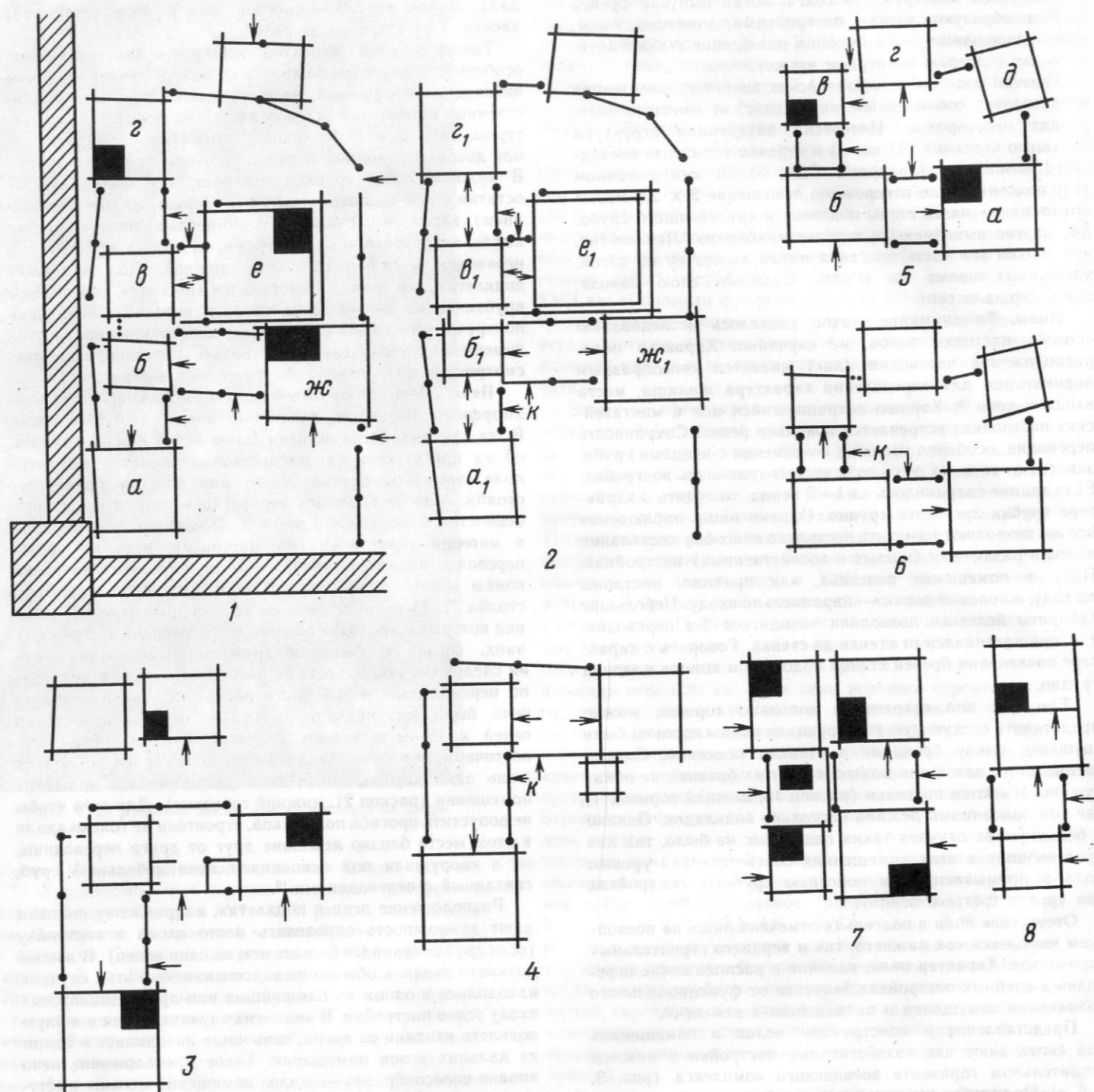

Рис. 3. Реконструкция положения входов в помещения жилищно-хозяйственных комплексов

1 — раскол 2 (нижний горизонт, связь по первому этажу); 2 — раскол 2 (нижний горизонт, связь по второму этажу); 3 — раскол 2 (верхний горизонт, связь по первому этажу); 4 — раскол 2 (верхний горизонт, связь по второму этажу); 5 — раскол 8 (средний горизонт, связь по первому этажу); 6 — раскол 8 (средний горизонт, связь по второму этажу); 7 — раскол 24 (нижний горизонт, связь по первому этажу); 8 — раскол 24 (нижний горизонт, связь по второму этажу)

вырубались из толстого четырехугольного бруса, у которого с тыльной стороны имелся паз для наборки венцов стены, с боковой стороны — паз для прилегания дверной косы (на толщину двери). В отличие от дверных проемов в древнерусских жилищах XI—XIII вв., когда ободверина представляла собой гребень, заходивший в паз, вынутый в торцах бревен¹⁷, в мангазейских жилищах шпунт вынут

¹⁷ Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 80, рис. 35.

в толщине ободверины (табл. 1, 6). Это дает возможность считать, что к XVII в. оформление дверного проема усложнилось. Появились и подушки: в первом типе дверного проема это подкладки под ободверины (табл. 1, 6, 7). Применялись ли такие подкладки при оформлении дверного проема, когда порог вырубался в бревне-вставке, сказать трудно. Существенно то, что ободверины не обработаны еще в косяк. Вряд ли был и верхник, т. е. верхние концы ободверин наглухо забирались в бревно сруба над дверным проемом. Оба конструктивных приема оформления дверных проемов на Русском Севере дожили в основных чертах до XIX в., правда, главным образом при сооружении хозяйственных построек¹⁸ (отличие их состоит в том,

¹⁸ О конструкциях дверных проемов в северных постройках см.: Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962, табл. 39, 1, 2.

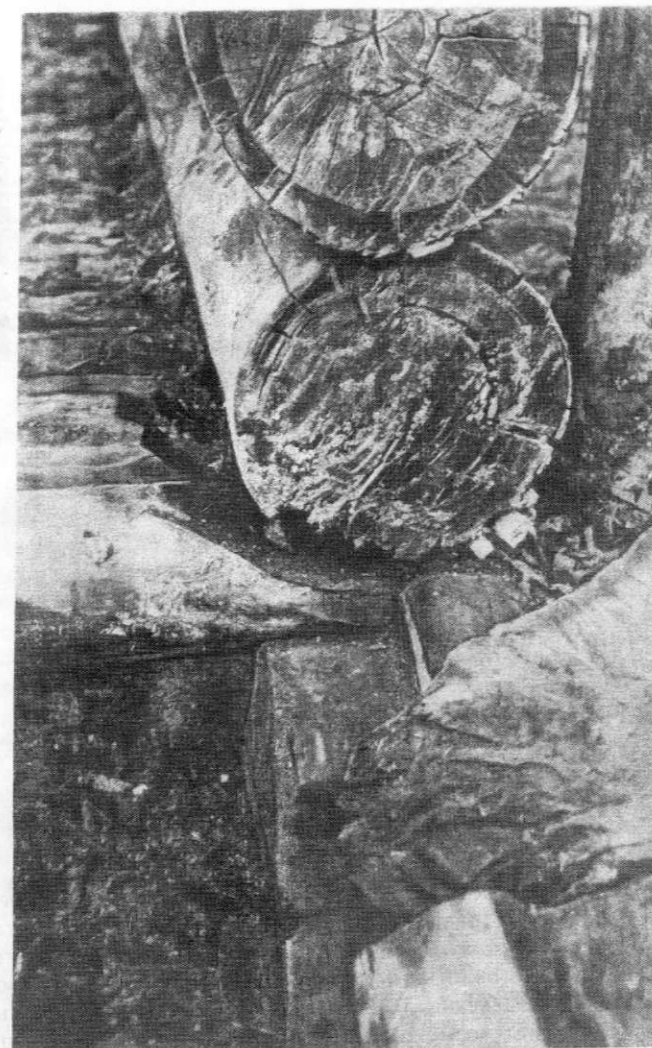

Рис. 4. Конструкция пола в хозяйственной постройке

что появился верхник, заделанный с ободверинами в косяк).

Двери в исследованных помещениях открывались внутрь постройки. Двери — однопольные, набранные из досок, скрепленных двумя брусками, которые загнаны в трапециевидные пазы почти на всю ширину двери (табл. 3, 1—4). Бруска расположены слегка под углом друг к другу, чтобы уменьшить осадку досок, из которых набрано дверное полотно. Высота дверных полотен 105—150 см, ширина 65—83 см (большинство найденных дверей не подходит к сохранившимся дверным проемам). Дверные полотна с одной стороны по краю (вверху и внизу) имеют выступы-пятки, которые входили в соответствующие углубления («чашки») основания порога и перекрывающей сверху дверной венец сруба. Для лучшего скольжения дверных пятков в «чашки» подкладывались деревянные дощечки или куски стенок глиняных горшков, которым придавалась круглая форма. В воеводском доме подобная конструкция крепления дверного проема характерна только для хозяйственных помещений — подклеей. Дверные полотна могли навешиваться, о чем свидетельствуют находки массивных железных пят и накладок-шеломчатых гвоздей (рис. 5). Такой способ применялся главным образом в жилых помещениях богатых домов: подобный «дверной снаряд» был найден при расчистке подсыеня раннего воеводского дома, куда он попал во время пожара хором второго, жилого дома. Обычно рядом

с дверным проемом (в 0,1—0,2 м от ободверины) в венцах сруба выбивался паз шириной 0,1—0,15 м и глубиной 0,1 м, в который забивался деревянный брус. О назначении его определенно судить трудно, но, возможно, он служил для навешивания дверного запора.

Удивляет отсутствие среди находок больших навесных железных замков, которые обычно в массовом количестве встречаются при раскопках средневековых поселений. Очевидно, мангазейцы пользовались деревянными запорами. По некоторым находкам можно судить об их конструкции. Запоры представляли собой деревянные планки, достаточно массивные, чтобы в них свободно ходил деревянный засов сечением 2×3 см или $3,3 \times 2,5$ см (табл. 4, 6, 7). К полотнищу двери они крепились в одном случае при помощи деревянных нагелей, проходивших сквозь всю толщу замочной планки и двери (своеобразная деревянная заклепка), а в другом — при помощи свитого в жгут корневища (планка имела по четыре отверстия с каждой стороны). Запирание двери осуществлялось при помощи четырехугольного бруска, один конец которого проходил под планки, а другой находился в пазу, внутри стенки сруба.

Найден деревянный запор, имеющий более сложную конструкцию, — отпирание и запирание его осуществлялось при помощи ключа (табл. 4, 5). Запор представляет собой деревянную планку, внутри которой на разной глубине сделаны пазы. Внутри пазов ходили деревянные брусочки. Конструкция этого деревянного запора-замка имела и свои хитрости: чтобы открыть его, необходимо было знать расположение и глубину пазов. Запор служил не для внутреннего, а для внешнего запирания двери и навешивался на дверное полотно с наружной стороны при помощи двух деревянных нагелей. Следы прибытия деревянного запора обнаружены лишь на одном дверном полотнище (три отверстия, расположенные в виде равнобедренного треугольника). Несомненно, что различные деревянные запоры-замки в то время были широко распространены, а в некоторых районах они дожили до наших дней¹⁹.

Оконные проемы. В исследованных жилищно-хозяйственных комплексах высота, которую сохранили постройки, не позволила обнаружить следов оконных проемов (не были они обнаружены и среди развалов бревен, которые могли принадлежать верхним частям здания). От окон найдены лишь куски слюды (овальной и треугольной формы со следами скрепления железными полосками, а также шитья нитками) и деревянные части самих оконниц (табл. 5, 1—11; рис. 4). Оконничные планки имеют различные размеры, сохранились лишь четыре оконницы, дающие представление об их габаритах (табл. 5, 8—11). Найдено также одно сохранившееся волоковое окно и фрагмент такого окна (рис. 8, 4, 7). Для закрепления слюдяной оконницы по внутреннему периметру деревянной рамы шел сплошной очень узкий и глубокий паз. Концы оконничных планок соединялись в замок и дополнительно крепились деревянным нагелем. В виде отдельных фрагментов найдены детали ставень (табл. 3, 5, 6) и различных резных элементов дома (табл. 6, 8).

О верхних частях. От верхних частей зданий сохранились лишь незначительные фрагменты. При расчистке вымостки внутри воеводского двора были обнаружены фрагменты кровли — две теснины (ширина 30—32 см, длина 240 см) с фигурными концами. В вымостку территории двора они попали после перестройки какой-то части

¹⁹ Лебедев Р. Деревянные замки Чухломского уезда. — Тр. Костромского научного о-ва по изучению местного края, 1927, вып. XI, с. 138—139.

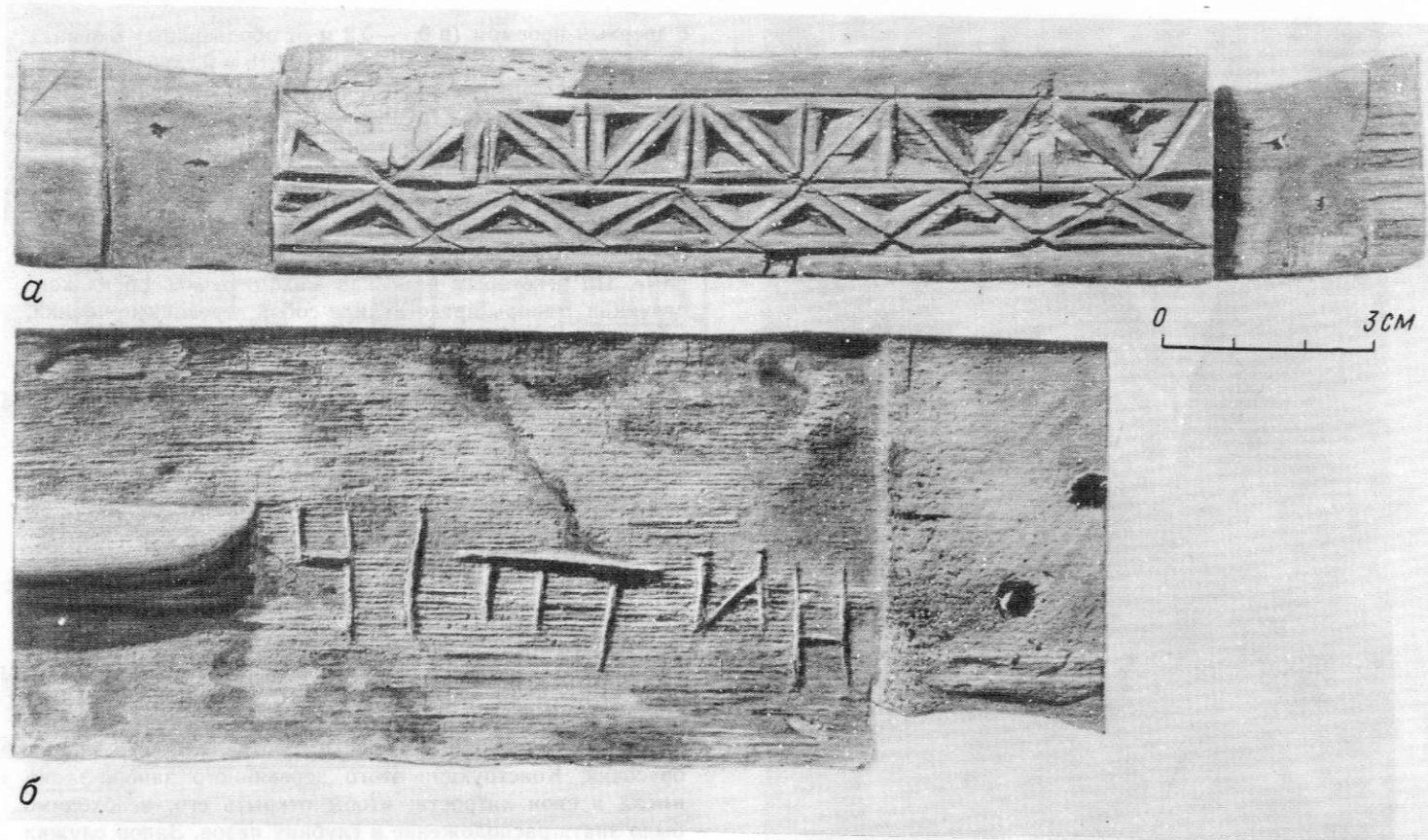

Рис. 5. Фрагмент орнаментированной оконницы (а) и надпись на ее обратной стороне (б)

воеводского комплекса. Еще одна теснина с фигурно оформленным концом была найдена в береговом раскопе на посаде. Эта недлинная (0,5 м) теснина использовалась, вероятно, для покрытия перехода или крыльца (табл. 8, 3). При исследовании воеводского двора был найден фрагмент желоба, некогда лежавшего на «курицах» по краям крыши в воеводских хоромах. Длина желоба около 2,5 м, диаметр 16 см, ширина паза 5 см. Несомненно, кровли построек были тесовые, с прокладками бересты. Принимая во внимание суровость климата, продолжительность зимнего времени нельзя исключить земляной насыпки на кровлях как средства утепления жилища. Об этом свидетельствует хотя бы найденный в Мангазее фрагмент «курицы».

ПЛАНИРОВКА МАНГАЗЕЙСКИХ ДВОРОВ. ЭТАЖНОСТЬ ПОСТРОЕК

Совершенно очевидно, что распространение в Мангазее с самого начала XVII в. трехчастного жилища позволяет рассматривать его как важнейшую часть дворовой застройки, как основу планировочной структуры двора в целом. Трехчастный дом, соединенный сенями с другими дворовыми постройками, составлял преобладающий компонент застройки мангазейского поселения — многочастное жилище. Этот вывод имеет принципиально важное значение для изучения истории позднесредневекового русского жилища в целом, так как до сих пор бытует представление о сравнительно позднем появлении и распространении трехчастных, а тем более многочастных жилищ²⁰. Доста-

точно рассмотреть лишь несколько признаков такой многочастной связи (рис. 3). Так, в нижнем и верхнем горизонтах воеводского комплекса трехчастное жилище является основой многочастного дворового комплекса, в котором жили мангазейские воеводы. Наличие остатков дверных проемов дает возможность реконструировать, как осуществлялась связь между этими постройками по первому и второму этажам (рис. 3, 1—4). В южную часть воеводского двора, в сруб а, можно было попасть только из подсеня, отсюда же, вероятно, и в клеть б. Вход в постройку ж (учитывая направления половиц и расположение печи в северо-западном углу) находился с юга. Связь на уровне второго этажа существовала через первые и вторые сени. Аналогично проходила связь и в северной части воеводского двора. Здесь обнаружены остатки лестничного марша, который вел на верхний рундук крыльца.

В многочастном воеводском жилище верхнего горизонта связь между постройками многочастного дома проходила приблизительно так же, как и в нижнем: вход в постройку находился в северной стене сруба и попадали в него из подсеня, вход в постройку в₁ — через подсеня и дверь в восточной стене сруба. Дверной проем у постройки г₁ находился, судя по расположению лаг и пола, в южной стене сруба. Во втором этаже многочастного дома связь осуществлялась через двое сеней, имевших общее крыльцо. Обнаружены остатки нижнего рундука этого крыльца. Рундук представлял собой вытянутый с севера на юг узкий сруб (может быть, его можно отнести не к срубам, а к конструкции типа ряжа). Нижний рундук крыльца находился у стенки сеней и постройки г₁. Это дает основание считать, что крыльцо было не «на отлете», а располагалось вдоль сеней. Конструкция крылец в воеводском комплексе, как, вероятно, вообще в Мангазее, представляется комбинированной: сочетание рубленых рундуков (которые обычно сохраняются хуже) и столбовых элементов.

Одним из довольно хорошо сохранившихся жилищно-хозяйственных комплексов является комплекс, исследован-

ный в раскопе 8 (рис. 3, 5, 6). Не касаясь истории сложения этого комплекса, отметим, что «средний» его горизонт (40-е годы XVII в.) относится к типу многочастного жилища, состоявшего из нескольких срубных построек и двух сеней. Связь между постройками по первому этажу проходила: в постройку а через сени (дверной проем в южной стене постройки, на наш взгляд, был проделан в позднейший период существования постройки — в XVIII в.), в постройку б через сени и в постройку в через проход в восточной стене здания (здесь сохранился дверной проем). Судя по направлению половиц в постройке г, вход в нее находился в южной стене.

Таким образом, есть все основания считать, что преобладающее большинство трехчастных построек, обнаруженных во время раскопок, относится к двухэтажным зданиям. Безусловно, в тех случаях, когда в нижнем этаже были обнаружены следы печи (т. е. подклеть была жилой), можно определенно говорить о двухэтажности постройки. Думается, что характер связи в нижних этажах мангазейских построек и остатки крылец свидетельствуют об этом. В условиях значительного притока временного, сезонного населения использование подклетей в качестве жилых помещений способствовало разрешению «жилищной» проблемы. Распространение двухэтажных построек кажется логичным и радикальным. Жилища воеводской администрации могли иметь и отдельные постройки в своих дворах в три «жилья»²¹.

О внутренней планировке помещений. Элементы внутренней планировки подклетей прослеживаются очень слабо, а в подсенях, даже больших, вообще не прослеживаются. Исключением являются данные, полученные во время исследования сруба б воеводского двора: на бревенчатом полу хозяйственного помещения найдены неглубокие пазы, которым соответствуют пазы на внутренних стенках сруба. Вероятнее всего, в этих пазах крепились нижние и боковые части легких перегородок, деливших помещение на несколько частей. Кроме перегородок в центральной части сруба, имелась также перегородка, отделявшая юго-восточный угол помещения. Следы существования перегородок легкого типа обнаружены и при исследовании сруба в (северная часть воеводского двора). На раскопе 24 был обнаружен трехчастный дом, северо-восточная часть которого, возможно, имела поперечную стенку (т. е. здание-пятистенку). Однако тут можно ошибиться и принять сквозную переводину пола за следы поперечной бревенчатой стены (рис. 3, 8). Организация внутреннего устройства жилых помещений обуславливается местом расположения печи. В зависимости от этого располагались полати, лавки, столы. При раскопках воеводского комплекса были найдены фрагменты, по которым можно представить габариты лавок. Эти лавки являются, так сказать, передвижной мебелью, но возможно и наличие лавок, скомпонованных со стеной жилища. Жилища освещались лучиной (найжены пучки заготовленных, а также частично обгоревших лучин). Наряду со свечками (табл. 7, 1—7) мангазейцы пользовались подсвечниками (деревянными, металлическими), характерными для того времени (табл. 7, 8—14), и шипцами к ним (табл. 7, 15—17).

Полы подметали вениками (найжены «голяки»). Зимой, чтобы не заносить на обувь и одежду снег, пользовались костяными пластинами (продольно распиленный рог оленя) для выколачивания снега.

О декоративных элементах жилища. Декоративные деревянные элементы, украшавшие фронтоны и интерьеры

построек, немногочисленны, но довольно выразительны. Характер декоративной обработки досок кровли, причелин, балясин, резных фрагментов припечных досок напоминает убранство северорусского дома.

Заканчивая краткий обзор археологических материалов о жилище, можно сделать ряд выводов, важных не только для домостроительства в Мангазее, но и для всего древнейшего этапа истории русского домостроительства в Сибири. По существу только теперь появилась возможность проследить пути развития русского жилища в Сибири с рубежа XVI—XVII вв. Это ликвидирует ранее существовавшую хронологическую лакуну почти в столетие.

Анализ графических изображений жилищ XVII в. позволяет выявить такую характерную для сибирского домостроительства черту, как широкое распространение трехчастных построек²². Однако широкое распространение этого явления исследователи обычно относили ко второй половине — концу XVII в.²³ Мангазейские материалы позволяют сделать существенное уточнение: начиная с начального этапа формирования мангазейского поселения, а затем и на всем протяжении его истории ведущими в застройке кремля и посада были трех- или многочастные жилищно-хозяйственные комплексы, имевшие, как правило, два этажа, а иногда и больше. На основании изучения архивных данных конца XVII — начала XVIII в. В. А. Александров пришел к выводу, что замена в доме-связи клетки вторым теплым помещением (горницей), а также превращение холодной подклети в жилое помещение, которое в Сибири «в конце XVII в. только намечается», — чисто сибирские черты домостроительства²⁴. Наблюдения сами по себе чрезвычайно важны и интересны. Существенно и то, что в Енисейске, архивные документы которого и положены в основу исследования В. А. Александрова, во второй половине XVII в. работали поморские плотники: «плотничали хоромы и всякое дело». Заселение сибирских земель выходцами из северорусских районов шло на протяжении всего XVII в., и вполне естественно, что население, пришедшее в Сибирь, на протяжении по крайней мере столетия привнесло в сибирское домостроительство не только традиции XVI в., но и те новые черты, которые появились в северном домостроительстве. Однако само понятие «северорусское жилище» не однозначно: оно включает и крестьянскую и посадскую дворовые застройки. Не будет ошибкой признать, что вся литература о «северорусском жилище» посвящена преимущественно истории крестьянской усадьбы, а сведения о посадских постройках немногочисленны, случайно подобраны.

Остановимся кратко на основных компонентах северорусского крестьянского и посадского двора XVI—XVII вв. и взаимоотношениях этих компонентов. На основании изучения рисунков из альбома Мейерберга Г. Г. Громов пришел к двум выводам: типы дворов и изб, известные в XIX в., сформировались не ранее конца XVII в., до этого времени «постройки еще не были собраны в единый комплекс, а ставились раздельно»²⁵. Вряд ли имеет смысл приводить мнения исследователей, которые согласились с этим выводом или не согласились. Дело в том, что вывод основан на недоразумении — рисунки из альбома Мейерберга дают возможность считать изображенные постройки именно замкнутыми дворовыми комплек-

²² Овсянников О. В. Указ. соч., с. 137.

²³ Маковецкий И. В. Деревянное зодчество... с. 137.

²⁴ Александров В. А. Указ. соч., с. 162.

²⁵ Громов Г. Г. Указ. соч., с. 171. На наш взгляд, последняя точка зрения Г. Г. Громова на древнерусское крестьянское жилище XVI в. не подкрепляется данными письменных источников. (См.: Громов Г. Г. Жилище. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века М., 1977, с. 182 и сл.).

сами. Наличие на рисунках ряда отдельно стоящих построек не противоречит этому, а письменные источники полностью подтверждают это. Говоря о важнейших особенностях крестьянских усадеб XVI в., А. А. Шенников объясняет их «открытым зимним содержанием скота и специфическим бытом больших семейных общин, а также соображениями военно-политического характера»²⁶. О широкой практике открытого зимнего содержания скота на Русском Севере в XVI—XVII вв. практически нет сведений (А. А. Шенников сам указывает на то, что часть клетей и сеников «иногда» стояла на хлевах). Вероятно, к выводу об открытом зимнем содержании скота в крестьянских дворах XVI в. исследователя подтолкнула прежде всего неясность терминов «сарай», «сенник», «сеница» и «стая» (для А. А. Шенникова «сарай» — помост, навес, а «сеница» и «стая» — «сооружения не вполне ясного устройства и назначения; иногда тоже упоминаются документами»).²⁷

Относительно термина «сарай». В документах XVI—XVII вв. сарай упоминается при описании крестьянского двора постоянно. Описана и конструкция его, никак не напоминающая навес: это сооружение, поставленное на пяти—девяти столбах. Стороны, выходящие на «улицу», набирались между столбами способом «замета» («и в те сарайные столбы с улишную сторону ... заплот забрать»), так же оформлялись и стены со стороны двора («и с вонную сторону, заплот в сарайные столбы забрать») ²⁸. Покрытые сараи имели такое же, как и срубные постройки: «на столбы класть трои самцы», крыть драницами, «а жалобы и курицы ... и гнеты положить... и со втулки» ²⁹. На кровле сарая могли быть и водоспуски ³⁰. Сарай, как правило, был двухэтажной постройкой: в нем мостилась поветь («и повести намостить») ³¹. О размере повети и сарая говорит такой факт: в 1690 г. в доме пола в Устюжском уезде пировало 30 человек ³². Таким образом, вряд ли можно говорить об открытом зимнем содержании скота в крестьянских усадьбах (даже в тех немногих случаях, когда в описании двора не упомянут хлев или конюшня). Сараи на столбах выступают не как легкие навесы, а как фундаментальные двухэтажные постройки. Первый этаж (под сараем) — это помещение, оборудованное вертикально врытыми столбами, между которыми «заметом» («набиркой») забраны стены (под сараем могли находиться помещения для скота — в порядной 1646 г. дается наказ «на хлев сарай поставить на шти столбах») ³³. При этом хлев был, несомненно, рубленным помещением. Регламентация в письменных источниках устраивать кровлю на сараях на трех самцах свидетельствует о том, что крутизна их кровли была, как правило, меньше, чем на других дворовых постройках.

«Сенник», «сеницу» довольно отчетливо можно определить по письменным документам — это верхний этаж рубленой постройки (сеники на хлеве, на подклети, на подсеничье, на конюшне) ³⁴. Сеники покрывались «скалами», драницами, имели «курицы», желобы и гнеты

(наказывалось сеники крыть «без капи наплотно») ³⁵.

Письменные документы дают определенное представление и о взаимном расположении построек в крестьянском дворе. «Возле избы ставились сеники или горница» ³⁶, «против» избы ставились клеть или один-два сеника. Однако сеники, избы и клетки имели между собой «связь» в виде сарая («а от избы до сеника» поставить сарай) ³⁷. При наличии нескольких сеников и сараев крестьянский двор представлял собой многочастный, «жестко» связанный между собой комплекс построек. Есть основание предполагать, что существовало несколько типов дворов. Когда связи-сараи в крестьянских дворах были небольшими — здесь можно предполагать двор некрытый. Однако в других дворах стояли большие «дворовые» сараи («сарай... на столбах во весь двор») ³⁸.

Таким образом, объяснять важнейшие особенности крестьянских усадеб с XVI в. целесообразнее «не открытым зимним содержанием скота» и даже не «военно-политическим фактором». Речь идет, вероятно, о других факторах, факторах социально-экономического характера при наличии домостроительной традиции предшествующего времени. Несомненно, особенности крестьянской усадьбы XVI, как и XVII в., связаны, как справедливо отмечал А. А. Шенников, с бытом большой крестьянской семьи-общины. Однако вопрос о большой семейной общине не так прост. Например, ссылаясь на М. В. Витова, А. А. Шенников пишет, что в XVI—XVII вв. в Заонежье «крестьянские семьи представляли собой хотя и не очень многолюдные, но, в принципе, все же большие семейные общины» ³⁹. Между тем сам М. В. Витов говорит об этом очень осторожно ⁴⁰.

Любопытные данные о крестьянских семейных общинах в Подвинье в XVI в. приводит А. И. Копанев ⁴¹. Отмечая наличие в деревне семейных общин (отцовской и братской), он пишет, что в некоторых случаях они выступают значительным коллективом родственников. Но такие семьи неустойчивы, что объясняется особенностями населения в деревне, где не было майората, способствующего целостности крестьянского надела ⁴². В свое время Е. Э. Бломквист высказывала предположение, что вплоть до эпохи капитализма развитие русского жилища не пошло дальше двухкамерного с некоторым процентом трехкамерного ⁴³. Вероятно, сейчас уже следует отказаться не только от такого предположения, но и от самой терминологии одно-, двух-, трехкамерное жилище и ввести термин одно-, трех- и многочастное жилище, как сделал это в одной из последних работ И. В. Маковецкий ⁴⁴.

Крестьянское жилище, двор, таким образом, в XVI—XVII вв. является развитым многочастным жилищем-связью (наиболее сложная и развитая структура крестьян-

ского двора). Есть все основания не согласиться со следующими положениями, выдвинутыми в литературе о жилище в последнее время: 1) в XVI—XVII вв. «подавляющее большинство крестьянских жилищ... были однокамерными»; 2) крестьянский двор либо вовсе не ограждался, либо имел невысокую легкую изгородь; 3) в XVI—XVII вв. на крестьянский двор приходится в среднем в два раза меньше построек, чем на посадский; 4) «Планировка усадьбы в целом — в городе и в деревне остается по преимуществу свободной, с несомкнутыми, не связанными хозяйственными постройками» ⁴⁵.

Наряду с описанным нами комплексом на Русском Севере в XVI—XVII вв. встречаются крестьянские дворовые комплексы иного облика. Так, в Кемской волости по купчей 1578 г. двор состоял из избы, сеней, клетки, двух клеток, сеника на двух хлевах, сарая на девяти столбах и повари ⁴⁶. В Кемской области (1571 г.) на дворе стояло две избы с сенями, две клетки на подклетах, два сеника на хлевах ⁴⁷. Эти описания любопытны тем, что в качестве связи выступают не только сарай, но и сени. Можно отметить и тот факт, что около поселений городского типа (Архангельска, Холмогор), в небольших посадах по берегам Белого моря (Уне, Луде, Неноксе), а также в других промысловых районах побережья как бы имеются два типа двора — крестьянский и посадский. Так, по купчей 1541 г. на дворе стояли хоромы: «изба с шегнушею да клеть на подклети, сени на подсенье» ⁴⁸; по купчей 1553 г.: «горница на подклете, сени с подсенем, повалуша на подклети» ⁴⁹; в Варужской волости: «изба на взмостье с комнатою, сени на подсенье, клеть на подклети» (1581 г.) ⁵⁰. В деревне под Архангельском двор разделен на две половины (1601 г.), в одной половине: «горница большая с сенями и повалушка, да сеник и сарай», а в другой: «горенка малая с подклетом, клеть с перерубом на подклети, сеник с подсеником, сарай, овин, хлевек малый» ⁵¹. Встречаемость двух типов связи (сарай и сени) в деревенском жилище безусловно нуждается в более широком объяснении, чем влияние ближайших городских центров, тем более что примеров такой встречаемости много. Вопрос о влиянии, точнее о взаимовлиянии деревенского и посадского домостроительства не прост и в литературе еще слабо разработан. М. Г. Рабинович считает, что «... рядовые горожане, а позже за ними и крестьяне переходили к трехкамерному жилищу непосредственно от однокамерного, соединяя избы и клеть или две горницы сенями» ⁵². Дело в том, что при описании крестьянского и посадского жилища допускалась своеобразная дискриминация первого: изба—сени—клеть принимается без сомнения за трехчастное жилище (так как клеть могла использоваться и в качестве холодной спальни), а изба—сарай—сеник рассматривается как одночастное жилище (хотя сеник так же, как и клеть, мог использоваться в качестве холодной спальни, а сарай выполняет здесь функцию связи). Поэтому вряд ли развитие посадского жилища в XVI—XVII вв. шло по линии перехода от одночастных жилищ к трехчастным, причем посад якобы опережал деревню. Дело в том, что в Северном Поморье посадки как поселения городского типа выделялись сравнительно в позднее время и при формировании посадского жилища

несомненно был использован богатый опыт крестьянского домостроительства (а не наоборот). Что в первую очередь было использовано в посадском домостроительстве? Это прежде всего жесткая связь основных дворовых построек. Уменьшение (а не увеличение!) построек посадского двора при более рациональном использовании каждой постройки и каждого из этажей постройки диктовалось регламентом (территориальным, фискальным) посадского дворового участка. В посадском домостроительстве наиболее отчетливо прослеживается тенденция замены сараев в качестве связи сенями. Положение, что «сени» и «мост» понятия равнозначные ⁵³, можно принять лишь с оговоркой: любые сени можно назвать мостом, но не любой мост является сенями. В крестьянском дворе, где сараи были основной связью между постройками, существовали «мосты», которые являлись зачаточной формой сеней и служили для связи стоящих рядом зданий. Например, в челобитной половника (1690 г.) устюжскому архиепископу повествуется о нанесенных побоях, Большая группа гостей (30 человек в избе и 30 человек на повети сарая) отмечала праздник. Потерпевший пошел с повети на крыльцо, а из избы вышел один из гостей и стал избивать его. Это видел поп, которого он встретил на «мосту», когда тот переходил из избы в горницу ⁵⁴. Таким образом, в данном случае можно полагать, что «мост» служил «связью» и для двух жилых помещений (избы и горницы), стоявших рядом ⁵⁵. При изучении крестьянского двора (и посадского в какой-то мере тоже) необходимо иметь в виду, что при описании дворового комплекса часто упоминается наличие такой неразвитой формы сеней, не представлявшей отдельного помещения срубной или столбовой конструкции. В северорусских постройках конца XIX — начала XX в. кое-где сохранились сени такой «неразвитой» конструкции, когда выпуски бревен срубов образуют между постройками довольно узкое освещенное высоким окошком помещение (это помещение также было двухэтажным, и на первом этаже была дверь). Подобные случаи хорошо известны этнографам и исследователям русского жилища.

Понятие «северорусское жилище» не однозначно — оно включает в себя и крестьянские и посадские дворовые застройки. Не будет ошибкой признать, что вся литература о северорусском жилище посвящена преимущественно истории крестьянской усадьбы, а сведения о посадских постройках немногочисленны и случайны. Прав М. Г. Рабинович, поставивший вопрос в уже упоминавшейся нами работе о самостоятельном изучении посадского северного домостроительства, но не со всеми выводами исследователя можно согласиться. М. Г. Рабинович, приводя описание стрелецкого двора в Архангельске (1611 г.). («изба с нутром и кровлею, да против избы клеть с кровлею»), заключает: «Сюда, видимо, трехкамерное жилище еще не дошло» ⁵⁶. Мы уже приводили описание трехчастных жилищ XVI в. в Уне, Луде, Неноксе, которые расположены севернее Архангельска, и ясно, что трехчастная связь в этот район уже давно дошла ⁵⁷. Приведенный М. Г. Рабиновичем пример, кстати, едва ли не единственный у него

⁵³ Там же, с. 191.

⁵⁴ РИБ, т. XII, с. 1018.

⁵⁵ Например, во дворе в Устюжском уезде стояла «изба да клеть, промеж ними с сажень» (РИБ, т. XIV, с. 213).

⁵⁶ Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 133.

⁵⁷ Ричард Джемс, живший в Холмогорах в 1618—1619 гг., записал в своем словаре-дневнике целый ряд слов, связанных с характеристикой посадского жилища: тесница, окончина, изба, горница, чулан, сеник, подклеть, клеть, повалуша, полати, печь, чердак, оконые (ставни), скалы, драница (см.: Ларин Б. П. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 61—90).

по этому региону, к тому же не совсем удачен — стрельцы составляли специфическую мобильную группу населения посадов. Чтобы исключить элемент случайности, следовало бы брать сведения о дворах различных социальных категорий населения, жившего на посаде.

Приведем несколько документов XVI в. — начала XVII в. по Архангельскому и Холмогорскому посадкам. В 1584 г. архангельский воевода продал свой двор на посаде: горница с подклетью, сени с подсенем, повалуша с подклетью, у ворот изба с сенями, мыльня с сенцами, две клетки, ледник с напоребницею, мшанник, «а на нем клеть», поварни — «естовая» и пивоваренная⁵⁸. В 1545 г. на холмогорском посаде был продан двор: горница на подызбище, клеть на две подклети, сарай, хлев, мыльня⁵⁹, а в 1596 г. двор: горница на амбаре, клеть на подклети, сени на подсенях, два сарая на столбах, хлев, мыльня⁶⁰. Можно было продолжить перечень дворов архангельских, холмогорских и других северных городских центров, в которых основу составляет трехчастная связь (горница на подклети—сени на подсенях—клеть на подклети, сарай, клеть, баня — 1608 г., Холмогоры⁶¹; горница на подклети—сени с подсенем—клеть на подклети — 1603 г., Холмогоры⁶² и т. д.). Все это показывает, что трехчастная связь в Нижнее Подвинье к 1611 г. уже давно «дошла». Более того, уже в первой половине XVI в. в домостроительстве северных посадов широко практиковалась замена холодной клетки вторым теплым помещением, а также использование подклетей в качестве теплых, жилых помещений (горница, изба ставятся на подызбище, жилой подклети; клеть в связи «заменяется повалушей, горницей»). Приведенные материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XVI в. комплекс севернорусского посадского двора, основу которого составляла двухэтажная трехчастная связь, уже сложился.

Нельзя пройти мимо ценного замечания М. Г. Рабиновича о том, что «развитие локальных вариантов пошло более интенсивно позднее, в XVIII—XIX вв., когда стали сказываться различия природных условий на огромной, заселенной русскими территории»⁶³. Сейчас, когда отсутствуют детальные разработки по вопросу о локальных вариантах позднесредневекового северного жилища, это положение бесспорно и полностью соответствует известиям письменных источников. Более того, сложившийся тип севернорусского посадского многоэтажного жилища в конце XVI—XVII в. бесспорно проявился в своем первоначальном облике в застройке первых сибирских городов и явился начальным этапом в истории развития русского жилища в Сибири. В этой связи любопытно рассмотреть планы сибирских городов конца XVII в., составленные С. Ремезовым. Несмотря на известную фрагментарность и условность изображения, они являются интересным источником, мало использованы исследователями сибирского домостроительства. Воеводский двор в г. Епанчине⁶⁴ состоял из трех построек, обнесенный оградой (тип ограды — чередование фасадов зданий и прясел ограды уже описан нами, на данном рисунке прясла сделаны как в виде тына, так и в «замет» или приемом набирки). Большая постройка на переднем плане — трехчастное жилище — под одной крышей. Здание изображено с фасада, поэтому не указаны крыльцо-

вход, ведущее в сени, а также дверные проемы подклетей. Дом стоит на высокой подклети, показаны оконные проемы второго, жилого этажа. Здание имеет и третий этаж — чердак. Художник не показал фактуры различных частей постройки, поэтому трудно судить, был ли чердак рубленым или дощатым, по крайней мере возвышающаяся над нами дымница свидетельствует, что это — теплое помещение, с окнами. Слева от трехчастного здания, через прясло ограды, стоит небольшая постройка, вероятно также на подклети. От этой постройки тянется прясло ограды в виде тына до высокого здания, над которым возвышается дымница. Здание это несомненно меньше трехчастной постройки, но художнику очень хотелось подчеркнуть его башнеобразность. Вероятнее всего, здание — повалуша. Парадность помещений верхнего этажа выражена немасштабно большими оконными проемами. Необходимо отметить существенную деталь, которая хорошо читается на фасаде постройки между чердаком и верхней частью повалуши — здесь проходит линия, параллельная крыше. Несомненно, это изображение полицы, что свидетельствует о довольно значительной крутизне кровли.

В Пельмском городе⁶⁵ из воеводских построек изображено большое трехчастное здание и небольшая постройка с дымницей. Здание имеет высокие подклети, в левой из них — два дверных проема, правая показана глухой. Здание изображено со стороны двора, поэтому показан и основной вход в постройку — крыльцо у сеней (вероятно, довольно крутое, с развитым рундуком, около крыльца — вымостка). Левая часть здания выше других — она имеет три этажа. У третьего этажа хорошо видна галерея-гульбище. Все верхние этажи имеют дымники — помещения отапливались по-белому.

Комплекс воеводского двора, состоящий из трех построек, изображен и на плане Илимского острога⁶⁶. Четкими линиями показано членение большого здания: оно состоит из трех частей и имеет два этажа. Кровля не сплошная, а трехчастная, оконные проемы второго этажа большие. Слева от постройки стоит башнеобразное здание — повалуша. Повалы и полицы хорошо видны в верхних частях повалуш, входящих в комплекс построек воеводских усадеб на планах Енисейска и Якутска⁶⁷.

Оценивая графические изображения воеводских хором на планах сибирских городов, необходимо учитывать специфику этих изображений: художник, несомненно, отказывался от фиксации второстепенных построек, стремясь выделить трехчастное жилище и повалушу как характерные и наиболее важные элементы воеводского двора. Можно сказать, что этот набор построек — своеобразный графический эталон для обозначения воеводского двора на ремезовских планах. Даже отдельные письменные известия о воеводских дворах в Сибири в XVII в. в общем подтверждают этот вывод. В 1628 г. Красноярский воеводский двор состоял из повалуши на подклети, горницы на подклети, сеней с подсенем между ними и отдельно стоящей бани⁶⁸. Воеводский двор в Красноярском остроге, поставленный в 1635—1636 гг., уже представлял собой большой жилищно-хозяйственный комплекс: в него входили две горницы с сенями и переходами, «передними» и «задними» крыльцами, с нарядным чердаком. («вышкой»), многочисленные службы (людская изба, ледник, баня с предбаньем, отдельно стоящая изба)⁶⁹. Воеводский

двор, поставленный в 1640 г. в Кузнецком остроге, состоял из избы на подклети, горницы и клетки⁷⁰. В 90-е годы XVII в. выстроенный в Енисейске воеводский двор представлял собой большой комплекс построек, в трехчастном доме подклети были жилые, имелся третий этаж («вышка»), стоявшая рядом повалуша была «о четырех житях» (на двухэтажной повалуше стоял чердак) о двух житях с перилами, верхнее житие шатром, круглой, писано красками»⁷¹.

Вполне естественно, что в конце XVII — начале XVIII в. в сибирских городах комплекс построек воеводских дворов значительно расширился, усложнилась и его планировка. Об этом свидетельствует описание воеводских хором в Илимском остроге: «На дворе хоромного строения 2 горницы на подклетах, на одной горнице чердак. Промеж горниц теплые сенцы, да у тех горниц передние и задние сени с крыльцами, а у задних сеней переход в передние сени. От задних сеней переход в мыльню, мыльня стоит к косоголовой башне на ряжу. Подле передних сеней клеть, подле той клетки, идучи из передних сеней, на правой стороне, столовая, горница с сенями. Подле столовой, идучи к ворот, амбарец, да у ворот конюшня в стае. Ворота створные, от ворот ледник, подле него мшанник, подле мшанника амбарец. От калитки к Богоявленской башне изба поваренная новая, подле нее поварня с вышкою...»⁷²

Таким образом, наличие в XVII в. трехчастных построек в комплексе воеводских хором прослеживается по письменным источникам не со второй половины XVII в., как считал И. В. Маковецкий⁷³, а с первой. В конце же века воеводские хоромы превращаются в многоэтажный, сложный жилой комплекс. В. А. Александров блестяще доказал широкое распространение трехчастного посадского жилища в Сибири в конце XVII — начале XVIII в.⁷⁴ И. В. Маковецкий полагал, что эта черта сибирского посадского домостроительства прослеживается «уже во второй половине XVII столетия»⁷⁵. Однако отдельные сведения о наличии трехчастной связи в сибирских посадах в первой половине XVII в. все же имеются. На дворе мангазейского дьяка Богдана Обобурова в 1630 г. стоит: трехчастная связь (горница на подклети—дощатый сарай,

а на нем чердак — дощатый забор), отдельно стоящая изба, на которой возведена горница⁷⁶. У другого мангазейского дьяка, Пятого Спиридонова, на дворе находились: трехчастная связь (горница на подклети—сени—горница на подклети), повалуша «о трех житях» и баня⁷⁷. В Тобольске в 1640 г. трехчастные жилища (изба—сени—клеть) стояли во дворах Софийского монастыря, софийского сына боярского, стрельца⁷⁸.

Характер первых русских поселений в Сибири (большинство их — это посады при городах и острогах) ставит вопрос прежде всего об изучении посадского сибирского жилища, истоки которого следует искать в первую очередь в дворовом комплексе северного посада. Уже в первой половине XVI в. в домостроительстве северных посадов практикуется замена холодной клетки вторым теплым помещением, использование подклетей в качестве теплых, жилых помещений. К этому же времени относится сложение дворового комплекса построек, основу которого составляли трех- и многоэтажные постройки. Не преувеличивая, можно говорить о том, что сибирское домостроительство в конце XVI—первой половины XVII в. являлось своеобразным слепком севернорусского посадского жилища, обнаруживая с ним поразительное сходство. Это сходство в общей планировке, в составе построек дворовых комплексов, в архитектурном декоре, в строительных приемах. Как для Северной Руси, так и для Сибири того времени наиболее характерными чертами дворового комплекса являлись: компактное расположение построек, рациональное использование всей площади двора, жесткая связь между большинством построек. Для обоих регионов характерно расширение трех- и многоэтажного жилища, замена клетки жилым помещением, использование в качестве жилого помещения подклетей.

Мангазейские хозяйственно-жилищные комплексы, таким образом, дают возможность определить начальный, четко очерченный этап в истории посадского сибирского домостроительства, на котором с наибольшей силой проявилось влияние Русского Севера.

⁷⁶ Александров В. А. Указ. соч. Двухэтажный двор был брошен в 1637 г., а построен, по мнению В. А. Александрова, в первые годы XVII в.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Кириллов В. В. Проекты «образцовых домов», разработанные С. Ремезовым для Тобольска. — «Архитектурное наследство», 1960, № 12, с. 164. Несомненно, в Тобольске в то время трехчастных жилищ было гораздо больше — приведенные в статье данные отрывочны.

⁵⁸ ГААО, ф. 1408, оп. 1, д. 18.

⁵⁹ СГКЭ, т. 1, с. 109.

⁶⁰ Там же, с. 343.

⁶¹ ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, д. 66.

⁶² Там же, д. 59.

⁶³ Рабинович М. Г. Указ. соч., с. 242.

⁶⁴ Султанов Н. А. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. — ИАК, 1907, вып. 24, рис. 16.

⁶⁵ Султанов Н. В. Указ. соч.

⁶⁶ Там же, рис. 14.

⁶⁷ Султанов Н. В. Указ. соч., рис. 4, 12.

⁶⁸ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. — Научные труды. М., 1959, т. IV, с. 102.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Александров В. А. Указ. соч., с. 54.

⁷¹ Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968, с. 39.

⁷² Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, т. 1, с. 50.

⁷³ Маковецкий И. В. Деревянное зодчество..., с. 137.

⁷⁴ Александров В. А. Указ. соч., с. 162—163.

⁷⁵ Маковецкий И. В. Деревянное зодчество..., с. 137.

Глава 3

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА И ГЛИНЫ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА

В Мангазее, как и в любом древнерусском городе, дерево играло выдающуюся роль в жизни населения. Доступность и относительная легкость обработки обусловили широкое его применение для изготовления домашней утвари, тары, посуды и других предметов повседневного обихода.

Среди мангазейских находок выделяется несколько категорий бондарной, точеной, резной, долбленой, берестяной утвари, частично привозной, но в основном изготовленной на месте. Ниже мы специально остановимся на вопросе о местном производстве деревянных изделий, но первоначально дадим описание отдельных категорий предметов. При этом мы исходим из того, что особенности комплекса мангазейских находок, обусловленные превосходной сохранностью и надежной датировкой, позволяют рассматривать его как исключительно важный источник по истории русского ремесла и быта. Поэтому значительная часть текста посвящена публикации находок.

Бондарные изделия

Остатков бондарных изделий в Мангазее найдено довольно много, причем почти все они были обнаружены в прибрежной части города (сказалась близость пристани и торгового). Большое количество бондарной тары завозилось, конечно, из европейской части страны, о чем, в частности, свидетельствует наличие дубовых клепок от бочек, боченков и баклаг, однако значительное количество бондарных изделий изготовлялось и на месте из березы и сосны (вероятно, от кочей) — иначе нельзя объяснить находки заготовок клепок и обручей. В отличие от привозной тары, которая по своему характеру предназначалась для перевозки и длительного хранения продуктов питания и напитков (бочки, боченки и баклаги), местные изделия являлись предметами повседневного обихода. К ним относятся кадки, ведра, шайки, лоханки и жбаны. Целых бондарных изделий в раскопках обнаружено не было, за исключением одной вкопанной в землю бочки у угла таможенной избы (вероятно, водосборник), да и от той сохранилась лишь нижняя половина. Кроме того, найден боченок в виде 17 клепок, составляющих полный обвод, от другого сохранилось шесть клепок. Имеются две—четыре клепки еще от одного изделия. Однако большая часть бондарных изделий представлена единичными фрагментами (клепки, днища, обручи, ручки), что затрудняет определение ее видов. Исключение составляют детали, имеющие характерные признаки: клепка с ушками, клепка с ручками, крышки с вырезами под ручки и т. д. Большое значение для определения типа бондарного изделия имеет вид клепок, их размеры и материал. В этом отношении важные сравнительные данные дают исследования новгородской экспедиции, где массовый характер находок и наличие целых изделий позволяют получить представление о разме-

рах и пропорциях различного вида древнерусских бондарных изделий. При раскопках Мангазеи найдены следующие виды бондарных изделий: клепки от 10 ведер, двух бочек, трех боченков, жбана, трех лоханок, четырех кадок и двух шаек; пять днищ от бочек, четыре крышки от кадок, два обруча, два бочоночных гвоздя и три ручки от крышек. **Ведра.** К ведерным клепкам нами отнесено три клепки с ушками и 2, где намечен подъем к ушку, остальные клепки отнесены к ведерным на основании их формы и размеров. Они имеют форму усеченного конуса, обращенного узким концом вверх (ведро слегка сужалось кверху). Размеры клепок приведены в табл. 1.

ТАБЛИЦА 1
Размеры ведерных основных клепок, см

Высота	Ширина	Толщина	Примечание
30	7,6	1,4	С ушками
29	8	1,2	»
25	8	1,2	»
25	5,5	1,4	Подъем к ушку
22	8	1,4	»
23	8,6	1,5	
27	9	1,3	
23	9,7	1,3	
27	7,5	1,4	
32	10	1,6	

Как видно из таблицы, высота клепок колеблется в пределах 22—32 см, ширина 5,5—10 см, а толщина 1,2—1,6 см. Уторные пазы располагаются на расстоянии 1,2—1,5 см от основания клепок. Диаметры ведер 32—35 см. Клепки с ушками довольно однотипны. Две из них имеют ушко прямоугольной формы (табл. 9, 1, 2), а одно — округлой (табл. 9, 3).

Аналогичную форму имеют и отверстия под дужку. Высота округлого ушка 6,4 см, высота прямоугольных — 8 и 4,3 см, ширина ушек — соответственно 6,7, 6,8 и 5,2 см. Диаметр круглого отверстия 1,7 см, размеры прямоугольных отверстий 1,5 × 1,5 см.

Кадки. Фрагменты четырех кадок прослежены по характерным клепкам. Они прямые или сужены кверху и снабжены одним уторным пазом внизу. Они имеют высоту 32, 32, 32,5 и 33 см. Ширина клепок в нижней части равна соответственно 10, 10, 9 и 7,5 см. Употреблялись кадки чаще всего для хранения хлеба, муки и крупы¹.

Шайки. Это низкие сосуды с широким устьем, которые хорошо выделяются благодаря высокой ручке без проушины. Внизу шайки могли иметь невысокие ножки. Одна

из клепок имеет высокую (13 см) ручку, узкую у основания и постепенно расширяющуюся кверху, торец ее подострен косыми срезами с боков. На этой же клепке прослеживается невысокая (1,5 см) ножка, постепенно сужающаяся книзу: ширина ее в верхней части 4,3 см, а внизу — 3,6 см. Длина самой клепки (без ручки и ножки) 20 см, ширина 12 см, диаметр устья шайки равнялся 45 см (табл. 9, 7). Вместе с этой клепкой найдено еще две, принадлежащие тому же сосуду.

Еще одна шайка представлена четырьмя клепками, одна из которых имеет высокую ручку без отверстия. Высота клепок (без ручки) 15,5 см, диаметр шайки 24 см.

Среди других бондарных изделий, изготовлявшихся на месте, можно отметить клепки высотой 20—21,2 см и шириной 6,3—11,5 см, вероятно от лоханок, сосудов, употреблявшихся для стирки белья, мытья посуды и т. д. Диаметры устья лоханок лежат в пределах 28—35 см. Одна клепка принадлежала, вероятно, жбану, предназначенному под напиток (квас, брага)². Она имеет форму усеченного конуса вершиной вверх, на которой сохранилась часть обломанной ручки. Высота клепки 21 см, ширина 5,2 см. Диаметр устья жбана 30 см.

Бочки, бочонки и баклаги. Это основной вид привозной тары. Вся она изготовлена из дуба, за исключением одной бочки, сделанной из сосны. Клепка от этой бочки (табл. 10, 1) характеризуется симметрично раздутыми боками. Ее высота 58 см, ширина в средней части 10,8 см, ширина на концах 7,4 см, толщина 1,6 см. Судя по расположению уторного паза и диаметру закругления, бочка имела высоту полости (до днища) 50 см, а диаметр 44 см. По новгородской типологии такие размеры соответствуют бочкам среднего объема³.

Бочонки отличаются от бочки меньшими размерами. Судя по сохранившимся фрагментам, их высота лежала в пределах 26—32 см, а диаметр — 22,7—28 см.

Представление о бочонке дает развал дубовых клепок в количестве 17 штук, которые составляют полный диаметр сосуда. Клепки тонкие, тщательно отделенные. Толщина их в средней части 0,8 см, а у краев — 1,2 см. Высота клепок 31,7 см, ширина у краев 5 см. Диаметр бочонка 30 см. Клепки имеют характерное расширение в средней части и выгнуты в наружную сторону. На одной из клепок есть овальное отверстие размером 2,9 × 2,2 см, в которое был вставлен гвоздь длиной 1,9 см (табл. 9, 4). Он имеет форму усеченного конуса. Внутренние размеры бочонка: высота 27 см, уторный диаметр 20 см, пуковый диаметр 25 см, объем бочонка 5,5 л. Среди бочонков в коллекции имеется два маленьких. Это баклаги — дорожные сосуды. Один из них представлен единственной клепкой, а второй — шестью.

Первая баклага изготовлена из дуба (табл. 9, 5). Судя по размерам клепки, сосуд был довольно миниатюрный: высота 11,2 см, ширина 5,3 см, толщина в средней части 0,8 см, а у краев — 1,1 см. Диаметр баклаги 22,4 см, расстояние между уторными пазами 9,7 см. Вторая баклага имеет несколько большие размеры: высота клепок 17 см, ширина 4,2 см, толщина 1 см. Диаметр баклаги равнялся 30 см, расстояние между уторными пазами 13 см. Объем баклаги составлял 4 л. Одна из клепок снабжена в средней части круглым отверстием и по внешнему виду отличается от других (табл. 9, 6). Ее внутренняя стенка прямая, а наружная выпуклая в средней части и уплощена к краям, особенно к верхнему, так что в середине и внизу клепка имеет более толстое сечение: соответственно 2 и 1,7 см;

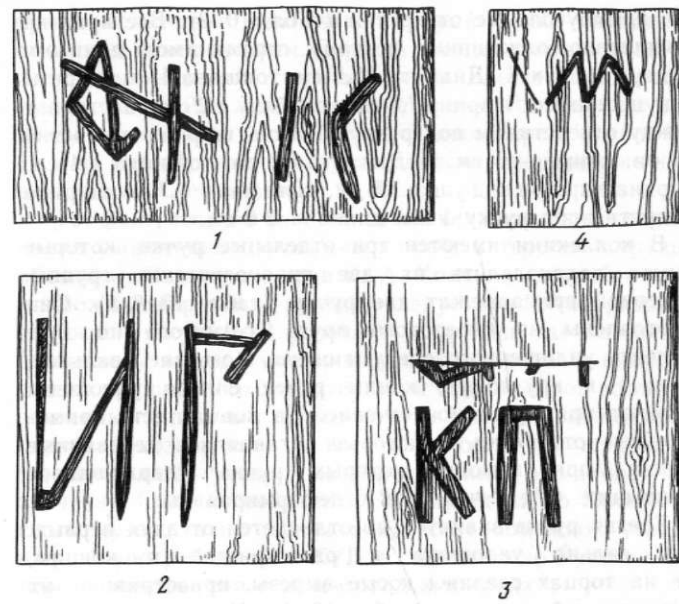

Рис. 6. Бондарные знаки (1—4)

толщина в верхней части 1,2 см. Посредине клепки есть прямоугольный выступ размером 4,2 × 3,5 см с отверстием диаметром 2,2 см.

Заканчивая характеристику привозной тары, нужно остановиться на бондарных знаках. Они обнаружены на четырех днищах, два из которых принадлежат бочкам и два бочонкам. Все днища изготовлены из сосны. Во всех четырех случаях знаки содержат буквенные изображения. На днище одной из бочек диаметром 48 см, помимо буквы «К», вырезан графический знак. Он состоит из наклонной полосы, на одном конце которой изображен треугольник с коротким отростком, а на втором — наклонный отрезок, проведенный параллельно основанию треугольника (рис. 6, 1). Высота знака 3,5 см, ширина 4,2 см, высота буквы 3 см. Подобные знаки на бочках Б. А. Колчин соотносит с «бортными элементами», метками для бортных деревьев⁴. Трудно сказать, в какой мере это справедливо в отношении Мангазеи, тем более что пока можно говорить только о чисто формальном сходстве. Днище второй бочки помечено крупными буквами «ИГ» высотой 5,2 см (рис. 6, 2). Парные буквы «КП» вырезаны на днище бочонка диаметром 23,5 см. Над ними были помещены еще какие-то знаки, не дошедшие до нас (днище сохранилось не целиком) (рис. 6, 3). Высота букв 3,2 см. Четвертым знаком в виде буквы «М» (Мангазея?) также было помечено днище бочонка (рис. 6, 4). Буква небольшая, ее высота 1,5 см.

Обручи. Среди отдельных деталей бондарных изделий в Мангазее найдено несколько обручей. Они двух типов: 1) сплетенные из корня березы (один целый обруч имеет диаметр 13,5 см) и 2) с зарубками на приостренных концах, скреплявшихся при помощи завязки. Они изготовлены из расщепленной вдоль лозы. Один из обручей этого типа целый. Его диаметр 40 см, зарубки нанесены на расстоянии 9,5 см от концов.

Крышки. Некоторые из бондарных изделий (кадки, как правило) накрывались специальными крышками. На крышках монтировались дугообразные ручки, а с боков вырезались пазы под ушки. При раскопках найдено несколько подобных крышек, среди которых четыре целые (отсутствуют лишь ручки). Все крышки круглые в плане, в местах крепления ручек (в средней части) имеются пар-

² Там же, т. I, с. 528.

³ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, 1968, Е1—55, с. 26.

⁴ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 31.

ные прямоугольные отверстия (табл. 10, 2). Все крышки совершенно однотипны, поэтому ограничимся данными по двум из них. 1. Диаметр 32,5 см, толщина 1 см, вырезы под ушки имеют ширину 7,4 см и глубину 1,2 см, расстояние между отверстиями под ручку 12,3 см, ширина отверстий 1,1 см, длина — 3 см. 2. Диаметр 32 см, толщина 1,4 см, ширина вырезов под ушки 7,5 см, глубина — 0,7 см, ширина отверстий под ручку 1 см, длина — 3,6 см.

В коллекции имеются три отдельные ручки, которые можно подразделить на две типологические группы. К первой принадлежат две ручки (табл. 10, 3, 5). Они изготовлены из березового прута, согнутого по дуге и слегка уплощенного снизу и сверху (сечение овальное, близкое к круглому), концы ручек сильно уплощены и имеют прямоугольное сечение. На концах есть прямоугольные отверстия, в которые вставлялись деревянные клинья, при помощи которых ручка удерживалась на крышке. Обе ручки сильно деформированы.

Третья ручка значительно отличается от двух первых. Она сильно уплощена и расширяется к концам, где на торцах сделаны косые вырезы, прикрывшие их с внутренней стороны (табл. 10, 4). На крышке ручка крепилась по принципу действия сжимающейся пружины. В верхней части ручки есть овальное в плане расширение, имевшее, вероятно, орнаментальное значение. Высота ручки 14 см, расстояние между концами 22,7 см.

Изделия из бересты

Судя по археологическим данным, береста широко применялась в быту жителей Мангазеи. Из нее изготавливалась посуда (туеса), небольшие по размеру коробочки и коробы, украшенные аппликацией из тисненой и рисованной бересты. Кроме того, береста употреблялась при изготовлении обуви (стельки, прокладки, плетеная домашняя обувь), а также в домостроении.

Особенно широко применялась береста при изготовлении туесов. В Мангазее найдено большое количество стенок, крышек и днищ, дающих достаточно полное представление о виде туесов XVII в. Они представляют собой высокие цилиндрические сосуды с деревянным дном и крышкой, снабженной дугообразной ручкой. О высоте туесов судить трудно, так как целых изделий в коллекции нет, но, судя по сохранившимся фрагментам, она превышала 19 см. Диаметры устанавливаются по имеющимся донцам, крышкам и фрагментам стенок. Они варьируют от очень маленьких (7,5 см) до довольно больших (27 см).

Стенки туесов составлены из двух берестяных цилиндров: внутреннего и наружного (обшивки). Внутренний цилиндр цельный, бесшовный. Наружная обшивка сшивная. Среди встреченных в Мангазее туесов различается несколько способов скрепления долевых краев обшивки. Основным принципом этого скрепления было сшивание краев, а затем наложение бандажей. Различаются типы швов и способы соединения бандажей.

1. Обшивка по всей длине сшивалась особым вида широким швом, имеющим вид вписанных друг в друга острых углов. При этом в стенке прокалывалось три ряда отверстий. В преддонной части стенка дополнительно укреплялась широким бандажом, сшитым (аналогичным швом) из двух широких полос бересты. Ширина банджа 5 см (табл. 11, 1). Между внутренним цилиндром и обшивкой туеса находились еще слой бересты, скрепленный более тонким швом.

2. Обшивка второго туеса была скреплена другого типа швом, от которого сохранился ряд мелких отверстий (табл. 11, 2). Такие же отверстия видны в верхней части изделия и внизу, в месте крепления дна. Туес был выше сохранившегося фрагмента. На стенку были наложены два банджа, соединенные замком такой же конструкции, как и на краях обшивки и в более позднее время⁵ (табл. 11, 3). Сущность такого замка заключается в том, что на одном конце делалось отверстие в виде вытянутого треугольника, основание которого обращено в сторону соединения, а на другом вырезались выступы, которые вставлялись в отверстие. При натягивании замка плотно заперлась.

Все донца, найденные в Мангазее, изготовлены из дерева (сосна), берестяных донцев нет. Толщина их 1,1—1,5 см.

Крышки туесов, также изготовленные из сосны, были снабжены ручками. В раскопах найдено шесть целых ручек с крышками, пять крышек с прямоугольными отверстиями под ручки и одна отставшая ручка. Основные параметры крышек туесов приведены в табл. II.

Все ручки изготовлены из березы. Они сильно уплощены и широкие в плане. Форма их дугообразная, концы опущены вниз перпендикулярно плоскости крышки. Их сечение соответствует форме отверстия на крышке: прямоугольное или (в одном случае) круглое. На концах ручек проделаны прямоугольные отверстия под крепежные клинья. Имеется

⁵ Филиппов Н. А. Кустарная промышленность России. СПб., 1913, с. 377.

ТАБЛИЦА II
Основные размеры деталей туесов, см

Размеры крышек		Размеры отверстий в крышках	Расстояние между отверстиями	Размеры ручек				Размеры отверстий в ручках
Диаметр	Толщина			Высота	Ширина	Толщина	Длина концов	
10,3	1,3	1,2×0,6	5,6	4	1,9	0,3	2,7	1×0,3
8	0,7	1	4,5	2,7	0,7	0,2	1,5	0,5×0,2
11	1,2	1,2×0,6	5,5	4	1,8	0,3	2,7	1,1×0,3
20,5	1,4	2,4×0,9	10	—	—	—	—	—
9,7	0,7	1×0,5	4,9	—	—	—	2,4	0,8×0,2
—	—	—	—	6	2,5	0,5	3,6	1,1×0,3
17	1,2	2,3×0,8	9,8	—	—	—	—	—
15,1	1,7	2,1×0,9	7,6	—	—	—	—	—
7,5	0,8	1,4×0,6	2,7	—	—	—	—	—
16,5	1,3	2×0,7	8	—	—	—	—	—
12,5	0,7	1,4×0,6	6,1	—	—	—	—	—

ТАБЛИЦА III
Размеры коробочек из бересты

Длина	Ширина	Высота	Способ закрепления стенок	Примечание
7,7	6,7	4,7	Сшиты берестяной тесемкой	Заполнена зернами овса
5,5	4,5	3,8	То же	
5	5	2	» »	
17	12,5	7,5	Скреплены деревянными палочками	
7,5	6,5	3,5	То же	
10	8	3,8	» »	

два способа крепления ручек клинышками. В одном случае они поставлены отдельно под каждый конец ручки, а в остальных оба конца закреплены одним общим клином (табл. 11, 4, 5). Следы покраски туесов отсутствуют, за исключением одной крышки, окрашенной в красный цвет.

Коробочки. Берестяные коробочки имели различные, по всей видимости произвольные, размеры и не обладали, вероятно, какой-то определенной функциональной обусловленностью. Из шести найденных при раскопках коробочек одна была заполнена зернами овса и являлась, скорее всего, игрушкой, о назначении остальных говорить трудно. Все коробочки изготовлены из прямоугольных кусков бересты, углы которых согнуты попарно по направлению друг к другу и скреплены либо при помощи палочки, либо сшиты берестяной тесемочкой. Размеры коробочек приведены в табл. III.

Резная посуда и кухонная утварь

Резная посуда составляет наиболее многочисленную категорию деревянных изделий Мангазеи. Сосуды, где сочетаются принципы ручного резания и обработки на токарном станке (имеются в виду две ступы, наружная поверхность которых имеет грубую подтеску топором, а внутренняя несет на себе следы токарного реза), будут рассмотрены в разделе «Точеная посуда». Среди найденной в раскопках деревянной посуды и кухонной утвари более всего ложек — 25, далее идут ковши — 9, шумовки — 5, уполовники — 4, чаши — 4, миски — 3, мутовки — 2. По одному экземпляру представлены блюдо, форма для печенья и решето. Кроме того, в коллекции имеется серия деревянных лопаток, имевших, вероятно, универсальное назначение. Они будут также рассмотрены в настоящем разделе.

Ложки. Все ложки, найденные в Мангазее, совершенно однотипны. Их основные размеры представлены в табл. IV. Главную их особенность составляют пропорции — соотношение между длиной ручки и лопасти: оно всегда равно 1 : 2. Все ложки имеют короткие ручки, длина которых колеблется в пределах между 3,7 и 4,5 см. Длина лопастей соответственно составляет 7,8—9,1 см. Такое соотношение устойчиво повторяется у всех найденных в Мангазее ложек, ложек с длинными ручками не найдено ни одной (табл. 12). По форме ложки довольно просты. Они имеют эллипсовидные лопасти, заметно расширяющиеся к переднему краю, который всегда немного приподнят вверх. Ручки прямые, иногда выпуклые в средней части или утолщенные к концу. Сечение круглое. По отношению к лопасти ручки расположены горизонтально и лишь в двух случаях несколько опущены вниз. Ручка располагается выше уровня лопасти, но не намного: высота перехвата равняется 0,6—1 см. Эта высота соответствует толщине

ручки, вследствие чего нижний край ручки совпадает с верхним краем лопасти. Перехват всегда сопровождается фигурными вырезами снизу и с боков. Все ложки изготовлены из капа. Две ложки имеют пометки. На одной из них внизу в месте перехвата поставлен косой крест (табл. 12, 1), а на другой, также внизу, на лопасти, процарапано имя владельца «Степа» (табл. 12, 3).

Тот факт, что в составе мангазейских находок все ложки имеют укороченные ручки сам по себе интересен и трудно объяснить. Возможно, прав Б. А. Колчин, который писал, что ложки с короткими ручками следует относить к разряду дорожной посуды⁶. В условиях Мангазеи, где население отличалось высокой мобильностью (имеется в виду не только пришлый его характер, но и основной род занятий, связанный с пушным промыслом) и где собственное лошкарное производство, по всей видимости, отсутствовало, такой характер утвари, несомненно, имел немаловажное значение. Судя по собранию Государственного Исторического музея, такие ложки в качестве дорожной утвари широко употреблялись в XVII в., особенно на Русском Севере. Известны они и в новгородских слоях⁷.

Основным центром производства ложек из капа на Севере был вологодско-белозерский край, где главным поставщиком их являлся Кириллово-Белозерский монастырь⁸. Широкое хождение имели также карельские ложки и ложки Соловецкого монастыря⁹. Продукция одного из этих центров и завозилась, вероятно, в Мангазее.

Ковши. Одним из наиболее популярных видов древнерусской резной деревянной посуды был ковш, известный на Руси по крайней мере с X в.¹⁰ Как показали раскопки в Мангазее, и в XVII в. ковш оставался одним из основных видов деревянной посуды. Интересно отметить в этой связи, что традиционная ладьевидная форма ковша оказала влияние и на другие виды деревянной посуды, среди которых можно назвать резные уполовники, точеные чаши и точеные сосуды со сливами, описание которых будет дано ниже. В раскопках найдено семь ковшей, из которых четыре целых и три без ручек. Кроме того, в коллекции имеется две отставшие ручки. Пять ковшей изготовлено из березового корня («ковши-коренухи»), а два — из прямого ствола березы («ковши-прямизны»). По форме ковш-коренуха ничем не отличается от прямизны. Все они имеют ладьевидную форму с приподнятым передним краем. Чаша ковшей круглой в плане формы, дно плоское или уплощенное. Все ручки имеют круглое или овальное сечение, иногда они слегка расширяются к концу. Плоских ручек (так называемых полок) не встречено. По отношению к венчику чаши ручки расположены невысоко. Они обычно прямые и лишь в двух случаях слегка опущены вниз. Что касается пропорций ковшей, то у них длина ручек всегда меньше диаметра чаши. Характерной особенностью мангазейских ковшей является отсутствие такой орнаментальной детали, как продольные ребра на внешней поверхности. Исключение составляет один ковш, где короткое ребро обозначено только на передней приподнятой стенке. Отсутствуют на ковшах и следы покраски. Перечисленные особенности являются, с одной стороны, отражением характера бытовой посуды, рассчитанной на повседневное употребление, а с другой стороны, в этом сказываются и особенности хронологического порядка.

⁶ Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. — САИ, 1971, вып. Е1—55, с. 44.

⁷ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 125, табл. 28, 5.

⁸ Бахрушин С. В. О территориальном разделении труда в XVII — начале XVIII в. — Научные труды. М., 1952, т. I, с. 97.

⁹ Там же, с. 100.

¹⁰ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 46.

ТАБЛИЦА IV Характеристика деревянных ложек, см									
Общая длина	Длина ручки	Длина лопасти	Соотношение длины ручки и лопасти	Диаметр ручки	Ширина лопасти	Глубина лопасти	Высота перехвата	Знаки и надписи	Сохранность
14	4,5	9	1 : 2	1	5,7	1,6	0,8	×	Целая
12,5	4,3	8,2	1 : 2	1,2	5,2	1	0,7		»
—	—	8,4	—	1,1	—	1,2	0,6		Без ручки
—	—	7,8	—	—	4,7	1,3	—		То же
—	—	9,1	—	—	5,4	1,5	2		» »
12,5	4,2	8,3	1 : 2	1,1	5,3	1,1	1,1		Целая
12,9	3,7	9,2	1 : 2	1,2	5,4	1,1	1,1		»
—	4,5	—	—	1,2	—	1,1	1,1		Фрагмент
—	—	9	—	—	5	1,2	—		Без ручки
—	—	9	—	—	5,7	1,4	—	Степа	То же

Как уже говорилось, ковши по форме близки между собой и отличаются лишь размерами. Среди них выделяются три относительно крупных, объем которых достигает 1—1,4 л. Наиболее крупный ковш сохранился целиком (табл. 13, 1). Он довольно широкий (диаметр чаши 23 см) и низкий (глубина чаши 7 см). Передний край (носик) приподнят над горизонтальным венчиком и слегка приострен. Ручка имеет овальное сечение и несколько опущена вниз. К концу она немного расширяется и становится более плоской. Длина ручки 18,6 см, толщина у основания 3,2 см, а на конце 2 см, ширина — соответственно 2 и 4 см. На ковше есть трещина и следы древнего ремонта в виде парных мелких отверстий по обе стороны ее. Второй ковш без ручки (табл. 13, 2). Его чаша в плане имеет вид правильного круга диаметром 18 см, профиль ее ладьевидный. Глубина чаши 6,5 см, толщина стенок 0,7 см. Судя по остатку, ручка была расположена горизонтально и имела круглое сечение диаметром 3 см. Третий ковш сильно деформирован и фрагментирован. Насколько можно судить по сохранившейся части, общая длина ковша составляла 44,3 см, длина ручки 16,5 см, диаметр чаши 27,8 см, высота чаши 5,5 см, толщина стенок 0,5 см. Ручка имеет овальное сечение и плавно расширяется к концу. Ковш изготовлен из березового корня.

Три ковша имеют средний объем — 0,4—0,7 л. Первый ковш (табл. 14, 1) объемом 0,4 л, с овальной в плане чашей и сильно раздутыми боками. Длина чаши 11,4 см, ширина 13,3 см, глубина 4,5 см, толщина стенок 0,5 см. Венчик чаши прямой и в передней части слегка приподнят. Ручка также прямая, овальная в сечении, приподнята над уровнем чаши на 2 см. Дно чаши плоское, круглое, диаметром 5 см. Ковш частично фрагментирован: обломан конец ручки и небольшой участок переднего края. Судя по тому, что вся поверхность ковша, в том числе и поверхность излома, покрыта слоем извести, ковш сломался еще в древности. Найден он на воеводском дворе, в подклети, в составе комплекса хлева. Второй ковш, как и первый, вмещает 0,4 л. Его чаша имеет в плане вид неправильного эллипса с приостренным передним краем, носик выражен хорошо. В профиле ковш имеет форму ладьи с высоко поднятым носом (табл. 14, 2). Ручка овального сечения и заметно опущена. Длина ее 12,3 см, ширина 2,3 см, толщина 1,7 см. Диаметр чаши 13,7 см, глубина 4 см, высота в передней части 8,5 см. Он найден на мостовой рядом со зданием бани. Третий ковш, объемом 0,7 л, характеризуется более тщательной отделкой. Он имеет хорошо выраженную ладьевидную форму с приостренным носиком, приподнятым над горизонтальными стенками на 2,7 см (табл. 14, 3). На передней стенке с наружной стороны заметно острое

ребро длиной 1,5 см, что еще более подчеркивает ладьевидную форму сосуда, типичную для ковшей XVI—XVIII вв.¹¹ Дно круглое, плоское, диаметром 7 см. Диаметр чаши 15,7 см, глубина 7 см, толщина стенок 0,7 см. Ручка не сохранилась. Последний ковш маленький, объемом 0,2 л, являлся, вероятно, ковшом-черпаком или ковшом-наливкой (табл. 14, 4). Ручка его обломана, но, судя по сохранившейся части, имела круглое сечение диаметром, 2,8 см и была высоко поднята над бортами чаши. Последняя имела ладьевидную форму (в плане — неправильный овал) с незначительно приподнятым и приостренным носиком. Диаметр чаши 10 см, глубина 4 см.

Миски и блюдо. Мангазейские резные миски известны по трем фрагментам, которые не позволяют представить общий вид этих сосудов. Можно лишь сказать, что два из них имели прямые расширяющиеся вверх стенки, украшенные на венчике прямоугольными кольцевыми бортиками шириной 0,3 и 0,7 см. Верхний срез мисок плоский. Диаметр их устанавливается по одному большому фрагменту (25 см). Третья миска вырезана из капа. Она имела слегка раздутые бока и прямые, утончающиеся вверх стенки. Верхний срез прямой. Диаметр устья 28 см, толщина стенок 0,8 см.

Единственное найденное в Мангазее резное блюдо представлено довольно крупным фрагментом, позволяющим воссоздать его форму и размеры (табл. 15, 1). Блюдо довольно низкое: высота его в средней части 2,6 см; стенки плавно расширяются и переходят в резко отогнутый утолщенный венчик. Диаметр блюда 36,5 см, толщина стенок 0,5 см. Дно плоское, его диаметр 18 см. По форме и размерам блюдо напоминает известные по более поздним материалам деревянные блюда для разрезания мяса.

Чашы. Все мангазейские резные чаши (6 экз.) изготовлены из капа. Несмотря на то, что четыре из них фрагментированы, можно говорить о том, что они характеризуются простотой формы и типологической однородностью. Исключение составляет чаша на низком поддоне, по форме напоминающая пиалу (табл. 15, 2). Она широко открыта, диаметр устья 12 см, диаметр дна 5,5 см; высота поддона 0,4 см, общая высота чаши 4,1 см, толщина стенок 0,5 см. Форма остальных пяти чаш аналогична. Они отличаются лишь отсутствием поддона. Размеры чаш колеблются в следующих пределах: диаметр — 7,5—14,2 см, высота — 4—6 см, диаметр дна — 4—6 см, толщина стенок — 0,3—1 см. Среди них две служили, вероятно, солонками. Одна довольно миниатюрная (табл. 15, 6): диаметр ее устья 7,5 см,

диаметр уплощенного дна 5,5 см, высота 3,7 см, толщина стенок 0,5 см. Вторая (табл. 15, 5) низкая и широкая, ее толстые стенки плавно расширяются и переходят в мягко очерченный округлый венчик. Дно широкое, уплощенное. Основные размеры: диаметр устья 10,4 см, высота 3,5 см, толщина стенок 0,7 см.

Уполовники. Уполовники-ложки для разливания жидкой пищи представлены в мангазейской коллекции единственным целым экземпляром. Это довольно массивная, но мелкая ложка длиной 26 см, по форме напоминающая ковш (табл. 16, 1). Ручка уполовника прямая, длиной 11 см; постепенно расширяясь, она переходит в овальную чашу шириной 9,5 см и глубиной 3 см. На конце ручки вырезан крюк для подвешивания.

Кроме этого, найдено три заготовки уполовников с длинными ручками. Изделиям придана только общая внешняя форма, полости чаш не выбраны. Для них характерны длинные прямые ручки и небольшие по диаметру чаши. Приводим основные размеры заготовок. 1. Общая длина 58,5 см, диаметр ручки 4,2 см, диаметр чаши 9,5 см. 2. Заготовка деформирована. Ее ручка прямоугольная в сечении, опущена вниз. Общая длина изделия 29 см, диаметр чаши 8 см, высота 5 см; ширина ручки 4 см, толщина 2,2 см. 3. По форме аналогична описанной выше заготовке. Общая длина 38,5 см, длина ручки 29 см, диаметр чаши 9,5 см, высота 5 см; ширина ручки 3 см, толщина 2,7 см.

Шумовки. Характерную группу резной кухонной утвари составляют шумовки, особого вида большие ложки с отверстиями, служившие для вынимания из котла мяса. Они представляют собой вогнутые тонкие лопасти овальной, круглой или подпрямоугольной формы, соединенные с длинной деревянной ручкой. Всего найдено пять изделий этого типа.

1. Шумовка круглая в плане. Диаметр 11 см, толщина 0,7 см (табл. 17, 1). Посредине лопасти вырезан крест размером 4 × 4,5 см. Ручка обломана, но, судя по сохранившейся части, она была высоко поднята (под углом 140°) и имела прямоугольное сечение.

2. Овальная в плане, сильно вогнутая шумовка. Ее особенностью является то, что она имеет составную ручку, прикрепленную к лопасти при помощи деревянных гвоздиков (табл. 17, 3). Ручка высоко поднята вверх, круглого сечения. Посредине шумовки просверлено круглое отверстие диаметром 1,5 см. Размеры шумовки: длина лопасти 14 см, ширина 10 см, диаметр ручки 1,6 см.

3. Овальная в плане, слабо изогнутая, с приостренным передним краем (табл. 17, 2). Особенностью ее является то, что у нее не поднятая, а горизонтальная ручка (плоская, прямоугольная). Посредине лопасти имеется круглое отверстие. Размеры шумовки: длина лопасти 11 см, ширина 9 см, диаметр отверстия 3,5 см, толщина ручки 0,9 см, ширина 1,7 см.

4. С прямоугольной со скругленными углами и вогнутой лопастью (табл. 17, 4) шириной 9 и длиной 14 см. Толщина ее 1 см. Посредине прорезан прямой крест размером 4 × 4,3 см. Прямоугольная ручка высоко поднята.

5. Эта шумовка самая большая. У нее вогнутая прямоугольная лопасть размером 14 × 22,5 см. Посредине прорезан крест. Ручка не сохранилась.

Мутовки. Мутовки применялись при различных кухонных операциях, требовавших интенсивного размешивания или сбивания, например, при изготовлении жидкого теста, сбивания масла и т. д. В Мангазее найдены две составные мутовки. Они состоят из крестовины и круглой ручки (табл. 16, 2, 3). Крестовина в свою очередь составлена из двух половинок в виде плоских дощечек, поставленных на ребро, концы которых приострены и подняты вверх.

В средней части половинок есть прямоугольные вырезы и пазы, служившие для скрепления их друг с другом и с ручкой (табл. 16, 4). При соединении половинок в середине образуются четыре прямоугольных отверстия, в которые вставляются шипы, вырезанные на конце ручки.

Первая мутовка, довольно массивная, без ручки (табл. 16, 3). Нижние ее края сильно сработаны. Размеры половинки крестовины: длина 14,2 см, высота 5 см, ширина в средней части 2,3 см, ширина у краев 1,5 см, ширина паза (для прикрепления ручки) 3,1 см, ширина выреза (для соединения половинок) 1,3 см.

Вторая мутовка меньших размеров. От нее сохранилась половинка крестовины и ручка (табл. 16, 2). Ручка имеет вытянутую коническую форму и округлое сечение, верх ее обожжен. Длина сохранившейся части ручки 28 см, диаметр в верхней части 1,6 см, а внизу 2,3 см. Рабочий участок мутовки сильно сработан. Длина половинки крестовины 9,3 см, высота 3 см, ширина выреза (для соединения половинок) 0,8 см, ширина паза (для прикрепления ручки) 2,3 см.

Форма для печенья. Особняком среди резной кухонной утвари стоит единственная в мангазейской коллекции форма для печенья. Это рельефное изображение рыбы (табл. 15, 7), углубленное внутри и выпуклое снаружи, с реалистически переданными деталями: глубокими насечками передан хвост и плавники — один внизу и два на спине, жабры и глаз. Полость углублена в средней части на 3,5 см, а в месте хвоста и плавников — на 1 см. Длина формы 22,4 см, ширина 10,6 см, длина хвоста 4,3 см, ширина 8,9 см, длина головы 3,8 см. Изображена, вероятно, рыба семейства карповых, насколько можно судить по широкому, расширяющемуся к голове туловищу, короткому веерообразному хвосту и короткой, несколько вздернутой голове. Форма вырезана из липы и была привозной. Еще в древности она треснула посередине и была отремонтирована: видны мелкие круглые отверстия вдоль линии слома.

Лопатки. Среди кухонной утвари особое место занимают лопатки, изготовленные из одного куска дерева. Они плоские, без выраженной полости, за исключением одной, у которой она слегка углублена. Эта лопатка (табл. 18, 1) имеет довольно длинную ручку, которая, постепенно расширяясь, переходит в лопасть. На конце ручки есть овальное отверстие. Передний край лопатки приострен и слегка приподнят, сзади имеется невысокая стенка (0,5 см), боковые стенки выражены плохо. Общая длина лопатки 26 см, длина ручки 13 см, ширина 3,3 см, а толщина 2,1 см, ширина лопатки 9,6 см, ширина полости (до задней стенки) 10 см.

К этому совку-лопатке близки девять плоских лопаток (табл. 18, 2—5). Все они клиновидные в сечении (приострены к переднему краю), с хорошо выраженными ручками, как правило овальными в сечении. Ручки обычно слегка расширяются к краю, в одном случае на краю просверлено круглое отверстие. По длине ручки обычно короче лопасти. Последние чаще всего имеют прямоугольную форму с закругленными передними углами, переход от ручки к лопасти плавный. У трех лопаток лопасть слегка вогнута. На одной лопатке ножом вырезаны рисунки (табл. 18, 3). В центре их помещено изображение, напоминающее лук со стрелой. Наконечник стрелы сходен с известными по сибирским этнографическим материалам железными наконечниками с раздвоенным концом, которые употреблялись при охоте на птиц. Несколько таких наконечников найдено и в самой Мангазее. Дальше от лука изображена как бы летящая стрела с острым наконечником. По другую сторону лука нанесены спорадические дугообразные линии.

¹¹ Просвирина С. К. Русская деревянная посуда. М., 1955, с. 26.

ТАБЛИЦА V
Характеристика деревянных корыт, см

№ п/п	Длина	Ширина	Высота	Толщина боковых стенок	Толщина торцевых стенок	Толщина дна	Ширина бортика	Примечания
1	—	—	—	3,9	—	3	—	Для рубки
2	28	19,8	6	2	3,2	2	—	Заготовка
3	59,5	14	6,3	2,5	1	2,5	4,5	Для кормления птицы
4	25	18	—	—	1	2	2,5	Для рубки
5	57	около 30	более 15	—	1,3	1	—	То же
6	97	36	11	2	4	3	11	?
7	30	9,2	—	0,8	1,7	0,8	—	?
8	280	90	40	4	10	4	—	Для кормления скота

Кухонные доски. Заканчивая описание деревянной кухонной утвари, нужно указать на две доски, служившие для шинковки овощей, нарезания мяса и т. д. Обе поверхности досок несут на себе многочисленные следы порезов ножом. По форме и размерам доски близки между собой. Они прямоугольной формы, с закругленными углами, короткими, расширяющимися к концам ручками. Размеры: общая длина 32,1 см, длина ручки 8,6 см, толщина 0,8 см; ширина доски 20,3 см, ширина ручки у основания 3,8 см.

Решето. Решето, найденное в Мангазее, представлено довольно полно, отсутствуют лишь отдельные детали: раздлика¹² и подуторина¹³, которые, возможно, вообще не употреблялись, так как полотнище¹⁴ было плотно пришито к обечке¹⁵ и не нуждалось в дополнительном скреплении. Обечка изготовлена из осины, концы ее скреплены двойным швом. Для сшивания было употреблено лыко, из него же выткано и полотнище. Размер ячеек полотнища 0,1 × 0,1 см. Диаметр обечки 36,5 см, а высота 10,3 см. Полотнище, сохранившееся только по краям, пришито к обечке снизу на расстоянии 13 см.

Долбленная посуда

Долбленная посуда относится к категории наиболее массивной деревянной утвари. Для нее характерны изделия с толстыми стенками и дном и широкой полостью, выполненной методом долбления. Долбленная посуда, найденная в Мангазее, представлена различными видами корыт, сельницами и совком.

Корыта. В коллекции имеется девять корыт, из которых два целых, а остальные фрагментированы. Степень сохранности последних позволяет в определенной степени судить об их размерах и назначении. Последнее, правда, затруднительно, так как корыта применялись в хозяйстве широко и по форме не всегда можно определить их назначение. Исключение составляют одно корыто для кормления скота («колода»), одно — для кормления птицы и три — для рубки. Характеристика корыт приведена в табл. V.

Наиболее крупное из корыт — колода (по таблице № 8), применявшаяся для кормления скота, — было найдено в северном участке воеводского двора, в подклети, где помещался хлев. Пол хлева поверх слоя навоза был устлан

редким жердевиком, здесь же помещалась и колода, подпертая с обеих сторон низкими колышками. Наружная поверхность колоды грубая, дно округлое, горизонтальные бортики на концах отсутствуют (табл. 19, 1).

Функция корыта 3 (для кормления птицы) определена на основании его размеров. Оно относительно длинное и узкое, чему соответствуют и размеры полости: 50,5 см в длину и 10,8 см в ширину. Горизонтальные бортики выражены слабо (табл. 19, 2).

Три корыта, предназначенные для рубки мяса и овощей (1, 4 и 5), несут на себе многочисленные следы употребления в работе: их донца сплошь изрублены сечкой. Все три корыта сохранились фрагментарно (табл. 19, 3, 4).

Лоток. Среди корытообразных изделий нужно отметить лоток — изделие с тонкими стенками и дном (табл. 20, 1). Он изготовлен из кедра и отличается довольно высокой чистотой обработки. Стенки его низкие и крутые, дно широкое и плоское, на концах расположены небольшие горизонтальные бортики, напоминающие ручки. Основные размеры: длина 40 см, ширина 19 см, высота 7,5 см, толщина стенок и дна 1 см, ширина бортика 4 см, длина бортика 9,6 см, дно имеет ширину 17,4 см, а длину 22 см. Лотки употреблялись для подачи на стол кушаний и напитков.

Сельницы. Два долбленных корытообразных сосуда относятся к сельницам — емкостям для просеивания муки. Обе они имеют форму вытянутого овала, приближающегося в прямоугольнику. Дно закруглено как с наружной, так и с внутренней стороны, на концах имеются ручки. У первого изделия (табл. 21, 1) ручки являются естественным продолжением закругленного дна и круто поднятых вверх стенок. Ручки несколько сужены с боков. Длина сельницы 80 см, ширина 38 см, высота стенок 14 см, длина ручек 9 см, толщина стенок и дна 1,1 см. Вторая сельница (табл. 21, 2) типологически сходна с первой и отличается лишь формой ручек, которые имеют вид горизонтальных бортиков, но более узких, чем ширина полости. Последнее несколько сближает ее с лотком. Длина сельницы 62 см, ширина 30 см, высота 9 см, толщина стенок и дна 1 см, ручки имеют длину 14 см, а ширину 7,5 см.

Совок. Найденный в Мангазее совок хорошо сохранился (табл. 20, 2). Он довольно большой: длина его 29,1 см, ширина 15,8 см, высота 8,2 см. Передняя сторона совка открыта, а задняя ограничена толстой стенкой шириной 6 см. Боковые стенки толщиной 0,7 см равномерно опускаются к переднему краю и постепенно сходят на нет, одновременно утончаются и дно, которое при этом несколько поднимается вверх. Подобные совки могли употребляться как для насыпания сыпучих тел, так и в качестве лодочных черпаков.

Точеная посуда

Деревянная посуда, изготовленная на токарном станке, применялась в русском быту по крайней мере с X в., о чем свидетельствуют раскопки на территории Новгорода¹⁶. Несомненно, что в XVII в. такая посуда была распространена чрезвычайно широко, однако в Мангазее ее не столь много и количественно находки точеной посуды уступают резной. Найдено всего 45 точеных предметов, из которых 34 принадлежат посуде и 11 — домашней утвари. Это объясняется, вероятно, тем, что потребности мангазейского населения в «щепье» удовлетворялись главным образом за счет собственного производства, в котором основную роль играла посуда и утварь, изготовленная вручную.

О существовании в Мангазее местного токарного промысла говорят высокая однотипность изделий, а также наличие довольно массивных толстостенных видов продукции, таких, как ступа, блюда, миски. Тонкая токарная утварь (коробки и крышки к ним, сосуды на столах) была привозная (изготовлена из дуба). Учитывая простоту лучкового токарного станка, позволявшую устанавливать его даже в обычной жилой избе¹⁷, такое производство в условиях Мангазеи было вполне возможно.

Говоря о том, что токарная продукция мангазейских мастеров сочетает в себе элементы изящества, присущие точеным предметам, и определенной грубости (посуда, как правило, толстостенная, в большинстве случаев лишенная орнамента, сочетает в себе элементы как токарной, так ручной обработки), отметим прежде всего две ступы, сохранившиеся в виде крупных фрагментов. Первая ступа имеет форму плохо выраженного конуса, поставленного на невысокий цилиндрический поддон (табл. 22, 1). Наружная обработка поверхности выполнена вручную и представляет собой грубую частичную затеску топором, а изнутри изделие довольно тщательно обработано при помощи токарного резца. Общая высота ступы 18 см, диаметр 16 см, глубина чаши 10 см, толщина дна 8 см, толщина боковых стенок 1,8 см.

Наружная поверхность второй ступы вообще не имеет никакой обработки, сохранена естественная цилиндрическая форма заготовки, лишь на расстоянии 4 см от основания (на уровне середины толщины дна) проведена кольцевая канавка глубиной 1,5 см, в которой закреплялся, вероятно, какой-то бандаж. Высота изделия 17,5 см, толщина дна 8 см, толщина боковых стенок 1,2 см. Диаметр ступы определить не удалось из-за сильной фрагментарности изделия.

Блюда. Точеные блюда, найденные в Мангазее, по форме близки современным тарелкам (табл. 23). Это широкие, низкие, слабо углубленные сосуды с горизонтальными бортиками. Все блюда совершенно однотипны, различия касаются в основном их размеров, которые также варьируют в небольших пределах. Представление о размерах блюд дает табл. VI.

Как видно из таблицы, диаметр блюд колеблется в пределах 25—35 см (преобладающий диаметр 30 см), а высота — в пределах 4,5—5 см (преобладает высота 5 см); горизонтальные бортики имеют ширину 2,2—3,5 см, средняя их ширина 3 см. Что касается формы блюд, то можно отметить три основные особенности: 1) все они плоскдонные без поддонов, у одного из них дно снизу углублено, за счет чего образовался крупный донный рельеф диаметром 12 см; 2) у большинства блюд на краях

¹⁶ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 31.

¹⁷ Просвирина С. К. Указ. соч., с. 7.

ТАБЛИЦА VI
Основные размеры деревянных блюд, см

Диаметр	Диаметр дна	Высота	Глубина	Ширина бортика	Толщина бортика
30	—	—	—	3	1,3
28	—	—	—	2,5	1,2
30	—	4,5	3,5	3	1,3
35	—	—	4,2	3,5	1,9
28	13	5	3,8	3,4	1
30,7	12	5,3	3	2,2	1,1
35	13	5	4	3,5	1,3
25	9	5	4,5	2,7	1,2
30	14	5	4,5	3	1,5

горизонтальных бортиков выделены невысокие (порядка 1 мм) рельефные ободки, имевшие орнаментальное значение; 3) помимо этого у семи блюд на бортиках имеется кольцевой орнамент в виде двух тонких концентрических полосок.

Чаши. Это сосуды, предназначенные для подачи пищи на стол. По форме они близки к мискам, но отличаются от них большими размерами. Одна из найденных чаш целая, остальные представлены крупными фрагментами, что позволяет без труда восстановить их вид. Чаши имеют слегка приплюснутую полусферическую форму. Стенки их плавно расширяются кверху и оканчиваются закругленными или плоскими срезами. Две чаши имеют невысокие поддоны, остальные три заканчиваются внизу плоско срезанным дном. Донца у всех чаш относительно узкие, особенно у чаш на поддонах. По форме они могут быть подразделены на две группы: высокие, близкие к полусфере, соотношение высоты и диаметра у которых составляет примерно 1 : 2 (табл. 24, 1, 2), и низкие, уплощенные, соотношение высоты и диаметра у которых составляет 1 : 3; 1 : 4 (табл. 24, 3, 4). Чаши ничем не украшены, за исключением одной на низком поддоне, орнаментированной двумя нитками кольцевых линий. Основные размеры чаш представлены в табл. VII.

ТАБЛИЦА VII
Основные размеры точеных чаш, см

Диаметр устья	Диаметр дна	Высота	Толщина стенок	Высота поддона	Материал
21,4	8,4	8,8	0,7	—	Кап
40	16	18	1,4	0,6	»
27,7	8,2	7,6	1,3	0,4	»
31,2	13,6	9,4	1	—	Береза
21,2	8	10	1	—	»

Чаши малые (чаши-чарки). Малые чаши для питья — редкая находка для Мангазеи: найдено всего четыре сосуда этого типа. Они разделяются на две группы: 1) чаши обычной формы с расширяющимися вверх стенками; 2) на поддонах и с носиками.

Сосуды первого типа (табл. 25, 1, 2) представлены двумя крупными фрагментами. Они имеют широко открытое устье (10,5—11 см) и относительно узкое дно (4—6 см), высота их 5,2 и 5,5 см. Стенки толщиной 0,4, 0,6 см, постепенно расширяясь, переходят в закругленный или прямо срезанный венчик. Чаши опираются на кольцевой донный рельеф диаметром 4 и 4,7 см.

Сосуды с носиками. Одна из чаш этого типа (табл. 25, 4) имеет довольно высокий поддон и по форме сходна с пиа-

лой. Однако от последней ее отличает наличие двух симметрично расположенных носиков, слегка отогнутых наружу. Диаметр чаши 6,7 см, диаметр поддона 3,2 см, высота поддона 0,5 см, общая высота чаши 5 см.

Форма второй чаши близко напоминает ковш, к которому она, вероятно, генетически и восходит. К сожалению, та ее часть, где помещалась, видимо, ручка, утрачена и это затрудняет реконструкцию изделия. Можно лишь говорить, что передняя часть чаши имеет высоко поднятый приотренный носик, что придает изделию ладьевидную форму и сближает ее с ковшом. В плане чаша овальной формы. Стенки ее довольно тонкие, заостряющиеся кверху. Опирается она на низкий кольцевой поддон. Вдоль кромки слома, где помещалась ручка, виден ряд мелких отверстий (следы ремонта). Основные размеры чаши: длина (высота с носиком) — 8,7 см, ширина — 7,1 см, высота носика — 1,4 см, диаметр поддона — 3,5 см (табл. 25, 3).

Сосуды со сливами. Среди точеных сосудов среднего объема, найденных в Мангазее, выделяются два, по форме близкие небольшим чашам, но отличающиеся от них небольшим, слегка отогнутым кверху носиком (слив). Оба сосуда имеют вид равномерно расширяющихся от дна чаш, стенки их слегка утончаются и заканчиваются скругленным срезом. Внизу у обоих сосудов кольцевой донный рельеф. У первого сосуда широко открытая чаша и высоко поднятый носик, высота которого достигает 3 см. Это сближает его по форме с ковшом. Стенки сосуда довольно тонкие (0,7 см). Диаметр устья равен 15 см, диаметр дна 5 см, высота изделия 5,8 см (табл. 22, 2). Второй сосуд толстостенный, толщина стенок достигает 1 см. Носик-слив выражен слабо, высота его всего 0,9 см. На стенке, ближе кверху, нанесен орнамент в виде трех тонких кольцевых линий. Основные размеры сосуда: диаметр устья 14,2 см, диаметр дна 5,5 см, высота изделия 7 см (табл. 22, 3).

Формы для выпечки хлеба. К этим изделиям принадлежат 10 глубоких сосудов, по объему близких мискам, но отличающихся от них по форме: для них характерны вертикально поставленные прямые высокие стенки и плоское дно без поддона. Полость сосудов по форме близка цилиндрической, соотношение высоты и диаметра примерно 1:2. Все изделия с наружной стороны имеют острое ребро, расположенное примерно посредине тулова (табл. 22, 4) или ближе к венчику (табл. 22, 5). В первом случае ребро украшено кольцевым орнаментом в виде трех—пяти тонких параллельных ниток. В одном случае два пояса такого орнамента украшают преддонную часть сосуда. Для венчиков характерна приоттрещенность за счет скошенности его внутрь. Все сосуды изготовлены из березового капа.

Размеры большинства сосудов могут быть определены лишь приблизительно. Промеры сохранившихся фрагментов дали следующие результаты: высота стенок 9 см, диаметр 9 и 14 см, толщина стенок 0,7—1,1 см, высота ребра 0,4—0,5 см. Один сосуд, сохранившийся целиком, имеет следующие размеры: высота 6,2 см, диаметр венчика 12,8 см, толщина стенок 0,9 см, высота ребра 0,4 см; внутренние размеры: высота 5 см, ширина 11 см.

Стакан. Обломок стакана представлен дном с остатками стенок (табл. 25, 7). Стакан был небольшой по размерам: диаметр дна равнялся всего 3,8 см. Несмотря на сильную фрагментарность, можно говорить, что он имел форму усеченного конуса, расширяющегося кверху. Стенки его довольно тонкие — 0,6 см, а дно толстое — 1,7 см. На стенках имеется орнамент в виде ряда узких кольцевых линий.

Коробочки и крышки. Коробочки с крышками представляют широко распространенный на Руси тип точеной

утвари, хотя в Мангазее найдена всего одна целая коробочка и шесть крышек. Все они изготовлены из дуба и являются привозной утварью. Коробочка имеет цилиндрическую форму, тонкие стенки и относительно толстое дно, выходящее закраинами за пределы стенок (табл. 25, 5). На венчике снята прямая кольцевая фаска — паз под ободок крышки. Высота изделия 3,7 см, толщина дна 0,5 см, толщина стенок 0,3 см, диаметр венчика 4,5 см. Судя по крышкам, коробочки имели различные размеры, диаметры которых лежали в пределах от 4 до 7,4 см. Все крышки низкие. Для них характерен слегка приподнятый и приоттрещенный (табл. 25, 10—12) или изогнутый по дуге (табл. 25, 6) верх. Снизу у крышек имеется невысокий кольцевой бортик, который вставлялся в устье коробочки. Иногда коробочки с крышками снабжались шлицевыми запорами.

Точеный стоян. Единственный в Мангазее точеный стоян невысокий, относительно толстый, покоится на широкой опоре диаметром 6,5 см и толщиной 1,7 см, которая, постепенно сужаясь, переходит в острореберный валик диаметром 2,5 см и шириной 1,2 см. Выше помещается узкий перехват, сочлененный с чашей. Общая высота стояна 3,4 см (табл. 25, 9). Вероятно, стоян принадлежал солонке, так же как и одна из крышек (табл. 25, 8). Последняя имеет форму неправильного конуса высотой 6,5 см, увенчанного куполовидной ручкой высотой 2,5 см. В нижней части крышки есть вертикальный бортик высотой 0,7 см. Диаметр крышки 11,6 см.

Различная деревянная утварь

В этом разделе рассмотрены различные предметы деревянной утвари, применявшиеся в повседневном быту обитателей Мангазеи. Среди них — предметы повседневного домашнего обихода (подсвечники, коробочки, вальки, коромысла весов, детали музыкальных инструментов и др.).

Коробочки с задвижными крышками. Такие коробочки по форме напоминают современные пеналы, но значительно уступают им по размерам. Они служили для хранения различных мелких предметов, преимущественно иголок. Найдено девять коробочек и одна крышка с резным верхом (табл. 26, 1). Коробочки имеют прямоугольную форму и тонкие стенки с пазами сверху для крышки (табл. 26, 2). Все коробочки односекционные. Их размеры лежат в следующих пределах: длина 5,9—20,5 см, ширина 2,2—8 см, высота 1,8—7 см, толщина стенок 0,3—0,5 см. Крышка с резным верхом украшена сложным ковровым орнаментом в виде вписанных друг в друга квадратов, ромбов и треугольников. В плане она имеет форму слегка вытянутого прямоугольника со сторонами 7,5 × 8,5 см. Снизу на крышке есть выступ со скошенными внутрь краями. Размеры выступа 7 × 5 см соответствуют отверстию коробочки.

Подсвечники. При раскопках найдено три подсвечника. Они выполнены из одного куска дерева и в верхней торцевой части имеют широкие отверстия, обгоревшие по краям. Наружная поверхность всех подсвечников обработана довольно грубо. Первый подсвечник (табл. 26, 4) изготовлен весьма просто: в качестве заготовки взят отрезок тонкого ствола березы диаметром 5,4 см и на расстоянии 3,2 см от основания грубыми затесами снизу и сверху обозначен перехват глубиной 1 см. Высота подсвечника 14 см, диаметр отверстия под свечу 2,5 см, глубина отверстия 4,2 см. Второй подсвечник по форме близок первому (табл. 26, 5). Он имеет форму усеченного конуса, опирающегося узкой стороной на широкую цилиндрическую опору высотой 4,4 см и диаметром 8,8 см. Общая высота подсвечника 11 см, диаметр отверстия под свечу 2,8 см.

глубина отверстия 5,5 см. Третий подсвечник имеет более сложную конфигурацию и напоминает по виду фигурный стоян с овальным валиком посредине (табл. 26, 3). Подсвечник высокий — 19 см. Опора его довольно массивная, диаметром 10 см и высотой 3,3 см. Она переходит в цилиндрический стержень диаметром 2,7 см с валиком, который соединяется с верхней площадкой, где имеется глухое цилиндрическое отверстие под свечу диаметром 4 см.

Пробки. В Мангазее найдено большое количество самых разнообразных пробок, изготовленных из дерева. Они характеризуются отсутствием стандартных форм и размеров и группировка их по типам весьма приближительна. Хорошо группируются лишь три пробки с коническим стержнем. Их длина 5,5, 9 и 14,5 см, а максимальный диаметр 1,5, 3,2 и 2 см. В верхней части пробки уплощены с боков и снабжены отверстиями (табл. 26, 6, 7). По форме они близко напоминают бондарные гвозди. Ко второй группе отнесены три массивные пробки с толстым коническим стержнем и уплощенной с боков головкой, снабженной отверстием (табл. 26, 10). Размеры пробок: длина стержней 6, 4,7 и 4 см, длина головок 4,6, 6,7 и 7,9 см; диаметр стержней 2,5, 6 и 6,8 см; диаметр головок 4,7 и 7,9 см. Третья группа пробок характеризуется разнообразием головок. Форма стержней — цилиндрическая. Две пробки — грибовидной формы (табл. 26, 8, 9), одна имеет головку в виде цилиндра с вырезами по четырем сторонам. Длина пробок колеблется от 1,8 до 11,5 см, а диаметр стержней — от 2,4 до 6 см. К четвертой группе отнесены пробки с цилиндрическими стержнями и головками в виде дисковидных шляпок (табл. 27, 1, 2). Одна из пробок имеет гвоздевидную форму с широкой шляпкой диаметром 11 см и толщиной 4 см. Диаметр стержня 4,2 см, высота 5,1 см. Две другие пробки меньших размеров: их высота 3,3 и 4 см. Меньшая из них показана на табл. 27, 2. Пятая группа пробок представлена единственным экземпляром. Это пробка с четырехугольным стержнем. Головка ее имеет вид пирамиды с вогнутыми гранями и оканчивается дисковидным навершием (табл. 27, 3). Высота пробки 8,3 см, размеры стержня (в плане) 4 × 4 см.

Шесть изделий относятся, вероятно, к крышкам. Они сильно уплощены, причем толщина шляпки примерно равна толщине нижнего выступа (табл. 27, 4—7). Все они дисковидной формы, за исключением одной, квадратной в плане. У одной из крышек в передней части есть приоттрещенный выступ, соответствовавший, вероятно, носику-сливу на сосуде. На другой крышке сверху имеется вырезанный ножом знак в виде прямоугольника, заштрихованного параллельно боковым краям; более широкими штрихами по линии диагоналей вырезан знак в виде буквы «Т» (табл. 27, 6). На нижних торцах трех крышек (так же как и у некоторых пробок) имеются скошенные пазы под шпонки (табл. 27, 2, 4, 6; 26, 9).

Вальки. Вальки — деревянные бруски, применявшиеся для выколачивания белья при полоскании, а также при

ТАБЛИЦА VIII
Размеры деревянных вальков, см

Длина	Длина ручки	Толщина	Ширина
37	8	2	5,7
51	15,5	3,8	8,7
64	15,5	2,6	7
40	10,4	1,4	15,5
31,5	14	2,8	7,5
30	13	2,8	8
44	10,5	2,7	7,5

глажении его, найдены в Мангазее в количестве семи. Они изготовлены из березового бруса и состоят из изогнутой сегментовидной в сечении лопасти и ручки. Размеры вальков приведены в табл. VIII.

Блоки. Деревянные блоки представлены шестью блочными колесами. Изготовление одного из них не окончено. Поверхность его обработана вручную, желоба нет, узкое отверстие, также прорезанное вручную, не развернуто. Ручная обработка блоков являлась, вероятно, первичной операцией. Судя по остальным пяти, они подвергались обработке на токарном станке. Блоки довольно однотипны (табл. 30, 2). Все они изготовлены из капа, их диаметры лежат в пределах от 7,5 до 16,5 см, а ширина от 3 до 4,9 см; глубина желоба 0,5—0,7 см. Исключение составляет тонкое в сечении (1,3 см) колесо с довольно глубоким желобком (0,6 см). Основные размеры блочных колес представлены в табл. IX.

ТАБЛИЦА IX
Основные размеры блочных колес, см

Диаметр	Диаметр отверстия	Ширина	Глубина желоба
16,5	3,5	4,9	0,5
16,5	3,5	3	0,7
11	3	4	0,5
10	3	3,3	0,5
8,3	2	1,3	0,6
7,5	—	3,5	—

Крюк подвесной. Подвесные крюки представлены двумя экземплярами, один из которых изготовлен из прямоугольного бруска длиной 19,7 см, шириной 3,4 см и толщиной 2 см (табл. 31, 1). На расстоянии 4,7 см от низа у него имеется фигурный вырез (крюк), а сверху на расстоянии 1,8 см — квадратное отверстие размером 1,5 × 1,5 см.

Второй крюк более простой по устройству; он изготовлен из сучка с веткой. Сверху на стержне есть кольцевая канавка для крепления шнура. Длина крюка 40 см, диаметр стержня 4,1 см.

Доска с прорезным крестом. Доска имеет прямоугольную форму размером 18 × 13,5 см, толщина 0,8 см. Верхний ее край снабжен выступом высотой 1,2 см. В верхней части доски, ближе кверху, вырезан сквозной крест (табл. 30, 3). Назначение предмета не ясно.

Еще одно изделие, типологически близкое описанному, изготовлено из бересты. Оно значительно меньше по размерам (его стороны равны 8 и 4 см), по краям видны тонкие отверстия от прошивки (возможно, изделие употреблялось в качестве аппликации). В средней части пластинки вырезан тонкий восьмиконечный крест (табл. 30, 4).

Деревянный молоток. Деревянный молоток (киянка) употреблялся для самых разнообразных целей. Он применялся при столярных работах, при строительстве домов (для проконопачивания стен) и т. д. Изготовлена киянка из короткого отрезка ствола березы диаметром 7,5 см, от которого перпендикулярно отходит ветка, выполнявшая роль ручки. Длина ручки 15,5 см, длина молотка 14 см (табл. 31, 2).

Головка гудка. Гудок — трехструнный смычковый музыкальный инструмент, употреблявшийся на Руси с IX в. и доживший до XIX столетия¹⁸, был одним из излюбленных

¹⁸ Привалов Н. И. Гудок. — ЗРАО, 1904, т. V, вып. 2, с. 79.

народных инструментов. Головка мангазейского гудка сильно напоминает по форме скрипичную (табл. 32, 1), с таким же характерным завитком-навершием, что, вероятно, является заимствованием от западноевропейских смычковых инструментов. Гудки раннего времени имели более простую форму¹⁹. Одна из таких головок арханчского облика имеется в мангазейской коллекции (табл. 32, 2). Гриф первого гудка ограничен по бокам в верхней части невысокими бортиками, сквозь которые проходят отверстия (сохранились два из них). В одном из отверстий уцелел деревянный колок диаметром 0,5 см, под которым помещались концы трех жильных (или кишечных) струн. Длина сохранившейся части грифа с головкой 12 см, ширина грифа 2,5 см, диаметр головки 3,3 см.

Коромысла весов. Два деревянных изделия отнесены нами к деталям весов — коромыслам. Одно из них сохранилось целиком, а второе фрагментарно. Сохранившееся целиком коромысло изготовлено из сосновой планки длиной 35 см, шириной 4,1 см и толщиной 1,3 см (табл. 31, 5). Концы планки снизу закруглены, а сверху на расстоянии 4 см от краев снабжены треугольными вырезами, которые служили для подвешивания чашечек. Ровно посредине снизу сделан трапецевидный вырез под упор. Ширина и глубина выреза 1,2 см. Второе коромысло представлено фрагментом. Длина сохранившейся части 24 см, ширина 2,4 см и толщина 1,8 см. Конец коромысла уплощен и оформлен в виде крючка, поднятого вверх, средняя часть изделия не сохранилась (табл. 31, 4). Сведения о том, что весы с коромыслом употреблялись в XVII в., имеются в расходных книгах московских приказов, где можно выделить несколько записей о покупках весов. Так, в одной из них говорится, что 14 июня 1665 г. было заплачено «москальному ряду торговому человеку Саве Ивану за вески приказные от дела нового коромысла и от починки и за новые снорки шолковые 8 ал.»²⁰ Имеются записи и о покупке гирек к весам «за медный фунт 13 ал. 2 деньги. А куплен в новгородскую четверть для привешивания ежиков и кости рыба зубу»²¹.

В заключение нужно указать на предмет, название которого не установлено. Он имеет стремявидную форму, с тремя концами, на которых есть прямоугольные отверстия (табл. 31, 3). Верхний конец короткий (3,7 см), нижний, длиной 11,8 см, симметрично расходится в стороны. Расстояние между ними равно 8,2 см. Трудно представить себе, что это изделие являлось стременом: слишком мало пространство между его концами; не исключено, что оно могло употребляться при плетении веревок или в качестве жерлицы для ловли рыбы.

Орудия прядения и ткачества

Орудия, применявшиеся при работе с волокнистыми материалами (прядении, мотании, ткачестве, вязании сетей), представлены в мангазейской коллекции единичными материалами, за исключением относительно большого количества веретен и шаблонов для сетей.

Ручное прядение осуществлялось при помощи прялки и веретена. Целые прялки до нас не дошли, но найдено донце от простой составной прялки (табл. 28, 1). Это тонкая доска, слегка приотренная с одной стороны и более широкая с другой. На широком конце имеется круглый в плане выступ с круглым же отверстием, куда крепилась

прялка. Длина конца 58,5 см, ширина 10 см, диаметр отверстия 2,8 см.

Все веретена (6 экз.) однотипны. Они имеют традиционную форму, утолщены в средней части, на одном из концов у них выделена бородка (табл. 28, 2—5). Размеры их также близки: длина 19—22 см, толщина в средней части 1—1,4 см, длина бородок 1,5—3,5 см. Четыре веретена выточены на токарном станке и два изготовлены вручную (табл. 28, 3, 4). Подобные веретена с бородками снабжались так называемыми верховыми пряслицами (т. е. надеваемыми на верхнюю часть веретена) и употреблялись главным образом при сучении спряденных ниток²². Пряслиц при раскопках не найдено.

Почти все точеные веретена (три из четырех) украшены орнаментом в виде тонких концентрических линий (табл. 28, 5), резные веретена орнамента не имеют. Аналогичный способ орнаментации веретен, известный на Руси с древности²³, дожил вплоть до современности.

Следующая операция по изготовлению пряжи — мотание, т. е. перематывание пряжи с веретена в мотки. Для этого употреблялись специальные приспособления — моталки или мотовила. При раскопках найдена одна ножка от моталки. Она представляет собой доску с фигурными вырезами длиной 60 см и толщиной 1,5 см (табл. 28, 6). В верхней части ножки сделан глубокий (3,5 см) вырез под ось, а снизу ножка заканчивается заостренным с боков штырем длиной 21 см и шириной 3,3 см, служившим для соединения ножки со станиной. На расстоянии 26 см от основания штыря посредине ширины ножки имеется круглое отверстие диаметром 4 см, в которое вставлялась планка, соединявшая ножки моталки между собой.

Из предметов, характеризующих ткачество, найдены челноки и юрок. Челноков два. Один из них вилкообразный, а второй ладьеобразный, полый, без прутка. Ладьеобразный челнок (табл. 29, 1) имеет длину 31,7 см, его ширина в средней части 4,8 см, а на концах 1,5 см. В средней части челнока имеется полость длиной 14,2 см и шириной 4,3 см, в которую помещалась цевка с намотанными на нее нитками. Нить пропускалась в отверстие в дне челнока. Вилкообразный челнок изготовлен из дощечки длиной 26 см, шириной 4,4 см и толщиной 0,5 см. Его конструкция чрезвычайно проста: на концах дощечки сделаны прямоугольные вырезы глубиной 3,3 см и шириной 3 см, на которые (вдоль челнока) и наматывалась нить (табл. 28, 8). В средней части челнок несколько заужен, а около одного из краев имеется прямоугольное отверстие, служившее для закрепления конца нити.

Еще один тонкий челнок с пазом для юрка изготовлен из кости.

Юрок (приспособление для снования нити на горизонтальном ткацком станке²⁴) представляет собой небольшой круглый стержень, вдоль которого проходит круглое отверстие диаметром 0,25 см. Концы его уплощены с боков и снабжены торцевыми пазами, у одного из концов прорезана кольцевая канавка (табл. 28, 7). Длина юрка 8,5 см, диаметр 0,8 см.

Челноки вилкообразной конструкции могли употребляться не только в ткацком производстве, но и для вязания сетей, хотя для этих целей применялись специальные иглы. В Мангазее найдены три целые иглы. Форма их хорошо известна по материалам этнографии, с которыми мангазейские иглы полностью согласуются (табл. 29, 2—4). Размеры их приведены в табл. X.

ТАБЛИЦА X
Размеры игл для вязания сетей, см

Длина	Ширина	Толщина	Длина иглоприменника
27,2	2,7	0,6	6,3
25	2,3	0,5	3,2
25	2,6	0,6	7

Шаблоны для вязания сетей по форме аналогичны современным. Это плоские тонкие дощечки с отверстиями в верхней части, ширина которых соответствует нужной ширине ячеек сети. В раскопках их найдено несколько десятков, некоторые из них помечены знаками (табл. 29, 5). Основной размер шаблона 4 см.

Кроме этого, в Мангазее найдено три мотовильца четырехугольной формы для ниток, изготовленных из тонких деревянных пластинок. Со всех четырех сторон пластинок имеют неглубокие выемки (табл. 29, 6, 7). Одно мотовило довольно большое по размеру: его длина 14 см, ширина 18 см. Сверху и снизу оно имеет глубокие трапецевидные вырезы (глубина вырезов 5 см). С боков мотовило ограничено бортиками высотой 0,6 см (табл. 30, 1).

Футляры для печатей

Одной из наиболее интересных категорий находок в Мангазее является группа деревянных изделий, которые представляют собой специально изготовленные футляры для вислых восковых печатей (табл. 33, 1—10; 40, 1—6). Учитывая большую подвижность торгового и промышленного люда, связанного с Мангазеей, и значительную удаленность города от центральной части государства, можно понять, почему находки таких футляров при раскопках Мангазее не являлись редкостью. Среди них есть целый футляр, в котором помещалась восковая печать с обрывком шнура (табл. 33, 6). К сожалению, оттиск на ней сохранился плохо и не поддается прочтению. Указанная находка подкрепила нашу догадку о назначении этих предметов, первоначально казавшихся загадочными, тем более что аналогии им в литературе отсутствовали. Между тем, по устному сообщению Б. А. Колчина, подобные вещи хорошо известны в Новгороде, где они встречаются десятками в слоях XV в. и ранее и где они также до сих пор не были объяснены. Мангазейские футляры изготавливались на месте по мере надобности. Технология их производства чрезвычайно проста: короткий круглый деревянный прут расщеплялся поперек, и на образовавшихся половинках симметрично вырезалась полость для печати и желобки — выводы для шнура (последнее делалось на одной из половинок); с наружной стороны вырезались поперечные желобки, необходимые при связывании половинок (смещение их могло привести к порче печати). Среди находок имеется много заготовок футляров.

Несмотря на то, что простота и рациональность принципиальной схемы изделий предполагает их однотипность, среди них все же есть разновидности. Они касаются общей формы предмета, видов полости и характера вывода шнура. Типология и статистика футляров показаны в табл. XI, где учтены только те изделия, которые сохранились целиком. Наиболее распространенной формой футляра был цилиндр с желобками на наружной стороне (найдено 27 экз.)²⁵. Такие футляры отличаются друг от друга лишь размерами и формой полости, а также

²⁵ Здесь и далее речь идет не о целых изделиях, а о половинках.

характером вывода шнура. Различается три вида полости: строго прямоугольная (9 экз.), (табл. 33, 7, 8), прямоугольная с закругленными углами (15 экз.) (табл. 34, 1—3) и овальная (2 экз.) (табл. 33, 9). Что касается желобков — выводов для шнура, то здесь отмечены следующие разновидности: 1) без прорезей (12 экз.) (табл. 33, 1—5); 2) одна продольная прорезь вдоль всего изделия (8 экз.) (табл. 33, 6—10); 3) одна продольная прорезь, проведенная с одной стороны от полости (2 экз.) (табл. 34, 3); 4) две параллельные прорези вдоль всего изделия (1 экз.) (табл. 34, 1); 5) параллельная прорезь поперек изделия (1 экз.) (табл. 34, 2). Большое количество половинок футляров, не имеющих прорезей, вызвано, вероятно, тем, что она делалась лишь на одной из половинок, как это видно на примере футляра, сохранившегося целиком. Желобки для скрепления половинок футляров всегда парные и нанесены произвольно.

Размеры футляров лишены стандарта. Укажем крайние параметры: длина 4,5—11 см, ширина 2,3—4,8 см; размеры полости: длина 1,7—8,3 см, ширина 1,4—3,1 см, глубина 0,5—1,1 см. Все изделия этого типа, за исключением двух не обработаны с наружной стороны. Остальные футляры представлены единичными экземплярами.

Особенностью второго типа является отсутствие крепежных желобков, которые заметны невысокими бортиками у концов. Форма несколько раздута с наружной стороны (табл. 34, 5). С внутренней стороны имеется овальная в плане полость размером 2,6 × 2,3 см. Желобки под шнур отсутствуют. Основные размеры половинки футляра: длина 3,5 см; ширина в средней части 2,4 см, а у краев 2,2 см. Половинка футляра, представляющая третий тип, имеет в плане форму овала. На концах ее есть небольшие уши с узкими поперечными прорезями для крепежного шнура (табл. 34, 4). С наружной стороны изделие тщательно обработано. Полость под печать имеет овальную форму длиной 5,6 см и шириной 4,1 см. Длина футляра 10 см, ширина 6,3 см, толщина одной половинки 1,8 см, длина ушек 0,9 и 1,1 см.

Помимо рассмотренных трех типов футляров, в коллекции есть еще один целый футляр, состоящий из двух половинок, назначение которого пока не совсем ясно (табл. 34, 6). Он гораздо длиннее остальных, его длина 16 см, а диаметр 3,2 см. С наружной стороны у него четыре крепежных желоба: два у концов и два в средней части. Между последними нанесена прямая широкая насечка (длина ее 1,2 см, ширина 0,4 см). С внутренней стороны почти вдоль всего изделия вырезана полость в виде желоба диаметром 1 см. С одного конца желобок упирается в бортик шириной 0,9 см, а другая сторона открытая.

Заканчивая обзор деревянной посуды и утвари Мангазее, остановимся на ряде характерных особенностей этой категории находок, которые позволяют по особому оценить такой важный источник по истории материальной культуры русского народа. Этот источник тем более важен, что XVII век — начало складывания общероссийского рынка, канун тех поворотных событий в истории Российского государства, когда приток новых видов посуды и утвари с запада приведет к постепенному вытеснению из городского обихода некоторых традиционных видов изделий. Одна из основных особенностей мангазейской посуды и утвари — ее рядовой, ординарный характер. Многие из деревянных изделий несут на себе следы только первичной обработки: таковы подсвечники, ступы, большая часть бондарных и берестяных изделий. Следует также признать, что посуда и утварь почти лишены орнаментации. Исключение составляют резная крышка от прямоугольной коробочки, украшенная резным орнаментом, и некоторые точеные предметы (блюда, формы для выпечки

¹⁹ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 179, табл. 82, 4.

²⁰ Бакаланова Н. А. Обстановка московских приказов в XVII веке. — ТГИМ, 1926, вып. 3, с. 96.

²¹ Там же.

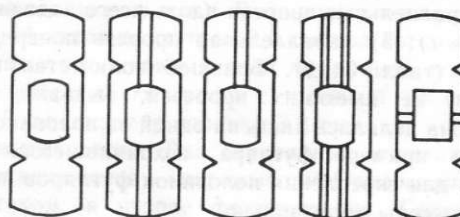
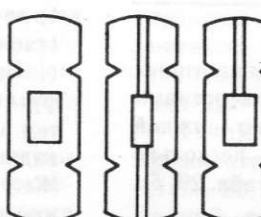
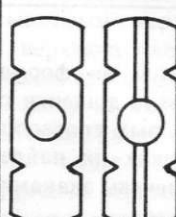

²² Лебедева Н. И. Прядение и качество древних славян. — ТИЭ. Нов. сер., 1956, т. XXXI, с. 482.

²³ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 66.

²⁴ Лебедева Н. И. Указ. соч., с. 496.

ТАБЛИЦА XI
Типология и статистика футляров для печатей

						
Количество	7 5 1 1 1	6 2 1	1 1	1	1	1

хлеба) со скудным орнаментом в виде редких кольцевых линий. Следы покраски обнаружены всего на двух предметах: крышке от туеса и детской игрушке в виде головы лошади, которые были покрашены в красный цвет. Правда, нужно отметить, что некоторые изделия из капа (например, ложки) не нуждались в окраске благодаря красивой текстуре материала.

Среди деревянной посуды утвари выделяется небольшая группа привозных изделий, но основная ее масса принадлежит к числу произведенных на месте. Подразделяя и утварь на местную и привозную, мы учитываем следующие критерии: 1) материал, из которого изготовлено изделие; 2) наличие заготовок и неоконченных изделий; 3) степень типологического сходства внутри категории (однотипность изделий); 4) чистоту обработки изделия; 5) характер изделий (дорожные, для повседневного обихода и т. д.). Рассмотрим, как действуют эти признаки по основным категориям вещей.

Бондарные изделия. Те виды тары, которые мы относим к разряду привозной, отличаются целым рядом специфических признаков; они изготовлены из дуба (за исключением одной бочки, которая была сделана из сосны) и отличаются более тщательной обработкой поверхности. Все они относятся к разряду дорожной тары (бочки, бочонки, баклаги). Заготовки такого рода изделий в культурном слое города отсутствуют.

Все остальные виды бондарных изделий — ведра, кадки, лоханки, жбаны, шайки — относятся к местным видам продукции. Вся эта утварь предназначалась для повседневного употребления. Для нее характерна грубая обработка поверхности, основной материал — сосна. Важным доказательством того, что эти виды изделий могли изготавливаться на месте, служат находки нескольких заготовок клепок ведер и кадок.

Резная посуда и утварь. За исключением ложек и формы для печенья, вся она, вероятно, была изготовлена на месте. Почти для всех видов этих изделий имеются заготовки, в том числе и для ковшей. Конечно, наличие тех или иных заготовок еще не решает вопроса о местном характере всей категории в целом, необходимо учитывать и другие факторы, такие, как вид сырья, типологическое сходство изделий внутри каждой категории и т. д. Для ложек

также характерна довольно высокая однотипность, но она определяется общим для них признаком: все ложки имеют укороченные ручки (дорожная утварь). По сравнению с другими видами резной посуды ложки отличаются более тщательной обработкой поверхности.

Привозной характер формы для печенья определяется материалом, из которого она изготовлена (липа).

Точеная посуда и утварь. Среди точеной посуды и утвари к привозным можно отнести лишь изделия из дуба: коробычки и крышки. В отношении остальных предметов можно предположить, что они были изготовлены на месте. Об этом прежде всего говорит их высокая однородность: впечатление такое, что все точеные предметы были изготовлены в одной мастерской. Это относится как к блюдам, так и к другим категориям предметов, которые близки друг к другу по форме и размерам, а также по почти полному отсутствию орнамента. Для орнаментированных предметов характерен редкий орнамент в виде тонких кольцевых линий. Как уже говорилось выше, о возможности местного производства токарных изделий свидетельствует и вид ступ, грубо обработанных топором с наружной стороны.

Таким образом, к разряду привозной продукции мы относим следующие изделия: бочки, бочонки, баклаги, ложки, форму для печенья, коробочки, крышки от корбочек, ткацкий челнок.

Основная масса деревянной посуды и утвари была изготовлена на месте. Этот вывод вполне согласуется с мнением В. А. Александрова, который писал в отношении сибирских городов XVII в., что «вопрос о снабжении промышленными изделиями решался почти исключительно самим населением»²⁶, причем «развивалось и довольно широкое производство на рынок»²⁷. Последнее было обусловлено усилением специализации ремесел в XVII в. Это коснулось, конечно, и Мангазеи, так как формирование ее, как и других сибирских городов, шло на базе принесения готовых форм производственных отношений. Несмотря

на то, что наши сведения о ремесле и торговле в Мангазее носят отрывочный характер и построены главным образом на данных археологии, можно тем не менее отметить, что сделанные находки отражают одну из особенностей этих отраслей экономики города. Эта особенность выражается в том, что количественно резная посуда значительно превышает токарную, в то время как в центральной части страны в XVII в. основное место на рынке принадлежало посуде, изготовленной на токарном станке²⁸. Это объясняется, вероятно, тем, что в Мангазее, помимо основных видов ремесленного производства, характерных для сибирских городов XVII в., на рынок и на заказ²⁹, большое место занимали домашние ремесла, предназначенные для обеспечения собственных нужд. Последнее было связано, скорее всего, с относительно слабым развитием деревообрабатывающего ремесла в городе, не удовлетворявшего в полной мере потребностей его жителей.

Говоря о местном характере большинства деревянных изделий, изготовленных из березы и сосны, нужно остановиться и на тех объективных факторах, которые определяют возможность такого производства: на местных сырьевых ресурсах.

Мангазея расположена в южной зоне лесостепи, в зоне контакта ее с лесом³⁰. Вообще западносибирская лесостепа отличается относительным безлесием (площадь, занятая лесами, достигает всего 1—5% ее территории)³¹, однако по краям междуречья (это относится и к Мангазее) зона облесения достигает 10—35%. В настоящее время в районе Мангазеи произрастают березово-лиственничные леса³² со значительным преобладанием лиственницы, что вообще характерно для лесостепи³³. Интересно заметить, что в настоящее время береза произрастает компактной массой на месте бывшего города, но это носит антропогенный характер. Тем не менее есть все основания говорить о том, что и в описываемые времена береза была доступна обитателям города. Об этом свидетельствуют результаты раскопок, в процессе которых были выявлены многочисленные деревянные архитектурные остатки. Видовое определение древесины, которое, естественно, отражает тот состав леса, который существовал на этой территории в XVII в., показало, что основная масса построек была возведена из лиственницы и ели, однако в некоторых случаях зафиксирована и береза³⁴. Кроме того, нижние венцы некоторых срубов имели прокладки в виде больших пластин бересты.

Что касается сосны, то северная граница ее произрастания лежит на расстоянии примерно 90 км к югу от Мангазеи. Однако раскопки показали, что применение сосны в градостроительстве было весьма широким: для этой цели использовались различные детали кочег. При раскопках найдены также их массивные детали, как кили, форштевень мачты, шпангоуты и др. Можно полагать, что эти виды судовых деталей использовались не только при строительстве домов.

Таким образом, возможность использования березы и сосны в качестве основных материалов при производстве

²⁸ Просвиркина С. К. Указ. соч., с. 22.

²⁹ Ляндерская А. А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII века. — В кн.: Города Сибири. Экономика, управление, культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974, с. 74.

³⁰ Шиятов С. Г. Дендрохронология Мангазеи. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 119.

³¹ Физико-географическое районирование Тюменской области. М. 1973. с. 49.

³² Шиятов С. Г. Указ. соч.

³³ Шумилова Л. В. Ботаническая география Сибири. Томск, 1962, с. 108.

³⁴ Шиятов С. Г. Указ. соч.

деревянных изделий в Мангазее подтверждается как географо-ботаническими факторами, так и данными археологических раскопок.

КЕРАМИКА

Обломки глиняной посуды — материал, наиболее часто встречаемый при раскопках позднефеодалных городов. Количество ее обычно бывает так велико, что она «насыщает культурный слой»³⁵. В этом смысле Мангазья является исключением: ее культурный слой крайне беден керамикой. На довольно большой площади, вскрытой раскопками, найдено всего несколько сотен черепков примерно от 186 сосудов. Эта особенность, подмеченная еще ранее одним из авторов настоящей работы³⁶, является отражением специфики Мангазьи периода первоначального освоения края. Момент оставления города зафиксировал определенную ступень развития его экономики, когда наряду с собственным производством разнообразной продукции еще отсутствует целый ряд промыслов, в том числе и гончарный. Об этом говорит и малое количество керамики и отсутствие каких бы то ни было следов ее производства и сам характер керамической посуды, которая находит прямые аналогии с московской керамикой XVII в.

В основу классификации керамики положен технологический принцип: техника изготовления сосудов и способ обработки поверхности. Это традиционный принцип классификации русской средневековой керамики, разработанный московскими археологами³⁷. В Мангазее встречаются все основные типы позднесредневековой керамики: 1) грубая белоглиняная; 2) черная лощеная; 3) краснолощенная; 4) поливная.

Грубая белоглиняная керамика

К этой группе керамики относится 158 сосудов, большинство из которых представлено некрупными фрагментами и выделено по венчикам. По типу эта керамика близка московской бегоглиняной керамике, но отличается от нее более темным цветом теста: в изломе черепки имеют темно-серый цвет. Керамика довольно грубая, в качестве основных примесей теста использован песок или (реже) шамот. Такой состав теста характерен для московско-бегоглиняной керамики XVII в.³⁸ Другой особенностью этой керамики является полное отсутствие орнаментации. Исключение составляет один сосуд, на шейке которого нанесены короткие и широкие наклонные отрезки.

Грубая белоглиняная керамика включает в себя следующие виды сосудов: горшки, миски, корчаги, скороды и умывальники. Учитывая, что последний вид изделий представлен всего двумя экземплярами, можно говорить, что основная масса белоглиняной керамики относится к разряду кухонной посуды.

Горшки. Горшки — наиболее распространенный вид этой керамики. По форме они близки между собой, но все же подразделяются на несколько типов.

11—16 см. Диаметр дна у них небольшой — 6—6,5 см, толщина стенок 0,5—0,7 см. Для горшков этого типа характерна раздутость тулова, выше которого помещается

³⁵ Рабинович М. Г. Московская керамика. — МИА, 1949, № 1

³⁶ Овсянников О. В. О керамике древней Мангазеи. — В кн. ...

³⁷ Рабинович М. Г. Указ. соч.: Розенфельд Р. Л. Московское кель...

Равинович М. П. Указ. соч., Розенфельд Г. М. Московское керамическое производство XVII—XVIII вв. — САИ, 1968, Вып. 14, с. 20.

³⁸ Розенфельдт Р. Л. Указ. соч., с. 45.

короткая шейка, хорошо выраженная за счет крутых плечиков (табл. 35, 1, 2). У четырнадцати сосудов переход к шейке подчеркнут острым ребром (табл. 35, 4, 6). Еще на двух горшках ребра помещены на нижней преддонной части тулова (табл. 35, 13), а у двух других на шейке есть округлые рельефные валики. Основная масса горшков имеет венчики, плавно отогнутые наружу, вертикально поставленных венчиков всего шесть. По краям венчиков идет простой срез, по которому часто проведена кольцевая канавка, или они оканчиваются округлым (табл. 35, 5, 9) или приотстренным выступом (табл. 35, 1, 7). Помимо этого, в коллекции имеется несколько более крупных горшков этого типа с диаметром венчика до 28 см (диаметр дна 13 см).

Второй тип горшков отличается от первого меньшей раздутостью боков и более покатыми плечиками, за счет чего шейка выражена менее рельефно (табл. 35, 3). Венчики всегда отогнуты наружу и по форме аналогичны венчикам горшков первой группы (табл. 35, 8, 9). Высота горшков 16—18 см, диаметр дна в среднем составляет 10 см.

Горшки баночной формы представлены всего двумя экземплярами. Для них характерно широкое горло и дно большого диаметра. Прямые венчики оканчиваются прямым срезом. Один из них, реконструированный О. В. Овсянниковым³⁹, имеет высоту 10 см, диаметр дна 14,5 см и диаметр венчика 14 см. Второй горшок, сильно фрагментированный, имел близкие размеры.

Корчаги. В коллекции имеется несколько фрагментов, в том числе венчиков и донцев, от широкогорлых горшков, служивших, вероятно, в качестве корчаг (табл. 36, 1). О форме их судить трудно, но можно сказать, что у них были широко раздутые бока, короткая шейка и прямые венчики с округлыми утолщениями на конце. Диаметр венчика равнялся примерно диаметру дна (их размеры лежат в пределах от 17 до 30 см). По составу теста корчаги не отличаются от обычных белоглиняных горшков.

Миски. К мискам относятся низкие сосуды, имеющие вид усеченного конуса, обращенного широкой частью вверх. Найдено 13 мисок такой формы. У них широко открытое горло и прямые венчики, слегка отогнутые наружу (табл. 36, 2, 4) или (в двух случаях) вогнутые внутрь. Края венчиков имеют слабо выраженное утолщение округлой формы. Высота мисок 7—10,5 см, диаметр дна 13—15 см, диаметр венчиков 13—26 см. К мискам этого типа принадлежит, вероятно, еще пять донцев на поддонах. У мисок второго типа прямостенная баночная форма. Впервые они были выделены и описаны О. В. Овсянниковым⁴⁰. Для них характерны высокие прямые стенки и резко отогнутый венчик (табл. 36, 3).

Типологически близки мискам две низкие плошки. Одна из них на поддоне, с прямыми расширяющимися стенками (табл. 36, 6). Срез венчика прямой. Высота сосуда 4 см, диаметр дна 8,7 см, диаметр венчика 12,6 см, толщина дна 0,7 см, толщина стенок 0,6 см. Второй сосудик лепной, красноглиняный (табл. 36, 5). Его стенки равномерно утончаются вверх, венчик слегка загнут внутрь. В плане он имеет неправильную круглую форму. Диаметр венчика 6,6 см, диаметр дна 3,4 см, высота сосуда 3,9 см.

Сковороды. В коллекции имеется целый экземпляр сковороды и 10 крупных фрагментов, позволяющих легко восстанавливать форму этих керамических изделий. По форме они близки современным металлическим сковородам, но отличаются более высокими стенками. Все сковороды покрыты нагаром как с внутренней, так и с наружной

стороны. Их донца снаружи покрыты слоем мелкого речного песка (следы подсыпки на круге). Носики-сливы отсутствуют. По форме сковороды делятся на три группы.

К первой группе относятся прямостенные сковороды с наклоном стенок наружу (вид сильно усеченного конуса). Их семь. Пять из них имеют венчики с прямым срезом (табл. 37, 1—3), одна с утолщением с наружной стороны (табл. 37, 6) и одна с утолщением на внутренней стенке (табл. 37, 4). Высота сковород лежит в пределах 5—7 см, диаметр дна 16—42 см.

Вторая группа сковород представлена двумя экземплярами. Они отличаются от первых формой стенок, которые плавно изогнуты в наружную сторону и оканчиваются слегка приотстренным венчиком (табл. 37, 6). Размеры первой сковороды: высота 5,3 см, диаметр дна 31,5 см, диаметр венчика 38,5 см, толщина стенок 0,8 см. Вторая сковорода имеет несколько меньшие размеры. Ее высота 4,5 см, диаметр дна 26 см, диаметр венчика 32,4 см, толщина стенок 0,6 см.

Третья группа представлена двумя сковородами, стенки которых слегка загнуты внутрь. Одна из них имеет приотстренный венчик и небольшую закраину у дна (табл. 37, 8). Высота сковороды 4,6 см, диаметр дна 23,4 см, диаметр венчика 29,6 см. Венчик второй сковороды имеет выступ с наружной стороны (табл. 37, 7). Высота сковороды 7 см, диаметр венчика 36 см, диаметр дна 30 см, толщина стенок 0,7 см.

Сосуды со сливами (умывальники). Среди четырех сосудов с трубчатыми сливами, найденных в Мангазее, один целый, а остальные представлены незначительными фрагментами (среди последних два чернолощенные). Целый умывальник был найден в раскопе 19, в одной из клеток двора воеводы Дм. Палицына. Он представляет собой широкогорлый низкий сосуд с раздутыми боками. Венчик отогнут и оканчивается округлым утолщением (табл. 38, 1). На уровне плечиков (примерно 2/3 высоты от дна) симметрично расположены две ручки в виде ушек, а между ними — слегка опущенный цилиндрический слив. Дно сосуда плоское, узкое, стенки слегка заглажены. Высота сосуда 28 см, диаметр венчика 32 см, диаметр дна 5 см, длина слива 3 см, диаметр отверстия 1,8 см, толщина стенок 1,2 см. Ручки имеют длину 3 см и ширину 5 см, размер проушины 1,3 × 2,6 см. Фрагмент второго умывальника обнаружен в раскопе 20 на территории гостинного двора. Слив имеет вид изогнутого вниз цилиндра длиной 2,6 см и диаметром 2,1 см. Диаметр отверстия 1,3 см (табл. 38, 2).

Чернолощенная керамика

Немногочисленная группа чернолощенной керамики представлена обломками 23 сосудов. Два обстоятельства: высокая фрагментарность керамики, среди которой большая часть принадлежит стенкам, и то многообразие форм чернолощенной посуды, которое характерно для русской керамики XVII в., не позволяють произвести полную реконструкцию видов чернолощенной керамической утвари Мангазеи. Можно лишь отметить, что в ее состав входили горшки, миски, кувшины, умывальники и чернильницы. Чернолощенная керамика по многим показателям отличается от грубой белоглиняной. С точки зрения технологии для нее характерно плотное тесто, хороший обжиг и тщательная обработка поверхности. Керамика отличается тонкими стенками (0,4—0,6 см), черепки в изломе имеют серый цвет. Лошение при обработке поверхности сосудов применялось двоякого вида: сосуды ложились целиком или только в местах орнаментации. Выделяется три типа

узоров: ромбическая сетка, линейный орнамент (иногда эти элементы встречаются вместе) (табл. 38, 9), сочетание горизонтальных и вертикальных полос (табл. 38, 10, 12), а также в виде наклонных полос (табл. 38, 11). Рассмотрим отдельные виды чернолощенной керамики.

Горшки. О форме горшков можно судить по пяти крупным фрагментам венчиков. Для них характерна хорошо выраженная короткая шейка и отогнутый венчик, который оканчивается прямым срезом (2 экз.) (табл. 38, 6) или мягким округлым напывом (табл. 38, 7). Один венчик прямой.

Кувшин. Кувшин представлен единственным маленьким фрагментом венчика с носиком-сливом (табл. 38, 5). О форме кувшина судить невозможно. Можно лишь сказать, что он имел высокий прямой венчик с мягким округлым срезом. Фрагмент залощен сплошь.

Умывальники. Два фрагмента чернолощенных умывальников были обнаружены в раскопе 8 в пределах крупного ремесленно-жилого комплекса. Они значительно отличаются от белоглиняных сосудов со сливами не только по технологическим особенностям, но и по форме. Носики чернолощенных умывальников выполнены в виде головы лошади и тщательно залощены сплошь. Наружный диаметр одного из сливов равен 2,8 см, а диаметр отверстия — 1,6 см (табл. 38, 3). Второй слив сильно фрагментирован (табл. 38, 4).

Чернильница. Чернильница имеет форму маленького приземистого кувшина на низком поддоне. Оно отличается широко раздутыми боками, переходящими в узкую шейку. Венчик оканчивается округлым напывом (табл. 39, 1). Чернильница изготовлена на гончарном круге и покрыта сплошным лошением. Высота ее 4,8 см, диаметр 6,7 см, диаметр поддона 3,8 см, диаметр шейки 2,7 см, диаметр венчика 1,8 см, диаметр отверстия 1,6 см. Чернильница обнаружена в жилом доме в районе таможни. Здесь же была найдена кисточка для смахивания песка. Интересно отметить, что внутри чернильницы сохранились налипшие на стенки остатки чернил. Помимо этой, в Мангазее было обнаружено еще три чернильницы, которые будут рассмотрены в разделе поливной керамики.

Заканчивая описание чернолощенной керамики, кратко остановимся на вопросе распространения ее среди городских построек. Основная часть чернолощенной керамики была обнаружена в кремле на территории воеводского двора, несколько фрагментов найдено в административной части города близ таможни и гостинного двора. В ремесленной части посада чернолощенная керамика была обнаружена только в составе крупнейшего хозяйственно-ремесленного комплекса города (раскоп 8). Вероятно, распространение этого наиболее дорогого вида керамической продукции отражает определенную социально-имущественную дифференциацию населения древней Мангазеи.

Красноглиняная керамика

Красноглиняная посуда изготовлена из хорошего тонкого теста и хорошо обожжена. По материалам раскопок на территории Москвы видно, что красноглиняная посуда к XVIII в. уже выходит из употребления⁴¹, немного ее встречено и в Мангазее. Здесь обнаружены обломки трех тонко заглаженных горшков и кувшина с лошеным орнаментом. Горшки, судя по фрагментам венчиков, были хорошо профилированы, для них характерна короткая шейка и отогнутые венчики, оканчивающиеся слабо выраженными мягкими утолщениями. В целом горшки по форме аналогичны белоглиняным и чернолощенным. О виде кувшина судить трудно. Можно лишь сказать, что он имел

вытянутую форму и высокий прямой слегка отогнутый венчик. На его поверхности есть лошенный орнамент в виде довольно широких вертикальных полос.

Поливная керамика

Образцы поливной керамики представлены единичными экземплярами.

Горло от узкогорлого сосуда представлено небольшим фрагментом высотой 2,1 см, диаметр отверстия 1,3 см. Полива светло-зеленого цвета.

Миска была изготовлена из белой глины и покрыта зеленой поливой. Венчик слегка приотстрен и отогнут, на стенке имеется орнамент в виде пояса из восьми кольцевых канавок. Толщина стенок 0,4 см, диаметр венчика 23 см.

Чернильницы. Среди трех поливных чернильниц две сохранились практически целиком, а третья представлена венчиком. Первая чернильница по форме и размерам близка чернолощенной (табл. 39, 2). Она такая же низкая, с раздутыми боками и узким горлышком. По форме чернильница напоминает фигуру, составленную из двух усеченных сегментов. Средняя часть тулова, наиболее широкая, имеет хорошо выраженное острое ребро; дно плоское, без поддона. Шейка практически отсутствует, а покатые плечики переходят непосредственно в короткий прямой венчик с округлым утолщением на конце. Чернильница изготовлена на гончарном круге из красной глины и покрыта зеленой поливой. Высота ее 4,4 см, высота венчика 0,6 см, диаметр тулова 7,3 см, диаметр дна 4,5 см, диаметр венчика 1,6 см, толщина стенок 0,3 см. По тулову нанесен орнамент в виде двух тонких concentрических линий. Вторая чернильница гораздо больших размеров. Она также имеет вид двух сочлененных сегментов, бока ее сильно раздуты, хорошо выраженным острым ребром (табл. 39, 3). Диаметр ее тулова 17 см, а высота 6 см. Дно у чернильницы плоское, без поддона, диаметром 4,2 см, венчик относительно высокий, прямой, мягко очерченный, имеет вид усеченного конуса. Стенки и дно одинаковой толщины — 0,5 см. Чернильница богато орнаментирована. Сверху на венчике орнамент состоит из трех тонких concentрических линий, а на плечиках имеется четыре рельефных полукруглых валика, украшенных косыми насечками. Высота валиков 0,2 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге из белой глины и покрыт голубоватой поливой. Третья чернильница хорошо согласуется с типом московских переносных (поясных) чернильниц XVII в.⁴² Сохранилась лишь верхняя часть — горлышко чернильницы (табл. 39, 4). Стенки горлышка (венчик) равномерно расширяются кверху и образуют воротничок, сквозь который пропущено два круглых противолежащих отверстия диаметром 0,4 см. Отверстия служили для продевания шнура. Высота горлышка 2,5 см, диаметр воротничка 4,2 см, диаметр отверстия 1,5 см. Чернильница была изготовлена на гончарном круге из красной глины и покрыта с обеих сторон зеленой поливой. Близкий тип переносных чернильниц, изготовленных из меди, известен по инвентарю московских приказов XVII в.⁴³

В заключение нужно остановиться еще на одной категории керамических изделий: детских игрушках. В Мангазее найдена одна керамическая игрушка — свистулька. Это фигурка какого-то животного с массивным туловом (табл. 36, 7). Снизу выделены четыре короткие ноги, сзади — поднятая и приотстренная хвостовая часть с отверстием, а впереди помещалась голова на длинной шее.

³⁹ Овсянников О. В. Указ. соч., с. 270, рис. 1, 20.

⁴⁰ Овсянников О. В. Указ. соч., с. 271.

⁴¹ Розенфельдт Р. Л. Указ. соч., с. 16.

⁴² Розенфельдт Р. Л. Указ. соч., табл. 19, 1—3.

⁴³ Бакалова Н. А. Указ. соч., с. 89.

Глава 4

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ. ШАХМАТЫ

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Обилие находок, сделанных из различных видов кости, характерно для культурного слоя средневекового русского города и свидетельствует об особом «пристрастии» к этому материалу как древнерусских ремесленников, так и домашних рукоделов.

В период образования русского централизованного государства в связи с растущими потребностями в товарной массе сельскохозяйственных и ремесленных продуктов и изделий¹ происходят важнейшие сдвиги в организации экономики страны. Отличительной чертой этих сдвигов являются: дифференциация ремесленных специальностей и ремесленная специализация различных районов Русского государства. Аналогичные процессы наблюдаются и в ремесленной обработке кости. Именно в это время, в XVI—XVII вв., оформляются русские косторезные центры и крупнейший из них — северный². Говорить о сложившемся ремесленном центре можно в том случае, когда количество работающих мастеров таково, что их продукция составляет значительную долю в товарном производстве данного посада или города. Сложение холмогорского косторезного центра на Севере происходило в тесной связи с формированием крупнейших торгово-ремесленных поселений в данном районе³. Косторезное ремесло наряду с обработкой железа становится одним из традиционных ремесел на Севере Руси. Традиционность обработки кости в этом районе объясняется прежде всего тесными связями с основной экономической специализацией Севера (с морским промысловым хозяйством)⁴, со всем хозяйственным и бытовым укладом населения Северного Поморья. На протяжении всего XVII в. эта область Поморья является своеобразным «поставщиком» на крупнейшие русские рынки как сырья — местной моржовой («рыбьей») кости и привозной слоновой, так и изделий местных косторезов.

Расширение сырьевой базы русского косторезного ремесла в связи с возникновением восточносибирских морских промыслов бесспорно содействовало дальнейшему развитию обработки кости, углублению специфики этого ремесла на фоне дальнейшего процесса территориального разделения труда. Именно восточносибирские морские промыслы (основной продукт этих промыслов в XVII в. — моржовый клык) позволили создать колоссальные запасы «рыбьего зуба» в царских кладовых. Несомненно, значение сибирской сырьевой базы для русских косторезов было

отчетливо понято уже в то время. Об этом красноречиво сказано в источнике XVII в.: «а от Амурского устья по теплomu морю до каменна носа и от каменна носа по студеному морю-океану до устья великия реки Лены, и от Лены тем же океаном-морем до рек устья Енисея и Мангазейки по морю-океану, по берегу, много рыбьей кости зверя моржа лежит, и государские люди промышленные и иноверцы, великих государей подданные есачные люди, на тех местах около океана на берегах кость рыбью емлют себе и костью есак великим государем на всякий год платят, а государские промышленные люди на тех местах токмо с промыслу своего в казну государственную пошлину дают костью рыбьею и всяким зверем десятину»⁵. Запасы «рыбьего зуба» в Восточной Сибири казались воистину неисчерпаемыми, и кость была хорошего качества. В 1658 г. якутский воевода писал в Сибирский приказ о том, что в устье р. Анадырь промышленники («Сенька Дежнев с товарищи» и другие) напромышляли 289 пудов «рыбьего зуба» («И для образца Сенька Дежнев прислал к нам, холопам твоим, пуд кости в 6-ти зубах»), который в Якутске был оценен в 60 руб.⁶

Уже в первой половине XVII в. малые народы восточной Сибири платили ясак «моржовым зубьем большим, средним...»⁷ На протяжении всей второй половины XVII в. «на государя» отправляются из Восточной Сибири большие транспорты «рыбьего зуба» и мамонтовой кости. О размерах промысла моржовой кости свидетельствует, например, наличие только у С. Дежнева в 1660 г. «моржовых клыков своего промысла» 50 пудов⁸. В 1662 г. «на государя» у семи промышленников было взято 130 пудов «лутчей кости», а «заморной» кости в Сибири было такое количество, что можно было нагрузить многие суда⁹. Сибирские документы XVII в. насыщены челюбными служилых и торговых людей о выдаче им денег за посланный в Москву «рыбей зуб» их промысла¹⁰. Первоначальное освоение Аляски шло под девизом: брать ясак с местного населения «моржовым зубьем большим», а с промышленников «имать на государя лутчим же рыбье зубьем»¹¹. По указу якутского воеводы отправляются «охочие служилые люди» на море для розыска «новых рек и промыслов рыбьего зуба»¹².

Вклад северных районов Западной Сибири в сырьевую базу косторезного ремесла был более скромным. Отсюда шла лишь мамонтовая кость. Еще в начале XVIII в.,

например, одним из основных предметов вывоза из Березова и Сургута продолжала оставаться мамонтовая кость¹³. В литературе, посвященной сибирскому косторезному ремеслу, основной акцент делается на исконность и типичность этого ремесла для Сибири. Безусловно, сложение сибирских косторезных центров шло одновременно с организацией сырьевой базы этого ремесла в зауральских землях. Однако выделение этого ремесла в посадской экономике в Сибири произошло не сразу. Об этом свидетельствует такой факт, как ввоз «с Руси» продукции косторезного ремесла. Об объеме вывозимой в Сибирь продукции косторезов говорят хотя бы такие отрывочные данные: в 1639/40 г. в Тобольск для продажи поступило 675 гребней роговых, 18 гребней слоновых, 130 четок, 110 пуговиц, в этом же году через Тобольск в города Восточной Сибири транзитом провезено 1205 гребней роговых, 14 слоновых, 28 маток костяных, 21 нашивка, 35 говьящих четок¹⁴. Сложилась, казалось бы, парадоксальная ситуация: кость из сибирских земель широким потоком «хлынула» не только в государеву казну, попала она и в монастырские «токаренные избы» в качестве налога и вкладов, вывозилась на Русь для продажи, и в то же время Сибирь ввозила широкий ассортимент продукции косторезного ремесла.

В какой мере можно говорить о складывающемся в XVII в. местном, сибирском косторезном центре? Несомненно, этот вопрос находился в тесной взаимосвязи с большой и сложной проблемой — основные этапы сложения посадского ремесла в Сибири на протяжении XVII столетия. Письменные источники дают скудные сведения о ремесленниках-косторезах в Сибири, да и то только со второй половины XVII в. Енисейская таможенная книга за 1698/99 г. упоминает трех енисейских гребенщиков — Данилу Григорьева, «записного плотника» Родиона Леонтьева и его сына Ивана Родионова¹⁵. Основная продукция этих косторезов — гребни из мамонтовых бивней — поступала не только на местный, енисейский рынок, но и в другие сибирские города — Тобольск, Томск¹⁶. Вероятно, материал, из которого сделаны костяные вещи, может служить своеобразным «индикатором» для определения, где они изготовлены. «Слоновое гребень» привозилось в Сибирь «с Руси», гребни из мамонтовой кости могли быть продукцией местных мастеров. В таможенных книгах Туруханска конца XVII в. записаны «явки» мамонтовой кости, а в 1700 г. промышленник Ф. Гребенщиков «явил» 3 тыс. гребней, выделанных из мамонтовой кости¹⁷. Более определенные сведения о резчиках и гребенщиках в сибирских городах относятся к XVIII в.¹⁸

Несомненно, что в XVII в., особенно в его первой половине, в условиях привоза «с Руси» основных категорий инструментов, оружия, бытовых вещей и обилия мамонтовой, моржовой кости и рога в Сибири русское население широко использовало кость для изготовления необходимых предметов. Любопытно, что при составлении ценовых росписей на кость, принадлежавшую промышленным и служилым людям, наряду с «недельной» костью, как правило, упоминается и «всякая мелочная кость в оттирках и в черенке и во всякой мелочи». Например, в Жиганском зимовье соотношение «дельной» и «недельной» кости составляло: 2 пуда 11 гривенок и 135 пудов¹⁹. После смерти соликамца Михайло Захарова осталось значительное количество «дельной» кости — «20 пуд дельной кости да обломов и черенья тесанового с пуд, 5 натрусок рыбье зубу»²⁰. У промышленного человека важанина Васьки Бугра было «черенья кости рыбья зубу» 16 гривенок²¹.

Вероятно, приведенный пример соотношения «дельной» и «недельной» кости в какой-то мере определяет первоначальный этап косторезного дела в сибирских землях, когда рано еще говорить о нем как об одном из видных посадских ремесел. Скорее это один из видов домашнего ремесла, составлявшего не основную, а побочную деятельность для резчика. Представляется, что все это необходимо учитывать при рассмотрении изделий из кости, обнаруженных во время раскопок Мангазейского поселения. Ассортимент этих изделий довольно широк: детали оленьей упряжки, наконечники стрел, иглы для вязания сетей, шахматы, игральные кости, гребни, украшения и различные предметы бытового назначения²². Все это дает основания уверенно говорить о значительном объеме производства изделий из кости на месте, в Мангазее. Об этом же свидетельствует большое количество находок обломков костей, рогов и мамонтовой кости, а также заготовок костяных изделий (табл. 41). Найдены большие куски мамонтовых бивней, зубы мамонта. Мангазейцы изготавливали из мамонтовой кости предохранительные щитки для стрельбы из лука, отдельные типы декоративных поделок. Обилие мамонтовой кости привело прямо к «расточительному» расходованию этого ценного материала. Однако предпочтение отдавалось все-таки рогу северного оленя и лося. Во-первых, этот материал был всегда под рукой и в большом количестве, во-вторых, рог как материал был мягче и легче поддавался обработке. При его обработке использовались следующие приемы: грубая обработка топором и ножом (следы крупных сколов, обстругивания хорошо видны на заготовке), распиловка (поперечная и продольная мелкозубчатыми пилами).

Даже краткий обзор заготовок из кости, найденных в культурном слое Мангазеи, позволяет выделить две группы вещей: вещи, привозного характера которых не вызывает сомнений, и вещи, изготовленные на месте. Основным критерием для определения привозного характера некоторых категорий костяных вещей является высокое качество их изготовления, требующее высокой профессиональной квалификации и определенный технический оснащенности мастера. Это позволяет внутри той или иной категории вещей выделить привозные и местного мангазейского производства. Наиболее четко это можно проследить на мангазейских шахматах, сравнивая изделия из кости и дерева.

Гребни. Костяные гребни, найденные в Мангазее, имеют в большинстве своем традиционную прямоугольную или

¹ Данилова Л. В., Пашуто В. Т. Товарное производство на Руси (до XVII в.). — Вопросы истории, 1954, т. 1, с. 132.

² Овсянников О. В. О косторезном ремесле в средневековой Руси. — СА, 1969, № 1, с. 76—82; Он же. Заметки о северных косторезах. — СЭ, 1969, № 4, с. 114—122.

³ Овсянников О. В. Холмогорский и Архангельский посады по торговым и переписным книгам XVII в. — В кн.: Северный Археологический сборник. Вологда, 1970, вып. 1, с. 197—211.

⁴ Крупные транспорты с «рыбьем зубом» идут в XVII в. «в государеву казну» с Мезени.

⁵ Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890, с. 85.

⁶ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. (сборник документов). Л., 1936, с. 143.

⁷ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Составитель М. И. Белов. Л., М., 1952, с. 65.

⁸ Там же, с. 137.

⁹ Русские мореходы. . . с. 135—136, 205.

¹⁰ Архив ЛИИ АН СССР, ф. 160, карт. 8, стб. 2, 10, 11.

¹¹ Русские мореходы. . . с. 65.

¹² Там же, с. 205.

¹³ Мищенко Н. А. Березов и Сургут в XVIII в. — первой половине XIX в. — В кн.: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в дореволюционный период). Новосибирск, 1974, с. 93—94.

¹⁴ Вишков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 95, 157.

¹⁵ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, с. 164.

¹⁶ В 1698 г. Родион Леонтьев послал сына в Томск для продажи 0,5 пуда «мамонтовой кости в гребеньях». Эта кость была куплена Родионом «в Енисейску из мангазейской проезжей у промышленного человека у Андрюшки Яковлева недельную. . . а ту кость переделывал он в гребень в Енисейску» (см.: Копылов А. Н. Указ. соч.).

¹⁷ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 70.

¹⁸ Например, по данным 1790 г. городского магистрата в Тюмени среди гребенщиков было четыре мастера и два ученика (Копылов Д. П. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII — первой половины XIX в. — В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1978, с. 112). Были резчики по кости в то время и в Якутске (Вишков О. Н. К истории Якутска и Охотска в XVIII в. — В кн.: Города Сибири, с. 212).

¹⁹ Колониальная политика. . . с. 143.

²⁰ Там же, с. 145.

²¹ Там же, с. 145.

²² Многие категории костяных изделий рассматриваются в соответствующих разделах монографии по функциональному признаку.

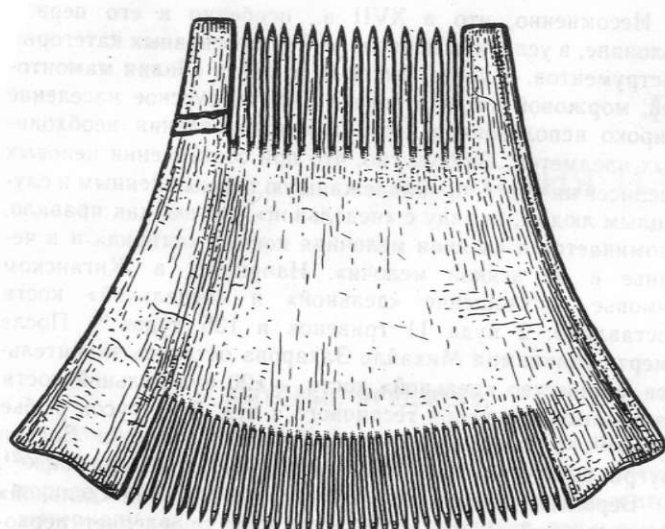

Рис. 7. Роговой гребень

слегка трапециевидную форму. Как правило, гребни двурядные, выпиленные из одной пластины. Почти на всех гребнях видны следы разметок для зубьев верхнего и нижнего рядов — параллельные линии, прочерченные перед выпилкой зубьев. Гребни имеют различные размеры. Среди них есть гребни для расчесывания бороды и усов (табл. 42, 1—10), для мужской прически (табл. 42, 12) и гребни для женских причесок, которые служили одновременно и украшением (табл. 42, 11). Орнаментация на гребнях встречена в единичных случаях — на небольшом гребешке, который использовался для расчесывания бороды, усов, и на единственном одностороннем гребешке, сохранившемся фрагментарно. Орнамент — «циркульный». Особо следует отметить большие, несомненно принадлежавшие женщинам роговые гребни изящной трапециевидной формы, с широким нижним рядом и узким верхним рядом зубьев. Плоскость этих гребней слегка вогнутая (рис. 7).

Данные о цене на некоторые группы косторезной продукции в Сибири содержат «Списки о товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску» XVII в. Например, цена за 100 гребней слоновых больших — 25 руб., средних — 20 руб., меньших — 10 руб.; роговых больших — 4 руб., средних — 3 руб., меньших — 2 руб. Цена одного гребня слонового — гривна, мамонтового — полгривны, рогового — 4 деньги²³.

Рукояти ножей. Костяные рукояти ножей в средневековой Руси получили необычайно широкое распространение. Мангазейский материал также дает возможность выделить несколько типов рукоятей: целиком костяные, овальные в сечении, такие рукояти имели в центре паз для насадки черешка ножа; рукояти, состоявшие из двух пластин, которые крепились к широкому черешку ножа при помощи заклепок-штифтов; наборные рукояти, у которых костяные вставки были лишь частью рукояти. Большие костяные рукояти мы уже отмечали у массивных мангазейских клинков, использовавшихся в качестве универсального инструмента (табл. 40, 1, 2). У столовых ножей костяные рукояти меньше и изящнее — это костяные пластины, ромбовидные в сечении (табл. 40, 3). Рукояти из двух пластинок на штифтах довольно редко встречаются — в Мангазее их найдено лишь две (табл. 40, 4, 5) и один нож, на черешке которого сохранились шрифты (табл. 40, 6). Подобные рукояти хорошо известны по находкам в средне-

вековых слоях древнерусских городов²⁴. Любопытна находка ножа с небольшим клинком и составной рукоятью: по медной основе овальной рукояти наведен оловом растительно-геометрический орнамент, завершается рукоять большой костяной насадкой (табл. 40, 9). Пластины из красной меди с наведенным оловом орнаментом были найдены среди снаряжения полярной экспедиции XVII в., погибшей у берега Таймыра. В литературе высказана справедливая точка зрения, что центры производства подобных изделий нужно искать в городских центрах Русского Севера, прежде всего в Устюге Великом и Соли-Вычегодской²⁵. О широком вывозе этих изделий наглядные и многочисленные сведения дают таможенные книги XVII в. этих городов²⁶. Костяные детали имели зачастую и деревянные рукояти больших ножей — своеобразные стягивающие кольца у перехода от клинка к рукояти и наверхние рукояти для предохранения дерева от раскалывания.

В XVI—XVII вв. большие партии костяных рукоятей для ножей постоянно поступают на рынки русских городов. Так, в записях «Книги расписных мелочных товаров Московской Большой Таможни» 1694 г. упоминается «череные костяное говязье», «черенья» грановитого кирилловского дела (из «токаренной избы» Кириллово-Белозерского монастыря)²⁷. Ножи с костяными рукоятями в XVI—XVII вв. были одной из ходовых и популярных бытовых вещей. Они встречаются в описях («ножи складные черены рыбы одношадры с припайками»), в описях имущества духовных лиц («5 ножей связанных черены рыбы одношадры») и др.²⁸

Игральные кости. Среди мангазейских изделий из кости небольшую коллекцию составляют игральные кости. Можно говорить о наличии фишек от двух игр. Первая игра известна по письменным источникам как «зернь». Фишки — игральные кости представляют собой костяные кубики со стороны квадрата 0,5 см и с различным числом глазков на каждой плоскости. Игра была азартная, играли в нее на деньги, имущество. Администрация и церковные власти преследовали эту игру. В 1630 г. в вотчине архиепископа вологодского и великопермского был произведен специальный сыск с целью выяснения, кто «зернью и карты играют»²⁹. В 1649 г. верхотурский воевода беспокоился, чтобы служилые люди «и зернью и карты и шахматы и ладьями не играли...»³⁰. Игрою в зернь не менее рьяно занимались и ясачные люди, что особо беспокоило воеводскую администрацию, так как наносило прямой ущерб царской соболиной казне. В 1636 г. верхотурскому воеводе была направлена царская грамота о запрещении ясачным людям играть зернью: «иные многие ясачные люди играют

зернью и что добудут в наш ясак соболей и лисц или иного какого зверя, то проигрывают и промеж собою живет у них на зернь убийство», в результате чего «ясак платят оплошно»³¹. Наиболее популярным местом для игры в зернь были бани. Царские и воеводские указы, частные «сыски» не могли пресечь влечение к этой игре. Администрация нередко предпринимала и такие меры, как отдача на откуп игры в зернь и карты.

Если зерновые кости широко известны по находкам в средневековых городах³², то не менее популярная в XVI—XVII вв. игра в карты и сами игральные карты, как и «правила» игры, остаются пока загадкой. Вряд ли игральные карты были бумажными, скорее всего это так же, как и зернь, костяные фишки. Есть косвенные подтверждения такому предположению — карты упоминаются всегда рядом с зернью не только в связи с запретом этих игр, но и при продаже их.

В Мангазее найдено около полутора десятка небольших квадратной формы костяных пластинок толщиной 0,3—0,5 см (размер в среднем 2 × 2 см). На обеих их сторонах нанесено различное количество кружков и точек (но всегда одинаковое с обеих сторон). Возможно, именно эти игральные кости-пластины являются игральными картами (табл. 43, 1—7).

Бабки. Письменные источники упоминают игру «ладьями», т. е. игру в бабки. Игральные кости — астрагалы. В Мангазее найдено около десятка таких костей.

Костяные орнаментированные пластины. Во время раскопок было обнаружено несколько костяных орнаментированных изделий, главным образом накладных пластинок (табл. 43, 8—10; табл. 44). Можно считать, что эти вещи сделаны на месте, в Мангазее, и что мангазейцы наряду с плоскостной и объемной резьбой отлично выполняли гравировку на кости.

Из костяных украшений можно упомянуть лишь бусы, выточенные на токарном станке. Возможно, это украшение принадлежало девочке.

ШАХМАТЫ

Первые русские шахматы в Сибири, принадлежавшие погибшей русской полярной экспедиции XVII в., были найдены во время раскопок на о. Фаддея у северо-восточного побережья Таймыра. Всего обнаружено 28 шахмат от четырех комплектов, из которых наиболее полны два комплекта³³. С. Н. Замятин пришел к выводу, что здесь «представлен наиболее ранний из ныне известных комплектов фигур» и найденные шахматы относятся к археологическому геометризованному типу³⁴. Подобная тенденция считать фаддеевские шахматы излишне архаичными вполне объяснима: С. Н. Замятин типологически впервые изучал коллекцию русских шахмат, сравнивать которую он мог лишь с более поздними комплектами (XVIII—XIX вв.).

Археологические работы на Мангазейском городище значительно расширили представление о русских шахматах в Сибири.

Мангазейская шахматная коллекция обширна — она представлена 80 фигурками, из которых 32 костяные и 48 деревянные. Впервые во время археологических раскопок были найдены деревянные шахматные доски

XVII в. — «шахматницы»³⁵. Большинство мангазейских шахмат представляют собой многоярусные фигуры традиционного древнерусского типа и фигуры с новыми особенностями, характерными для эпохи Московского государства. Мангазейские шахматы относятся к условно-геометрическим формам, но они продемонстрировали разнообразие традиций в изготовлении фигур. Оказалось, что почти все костяные и часть деревянных фигур, выполненные на токарном станке, образуют более или менее единую стилистическую группу. Среди деревянных резных шахмат этого единства нет — здесь встречаются фигуры архаического облика, характерного для XIV—XV вв. Подобные явления можно объяснить тем, что токари-шахматники изготавливали костяные и деревянные фигуры того типа, который был в то время широко распространен. Вполне понятно, что продукция, вышедшая из их мастерских, носила массовый характер. А тот, кто резал шахматы «для себя», подражал токарной продукции, а порой обращался к таким типам шахматных фигур, которые уже давно не изготавливались шахматниками-профессионалами, но еще были распространены в быту. На наш взгляд, вытеснению фигур архаического облика в XVI—XVII вв. способствовало широкое распространение токарной ремесленной продукции.

Представляется целесообразным рассмотреть шахматные фигуры по тем комплексам, в которых они были обнаружены, — это облегчит сопоставление фигур по комплектам.

Воеводский двор. При исследовании большого архитектурного комплекса воеводских дворов было найдено девять костяных фигур. Все шахматы встречены при разборке завала и внутри помещений нижнего горизонта воеводского двора, датируемого первой четвертью XVII в. Рассмотрим находки.

Любопытна большая костяная фигура (высота 3,7 см, диаметр цокольной части 1,5 см) из слоновой кости, выточенная на токарном станке. Она выполнена с большим искусством — все ее туловище состоит из нескольких цилиндрических и овальных объемов и украшено тонкими кольцевыми канавками. Фигура заканчивается небольшим цилиндром. На среднем овальном объеме располагаются два кружка-глаза. Вероятнее всего — это король (табл. 45, 1).

Ладья (табл. 45, 6) сделана на токарном станке из кости того же сорта что и король (высота ее 1,8 см, диаметр цокольной части 1,5 см). Фигура выполнена в типичной для древней Руси манере — над цокольной частью, покрытой тонким рифлением, возвышаются два уступа, символизирующиеся изображением ладьи. Такая трактовка ладьи известна среди шахмат XII—XIII вв. в Вышгороде³⁶ и Новгороде³⁷. Подобными же атрибутами снабжены фигуры этого ранга в Фаддеевской коллекции (С. Н. Замятин считает, что для выступа ладьи — крылья мифической птицы Рух).

Фигур коней три, но относятся они к двум разным типам. К первому типу относятся две фигуры (табл. 45, 13, 14) почти одинакового размера. Первая из них имеет высоту с мордой 2,2 см, диаметр цокольной части 1,2 см; вторая —

³⁵ Предварительные публикации мангазейских шахмат см.: Белов М., Овсянников О. В. В древней Мангазее. — Шахматы в СССР, 1969, № 8; Овсянников О. В. Мангазейские шахматы. Находки 1969 г. — Шахматы в СССР, 1970, № 6. Мангазейские шахматы частично рассмотрены в обобщающей работе: Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1977.

³⁶ Довженко В. И. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934—37 гг. — Археология. Киев, 1950, т. III, табл. VII, рис. 4.

³⁷ Линдер И. М. Шахматы древней Руси. (Новые археологические находки). — Шахматы в СССР, 1963, № 4/5.

высоту 2,6 см, диаметр цокольной части 1,2 см. Профилировка цокольной части довольно сложная. Фигуры выполнены двумя техническими приемами: цокольные части очень часто выточены на токарном станке, конские морды и шеи — резные (может быть, небольшая разница в высоте фигур — ошибка резчика). Обе фигуры заканчиваются изображением лошадиных морд на длинных вытянутых шеях. Можно считать, что фигуры одинаковы — отличаются они лишь небольшим расхождением в высоте и трактовкой лошадиной гривы. Не исключено, что обе они относятся к одному шахматному комплекту. Третий конь выполнен совершенно в другой, более условной манере (табл. 45, 16). Это цилиндрическая фигура (высота 2,2 см, диаметр основания 1,4 см), тулово которой сплошь покрыто рифлением. Верхняя ее часть заканчивается выступом-«носиком» (на верхней плоскости «носика» нанесены три кружка-«глазка»). Подобная очень условная трактовка фигуры коня, найденной в слоях XVII в., несколько необычна. Символическое изображение коня в виде цилиндра с выступающим в верхней части «носиком» характерно для более раннего времени, известны они в слоях XII—XV вв. русских городов.

К фигурам высокого ранга (король или ферзь) относятся, по всей вероятности, еще один экземпляр (табл. 45, 4) (высота 2,3 см, диаметр цокольной части 1,6 см). Тулово фигуры расчленено несколькими кольцами, над последним, наиболее широким, усеченным концом чуть-чуть возвышается цилиндр.

Трудно судить о назначении трех костяных фигур (табл. 45, 9—11). Их размеры: 1) высота 2,2 см, диаметр основания 1 см; 2) высота 2,6 см, диаметр основания 1 см; 3) высота 1,6 см, диаметр основания 1,1 см. Верхушки двух последних фигур чуть обломаны. Две из них (табл. 45, 9, 10) очень близкие по форме, отличающиеся лишь элементом декора, могли находиться в одном комплекте (король и ферзь). Все три фигуры выточены на токарном станке из темной кости.

Таким образом, костяные шахматы, обнаруженные при раскопках воеводских дворов, относятся к нескольким (не менее шести) комплектам и наряду с тонкостью исполнения демонстрируют значительное разнообразие в трактовке фигур.

Раскоп 12. В раскопе, расположенном также внутри мангазейского кремля, найдено больше всего шахматных фигур — 33 (10 костяных и 23 деревянных). Постройки сохранились крайне фрагментарно, что затрудняет отнесение некоторых фигур к тому или иному строительному горизонту, и поэтому они рассматриваются суммарно.

Одна из костяных фигур, обнаруженных в этом раскопе, является, пожалуй, самой любопытной среди всех найденных в Мангазее (табл. 45, 2). Она массивная, высокая (высота 3,5 см, диаметр цокольной части 2,2 см). Это, вероятно, ферзь или король. Фигура как бы составлена из нескольких крупных объемов-цилиндров. Она выточена на токарном станке из одного куска кости. Мастер, на первый взгляд, скупо декорировал ее — лишь несколькими тонкими параллельными линиями-бороздками. Вероятно, уже само расположение цилиндров, подчеркнутость тонкого перехвата в средней части фигуры должны были сделать ее нарядной. Но секрет работы токаря состоял не только в этом: два цилиндра, второй и четвертый (считая от основания), представляют собой свободно вращающиеся на оси кольца. Подобный технический прием, широко распространенный в резьбе по дереву в северных районах Руси, явился в данном случае эффективным декоративным элементом.

Фигура выполнена высококвалифицированным токарем-шахматником. Пока можно назвать лишь одну шах-

матную фигуру, при изготовлении которой использован подобный прием, — она была найдена при раскопках косторезной мастерской XVII в. на одном из посадов древних Холмогор³⁸. В раскопе найдено три костяных ладьи (табл. 45, 6, 7). Все они выполнены уже в известной в Мангазее манере — в верхней их части есть пара выступов. Размеры фигур различны: высота 2,2 см, диаметр основания 1,5 см; высота 1,5 см, диаметр цокольной части 1,7 см; высота 1,8 см, диаметр цокольной части 1,5 см. Ладьи принадлежат к различным комплектам. Две первые фигуры выполнены на токарном станке, особенно изящна ладья с орнаментальным поясом в виде «волны» в верхней части цоколя. Этот декоративный элемент почти совпадает с орнаментом некоторых шахматных фигур с о-ва Фаддея. Одна из мангазейских ладей вырезана из рога, она более приземиста, ладьевидные выступы намечены довольно слабо (табл. 45, 12). Декоративный пояс в виде «волны» есть еще на одном экземпляре из раскопа 12. Это довольно высокая фигура (высота 2,8 см, диаметр основания 1,4 см) (табл. 45, 3), вероятно, слон.

Найдено три коня. При общей схожести они отличаются некоторыми деталями профилировки. Полностью сохранилась лишь одна фигура (табл. 45, 15). Она составная: над массивным, слабо профилированным туловом возвышается стержень, вставленный в паз, находящийся в верхней части цоколя. Стержень заканчивается условным и слабо выраженным выступом с одной стороны. Фигура вырезана из кости темноватого цвета (рог). Схематическое изображение коней с двумя выступами («якорьком») известно среди фаддеевских находок. Две другие фигуры сохранились частично — отсутствуют стерженьки. Цокольные части шахмат выточены на токарном станке и украшены параллельными линиями.

Раскоп 1. В большом раскопе на прибрежной части посада были найдены две костяные шахматные фигурки. Одна из них — ладья (табл. 45, 8). Ее высота 1,5 см, диаметр основания 1,9 см, цокольная часть сильно профилирована. Ладья выполнена в типичной для фигур данного ранга манере, ладьевидные выступы, правда, невелики. Профилировка цокольной части напоминает силуэт цокольной части коней, найденных на воеводском дворе.

Некоторые особенности мангазейских костяных шахмат нагляднее проявляются при сопоставлении их с деревянными фигурами, обнаруженными на поселении (табл. 46, 1—20).

Королем или ферзем является фигура (табл. 46, 2) высотой 4,8 см с диаметром основания 2,2 см. Она отличается довольно сложной профилировкой. Любопытно, что фигура заканчивается цилиндром, как и у костяных шахмат высокого ранга. Найдена еще одна фигура такого же ранга (табл. 46, 3) высотой 3,5 см, диаметр ее цокольной части сохранился частично на 1,2 см. Тулово этого экземпляра как бы набрано из нескольких конусов. Для обеих фигур, найденных на воеводском дворе, характерно сочетание цилиндрических и биконических объемов. То, что такое сочетание повторяется на мангазейских шахматах, вряд ли случайно. Подобные приемы профилировки фигур можно отметить у деревянных шахмат, найденных во время археологических работ в Москве (Зарядье), где они датируются XIV—XV вв.³⁹, близка к ним костяная фигура короля из Тракая (XIV—XV вв.)⁴⁰.

³⁸ Овсянников О. В. Находка в Холмогорах. — Шахматы в СССР, 1965, № 6; Он же. Заметки о северных косторезах. — СЭ, 1969, № 4, с. 114—118, табл. II, 4.

³⁹ Рабинович М. Г. Великий посад Москвы. — КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 78.

⁴⁰ Линдер И. Царь из Лукомля. — Шахматы в СССР, 1968, № 10, с. 10—11.

На воеводском дворе найдены три деревянные ладьи. Небольшая ладья (табл. 46, 6) имеет высоту 2 см, диаметр ее основания 1,7 см. Она выполнена в типичной манере: над небольшим цоколем возвышаются два выступа, в середине небольшой цилиндр. Вторая ладья имеет высоту 3 см и диаметр цокольной части 2,2 см. Она отличается от предыдущей наличием выступа между цокольной частью и своеобразным завершением — «гребешком» или «зубцами». Третья ладья очень нарядна — ее тулово состоит из целого набора цилиндрических и биконических объемов, высота ее 2 см, диаметр основания 2 см. Крылья-выступы у фигуры совсем маленькие. Все три ладьи вырезаны ножом.

Раскоп 12. Здесь найдены две ладьи: одна из них, довольно чисто выполненная на токарном станке, высотой 2,7 см, с диаметром основания 2,2 см, другая (табл. 46, 5) имеет высоту 2,8 см и размеры основания 2,3 × 1,8 см. Если первая ладья копирует костяные, то вторая очень своеобразна — по форме это трапеция, заканчивающаяся в верхней части двумя выступами. Общий вид фигуры поражает схематичностью и архаичностью трактовки, что характерно для более раннего времени. Подобные «двухголовые» ладьи неоднократно встречались в культурных слоях Новгорода XIV—XV вв.⁴¹

Среди деревянных мангазейских шахмат встречены фигуры слонов и пешек, выполненные как на токарном станке, так и вырезанные ножом (таких большинство).

Раскоп 8. В нем найдена несколько необычная фигура: она имеет форму пирамидки, сечение основания 0,9 × 0,9 см, высоту 2,8 см и тулово из нескольких объемов (явно «нерусский» облик). С. Н. Замятинным опубликовано несколько долганских шахматных фигур, среди которых есть поразительно близкая аналогия мангазейской⁴².

Мангазейская шахматная коллекция, пожалуй, одна из самых замечательных, обнаруженных при исследовании позднесредневековых русских городов. Особенно важно то, что шахматы относятся к сравнительно небольшому периоду времени — к первой половине XVII в.

О широком распространении в Мангазее шахматной игры свидетельствует не только количество самих найденных шахмат, но и то, что они относятся к весьма значительному числу комплектов. Вероятно, нужно уточнить само понятие «шахматный комплект». С. Н. Замятин считал, что под «комплексом» должно понимать все 32 фигуры⁴³, т. е. две партии — «белые» и «черные». Отмечая отсутствие окраски фигур, найденных на о-ве Фаддея, С. Н. Замятин искал признаки «цвета» в геометрических знаках, нанесенных циркулярным резом, — в «глазках». Отметим некоторые особенности, которые позволяют проследить мангазейскую шахматную коллекцию. Почти все мангазейские костяные шахматы (и лишь некоторые деревянные) выполнены на токарном станке и отмечены высоким мастерством профессионального исполнения. Нет оснований полагать, что они сделаны местными мастерами. Мастер-токарь изготовлял полный комплект шахмат — обе партии. Именно такое понимание комплекта дают письменные источники⁴⁴. Широкое распространение деревянных токарных шахмат не случайно — покупателей, несомненно, привлекала их дешевизна по сравнению с изделиями из кости, тем более из дорогих сортов кости. В XVI—XVII вв.

⁴¹ Колчин Б., Линдер И. Шахматы в древнем Новгороде. — Шахматы в СССР, 1961, № 8, с. 235, 238.

⁴² Замятин С. Н. Указ. соч.

⁴³ Там же.

⁴⁴ В 1661 г. в Москве в Овощном ряду царевичу Алексею было куплено «четверы шахматы» и четыре доски шахматные (Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915, с. 577).

в условиях интенсивных экономических связей деревянные гребни, деревянные шахматы, выполненные ремесленниками, в больших массах поступают на рынки русских городов.

Значительная часть мангазейских деревянных фигур сделана не профессионалами — это грубоватые шахматы, вырезанные ножом из находящегося под рукой куска дерева или даже прута (на некоторых так и осталась неснятая кора). Делали их те, кому они и шли «на обиход». В таких случаях любитель игры мог изготовить «для себя» неполный комплект, а лишь одну партию — «свою», поэтому, встречаясь с таким же партнером, ему не надо было различать шахматы по цвету — они явно различались по облику. Не случайно, что деревянные шахматы гораздо разнообразнее костяных, и это разнообразие затрудняет как атрибуцию самих фигур (особенно король-ферзь, слон-пешка)⁴⁵, так и определение из комплектности.

Определение шахмат, обнаруженных на о. Фаддея, облегчалось особенностью самого памятника — члены погибшей экспедиции имели с собой ограниченное число шахматных комплектов. Вполне естественно, что в довольно многолюдном городе, существовавшем не один десяток лет, значительная часть населения которого носила сезонный характер, определение комплектности фигур значительно сложнее. Приблизительный подсчет показал, что костяные шахматы могли принадлежать к 20—23 комплектам, а деревянные — не менее чем к 35.

Во время археологических раскопок в Мангазее были обнаружены и деревянные шахматные доски — «шахматницы». Находки эти уникальны, так как до сих пор ни разу во время раскопок средневековых русских городов русские шахматницы встречены не были. Найдено три целых доски и один фрагмент (половина). Шахматницы различаются размерами досок, размерами полей и качеством исполнения.

Одна шахматная доска (табл. 47, 1) найдена в виде двух слегка деформированных половинок (37,6 × 32 см), размеры поля колеблются, в среднем — 2 × 2 см. Клетки вырезаны грубо, различна и техника графления (вероятно, обе половины графлились отдельно, слегка подгоняясь на стыке). Количество клеток — 64 (8 × 8). Окраска полей на «белые» и «черные» не сохранилась.

Вторая доска сохранилась в виде двух фрагментов довольно плохо. Размеры ее 40 × 26 см, игральные клетки не квадратные, а прямоугольные (в среднем 5 × 3,7 см), количество полей — 64. В одном из углов доски — круглое отверстие, возможно для шнура-подвески.

Наиболее хорошо сохранился фрагмент (половина) третьей доски (табл. 47, 2), размеры его 42 × 20,5 см, т. е. целая доска была 42 × 41 см, почти квадратная. Игральное поле сохранившейся части шахматницы состоит из 32 клеток (размеры 5 × 5 см) и чуть меньше всей поверхности этой створки. Шахматница сделана из тщательно обработанной дощечки, сохранилась частично и первоначальная раскраска полей на «белые» и «черные». Любопытна конструкция доски — края ее имели небольшие бортики; уцелел бортик по одному краю, он вырезан из самой доски (ширина и высота его около 0,6 см). С двух других сторон хорошо прослеживаются следы от штырьков (деревянных), которыми крепились накладные бортики, и заглабления, куда бортик ложился. На обратной стороне острогой поверхности доски владелец или мастер, изготовлявший ее, вырезал буквы «ШХ.ШХ» (табл. 47, 3). Деревянные шахматные доски,

⁴⁵ С. Н. Замятин, например, подчеркивал, что при атрибуции слонов и пешек из фаддеевской коллекции большое значение имела не только профилировка фигур, но и соотношение их размеров.

найденные в Мангазее, как и шахматные фигуры, демонстрируют различное качество исполнения: наряду с добротной и тщательно сделанной шахматницей имеются расчерченные на скорую руку почти не обработанные доски. Размеры мангазейских шахматниц различны⁴⁶, но принцип графления на 64 поля типичен для русских шахматных досок того времени⁴⁷.

В описи Оружейной палаты 1687 г. упоминаются «доски шахматные через место, раковины прорезные, под них положено серебро, золочены. Другие места усовые, в них вырезано по 4 раковины прорезные; по краям бруски, в них врезаны раковины ж. В раковинах и меж раковин кружки белая и черная, петли железные»⁴⁸. Безусловно, описанные шахматные доски являлись не только игральными досками, но и произведением искусства, да и стоили они не мало — 30 руб. С одной из мангазейских шахматниц их сближает наличие «по краям брусков» — бортиков. Вероятно, у упомянутой мангазейской доски были и петли железные, которые, к сожалению, не сохранились. В царских хоромах «цки шахматные» не только украшались врезками из различных сортов кости и драгоценных металлов, но и расписывались красками по золоту. В описи имущества опального князя Василия Голицына упоминаются «доски шахматные костяные»⁴⁹.

Мангазейские шахматы, относящиеся почти все к условно-геометрическим формам, наряду с этим продемонстрировали разнообразие традиций в изготовлении фигур. Можно ли некоторые архаические черты, восходящие к домонгольскому времени и к XIV—XVI вв., «объяснить лишь географическим положением Мангазейского города», его «провинциализмом», консервирующим некоторые архаизмы? Вряд ли. Учитывая, что костяные шахматы в Мангазее — привозные, можно говорить о них как о типично русских шахматах первой половины XVII в. Мангазейские шахматы отражают общерусские традиции и тенденции шахматного дела на Руси в тот период. Наличие изящных костяных фигур и примитивных деревянных (что, кстати сказать, типично для русского средневекового города) не только свидетельствует, по крайней мере для Мангазеи, о «нехватке» ремесленной продукции токарей-ремесленников, но и отражает социальную принадлежность их владельцев. В то же время можно предполагать, что резные деревянные шахматы часто делались не по ремесленным образцам, что шахматная символика не являлась каким-то секретом профессионалов-ремесленников, а была широко и хорошо известна. Этим объясняется некоторая стандартизация ремесленной шахматной продукции и более широкое разнообразие свободы импровизации в изготовлении деревянных резных комплектов. Излишняя архаизация С. Н. Замятинным фадеевских шахмат вполне понятна и объясняется тем, что он стоял у самих истоков типологического изучения древнерусских

шахмат, когда еще не были сделаны блестящие находки во время археологических раскопок древнерусских городов.

Таким образом, мангазейские шахматы относятся к условно-геометрическим формам, но наряду с этим они продемонстрировали разнообразие традиций в изготовлении фигур. Оказалось, что почти все костяные и часть деревянных фигур, выполненные на токарном станке, образуют более или менее единую стилистическую группу. Среди деревянных резных шахмат этого единства нет, здесь встречаются фигуры архаического облика, характерного для XIV—XV вв. Подобные явления можно объяснить тем, что токари-шахматники изготавливали костяные и деревянные фигуры того типа, который был в то время широко распространен. Вполне понятно, что продукция, вышедшая из мастерских, носила массовый характер. А те, кто резал шахматы «для себя», подражал токарной продукции, а порой обращался к таким типам шахматных фигур, которые уже давно не изготавливались шахматниками-профессионалами, но еще были распространены в быту. На наш взгляд, вытеснению фигур архаического облика в XVI—XVII вв. способствовало широкое распространение токарной ремесленной продукции.

Нет надобности доказывать, что археологические находки в древних городах Киевской и Московской Руси показали, как широко была распространена шахматная игра среди русских людей, что в шахматы играли в великокняжеских и царских хоромах и в посадских жилищах, что шахматы сопутствовали русским морякам в тяжелых и опасных походах. Это общеизвестно. Русские шахматы, занесенные в Сибирь в эпоху великих географических открытий, оказали влияние на развитие этой игры у народов сибирского Севера. Находки шахмат в сибирском заполярном городе наглядно подтверждают многовековые традиции шахматной игры на Руси, широту ее распространения, популярность среди различных слоев феодального общества, служат прекрасным материалом для дальнейшего исследования уже протекшей, но до конца не прочитанной страницей русской культуры. Костяные шахматные фигуры, выполненные на токарном станке, несомненно являются привозными. Нет никаких данных считать, что в Мангазее были шахматники-токаря, работавшие по кости и дереву.

Таким образом, рассмотрение основных групп изделий из кости, обнаруженных в Мангазее, позволяет выделить группу привозных изделий. В первую очередь это шахматы, сделанные на токарном станке и отличающиеся большим профессионализмом и высоким качеством исполнения. Обилие различных сортов кости, потребности в различных промысловых орудиях и бытовых изделиях (учитывая значительный приток временного сезонного населения) способствовали сложению местного центра по обработке кости. Однако трудно говорить о ремесленном характере этого производства, о его товарности на местном рынке. Можно предполагать, что лишь отдельные категории изделий — в первую очередь гребни — имели выход на местные рынки, но изготовлены они были не посадскими ремесленниками, а промышленными людьми в свободное от промыслов время. Среди промышленных, торговых и служилых людей, бывавших и живших в Мангазее, могли быть и несомненно были мастера-косторезы, выходцы из различных областей северной Руси, «сшедшие» со своих посадов.

Глава 5

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ, СТЕКЛА И КОЖИ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

О кузнечной обработке железа в Мангазее свидетельствуют находки железистых шлаков (подъемный материал)¹ и отдельные скопления большого количества гари и пережженных камней в раскопах 14 и 15. К сожалению, остатков кузниц и кузнечного оборудования не обнаружено. Для изучения занятий населения Мангазеи большой интерес представляют остатки литейного производства, обнаруженные и исследованные на территории посада. Производство это связано с обработкой цветных металлов.

В центральной части посада (раскопы 8 и 9) обнаружены три печи с остатками шлаков и керамических тиглей.

Печь 1. Она находилась в подклети большого трехкамерного дома (этот жилищно-хозяйственный комплекс подробно описан в I части). При разборе завала остатков печи были обнаружены керамические тигли, т. е. печь в жилом подклете использовалась и для производственных целей. После пожара, который разрушил восточную часть дома, хозяин снова построил дом. Новый пол настлали прямо на пожарище, поэтому между двумя полами также были найдены целые и разбитые тигли. Значительное число их свидетельствует об интенсивной и довольно длительной деятельности хозяина-литейщика.

Печь 2. Вероятно, опасность пожара заставила хозяина построить специальное производственное помещение. У северо-восточной стенки сеней была поставлена небольшая бревенчатая постройка (постройка «Д» размером 3,5 × 3,5 м). В юго-западном углу помещения стояла печь, сложенная из булыжника на глине, окопуренная деревянным опечком. В завале печи найдены керамические тигли, шлаки с вкраплениями кусочков меди. Печь стояла в той части постройки, в которой не было пола. Дощатый пол был наслан только в восточной части помещения. На полу стоял небольшой деревянный ящик, наполненный зеленоватой глиной.

Печь 3. Найдена при исследовании второй производственной постройки поблизости от раскопов 8 и 9. Постройка сложена из бревен (размеры сруба 4 × 4 м) и внутри разделена на две половины. В восточной ее половине, в углу обнаружены остатки печи, сложенной из булыжника на глине. При исследовании постройки, особенно при разборке печного завала, найдены шлаки и керамические тигли. Постройка относится к самому верхнему строительному горизонту, она плохо сохранилась и потому трудно сказать, относится ли она к постройкам раскопа 8 или к раскопу 9. Наличие двух производственных помещений, приспособленных для литейного дела, позволяет считать, что на позднем этапе существования Мангазеи началось развиваться городское ремесленное производство, обслуживающее местный рынок.

Находки керамических тиглей при исследовании других

жилищно-хозяйственных комплексов (воеводский двор, раскопы 1, 14) — свидетельство того, что литейным делом заниматься одновременно могли несколько жителей Мангазеи. Однако можно предполагать, что это занятие для них было спорадическим и носило характер нерегулярного домашнего производства (в указанных раскопах находки тиглей единичны, следов производства не обнаружено, что говорит о непродолжительном и небольшом по объему производстве). Характерно, что керамические тигли, найденные в производственных печах, значительно отличаются от единичных находок в других местах: они более массивны — верхний диаметр до 9 см, высота 7 см, толщина стенок до 1 см (табл. 48, 1, 2). Сильная ошлакованность их — свидетельство довольно длительного употребления. При исследовании производственных комплексов в раскопах 10 и 21 найдены четыре литейные формочки (табл. 48, 3—5) небольших размеров (5 × 7 см), вырезанные на тонких плитках песчаника. Все они двухстворчатые, о чем свидетельствуют сквозные отверстия и стерженьки для крепления с другой половинкой. На двух формочках вырезаны полости для отливки бляшек, третья служила для отливки натальных крестов, а четвертая — для изготовления пуля. Последняя формочка не была в производстве: отсутствует литок.

Ассортимент ювелирных изделий, найденных в Мангазее, обширен: серебряные и бронзовые кольца и перстни (некоторые с гравировкой на шитке), накладки, обоймочки, фрагменты серег, золотой перстень (рис. 8, 1). По качеству выработки ювелирные изделия делятся на две группы. К первой относятся привозные вещи, вышедшие из мастерских ювелиров-ремесленников. Это бронзовые и серебряные кольца и перстни (рис. 8, 2, 3; табл. 49, 1—3), бронзовые серьги со стеклянными вставками (табл. 49, 5—7), золотой перстень, украшенный аквамарином и эмалью (черной и красной), серебряные обоймочки (вероятно, от поясного набора), бронзовые бляхи с изображением хищника (рис. 8, 4), детали ремennых приборов (рис. 8, 5—9), кресты (рис. 8, 11, 12). Среди привозных отливок обращают на себя внимание также фрагмент бронзовой ручки в виде головы хищного животного, держащего в зубах кольцо (табл. 50, 1), полковка, украшенная причудливым растительным орнаментом (табл. 50, 2), и несколько образцов ажурного литья (табл. 50, 3, 4).

Для нас особый интерес представляют изделия второй группы, имеющие местное происхождение. В раскопе 8 найдена круглая ажурная бляха (табл. 49, 4) из «белого» металла (сплав олова и свинца). По периметру круга на бляхе отчетливо видны маленькие рельефные кружочки, более крупные кружки (их пять) завершают наружный круг. В центре круга — сюжетная композиция: торс мужчины с поднятыми руками, по бокам мужчины — пара фигур животных. Модель и отливка были сделаны так примитивно, что сюжет скорее отгадывается, чем узнается — «вознесение Александра Македонского на небо» (по бокам Александра — львята). Нетрудно догадаться, что мастер копировал свою вещь с ремесленного образца. Об этом сви-

¹ Чернецов В. Н. О работах мангазейской экспедиции. — КСИИМК, 1947, вып. 21, с. 161.

⁴⁶ То, что это «средние» размеры, можно судить по размерам шахматных досок, купленных в 1694 г. царевичу Алексею: «доски шахматные, длина и ширина по полуаршину...» (Забелин И. Указ. соч., с. 88).

⁴⁷ Изображение шахматницы см.: Тарабрин И. М. Лицевой Букварь Карюна Истомина. — Древности, 1916, т. 25.

⁴⁸ Виктор В. Описание книг и бумаг старинных Дворцовых приказов. М., 1883, вып. 2, с. 385.

⁴⁹ Розыские дела о Феодоре Шакловитом и его сообщниках. — РИБ. СПб., 1893, т. IV, с. 96.

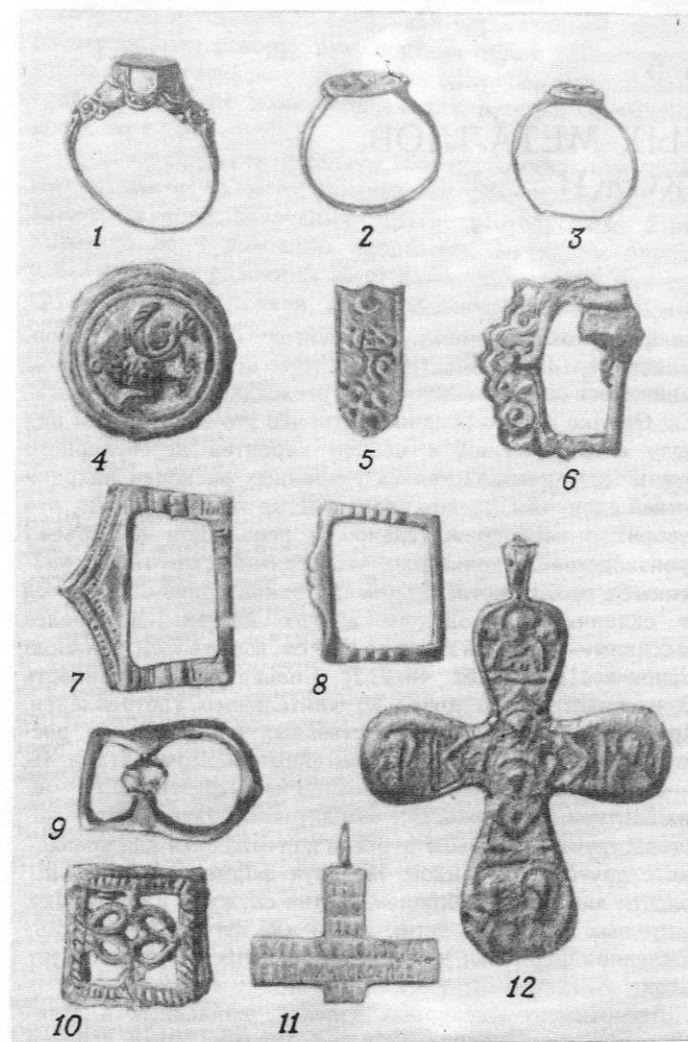

Рис. 8. Ювелирные изделия (1—12)

детельствует и то, что он слепо скопировал большие и малые кружки, которые в оригинале были не кружками, а стеклянными или эмалевыми вставками. Вещь сделана в форме по оттиску. Здесь же найдена ажурная накладка из такого же сплава, что и бляха (рис. 8, 10). Вещь была только отлита, не обработана, поэтому остались затеки металла по всему рисунку (обратная сторона бляхи также не обработана). Возможно, к местному производству относятся еще две вещи, отличающиеся низким качеством изготовления: створка бронзового энколпиона и ажурная отливка с религиозным сюжетом. Любопытно, что подкладка под ажурную отливку сделана из куска стенки зеленого стеклянного штофа.

Преобладание привозных ювелирных изделий в Мангазее вполне естественно — в первой половине XVII в. Сибирь жила привозными товарами (например, только в 1639/40 г. через Тобольск в Сибирь было ввезено 9802 кольца, перстня и серьги)². Несомненно привозной была бронзовая посуда — котлы, миски. Археологические материалы, полученные на Мангазейском поселении, позволяют говорить о зарождении местного литейного производства ремесленного типа, причем использовалось как сибирское³, так и привозное сырье⁴.

² Вилков О. Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 145.

³ Анализ кусочков меди из заполнения печей 1 и 2, проведенный Н. Н. Урванцевым, показал, что состав металла близок к нориль-

Материалы, рассмотренные в данной главе, обрисовывают широкий круг занятий мангазейского населения, дают представление о социально-экономическом облике русского города в западносибирском Заполярье, быте его жителей. Однако эти материалы далеко не равноценны по своей значимости, что объясняется не только особенностями археологического источника, но и выборочным характером раскопок и неполнотой археологической изученности памятника. В археологии еще недостаточно разработана методика интерпретации находок позднесредневековых поселений. Дело в том, что характер и структура поселений позднего времени значительно отличают эти памятники от поселений и городов, скажем, домонгольской Руси. В период образования русского централизованного государства и складывания всероссийского рынка в экономическую жизнь включаются все новые и новые слои жителей поселений, резко возрастает объем ремесленной продукции. Термины «посадская экономика» и «посадское ремесло» становятся чрезвычайно емкими — в производстве ремесленного продукта участвуют не только собственно посадские ремесленники (т. е. ремесленники, записанные «в посад» и несущие «посадское тягло»), но и такие категории жителей русского города, как стрельцы и другие воинские подразделения, а также церковные и монастырские ремесленники. Все больше людей участвует в сфере реализации ремесленного продукта. Безусловно, все это необходимо учитывать при интерпретации археологических комплексов, раскопанных на позднесредневековых поселениях.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА

При раскопках на городище Мангазеи было найдено значительное количество предметов из стекла. Сохранились они преимущественно фрагментарно — хрупкий материал не выдержал колебаний температуры, тяжести земляного слоя и других испытаний. Все стеклянные предметы найдены в культурном слое XVII в., который датируется временем существования Мангазеи — 1601—1672 гг. В 1669—1679 гг. город был покинут жителями, и на его территории до настоящего времени не было поселений, так что возможность появления здесь предметов материальной культуры более позднего времени почти исключена. Стеклянные предметы встречаются повсеместно — во всех раскопах. Наибольшее количество их найдено на раскопах 2, 6 и «Комплекс А». Собраны фрагменты стеклянных изделий и как подъемный материал.

Период существования Мангазеи совпал с тем временем, когда на востоке Руси возобновлялось стекольное производство, остановленное на много веков монголо-татарским игом. В России впервые стекольные заводы стали появляться во второй четверти XVII в. Это завод Койэта (1635 г.) и возникшие позже Измайловский, Черноголовский, Духанинский заводы. Ассортимент изделий первых стекольных заводов был беден, не хватало опытных кадров, поэтому потребности всего российского рынка в стекле полностью не удовлетворялись. Стекло было дорогое и распространено мало. Приходилось вывозить его из-за границы. Основным портом, через который ввозилось стекло на Русь, был Архангельск. Привозилось оно также с Украины, где к XVII в. уже был достигнут высокий уровень производства стекла. В XVI в. в западных и юго-западных областях существовало развитое стеклоделие.

ским междуречным месторождением (Белов М. И. Мангазея. Л., 1969, с. 123).

⁴ О привозе в Сибирь олова, свинца и меди см.: Вилков О. Н. Указ. соч., с. 142—144.

На гутах Украины изготавливались кувшины, штофы, графины и другая посуда. Особенно повысился интерес к стеклу в годы царствования Алексея Михайловича. В Москву из Малороссии привозили много стеклянных изделий, которые затем продавались в гостином дворе. Для первых русских стекольных заводов набирались квалифицированные мастера с украинских гут. Стекло, сделанное на Украине, носило название «черкасского». В подражание ему русские заводы XVII—XVIII вв. выпускали посуду на «черкасский манер»⁵. Украинское «стеклоделие XVI—XVII вв. было важным звеном между древнерусским стеклоделием и изготовлением стекла у восточнославянских народов в последующее время»⁶. Традиции Руси сохранились в гутном стекле Украины XV—XVII вв. и были перенесены на русское стеклоделие XVII—XVIII вв.

Раскопки Мангазеи свидетельствуют о том, что в городе пользовались значительным количеством стеклянной посуды разнообразного ассортимента и хорошего качества. Всего на городище обнаружено около 300 фрагментов стеклянной посуды. Это части приблизительно 70 предметов. Большую часть из них составляют штофы разнообразной формы, цвета и величины. В коллекции есть также фрагменты рюмок, бутылей, стоп. К сожалению, далеко не по всем фрагментам можно установить, частями каких предметов они являются. Все фрагменты представляют собой стекло высокого качества — они ровной окраски, чистых цветов, почти без пузырьков и свилей. Стекло почти не подвергалось разрушению, лишь два осколка покрыты тонкой пленкой иризации. Разнообразен цвет стекла — красный, синий, желтый, фиолетовый, зеленый различных тонов — от бледного до интенсивных — «зеленой воды» и изумрудно-зеленого, имеется несколько фрагментов бесцветного стекла. Различны и приемы декорирования изделий — это и украшение в виде наплавов, насечек, различных рельефов. Сохранились рисунки эмалевыми красками.

Наибольшее количество фрагментов представляют собой детали от штофов «зеленой воды». Густота тона колеблется, но окраска примерно одинакова. Донца штофов — их сохранилось 7 и 15 значительных фрагментов — массивные, толщина стекла достигает 12 мм. Они имеют преимущественно форму квадрата со стороной 5,5—10,5 см. Донце значительно вогнуто внутрь сосуда. К горлышку толщина стенок уменьшается, достигая 1 мм. Горлышек зеленых штофов не сохранился, имеется лишь два фрагмента верхней части сосуда, непосредственно примыкавшей к горлу. Стенки штофов прямые, углы чуть скруглены. По фрагментам можно предположить, что высота сосуда составляла примерно 20—25 см.

Следующую большую группу находок представляют штофы из бесцветного прозрачного стекла с орнаментом в виде полос (табл. 51). Судя по фрагментам, штофов было восемь. Полосы нанесены эмалевыми красками двух цветов — белыми и красными.

Один из штофов был расписан белой эмалевой краской. Полосы шириной 4 мм были нанесены вертикально на его стенки и сходились к центру донца. Сплошные

⁵ Бакланова Н. А. Стеклоделие в Московском государстве XVII в. — В кн.: Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928; Цейтлин М. А. Очерки по истории развития стекольной промышленности в России. М.: Л., 1939; Рожанковский В. Ф. Украинское художественное стекло. Автореф. дис. ... канд. искусствоведческих наук. Л., 1958; Качалов Н. Н. Стекло. М., 1959; Шелковников Б. А. Художественное стекло. Л., 1962.

⁶ Петрякова Ф. С. Украинское гутное стекло. Автореф. дис. ... канд. искусствоведческих наук. Минск, 1974.

Рис. 9. Штоф

полосы чередовались с витыми, состоящими из четырех переплетающихся нитей, выполненными под «венецианскую нить».

Несколько штофов было украшено чередующимися белыми и красными эмалевыми полосами. Таких штофов было пять. Оттенки красной эмали разнообразны — от красно-терракотового до ярко-вишневого. Штофы имели различную форму — цилиндрическую и прямоугольную. Полосы располагались вертикально и сходились в центре донца или винтообразно обвивали все тулово штофа. Разнообразие достигалось чередованием полос. На одном штофе — это красная и белая, на другом чередовались две белые и красная (шириной 4—5 мм), на третьем — две узкие белые (2 мм) и красная широкая (5 мм). Горлышки штофов неширокие — 1—2 см, окантованы свинцом. На одном из них сохранилась свинцовая пробка с колючкой. Высота пробки составляла 1 см. Пробка имела винтовую нарезку.

Наибольший интерес представляет штоф бесцветного стекла с цветочным орнаментом (рис. 9). Во-первых, он сохранился в большом количестве фрагментов, что позволило реставрировать эту уникальную вещь в Центральной научно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря. Не хватило лишь нескольких фрагментов на донце и у горлышка, но это не мешает целостности восприятия вещи и позволяет говорить о предмете как полностью сохранившемся. Второй особенностью данного штофа является интересный и красивый рисунок, выполненный эмалевыми красками белого, зеленого, розового, голубого и желтого светлых тонов. Белым цветом выполнен орнамент у горла и донца штофа. Остальными — цветочный орнамент (стилизованная роза с листьями), различный на каждой из четырех граней штофа. Высота штофа 15,3 см, донце квадратной формы со стороной 7,1 см, углы немного скруглены. Горлышко окантовано свинцом с нарезкой. Рисунок штофа и его форма напоминает штоф XVII в.⁷, а также фрагменты еще одного штофа из собрания Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде (фонды, инв. № 3012).

В коллекции представлено несколько частей штофа из бесцветного стекла с красными, зелеными, голубыми, жел-

⁷ Керамика і скло. Київ, 1974.

тыми и белыми полосами. Судить о величине этого штофа и о его форме по имеющимся данным, к сожалению, не возможно.

Очень интересными образцами являются фрагменты из цветного стекла — синего и вишневого. Очевидно, они принадлежат также штофам. На синем стекле имеются белые и красные выпуклые полосы, другая группа фрагментов — это стекло, украшенное геометрическим и травным орнаментом желтого, зеленого и белого цветов. Фиолетово-вишневые фрагменты позволяют предположить, что они от небольшого по размерам штофа, который украшали широкие вертикальные полосы из белой эмали. На нем чередовались узкая белая и широкая витая полосы. Судя по рисунку и манере исполнения, все эти штофы русского происхождения.

Кроме того, на городище было найдено несколько фрагментов других предметов. Фрагмент изумрудно-зеленого стекла в виде трубки длиной 7,3 см с нацарапанной нарезкой принадлежит, очевидно, бутылки и является ее узким горлышком.

На раскопах обнаружены две ножи от рюмок из бесцветного стекла. Пойла рюмок не сохранились. По величине они близки друг другу. Ножка первой рюмки имеет высоту 6,5 см, внутри полая. Ножка второй несколько ниже — 5 см, у нее сохранилась подставка, сделанная из целого пузыря, края которого были обрезаны, а затем загнуты внутрь. Между двумя слоями стекла образовалось полое пространство. Обратили на себя внимание фрагменты желтого с зеленоватым оттенком и синего стеклянных сосудов шарообразной формы. Стекло значительной толщины, на нем продольные выпуклые полосы. Поверхность сосудов матовая, сильно потертая. Внутренняя же часть наоборот — хорошо отполирована. Атрибутировать этот предмет не удалось. Из фрагментов стеклянных изделий можно еще отметить несколько фрагментов синего стекла с выработкой в виде сетки, фрагмент зеленого сосуда с зубчатым орнаментом и донце бутылки с украшением в виде наплавной гофрированной нити.

Свидетельством проникновения на русский рынок иностранных стеклянных изделий является группа фрагментов синего стекла с желтыми надписями латинского алфавита (R, L, I) и узором в виде листьев. Скорее всего это остатки скляницы голландского происхождения. Подобную скляницу 1616 г. из синего стекла приводит в своей работе Н. А. Бакланова⁸. Вот, собственно, почти полный перечень предметов из стекла, найденных на городище. Они свидетельствуют о широком распространении стекла в городе. Это же подтверждают и документы. Так, воевода Павел Хмелевский поехал в 1634 г. на Турухан «и на Турухане и на волоку мед бочками, а вино в скляницы в чарки продавал»⁹.

Кроме того, на городище найдено около 400 светлых бусин — одекуя, которые использовались при товарообмене с местным населением. Наибольшее число бусин было обнаружено на раскопе 10 и «Комплексе А». Их размеры различны. В основном это круглые бусины от 2 до 13 мм, самым распространенным диаметром являлся 5—7 мм. Диаметр отверстия колебался от 0,7 до 1,8 мм.

В коллекции имеется также несколько белых и цветных бусин, украшенных орнаментом из прозрачного и непрозрачного стекла. Орнамент представляет собой полосы, точки, волнистые линии, которыми окружено отверстие.

⁸ Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века. — В кн.: Очерки по истории торговли и промышленности России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928.

⁹ ЦГАДА, ф. 141, стб. 78, л. 5.

Все они небольшие по величине. Найдено также немного белого бисера, который, вероятно, использовался для украшения одежды. Раскопки на городище показали, что уже в первой половине XVII в. изделия из стекла использовались в быту и были довольно широко распространены даже в Сибири.

ОБУВЬ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ

Коллекция кожаных изделий из Мангазеи представляет для исследователей значительный интерес.

Прежде всего это единственная коллекция кожаной обуви, рукавиц, сапожных инструментов русского населения Сибири XVII в. Все другие имеющиеся материалы по обуви и иным предметам быта происходят из средневековых городов Восточной Европы.

Сравнение кожаных изделий из раскопок в Мангазее с аналогичными материалами из городов Восточной Европы поможет пролить дополнительный свет на истоки сложения материальной культуры коренного русского населения Сибири. Кроме того, этот материал интересен для изучения материальной культуры более позднего времени, в частности, для выяснения формирования основных типов обуви, бытовавших среди русского населения Сибири в конце XIX — начале XX в.

С этой целью нами сделана попытка сравнить исследуемую коллекцию XVII в. с этнографическими материалами более позднего времени. Введение в научный оборот данных материалов из Мангазеи дополнит уже имеющийся ряд публикаций кожаных изделий из археологических раскопок.

Среди небольшого числа работ по русской археологической обуви следует отметить статьи С. А. Изюмовой¹⁰, Л. И. Якуниной¹¹ и Е. И. Оятевой¹².

Е. И. Оятева на основании анализа и обобщения материалов раскопок на территории Европы делает серьезную попытку предложить методику изучения и описания древней кожаной обуви¹³.

Исследуемая нами коллекция из Мангазеи насчитывает около 200 предметов. В ней преобладает кожаная обувь и ее фрагменты (169 предметов). Кроме того, в коллекции имеются сапожные инструменты и колодки (12 предметов), рукавицы и их части (8 предметов), отдельные куски кожи и заготовки (10 предметов). Степень сохранности этих вещей различна. Целиком сохранились лишь единичные экземпляры поршней и башмаков и один берестяной лапоть. Остальные находки очень фрагментарны (части башмаков, подметки, каблучки, задники, подковки) и требуют тщательной реставрации.

Анализ археологических материалов из Мангазеи позволяет выделить три типа обуви: 1) обувь из целого куска кожи типа поршней; 2) обувь с пришивной подошвой типа башмаков или сапог; 3) плетеная обувь из древесных материалов.

Наиболее примитивной и типологически древней обувью из раскопок в Мангазее являются поршни — обувь из целого куска кожи на ремневой вздержке (рис. 10). Термин «поршень», вероятно, восходит к слову «порхлый», «порошливый», т. е. «рыхлый», так как обычно поршни изготовля-

лись из мягких частей сыромятной кожи с брюшной части домашних животных¹⁴.

В мангазейских раскопках найдены 7 экз. обуви этого типа (одна пара и пять единичных экземпляров). Кроме них, имеются один борт поршня со вздержкой и две заготовки для поршней, одна из которых, по-видимому, для детского поршня.

Длина подошвы поршней колеблется от 25 до 27 см. Сшиты они на прямой колодке (табл. 53, 1). В XIX в. аналогичную обувь шили из бычьей кожи, смазанной моржовым или гусиным жиром, а затем легтем.

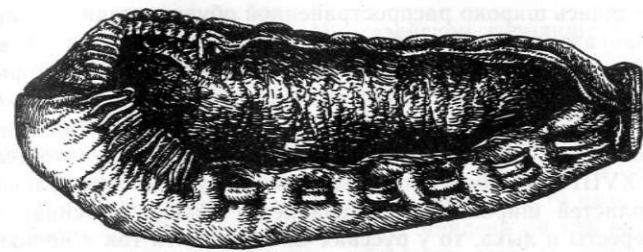

Рис. 10. Поршень

Все найденные в Мангазее поршни конструктивно одинаковы, они сшиты из одного или двух слоев кожи четырехугольной формы. Со стороны носка сделаны два надреза, расходящихся под углом из одной точки; со стороны пятки — два параллельных надреза. При таком крое носок обуви получался острым, с загнутым внутрь язычком; задник образовывался из загнутого от подошвы надрезанного куска кожи. На носке делали один шов, на заднике — один или два (табл. 54, 1, 2). Верхние края бортов не обшивались. Нередко на нижний край поршней нашивался кусок кожи в виде подошвы.

Мы склонны оспорить утверждение С. А. Изюмовой, что поршни из двойного слоя кожи не встречаются и за них ошибочно принимается обувь из расщепленной от времени кожи¹⁵. В мангазейской коллекции в трех случаях из пяти есть следы от второго слоя кожи на подошве.

Борта поршней имеют продолговатые вертикальные прорезы для кожаных обор, которыми стягивали и привязывали к ноге поршни (оборы сохранились в четырех случаях из семи). Край передка украшался своеобразной бахромой в виде надрезанных по краю кусочков кожи. Подобная обувь известна по раскопкам в Новгороде, Рязани, Старой Ладоге, на Белом озере, в Гродно и других местах¹⁶.

Поршни были довольно широко распространены среди русского населения XVII—XIX вв. Сравнительный анализ обуви, хранящейся в Государственном музее этнографии народов СССР, и археологического материала свидетельствуют о том, что эта обувь практически одинакова. В XIX в. поршни бытовали среди русского населения Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Владимирской, Тверской, Московской и Тульской губерний. Известны они были и в Сибири. Терминология их различна: «поршни», «постолы», «цыбики», «струсны», «калишки», «чирки», «уледки», «уледки». Особенно следует отметить термин «уледки», бытовавший в Олонецкой губернии до начала XX в. Этот же термин применительно к обуви встре-

чается в таможенных документах о прибытии в Мангазее очередной партии кочей с товарами в 1634 г.¹⁷

Во второй половине XIX в. поршни сохраняются главным образом среди беднейшего населения деревни как обувь каждодневная, рабочая, используемая главным образом пастухами, для ходьбы по лесам и болотам, во время полевых работ. Вероятно, и в более раннее время обувь типа поршней являлась принадлежностью повседневного костюма жителей Мангазеи.

Ко второму типу обуви, найденному при раскопках в Мангазее, относится кожаная обувь с закрытым носком и пришивной подошвой типа башмаков. По количеству находок этот тип явно преобладает (96 экз.). Башмаки сохранились в основном фрагментарно, верх вместе с подошвой имеются только в четырех случаях, верх с частью подошвы или только верх — в 19 случаях. В остальных случаях это подошвы, каблучки или каблучки с частью задника.

Башмаки можно разделить на две группы: 1) из сыромятной кожи, сшитые на прямой колодке, без каблучка с мягким задником; 2) из дубленой кожи, сшитые на косой колодке, с каблучком и жестким задником.

Башмаки первой группы состояли из носка, подошвы и жесткого задника, выкроенных из отдельных кусков кожи. Глухой верх шили обычно из одного или двух слоев кожи, пришиваемых к заднику. Когда не хватало одного куска кожи, сбоку вшивали дополнительный шов. Подошва делалась широкая, плоская в форме неправильного овала, с округлым или чуть-чуть заостренным носком (табл. 52, 1). Ее сшивали с верхом башмака потайным швом. У обуви этой группы не было каблучков, задник был мягкий. Один башмак из мангазейских имеет хорошо сохранившуюся стельку из соломы. Судя по этнографическим аналогиям, соломенные стельки для тепла и удобства во время ходьбы широко применялись крестьянами. Подобные башмаки носились с холщовыми портянками или (преимущественно женщинами) с вязаными толстыми чулками. Обувь такого типа была как мужской, так и женской. В Мангазее, судя по размерам, найдена преимущественно женская обувь. Как и поршни, башмаки первой группы служили, вероятно, для повседневной носки, что подтверждается полным отсутствием на них каких-либо украшений.

Подобная обувь практически без изменений сохранилась до конца XIX в. и широко бытовала среди русского населения Тобольской, Енисейской, Томской губерний и в Забайкалье. Отмечена она и на территории Европейской России, например в Тверской губернии. Назывались такие башмаки различно: «чирки», «черки», «чирики», «цыбики», «коты».

Вторая группа башмаков имела глубокий носок, жесткий задник с каблучком и подошву, пришитую наружным швом. Головку и задник сшивали двумя швами, третий располагался на заднике. Шили эти башмаки на косой колодке (табл. 53, 2). Головка состояла из двух слоев тонкой кожи — внутреннего и наружного. Носки были острые. Верхний край башмаков в восьми случаях подогнут внутрь и обшит. Высокий жесткий задник имел округлые края или завершался вверху заостренным мыском. В задник вставлялась кожаная, берестяная или деревянная прокладка. Деревянная прокладка вырезалась вместе с каблучком, повторяя форму задника.

Каблучки на башмаках были деревянными, обтянутыми кожей, или кожаными наборными. Высота их в Мангазейской коллекции колеблется от 1 до 7 см. Обтяжка деревянных каблучков, зауженных книзу, вырезалась вместе с по-

¹⁴ Изюмова С. А. Указ. соч., с. 200.

¹⁵ Там же, с. 202.

¹⁶ Изюмова С. А. Указ. соч., с. 200; По следам древних культур. М., 1953, с. 315; Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь... с. 199; Воронин Н. Н. Древний Гродно. — МИА, 1954, № 41, с. 61.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), стб. 82, л. 31, 42 об, 64 об.

дошвой из одного куска кожи. Кожаные каблук и набиралась из кусочков кожи и скреплялись сверху и снизу деревянными гвоздями. Все задники, исключая один, сзади по центру имели вертикальную ложбинку, в которую прибавляли узкую полоску кожи.

В семи случаях каблук сохранился вместе с подошвами от башмаков. По форме подошв четко прослеживаются заостренный носок обуви и сильно зауженная средняя часть (табл. 52, 3). Пяточная часть подошвы кроилась длиннее стопы и частично загибалась вверх на каблук, т. е. подошва точно повторяла форму обуви с каблуком. Подошвы на башмаках кроили из одного или двух слоев кожи, пришивали наружным швом и прибавляли деревянными гвоздями.

Наша коллекция насчитывает 75 железных лунообразных подковок на каблук, среди которых четко выделяются две группы: с шипами и с дырками для гвоздей. Ширина подковок колеблется от 3 до 8 см (табл. 52, 4).

На башмаках второй группы (табл. 52, 2) сохранились украшения или следы от них. Витым шнуром из шерстяной или льняной нити украшались задники башмаков, при этом шнур накладывался на швы и окаймлял вертикальную полоску кожи на заднике. В одном случае на башмаке четко различим красный цвет шнура, в другом случае двойная строчка имитирует отвороты башмака. На одном башмаке сохранились следы металлической проволоки, опоясывавшей каблук.

Описываемый тип башмаков также сохранился среди русского сельского населения центральной и северной России и в Сибири вплоть до начала XX в. Эта обувь известна под названиями «босовики», «ступни», «чирики», «бахилы», «чоботы», «стручки», «коты», «уледки». Два последних термина применительно к обуви встречаются в таможенных документах 1634 г., при этом неоднократно упоминаются «коты красные», т. е. нарядные, праздничные¹⁸. Этот тип обуви конструктивно и технологически более совершенен. Шили башмаки из дубленой яловой или конской кожи. Поршни и мягкие сыромятные башмаки могли шить для себя в любом хозяйстве, изготовление же башмаков второй группы требовало профессиональных навыков специальных мастеров.

В мангазейской коллекции имеется одна пара детских башмаков с невысокими каблуками, абсолютно повторяющая фасон остальной обуви.

Башмаки второй группы были преимущественно праздничной обувью, о чем свидетельствует усложненный фасон и наличие украшений.

Ко второму типу обуви можно отнести единственный найденный в Мангазее сапог, сохранивший часть голенища. Конструктивно нижняя его часть ничем не отличается от башмака. По-видимому, часть обуви, описанной нами как башмаки, являлась сапогами и со временем утратила голенища. Об этом свидетельствует необработанный верхний край и следы от шила, отмеченные у многих башмаков первой группы и в ряде случаев у башмаков второй группы. Меньшей сохранности голенищ могло способствовать и то, что, судя по русским этнографическим материалам XIX в. в Сибири, голенища сношенных сапог нередко пришива-

лись к новым головкам или использовались для починки обуви, изготовления чехлов для топоров и ножей и для других бытовых поделок. Голенища сапог могли быть не только кожаными, но и из грубой холстины, образуя при этом как бы промежуточный вариант между башмаками и сапогами.

Наконец, к третьему типу обуви, найденному в Мангазее, мы относим единственный берестяной лапоть — редкую археологическую находку. Лапоть косога плетения, состоит из округлой головки и подошвы. По типу он ближе всего к лаптям, распространенным у русских крестьян в XIX в. в Вятской и Московской губерниях. Очевидно, лапти не являлись широко распространенной обувью среди жителей Мангазеи, где у горожан преобладала кожаная обувь. Здесь нельзя не согласиться с Г. Г. Грозовым, который утверждает на основании анализа документов и рисунков XVII в., что для этого времени преимущественным материалом для обуви была кожа¹⁹. Уместно отметить, что если в XVIII в. и в более позднее время у русских центральных областей широко распространяется обувь, плетенная из бересты и лыка, то у русских Сибири лапти так и не получили широкого распространения.

Кроме обуви из кожи и бересты, в Мангазее найдены кожаные и вязаные рукавицы. Кожаных рукавиц и заготовок к ним — восемь. Кроились они из одного куска кожи, с подкройным большим пальцем, который был составным. Сшивались рукавицы внутренним швом (табл. 52, 5).

Вероятно, именно такие «рукавицы-голицы конские», привозимые в Мангазею из Тобольска, называются среди прочего товара в таможенных документах XVII в.²⁰ Судя по этнографическим материалам, такие рукавицы широко бытовали у русского населения Сибири вплоть до наших дней. На Алтае, например, они известны под названием «голяшки» и надевали их поверх вязаных шерстяных рукавиц. Подобная вязаная рукавица найдена и при раскопках в Мангазее.

В XIX в. их вязали мужчины из овечьей шерсти костяным или деревянным крючком, а кожаные рукавицы кроили и шили при помощи деревянной формы — «снамета» — с прорезью для большого пальца и кожаного «напалка» для выкройки пальца.

Анализ кожаных изделий из раскопок в Мангазее позволяет сделать следующие выводы:

1. Сходство обуви, сапожных инструментов, а также других изделий из кожи, найденных в Мангазее, с аналогичными материалами из раскопок в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге, Полоцке, Москве, Рязани, подтверждает мысль о значительном единстве материальной русской культуры в XIV—XVII вв.

2. Основные типы обуви, конструктивные и технологические приемы ее изготовления по существу без изменений сохранились у русского населения на широкой территории Европейской России и в Сибири вплоть до начала XX в. Это еще раз подтверждает известный тезис о консервативности традиционных бытовых вещей, в частности элементов костюма, и дает возможность проводить прямые аналогии между археологическим и этнографическим материалом.

¹⁹ Грозов Г. Г. Русская материальная культура XVII века. — Вопросы истории, 1975, № 4, с. 12.

²⁰ ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), стб. 82, л. 38 об.

Глава 6

КОЛЛЕКЦИЯ МАНГАЗЕЙСКИХ МОНЕТ

Во время раскопок на Мангазейском городище было найдено большое количество монет, преимущественно в виде подъемного материала. Они были обнаружены на бечевнике, куда попали из культурного слоя. Бечевник ежегодно размывается водой р. Таз, и вымываемые рекой монеты становятся легкодоступной добычей для каждого. Лишь небольшая часть монет имеет точное место находки на городище. Основная часть монет найдена на том месте городища, куда упали кельи гостинного двора и окружающих построек. Гостинный двор стоял на городище с 1618 по 1632 г., затем был разрушен и на его месте поставлены жилые дома ремесленников.

Монетная коллекция Мангазеи происходит в основном из района торговой части города, из нижнего его горизонта. В верхнем горизонте монеты встречались только как случайные находки. На месте расположения воеводского двора и съезжей избы также было обнаружено некоторое количество монет.

Большое число монет, найденных во время археологических работ, — сам по себе факт достаточно замечательный, несмотря на то, что монеты эти были обнаружены в основной своей массе на берегу реки, ежегодно размываемой водой. Находки монет в городах, стоящих на берегах рек, например в Пскове и Калинин, достаточно распространенное явление. Однако существует принципиальное различие между мангазейскими находками и подъемными материалами из других прибрежных городов. Монеты, найденные в городах с многовековой историей, датируются крайне широкими хронологическими рамками — от самых древних монет до современных. Происхождение и сам набор их здесь случайны, и они никак не могут служить достоверным источником для изучения денежного обращения данного населенного пункта.

По-иному обстоит дело с мангазейскими монетами. Прежде всего отпадает момент нечеткой хронологии находок — они могли попасть в землю лишь во время недолгого существования города, с 1601 по 1672 г. Поблизости от Мангазеи по реке не было сколько-нибудь крупных населенных пунктов, и поэтому следует признать, что основная масса монет, вымываемых р. Таз, происходит только из Мангазеи. Мы с полным основанием можем признать локальные по времени и месту мангазейские находки единым комплексом, сложившимся на определенной территории за определенный отрезок времени, и использовать их как источник для характеристики местного денежного обращения.

Комплекс монет, сложившийся на определенной территории за определенный отрезок времени, как мы охарактеризовали мангазейские находки, вполне можно применить и как определение монетного клада. Но монетный клад — это еще и единовременно захороненная сумма денег, изъятых из денежного обращения и отражающая состав последнего в момент захоронения клада. Денежное обращение определенной местности и определенного периода, как правило, обслуживается равноценными моне-

тами, чеканенными по одной стопе или находящимися между собой в рациональных отношениях. Ничем не отличается от клада по своему характеру казенная сумма, собранная и хранящаяся в каком-либо общественном учреждении.

Мангазейские находки нельзя отождествлять ни с кладом, ни с казенной суммой. Монеты не представляют собой набора денежных знаков, чеканенных по одной стопе, а, напротив, отражают по меньшей мере три этапа русского денежного обращения с 1533 по 1676 г. Монеты с Мангазейского городища следует рассматривать как весьма специфический нумизматический комплекс, отражающий состав и особенности местного денежного обращения за значительный отрезок времени, охватывающий около 70 лет.

Нумизматическому анализу были подвергнуты 236 мангазейских монет. Но для того чтобы составить полное представление о характере мангазейских находок, этого количества монет вполне достаточно. По части можно более или менее достоверно судить о целом. Нумизматам очень часто приходится судить по части клада о характере, составе и даже размерах всего клада и удаётся это сделать с незначительной долей погрешности. Состав части клада отражает, как правило, все закономерности, присущие монетным комплексам, сложившимся в определенный период в определенной местности. Эти закономерности проверены на многих кладах, дошедших до нас целиком. В данном же случае нам приходится сопоставлять не часть клада с целым кладом, но часть материальных остатков денежного обращения со всем комплексом монет, образовавшихся на территории Русского государства в XVII в., — предметом, достаточно хорошо известным и историкам, и нумизматам. В изучаемой нами части денежного обращения, а именно в мангазейских находках, должны найти свое отражение все закономерности денежного обращения XVII в.

Сам факт находки монет на территории древней Мангазеи — весьма выразительная деталь, характеризующая своеобразный облик этого позднефеодального города. Наиболее развитой отраслью городской жизни надо считать торговлю и промыслы. Вся городская жизнь сосредоточивалась вокруг промышленных людей, отправлявшихся в длительные экспедиции за пушниной. Торговля и ремесло должны были обеспечить их продовольствием и снаряжением. Из Руси в Мангазею привозились товары специально «на сибирскую руку»: хлеб, масло, мясо, горох, ячмень, овес, крупа, толокно, мед, пряности, а также свечи, мыло, бумага, мануфактура. Находки монет, а также многочисленные свидетельства письменных источников убедительно говорят о том, что в жизни Мангазеи деньги играли ничуть не меньшую роль, чем в любом русском средневековом городе, в том числе и в сибирских городах, расположенных южнее Мангазеи. Лишь в торговле с местным населением приходилось прибегать к натуральному обмену. Однако этот вид торговли осуществлялся не столько

в городе, во время весенней ярмарки, сколько во время зимних торгово-промышленных экспедиций за пушниной¹.

Денежные запасы в Мангазее поступали, как и в любой русский город, двумя путями: с одной стороны, это были казенные суммы, получаемые воеводами на содержание свое и служилых людей, на городские нужды, с другой — капиталы, которые привозили с собой торговые промышленные люди. Следует сказать, что большую часть казенных сумм составляли отчисления от таможенных сборов, различных торговых пошлин, которые платили в городе приезжие торговые и промышленные люди. Очевидно, доля казенных сумм, отпускавшихся на городские нужды, была не очень велика. Не случайно практика выработала специфическую форму организации городской жизни в Мангазее — мирскую общину, основной официальной целью которой были сбор и расходование денег на городские нужды, не предусмотренных казенной сметой. Это были расходы на снаряжение ежегодных экспедиций для сбора ясака, на «подводы» по дорожным грамотам служилым людям, на отправку «государевой ясачной казны» на Русь, на содержание и ремонт казенных учреждений — таможи, съезжей избы, тюрьмы, городских укреплений, наконец, на кормление воевод, которые от мирской общины получали дополнительные средства к своему казенному содержанию². Очевидно, в городе было достаточно денежных средств, если такие значительные расходы могли производиться за счет людей, объединившихся в мирскую общину. Как пример размеров денежных сумм, которыми свободно располагали мангазейские жители, можно привести сведения о заемных деньгах, которые они ссужали мирской общине. Так, служилый человек Иван Кокулин смог ссудить 40 руб., поп Троицкой церкви Степан Максимович Сосна — 27 руб., таможенный голова — 90 руб. Немалые суммы давали и приезжие торговые люди — по 30—45 руб.³

О размерах и структуре денежных капиталов торговых приезжих людей может свидетельствовать следующий пример. Один из приказчиков московского гостя Василия Шорина, Бажен Петрович сын Железняков, получил в 1661 г. от Василия Шорина для поездки «в Сибирские города» 1310 руб. 5 алтын 4 деньги медными копейками, 300 руб. — серебряными. На 101 руб. 22 алтына 4 деньги он взял «кабал старого отпуску». Деньги и «кабалы» предназначались на «торговую покупку», «на заемную расплату и проезд». Помимо денег, он получил различных тканей

(объярь, шелк, тафту, и проч.) на 634 руб. 2 алтына 4 деньги, серебряных иконных окладов на 23 руб. В Архангельске у приказчика Шорина Бажен Петров взял еще 110 руб. серебряными копейками, и в сибирских городах, где сидели торговые посредники Шорина, получил деньги и товары. В общей сложности Бажен Петров повез в Сибирь денег и товаров на 4682 руб. 13 алтын 2 деньги. В Сибири значительная часть товаров была им продана, деньги истрачены на покупку «мягкой рухляди». Часть «мягкой рухляди» была продана с большой выгодой в Москве, часть — в Архангельске, где ее частично продавали, частично меняли на «иноземные» товары, в свою очередь выгодно проданные затем в Москве⁴.

В задачу настоящей главы не входит определение денежных богатств «златокопильцев» Мангазеи. Мангазейские находки, состоящие из оброненных в разное время и разными людьми монет, не могут служить в данном случае источником. Но они раскрывают вещественную суть денежного хозяйства города, показывают, из чего реально состояли все эти неоднократно упоминаемые в документах суммы. Анализ самих монет: датировка, определение веса, штемпеля, сохранности — позволит выяснить, как и в какой степени отразились на местном денежном обращении все этапы 70-летней жизни города, а также поможет ответить на вопросы более общего характера — имело ли денежное обращение этого города на дальней северо-восточной окраине страны отличия от общерусского или составляло его продолжение без существования отличий. Характер города позволяет предположить, что и денежное хозяйство здесь было особым, что деньги сюда «приходили известного рода волнами, в соответствии с более или менее благоприятной обстановкой в государстве», как всегда на далеких окраинах⁵.

Мангазейские находки представлены монетами, чеканившимися в русском государстве со времени Ивана IV (1533—1584) до Алексея Михайловича (1645—1676). Они состоят из серебряных и медных (полкопейки) и более мелких номиналов — денег (полкопейки) и полушек (четверть копейки). Таким образом, все виды денег, обращавшихся в Русском государстве XVI—XVII вв., были обнаружены на Мангазейском городище. Найдены были две западноевропейские монеты — половина золотого «угорского» 1558 г. и счетный нюрнбергский жетон XVII в.^{6а} В земле монеты оказались по разным причинам. Многие были просто потеряны — легко было уронить на грязную улицу маленькую, величиной с арбузное семечко, монету и не найти ее в грязи. Недаром иностранцы писали, что с русскими деньгами обращаться неприятно: «они маленькие, скользкие и легко падают сквозь пальцы»⁶. Очевидно, много монет очутилось в земле после обстрела зданий гостиного двора в 1631 г. во время междоусобной войны воевод Кокорева и Палицына и после пожара 1642 г., уничтожившего почти весь город.

Ниже публикуются монеты, найденные в Мангазее; для удобства пользования и экономии места данные о монетах сведены в табл. XII, где указываются время правления, номинал монеты, место чекана, дата, вес каждого экземпляра, сохранность и дается ссылка на литературу.

ТАБЛИЦА XII
Описание русских монет XVI—XVII вв., найденных в Мангазее *

№ п/п	Правитель	Монетный двор	Номинал	Дата	Вес и количество	Сохранность	Литература
1	Иван IV (1533—1584)	Москва	Деньга	1533—1547	0,36	Средняя	Як., III, 2, 7
2—4	»	»	»	1533—1547	0,31 (2); 0,32 (3)	»	Як., III, 3, 6
5—9	»	»	»	1533—1547	0,32 (4); 0,33 (5)	»	Як., III, 4, 8
10	»	»	»	1533—1547	0,31	»	Як., III, 5, 7
11	»	»	»	1533—1547	0,33	»	Як., IV, 5, 8
12—13	»	»	»	1533—1547	0,31 (2)	»	Як., VI, 1
14	»	»	»	1533—1547	0,31	»	Як., V, 3, 3
15	»	»	» ДЕ	1547—1584	0,32	»	Як., IV, 1, 1
16—18	»	»	»	1547—1584	0,30; 0,31 (2—3)	»	Як., IV, 2, 3
19—24	»	»	Деньга	1533—1584	0,21 (обл.); 0,26 (обл.); 0,27 (обл.); 0,31 (2); 0,32 (6)	Очень плохая	Определению не поддаются
25	»	»	Копейка А	1533—1535	0,44	Средняя	Сп., т. I, а
26	»	Новгород	» ал (?)	1555—1584	0,64	»	Сп., т. I, М (?)
27	»	»	» с/мн	1555—1584	0,64	»	Сп., т. I, ю
28	Иван IV Федор Иванович (1584—1598)	Псков	Копейка ПС	1547—1584	0,64	Средняя	Сп., т. I, к
29	»	Москва	Деньга НС	1584—1598	0,35	»	—
30	»	Новгород	Копейка П	1584—1598	0,65	»	Сп., т. III, и
31	»	»	Копейка НОРД	1596	0,66	Плохая	Сп., т. III, л
32	»	Псков	» ПС	1584—1598	0,52	»	Сп., т. III, г
33—35	Борис Федорович (1598—1605)	Москва	» Б—О » М	1598—1605	0,66; 0,67; 0,68 (3)	»	Сп., т. II, г
36	»	Новгород	» НООИ	1602	0,62	Средняя	Сп., т. III, я
37	»	»	» НРАИ	1603	0,67	»	Сп., т. III, ю
38	»	Псков	» ПСРЗ	1599	0,67	»	Сп., т. II, т
39	Дмитрий Иванович (1605—1606)	Москва	» б/м	1605—1606	0,32	Очень плохая	Сп., т. II, 6
40	Владислав Сигизмундович (1610—1612)	»	»	1611—1612	0,37	Плохая	Сп., т. IV, 6
41	Ополчение Минина и Пожарского	Ярославль	» с/ЯР	1613—1613	0,56	»	М., т. I, 2
42	То же	Москва	» О » М	1613—1613	0,39	» (обл.)	М., т. I, 4
43	Шведы в Новгороде (1611—1617)	Новгород	Копейка и/РІ с именем Василия Ивановича	1611—1615	0,51	Средняя	Сп., т. IV, а
44	Михаил Федорович (1613—1645)	Москва	Копейка б/м	1613	0,44	»	М., т. I, 9
45	»	Временный денежный двор Москва, Денежный двор	Полушка	1613—1645	0,11	»	—
46	»	То же	Деньга	1626—1645	0,22	»	М., т. I, г
47	»	»	»	1626—1645	0,20	»	М., т. I, в
48—51	»	Москва	Копейка МОС/КВА	1613—1626	0,43; 0,47 (2); 0,50 (4)	»	М., т. I, 19
52—53	»	»	»	1613—1626	0,50 (2)	»	М., т. I, 23
54—56	»	»	МОС/КВА	1613—1626	0,45; 0,48; 0,50 (3)	»	М., т. I, 25
57	»	»	» МО	1613—1626	0,45	»	М., т. I, 26

* Определение монет и ссылки на литературу сделаны по следующим изданиям: деньги Ивана IV: Яковлев Г. Г. К вопросу о денежной реформе правительства Елены Глинской. — Нумизматический сборник, 1971, ч. IV, вып. I (в таблице — Як., римская цифра обозначает номер группы, арабские — номера штемпелей лицевой и оборотной стороны); копейки Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Федоровича, Дмитрия Ивановича, Владислава Сигизмундовича; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. — МИА, 1955, № 44 (в таблице — Сп., «т» обозначает таблицу, «а» и прочие буквы алфавита — штемпель); монеты ополчения Минина и Пожарского, шведский чекан в Новгороде, монеты Михаила Федоровича: Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — Археографический ежегодник за 1958 г., М., 1960 (в таблице — М., «т» обозначает таблицу, арабские цифры — штемпель; монеты Алексея Михайловича: «Вспомогательные исторические дисциплины», 1970 г., т. III (в таблице — М., «т» обозначает таблицу, арабские цифры — номера штемпелей лицевой и оборотной стороны); монеты Алексея Михайловича медные: Мельникова А. С. Чеканка монет в Куkenойсе в середине XVII в. — СА, 1964 г., № 3; Она же. Старый Московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 гг. — Археографический ежегодник за 1964 г., М., 1965; Она же. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. — Нумизматика и эпиграфика, 1970, т. VIII.

ТАБЛИЦА XII (продолжение)

№ п/п	Правитель	Монетный двор	Номинал	Дата	Вес и количество	Сохранность	Литература
58—59	»	»	МОС/КВА	1613—1626	0,47; 0,50	»	М., т. I, 27
60	»	»	»	1613—1626	0,50	»	М., т. I, 32
61—64	»	»	» М	1613—1626	0,39; 0,41; 0,47; 0,51 (4)	»	М., т. I, 37
65	»	»	МОС/КВА	1613—1626	0,47	»	М., т. I, 42
66	Михаил Федорович	Москва	Копейка МО	1613—1626	0,47	Хорошая	М., т. I, 43
67—68	»	»	» М	1613—1626	0,46; 0,47 (2)	Плохая	М., т. I, 44
69—75	»	»	»	1613—1626	0,43; 0,45; 0,473; 0,50 (2—7)	Средняя	М., т. I, 48
76	»	»	» О М	1613—1626	0,48	»	М., т. I, 54
77	»	»	»	1613—1626	0,50	»	М., т. I, 57
78	»	»	»	1613—1626	0,46	»	М., т. I, 59
79	»	»	»	1613—1626	0,47	»	М., т. I, 61
80	»	»	»	1613—1626	0,47	»	М., т. I, 62
81	»	»	»	1613—1626	0,46	»	М., т. I, 71
82	»	»	МОС/КВА	1613—1626	0,47	Плохая	Не поддается определению
83	»	»	»	1613—1626	0,46	Средняя	М., т. I, 77
84—85	»	»	»	1613—1626	0,472	»	М., т. I, 78
86	»	»	» М/о	1613—1626	0,44	»	М., т. I, 84
87	»	»	»	1613—1626	0,48	»	М., т. I, 87
88—89	»	»	»	1613—1626	0,45; 0,48 (2)	Хорошая	М., т. I, 89
90—91	»	»	»	1626—1645	0,42; 0,45 (2)	Средняя	М., т. I, 90
92	»	»	*МОС/КВА*	1626—1645	0,45	»	М., т. I, 92
93	»	»	»	1626—1645	0,47	Средняя	М., т. I, 93
94	»	»	» М/о	1626—1645	0,42	»	М., т. I, 94
95—98	»	»	»	1626—1645	0,41; 0,44; 0,48; 0,50 (4)	»	М., т. I, 95
99—101	»	»	»	1626—1645	0,44; 0,47; 0,48	»	М., т. I, 98
102	»	»	»	1626—1645	0,47	Плохая	М., т. I, 98/об сторона не опр.
103—112	»	»	»	1626—1645	0,41; 0,44; 0,46 (6); 0,47; 0,48 (10)	Средняя	М., т. I, 103
113—114	»	»	»	1626—1645	0,42; 0,49 (2)	»	М., т. I, 104
115	»	»	»	1626—1645	0,45	»	М., т. I, 106
116—117	»	»	»	1626—1645	0,45 (2)	»	М., т. I, 107
118	»	»	»	1626—1645	0,45	»	М., т. I, 123
119	»	»	»	1626—1645	0,39	»	М., т. I, 126
120—121	»	»	*МОС/КВА*	1626—1645	0,38; 0,50 (2)	»	М., т. I, 131
123	»	»	Копейка М/о	1626—1645	0,44	»	М., т. I, 136
124	»	»	»	1626—1645	0,46	»	М., т. I, 137
125—126	»	»	*МОС/КВА*	1626—1645	0,37; 0,46 (2)	»	М., т. I, 139
127	Михаил Федорович	Москва	Копейка М/о	1626—1645	0,43	Средняя	М., т. I, 139 (вар. по об. ст.)
128	»	»	»	1626—1645	0,42	»	М., т. I, 140 (вар. по об. ст.)
129—133	»	»	»	1626—1645	0,39; 0,44 (2); 0,45; 0,46 (5)	»	М., т. I, 141
134—136	»	»	»	1626—1645	0,41; 0,44; 0,45 (3)	»	М., т. I, 144
137	»	»	»	1626—1645	0,42	»	М., т. I, 144 вар.
138—142	»	»	»	1626—1645	0,36; 0,41; 0,42 (2); 0,45	»	М., т. I, 152
143	»	»	»	1626—1645	0,47	»	М., т. I, 154
144	»	Новгород	Копейка, знак монетного двора не виден	1617—1626	0,47	Очень плохая	Не поддается определению
145	»	Псков	Копейка ПС	1617—1626	0,44	Средняя	М., т., 2, 3
146—163	»	Москва	Копейка, денга	1613—1645	0,31; 0,39; 0,40 (5); 0,42; 0,44; 0,45 (2); 0,46; 0,47 (3); 0,48; 0,49; 0,51 (18)	Очень плохая	Не поддается определению

ТАБЛИЦА XII (окончание)

№ п/п	Правитель	Монетный двор	Номинал	Дата	Вес и количество	Сохранность	Литература
164—167	Михаил Федорович	Не поддаются определению		1613—1645	0,44; 0,46; 0,48 (2—4)	Очень плохая, свернуты в трубочку	То же
168	С именем Михаила Федоровича	Неизвестный монетный двор	Копейка	После 1617 (1619)	0,35	Средняя	Не задана
169	Алексей Михайлович (1645—1676)	Москва	Копейка М/о	1645—1650-е	0,43	»	М., т. 1, 3
170	»	»	»	1645—1650-е	0,47	»	М., т., 12, 5
171	»	»	»	1645—1650-е	0,44	»	М., т., 18, 10
172	»	»	»	1645—1650-е	0,45	»	М., т., 18, вар. 13
173—174	»	»	»	1645—1650-е	0,40; 0,39 (2)	»	М., т., 18, 13
175	»	»	»	1645—1654	0,40	»	М., т., 22, 20
176	Алексей Михайлович (1645—1676)	»	»	1650—1654	0,45	»	М., т., 23, 21
177—180	»	»	»	1650—1654	0,31; 0,45; 46; 0,51	Очень плохая	Не поддаются определению
181—187	»	Новый денежный двор	Копейка МД медная	1655—1663	0,27; 0,31; 0,37; 0,44 (2); 0,40; 0,57 (7)	Плохая	То же
188—195	»	Старый денежный двор	» М/о	1655—1663	0,30; 0,31; 0,33; 0,35; 0,37; 0,39 2; 0,44 (8)	»	То же
196—199	»	Псков	» П	1655—1663	0,39; 0,40; 0,42; 0,45 (4)	»	» »
200—218	Алексей Михайлович (1645—1676)	Москва	Копейка М/о и МД	1655—1663	0,18; 0,19; 0,30; 0,32; 0,33; 0,34; 0,35; 0,37; 0,38; 0,39; 0,40 (2); 0,42 (3); 0,45; 0,48; 0,50; 0,51 (19)	Очень плохая	Не поддаются определению
219—231	Не поддаются определению копейки, деньги серебряные XVI—XVII вв.	»	»	»	0,9 (обл.), 0,19 (2); 0,24; 0,25; 0,26; 0,31 (2); 0,34 (2); 0,35; 0,43; 0,46 (13)	Чрезвычайно плохая	То же
232—234	»	»	»	1655—1663	0,08; 0,1; 0,13	Совершенно плохая, свернуты в трубочку	» »

Прежде чем перейти к анализу мангазейских находок, мы позволим себе кратко напомнить об основных группах монет, представляющих последовательные этапы русского денежного обращения с 1533 г. по 70-е годы XVII в., и кратко охарактеризовать эти этапы.

Первая группа, включающая монеты с 1533 по 1610 г., характеризуется как период чеканки монет по 3-рублевой стопе (из весовой гривенки серебра в 204, 756 г чеканилось 300 копеек — 3 руб.). Это были единообразные по внешнему оформлению и весу копейки, деньги («московки») и полушки, сменившие разнообразные монеты периода феодальной раздробленности. Основной фонд денежного обращения составляли монеты Ивана IV (1533—1584), причем в начале периода преобладали деньги, в конце — копейки. Следующую значительную по количеству группу монет составляли копейки Бориса Годунова (1598—1605), особенно относящиеся к чекану Новгородского денежного двора. Почти во всехкладах, зарытых в конце XVI — начале XVII в., присутствует незначительное количество монет до 1533 г. — это чаще всего монеты Великого княжества Московского, великих князей Василия II (1425 — 1462), Ивана III (1462—1505) и Василия III (1505—1533), реже — монеты удельных князей и городов Новгорода и Пскова. В мангазейских находках монеты первой группы составляют приблизительно 17% от общего числа найденных монет. Преобладают монеты Ивана IV (24 деньги

и 4 копейки). Совершенно отсутствуют монеты, чеканившиеся в конце периода, — копейки Василия Шуйского (1606—1610). Не встречено ни одной монеты до 1533 г. Все монеты имеют неважную сохранность, особенно копейки (при весовой норме 0,68 г средний вес мангазейских монет составляет 0,60 г). Анализ веса, сохранности и состава монет, относящихся к первой группе, позволяет утверждать, что временем их проникновения в Мангазею следует считать более поздний период, чем годы до 1610 г. Если бы монеты равномерно попадали в город на протяжении первого десятилетия XVII в., состав их должен был бы отразить характерные черты общерусского денежного обращения этого периода: среди монет Ивана IV преобладали бы копейки, обильнее был бы представлен чекан Бориса Годунова (здесь же мы встретили только 6 экз.), обязательно присутствовали бы копейки Василия Шуйского. Несомненно, выше был бы средний вес монет за счет их лучшей сохранности. Однако не будем спешить с выводами и посмотрим, не являются ли замеченные особенности — особенностями денежного обращения Мангазеи. Ответ даст анализ следующих групп монет.

Вторая группа включает монеты, чеканившиеся в «смутное время», с 1610 по 1617 г., когда поляки в захваченной Москве чеканили монеты с именем Владислава Жигимонтовича (1610—1612) вначале по стопе 3,6 руб. из гривенки, затем — по 4 руб.; шведы, оккупировавшие Нов-

город в 1611 г., тоже чеканили монеты по пониженной стопе — с 1611 до 1615 г. по 3,6 руб., с 1615 по 1617 — по 4 руб. Ополчение Минина и Пожарского с 1612 г. чеканило монеты в Ярославле, затем, в начале 1613 г., в Москве тоже по пониженной стопе — вначале по 3,6 руб., затем по 4 руб.⁷ Денежное обращение этого периода имеет немалые сложности, обусловленные политической и экономической обстановкой «смутного времени». Оно не могло оставаться единым для всей страны, разбившейся на несколько враждующих, изолированных друг от друга областей. В каждой из них складывалось свое денежное обращение, со своими особенностями. Так, в областях, оккупированных или находящихся под контролем шведов (преимущественно северо-запад страны с центром в Новгороде), основной фонд денежного обращения составляли копейки шведской чеканки: монеты с именем Василия Ивановича, чеканенные по пониженной стопе подлинными штемпелями времени Шуйского и поддельными, изготовленными самими шведами. В областях, где хозяйничали поляки (преимущественно центральные районы, а также расположенные к югу и западу от Москвы, с центром в Москве), обращались монеты предшествующего периода и копейки Владислава. В свободных от оккупантов русских территориях (Среднее и Верхнее Поволжье, северо-восток с центром в Ярославле и Нижнем Новгороде) широкое распространение получили копейки Ополчения ярославского чекана с именем Федора Ивановича, последнего царя династии Рюриковичей, имя которого Ополчение поставило на монетах в качестве символа освобождения и возвращения к законности. Некоторое время Ополчение чеканило монеты в Москве со знаком Московского двора и с именем Михаила Федоровича. Монеты Ополчения, а также все монеты предшествующего периода, даже до 1533 г., составляли фонд денежного обращения районов Русского государства, свободных от оккупантов. Как не было четких границ между этими тремя обширными областями Русского государства, разорванного «смутой», так, конечно, не было четких границ и между тремя ареалами денежного обращения, описанными выше. В Вологду или Ярославль могли попасть копейки Владислава или шведские, а в Москву — монеты Ополчения ярославского чекана, но во всех таких случаях они оставались незначительной частью. Преобладали же специфические для каждого ареала группы монет.

В Мангазее найдены одна московская копейка Владислава, одна — шведская (1611—1615) и три монеты Ополчения — ярославская и московская с именем Федора Ивановича и московская с именем Михаила Федоровича. Все монеты имеют очень плохую сохранность, сильно стертые, одна из них обломана. Вес их значительно меньше весовой нормы (копейка Владислава имеет вес 0,37 г при весовой норме 0,51; московские копейки Ополчения — 0,39 г и 0,44 при той же весовой норме; шведская копейка — 0,51 при весовой норме 0,58; лишь ярославская копейка Ополчения имеет вес 0,56 г, ненамного отступающий от весовой нормы — 0,58 г). Встреча в одном комплексе всех монет, чеканившихся в «смутное время» и принадлежавших различным ареалам денежного обращения, — убедительное свидетельство того, что эти монеты могли попасть в Мангазею уже в тот период, когда временные границы денежных ареалов были уничтожены вместе с польской и шведской интервенцией и денежное обращение страны стало вновь единым. Это произошло в первой половине правления Михаила Федоровича, после 1617 г. По всей видимости, монеты попали в Мангазею

именно в этот период. В пользу такого предположения говорит также плохая сохранность монет.

Третья группа характеризует время становления и упрочения 4-рублевой стопы (весовая норма 0,51 г, которая к середине XVII в. снизилась до 0,47 г). Этот период начинается с весны 1613 г., когда Московский денежный двор приступает к чеканке копеек, а через некоторое время — денежек и полушек, чеканка которых прекратилась еще в конце XVI в. С 1617 г. начинают работать денежные дворы в Новгороде и Пскове, которые, однако, около 1626 г. закрываются. Происходит восстановление и упрочение русской денежной системы, разрушенной в годы польско-шведской интервенции. Основной фонд денежного обращения составляют монеты Михаила Федоровича, которые преобладают и во второй половине XVII в. Монеты предшествующих периодов встречаются вкладах этого времени как незначительная примесь: часть монет 3-рублевой стопы осела вкладах, а основная масса была переплавлена на монеты 4-рублевой стопы. Любопытно, что эта часть мало коснулась тех денежек времени Ивана IV, которые смогли уцелеть за предыдущие годы, — они единичными экземплярами довольно часто встречаются вкладах. Очевидно, они пополняли фонд разменных денег, фракций копейки, чеканка которых возобновилась при Михаиле и нехватку которых остро ощущала развивающаяся торговля, особенно внутренняя. Третья группа датируется временем от 1613 до 1654 г. В мангазейских находках монеты Михаила Федоровича составляют около 80%, а серебряные копейки Алексея Михайловича — всего только 6%. Среди монет Михаила встречены полushка и две деньги. Монеты представлены почти исключительно московским чеканом. Чекан Новгородского и Псковского денежных дворов представлен каждый одним экземпляром. Как монеты Михаила, так и монеты Алексея, найденные в Мангазее, относятся к наиболее популярным типам. Основная масса монет датируется концом 20-х—30-ми годами. Более ранние (1613—1626) имеются в меньшем количестве. Копейки Алексея Михайловича относятся к 1645—1654 гг. Сохранность монет третьей группы в целом заметно лучше предшествующих и средний вес их колеблется в пределах весовой нормы — от 0,51 до 0,47. Имеются веские основания полагать, что в основной своей части мангазейский монетный комплекс сложился в годы правления Михаила Федоровича, а точнее — в конце 20—30-х годах. Именно в этот период сюда была доставлена основная масса монет, в том числе и более ранние, подхваченные общим потоком денежного обращения.

Четвертая группа охватывает время проведения денежной реформы 1654—1663 гг., или, как называют ее нумизматы, денежной реформы Алексея Михайловича. В 1654 г. делается попытка ввести в Русском государстве новые монеты, отличающиеся от прежних и весом, и внешним видом, и техникой изготовления. Вместо серебряных копеек вводилась система крупных номиналов, ранее существовавших как счетные понятия — рубли, полтины, полуполтины, гривны и алтыны. Крупные монеты чеканились частично из серебра (рубли и полуполтины), частично из меди (полтины, гривны (?) и алтыны). Медь номинально приравнивалась к серебру. Весовая норма снизилась почти вдвое и составляла теперь около 7 руб. из гривенки. Новые монеты чеканились менее года из-за недовольства населения и технических трудностей. Чеканка их прекратилась уже в 1655 г. После недолгого обращения «ефимков с признаком» — талеров с надчеканкой копеечного штемпеля и даты «1655» — правительство осенью 1655 г. обратилось к чеканке медных копеек и денежек, по внешнему виду, весу и технике чеканки ничем не отличающихся от серебряных копеек. Следовательно, произошло возвращение к старой

стопе, которая к 1654 г. составляла уже не 400, а 425 коп. из гривенки. Медные копейки чеканились на двух Московских дворах, а также на Новгородском и Псковском, которые на время реформы возобновили работу. Медные копейки чеканил также вновь открытый в Куkenойсе денежный двор. Серебряные копейки в годы реформы не чеканились (исключение составлял незначительный по объему чекан серебра на Новгородском денежном дворе). Медные копейки вводились только для нужд внутреннего рынка. Торговля ими с иностранцами и в Сибири запрещалась. В результате перепроизводства медных копеек, которые номинально приравнивались к серебряным, произошло резкое обесценение медных монет. К 1662 г. рубль серебром приравнивался к 15 руб. медью. В 1663 г. правительство прекратило чеканку медных копеек, закрыло все денежные дворы, кроме старого Московского, где возобновилась чеканка серебряных копеек по дореформенным образцам. Денежная реформа 1654—1663 гг., составляющая особый этап в истории русского денежного обращения, оказалась безрезультатной. Она не смогла изменить русскую денежную систему, как было задумано инициаторами реформы⁸.

Денежное обращение в этот период обслуживалось двумя видами монет — серебряными копейками, состоявшими в основной своей массе из монет Михаила Федоровича, и серебряными копейками Алексея Михайловича до 1654 г. Другую группу составляли медные копейки московского, новгородского, псковского и куkenойского чеканов (1655—1663). Серебряные копейки катастрофически быстро исчезали из денежного обращения, оседая вкладах или попадая в казну, которая с 1659 г. стала все казенные платежи и сборы с населения принимать только серебряной монетой. Поэтому основной и, пожалуй, единственный фонд денежного обращения в годы реформы составляли медные копейки, обесценивавшиеся с каждым месяцем. Крупные монеты первого года реформы и «ефимки с признаком» в русском денежном обращении почти не участвовали. Они пока не встречены в русских монетныхкладах. Лишь на территории Украины и Белоруссии, объединившихся с Россией после 1654 г., иногда встречаются эти памятные неудачной денежной реформы⁹. Несмотря на то что хождение медных копеек в Сибири запрещалось, в Мангазее они обнаружены в количестве 38 экз. (15% от общего состава)¹⁰. Из них 34 относятся к московскому чекану, четыре — к псковскому. Новгородские и куkenойские копейки не встречены. Так как медь крайне плохо сохранялась во влажной почве мангазейского городища, все монеты имеют чрезвычайно плохую сохранность. Их удалось определить только по месту чеканки, а более тщательное определение по штемпелям оказалось невозможным. Находка сравнительно большого количества медных монет на Мангазейском городище (на 12 серебряных монет Алексея Михайловича приходится 38 медных), свидетельства письменных источников говорят за то, что медные копейки несмотря на запрет правительства в Сибирь проносили и обращались там наряду с другими монетами. Крайняя дата выпуска медных копеек относится, как известно, к 1663 г. После их отмены до 1676 г. Московский денежный двор выпускал серебряные копейки. Однако

среди серебряных копеек Алексея Михайловича, найденных в Мангазее, пока не обнаружено ни одной, относящейся ко времени после реформы. Самыми поздними мангазейскими находками остаются медные копейки 1655—1663 гг. Мангазеей как населенный город существовала еще девять лет, и за это время в нее поступило ничтожно малое количество монет. В противном случае мангазейская почва сохранила бы единичные экземпляры копеек 1663—1676 гг.

Подводя итоги нашим наблюдениям, можно сказать, что за годы существования Мангазеи здесь обращались русские копейки, деньги и полушки, бывшие в обращении в России с 1533 по 1663 г. Рассматривая последовательно все виды монет, найденные в Мангазее, мы пришли к выводу, что основная масса их попала в город в конце 20-х—в 30-е годы XVII в. и что мангазейский комплекс в общих чертах сложился именно в эти годы. В пользу этого предположения говорит не только чисто нумизматический анализ монетных находок, но и еще одно наблюдение. Если отнестись к мангазейским монетам как к единому комплексу, то нетрудно заметить, что они обнаруживают сходство по составу и соотношению между хронологическими группами складами монет времени Михаила Федоровича, зарытыми в северо-восточных и северных районах Русского государства в конце 30—40-х годах XVII в. В частности, обнаруживается сходство мангазейского комплекса складами из Вологодской, Ярославской и Костромской областей. Мы находим в этихкладах то же преобладание монет Михаила Федоровича, представленных в основном наиболее популярными и многочисленными типами штемпелей; близок также подбор этих типов. Так же и в тех же пропорциях присутствуют в этихкладах монеты первой (1533—1610) и второй (1610—1617) групп; так же в большом количестве встречаются здесь денежки Ивана IV и Федора Ивановича. Хорошая сохранность мангазейских монет, позволяющая даже произвести поштемпельный анализ, говорит о том, что время обращения этих монет было не очень длительным и они не успели потерять ни значительной части своего веса, ни изображений и надписей. Если учесть, что «новоприезжие» мангазейские люди были в основной своей массе жителями северо-восточных и северных районов Русского государства, выходцами из крупных центров пушной торговли — Устюга Великого, Соли Вычегодской, а также из Ярославля, Вологды, то сходство мангазейских находок складами северо-восточных и северных районов Руси находит простое объяснение: денежное обращение Мангазеи составляло как бы продолжение денежного обращения этих районов, было его неотъемлемой частью. Медные копейки с Мангазейского городища обнаруживают также некоторое сходство складом медных копеек, происходящим из Вологды. В составе этогоклада, насчитывающего 2270 экз., наблюдается следующее соотношение монет, чеканенных на различных денежных дворах: московские монеты составляют 59% от общего количества, псковские — 18%, новгородские — 4%, куkenойские — 1%. В аналогичныхкладах, происходящих из Новгородской или Псковской областей, существуют совершенно иные пропорции — там преобладают монеты псковского и новгородского чеканов¹¹. Комплекс мангазейских медных монет, среди которых насчитывается 34 московских и 4 псковских, конечно, сближается с вологодскимкладом по составу.

При определении характера денежного обращения Мангазеи следует учитывать, что здесь из-за суровых климатических условий развитие земледелия и скотоводства были невозможны. Именно тем обстоятельством, что деньги

⁸ О реформе 1654—1663 гг. см.: Спасский И. Г. Денежное обращение Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. — Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960; Мельникова А. С. Особенности русского денежного обращения в XVII в. — История СССР, 1966, № 5.

⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение Русского государства... См. также приведенные выше датированные 1661 г. сведения о денежной казне приказника гостя В. Шорина — Бажена Петрова, которая частично состояла из 1310 руб. 5 алтын 4 денег медными монетами.

¹¹ Мельникова А. С. Клад медных монет из Московской области. — Нумизматический сборник. М., 1971, т. IV, вып. I.

⁷ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве..

не получили еще широкого хождения среди местного населения сибирских городов XVII в.¹², а концентрировались в руках приезжих из Руси торговых людей, объясняется почти полное отсутствие монетных кладов на обжитых к тому времени сибирских землях. Огромные денежные суммы, циркулировавшие в Сибири, не впитывались местным денежным обращением и излишки их в виде кладов не оседали в земле, как это происходило в центральных областях России. Лишь в XVIII в., особенно во второй его половине, в Сибири появляются монетные клады, свидетельствующие о сложении местного денежного хозяйства. Но и эти поздние клады почти все сосредоточиваются в земледельческих районах Сибири. А на обширных пространствах северной окраины Западной Сибири и в XVIII в. не осталось следов местного денежного обращения.

Нам пока известно пять находок монет XVI—XVII вв. на сибирской земле. В с. Маковском Енисейского района Красноярского края был найден кожаный мешочек на шнурке (кошелек) с 33 монетами Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Другая находка была сделана на северо-восточном побережье п-ва Таймыр: 3382 монеты второй половины XVI — первых двух десятилетий XVII в. В конце прошлого века около Тюмени было найдено 370 серебряных монет XVII в., а в начале XX в. в Шадринском районе Курганской области — клад монет времени Петра I (начало XVIII в.) и 234 русских серебряных монеты XVII в. Из пяти находок кладом можно назвать лишь три последние, причем одна из них — клад петровского времени — относится уже к XVIII, а не к XVII в. Две первые находки, строго говоря, кладами считаться не могут — в одном случае это явно потерянный кошелек, в другом — казна мореплавателей, пришедших русских людей, трагически погибших во время экспедиции. Обе находки никак нельзя назвать теми специфическими и неперенными спутниками местной торговли, какими являются монетные клады. Два клада серебряных монет XVII в. найдены в земледельческих районах Сибири и весьма к тому же скромны по размерам.

Сходство состава мангазейских находок с составом русских кладов северо-восточной Руси, скудость монетных кладов XVII в. в Сибири и отсутствие их в Мангазее и Мангазейском уезде говорят о том, что местное денежное обращение было частью общерусского, сохраняя особенности, присущие денежному обращению той части Русского государства, которая поддерживала наиболее тесную связь с Мангазеей¹³.

Тот факт, что мангазейские находки представляют все виды монет, имевшие хождение в России XVII в., что в кошельке из с. Маковского Енисейского района найдены монеты середины — второй половины XVII в., свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в русские города Сибири деньги поступали регулярно, по мере чеканки их на денеж-

ных дворах, ничем в этом отношении не отличаясь от практики хождения денег в центральной России. Представление о «волнообразной» доставке денег в Сибирские города нам кажется неверным, во всяком случае для Мангазеи.

История денежного хозяйства Мангазеи, рассказанная монетами, не противоречит истории города. Действительно, трудно представить, что в первое десятилетие жизни города, после 1601 г., сюда могло поступать много монет. Новейшими данными установлено, что Мангазея как город была «зарублена» лишь в 1607—1608 гг. воеводами Жеребцовым и Давыдовым¹⁴. Монеты могли регулярно поступать сюда лишь после этих лет. Временем расцвета Мангазеи считаются 20—30-е годы XVII в. Как выше указывалось, основной поток монет шел в город именно в эти годы. После пожара 1642 г. население Мангазеи стало сокращаться. Монеты 40-х годов отражают начало упадка города: число их заметно сокращается по сравнению с предыдущими годами. Не случайно мы не находим здесь монет позже 1663 г.: в 60-х годах административный и хозяйственный центр Мангазейского уезда переместился в Туруханское зимовье; в 1672 г. все мангазейские стрельцы и казаки были переведены туда «на вечное житье»¹⁵.

Две западноевропейские монеты с Мангазейского городища заслуживают особого внимания. Следует сразу отказаться от заманчивой возможности увидеть в них памятник торговли Мангазеи с Западной Европой. Золотой «угорский», как и половина его, были очень популярны на русском рынке XV—XVII вв. По сложившейся традиции, целый «угорский» приравнивался к полтине (50 коп.), половина — к полуполтине (25 коп.). В русских кладах «угорские» пока не встречались. Это обстоятельство в известной степени поддерживало убеждение, что золотые западноевропейские монеты чаще использовались в качестве почетных наград, подарков и т. п., чем в торговле. Находка половины «угорского» в Мангазее может рассматриваться как свидетельство участия золотых монет в сфере крупной, оптовой торговли, которая, несомненно, имела место на мангазейских ярмарках. Но, конечно, этот единичный факт не может еще служить основанием для окончательного суждения о роли и распространении золотых в русской торговле.

Нюрнбергские жетоны также относятся к числу популярных в Сибири товаров, куда они привозились русскими промышленниками для меновой торговли. Местное население охотно употребляло их как украшения. Они встречаются в сибирских погребениях XVII—XVIII вв. В частности, счетный жетон, подобный найденному в Мангазее, был обнаружен в курганном могильнике на Чулыме (Томская область). Во время обследования Мангазейского городища в 1946 г. был найден также счетный жетон. Шесть счетных жетонов начала XVII в. имелись в казне мореплавателей, погибших у Таймырского полуострова¹⁶. Найденный ныне нюрнбергский счетный жетон, конечно, тоже следует отнести к предметам русской, но не иностранной торговли, так как все русские промышленники, направлявшиеся в Сибирь, запасались этим ходким товаром для торговли «на остяцкую руку».

В заключение нужно отметить, что мангазейская нумизматика является, на наш взгляд, полноценным источником по истории города, хорошо согласующимся с данными исторических и археологических источников.

¹⁴ Белов М. И. Мангазея, с. 45—52.

¹⁵ Там же, с. 97.

¹⁶ Спасский И. Г. Счетные жетоны. М.: Л., 1951.

Глава 7

СУХОПУТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

С рубежа XVI—XVII вв. земли, вошедшие в огромную территорию Мангазейского уезда, энергично осваивались сотнями артелей «промышленных людей», приехавших «с Руси» за основным «сибирским товаром» — пушнина. Промысловый характер первоначального освоения сибирских земель русским населением, в первую очередь пушной промысел, достаточно полно освещен в трудах русских дореволюционных и советских историков. Несомненно, промысловый характер хозяйства первоначального русского населения в Сибири нашел отражение в составе и характере инвентаря, обнаруженного в жилищно-хозяйственных комплексах, раскопанных на Мангазейском поселении. Впервые по археологическим материалам предстала возможность в довольно подробной степени выявить не только походное снаряжение промышленника (лыжи, нарты), но и весь «промышленный завод» — набор необходимых для жизни и промысла в Сибири инструментов, промысловых орудий, вооружения. Однако весь этот обширный набор промыслового снаряжения найден не на месте кратковременной охотничьей стоянки или зимки, а в жилищно-хозяйственных комплексах обжитого длительного поселения. Эти находки непосредственно связаны с хозяйственным укладом жителей русского заполярного города и отражают основные «отрасли» городской экономики, наиболее важные в экономическом отношении занятия горожан. Учитывая это и принимая во внимание специфику рассматриваемого материала, в настоящем разделе воедино собраны сведения, позволяющие дать по возможности полное представление о снаряжении русских промышленников.

Наиболее полная сводка сведений о снаряжении русских промышленников в Сибири в XVII в. была в свое время сделана С. В. Бахрушиным¹. Дополненная и детализированная археологическими находками на о-ве Фаддея и на берегу залива Симса, эта работа как бы наметила наиболее важные категории вещей, составлявших промысловое снаряжение первых русских землепроходцев в Сибири. Однако только мангазейский археологический материал впервые дал возможность выделить устойчивые серии находок, оценить их удельный вес, значительно как в составе промыслового снаряжения, так и в хозяйственном укладе горожан.

Средства передвижения являются существенной чертой бытового уклада населения, ибо они отражают не только особенности географической среды того или иного района, но и специфические черты его хозяйства (рис. 11).

Освоение русским населением природных богатств сибирских земель носило прогрессивный характер, разрушалась замкнутость отдельных этнических групп народов Сибири. В то же время сбор царского ясака, интенсивное

развитие звероловных промыслов вызвал и большую мобильность местных племен, которые развивали и были вынуждены «модернизировать» свои традиционные способы передвижения. В настоящей главе дается характеристика находкам лыж и нарт, которые при раскопках Мангазейского поселения представлены значительными группами.

ЛЫЖИ

За последние десятилетия в ходе изучения культурного слоя древнерусских городов исследователи получили такие категории археологических находок, о которых ранее можно было только догадываться или о существовании которых было известно исключительно по письменным источникам. Это в полной мере относится к находкам древнерусских лыж. В 1944 г. А. В. Арциховский, исследуя письменные источники и миниатюры, сделал вывод о несомненно широком использовании лыжного способа передвижения в средневековой Руси². Вывод был сделан буквально за несколько лет до находки древнейших (VIII—IX вв.) в Восточной Европе лыж при раскопках нижних слоев Ладоги (горизонт Е). В настоящее время ладожские находки являются основой для разработки типологии средневековых лыж, поэтому остановимся на их изучении подробнее³.

Лыжа 1 была зарисована сразу же после раскопок⁴, сейчас сохранность ее плохая. Длина лыжи вместе с носком 178,8 см, ширина в передней части 13 см, в задней 11 см, толщина 0,7 см. Передняя часть лыжи, сужаясь, заканчивается узким носком, задняя часть плавно сужается и закругляется. Лыжа имеет четко выраженную ступательную площадку длиной 29 см, шириной 5,8 см, высотой (от верхней плоскости лыжи) 1 см⁵. Внутри ступательной площадки располагается паз для креплений (размеры отверстия паза 4,4 × 0,6 см). Верхняя поверхность лыжи покрыта продольными желобками, по краям располагаются небольшие отверстия для прикрепления меха.

Лыжа 2 имеет в длину с носком 181,5 см (конец лыжи немного обломан), ширина в ее средней части 13 см, в передней и задней частях 12,5 см, толщина 0,7 см. Передняя часть лыжи заканчивается фигурным носком, задняя

² Арциховский А. В. Лыжи на Руси. — В кн.: Рефераты научно-исследовательской работы за 1944 г. Отделение истории и филологии. М.: Л., 1945, с. 39. Впоследствии эта работа была расширена и дополнена: Арциховский А. В. Лыжи на Руси. — ТИЭ. Нов. сер., 1947, т. 1, с. 55—64.

³ Нами учтены лишь две довольно хорошо сохранившиеся лыжи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (ГЭ, ОИПК, ЛГ 2019, 2018). См.: Овсянников О. В. Средневековые русские лыжи. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 35—40.

⁴ Рукописный архив ЛОИА, ф. 35, 1950, д. 83, л. 52; д. 41, л. 22.

⁵ Судить о характере и назначении выемки позади ступательной площадки по рисунку трудно, в натуре эта часть лыжи сохранилась плохо.

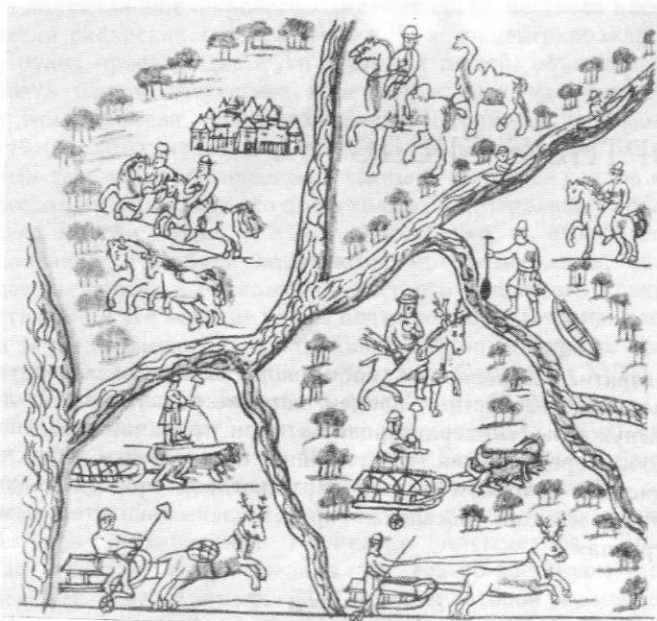

Рис. 11. Средства передвижения в Сибири в XVII в. Миниатюра Краткой (Кунгурской) летописи

плавню сужается. Лыжа имеет ступательную площадку длиной 36 см, шириной 7 см. Внутри ступательной площадки есть паз для креплений. Верхняя поверхность лыжи имеет в передней и задней частях по восемь неглубоких желобков, которые у носка и у пятки пересекаются. Вдоль нижней плоскости лыжи тянутся два продольных паза, однако у носка и у пятки они сходятся. Таким образом, староландские лыжи, древнейшие пока средневековые лыжи, найденные в Восточной Европе, представлены лыжей с мехом и «голицей». Подобное оформление лыж было связано, несомненно, с определенными особенностями их функционального использования. Следует отметить, что лыжа, нижняя поверхность которой закрывалась мехом, не была толчковой, для этого она слишком длинна (т. е. парная ей лыжа была такой же длины). Лыжа 2 — «голица» могла иметь в паре короткую толчковую лыжу. Сомнения в славянской принадлежности культурного слоя Старой Ладogi до X в.⁶ не умаляют значения староландских находок для истории лыжного способа передвижения в древней Руси. Важно, что накануне или в период появления славян на этой территории местное население пользовалось различными типами скользящих лыж.

Первыми бесспорно русскими являются новгородские лыжи⁷. Находки лыж в Новгороде значительны не только по своему количеству, но и тем, что дают представление о древнерусских лыжах с XI по XII в. В находках представлены скользящие лыжи двух типов. Тип I — ступательная площадка поднята над верхней плоскостью лыжи, в ней находится паз для креплений, вдоль нижней плоскости лыжи идет продольный направляющий желобок⁸. Тип II — ступательная площадка располагается непосредственно на верхней плоскости лыжи и ограничена с боков небольшими овальными бортиками-возвышениями, отвер-

стия для подвязки креплений находятся в толще пластины, на нижней поверхности желобков нет⁹. Несомненно, некая хронологическая разница этих типов лыж не отражает какого-то эволюционного процесса. Это различие функциональное. Лыжи типа I — беговые, об этом свидетельствует обтекаемая ступательная площадка, расположенная примерно посередине лыжи, наличие направляющего желобка на нижней поверхности лыжи. Лыжи типа II — более тихоходные, ступательная площадка сдвинута вперед от середины лыж. Лыжник не имел возможности раскатываться, так как был вынужден «тянуть» лыжу. Ранее во время археологических раскопок не было найдено лыжных палок¹⁰. Они отсутствуют и у лыжников, изображенных на древнерусских миниатюрах. В Мангазее удалось среди деревянных предметов опознать лыжные палки. Любопытные сведения о средствах передвижения северных народов сохранились в средневековой литературе на арабском и персидском языках.

Марвази (Шараф из-Заман Тахир ал Марвази — испанский араб) описывает путь в страну народов Вису и Иура (народы, обитавшие на севере, в «стране мрака», в 3 месяца пути от Булгар), куда болгары везут товары «на санях, которые тащат собаки по сугробам снега, никогда не сходящего с земли; невозможно ходить людям по такому снегу иначе, как прикрепляя к ступням ног своих бычьи кости, берут они в свои руки два копыя, втыкают их в снег позади себя, таким образом скользят ноги их по ледяной поверхности, и двигаются они со скоростью ветра так, что проходят за день большое пространство»¹¹. Текст источника говорит о двух способах передвижения народов «страны мрака» — собачьи сани (нарты) и лыжи. Однако конструкция лыж была не совсем ясна автору, что отразилось и в его записях, хотя сама техника передвижения на лыжах в общих чертах передана верно.

Более точные и подробные записи о лыжах мы встречаем в одном из вариантов путешествия Абу-Хамида (XII в.) в Восточную Европу¹². Абу-Хамид приводит даже размеры тех «дощечек», которые прикрепляют северные люди к своим голеним — длина один «ба» (3 м), ширина одна «пядь», передняя и задняя части дощечек приподняты от земли, а в середине место, куда вставляет идущий свою голень — «и там дыра». Абу-Хамид подробно описывает способ крепления лыж: «они прикрепляют голени свои ремнями из крепкой кожи и привязывают между двумя дощечками, что на ногах, длинными шандалами подобно лошадиным поводьям, берут их в левую руку, а в правую посох по длине ног; нижняя часть посоха похожа на мяч из материи, набитый значительным количеством шерсти, такой же величины, как человеческая голова, но весьма легкий [идущий] опирается на эту палку, на снег, палка толкает его в спину, подобно тому как действует моряк на судне. [Таким образом] он быстро идет по этому снегу; если бы не это приспособление, не мог бы никто, конечно, там передвигаться». Мы привели замечание Абу-Хамида о лыжах почти полностью, ибо очень живо и реалистично изобразил путешественник XII в. конструкцию лыж и технику ходьбы на них. Чем же объяснить, что о лыжах древнерусские источники говорят очень и очень скупо? Объясне-

ние этому, пожалуй, только одно — лыжи для русского человека были привычной, давно знакомой вещью, и описывать их устройство и давать «инструкцию», как ими пользоваться, было бы так же нелепо, как детально описывать телегу, сани или топор.

Письменные источники позволили выделить две области широкого использования лыж в древней Руси — военную и хозяйственную. Главное внимание письменные источники уделяли использованию лыж в военных целях. Вполне естественно, что передвижение крупных воинских отрядов на лыжах ввиду военно-политической важности описываемых летописцем событий очень часто попадали на страницы русских летописей, а также других письменных источников, хозяйственная же сфера, в которой наиболее широко использовались лыжи, оставалась в тени. Сведения, собранные А. В. Арциховским о походах воинов-лыжников XV—XVI вв., почти исчерпывающие: 1444 г. — поход великого князя Василия Васильевича против татар, 1499 г. — поход лыжной рати на Югру, 1535 г. — лыжный поход «на Литву», наконец, поход из Свяжского города «на ргах»¹³. Древнейшие изображения русских лыжников относится к XV в. — это сцена охоты в лицевом житии Бориса и Глеба и изображения лыжного похода 1444 г. (две миниатюры с изображением лыжников-воинов)¹⁴. А. В. Арциховский интерпретирует лыжи на этих миниатюрах как скользящие, обе лыжи одинаковой длины, лыжники палки не используют, так как вооружены сулицами и рогатинами. Особый интерес к длине лыж не случаен — длина правой и левой лыжи имеет принципиальное значение.

Определенное тактическое применение лыжных подразделений в составе русской рати свидетельствует о давней и прочно сложившейся практике использования воинов-лыжников. Лыжники могли быстро и незаметно доставить донесение (в 1610 г. «придоша два человека с лыжи во Псков из Порхова и с грамотою...») ¹⁵, предпринять внезапную стремительную вылазку против неприятеля (в 1633 г. из осажденного литовцами Смоленска были предприняты вылазки «государевых ратных больших людей и пеших на лыжах») ¹⁶. В 1661 г. в Новгороде русские воеводы думали, как лучше над литовцами «промысел учинить» и решили: когда «насты придут, пехоту учинить на лыжах» ¹⁷. В результате русское войско получило возможность быстрого маневра, а противник не мог развернуть крупные воинские подразделения. Русские воины-лыжники буквально наводили страх — литовцы на зимний период предлагали даже заключить перемирие: «опасаются на себя приходу великого государя ратных людей, а больше-де страшаться лыжников... им-де против лыжников не устоять, и промыслу им над лыжниками учинить нельзя» ¹⁸. В 1614 г. по указу надлежало с Вычегды и Соли-Вычегодской отправить к Москве «пеших людей на лыжах с луки и со всяким ратным боем» ¹⁹. Наряду с формированием целых лыжных воинских подразделений иногда вводилась своеобразная «лыжная» податъ — в 1655 г. в Вязьме и Можайске с дворов «всяких чинов людей» надлежало «взять с двора по лыжам» ²⁰.

Приведенные примеры (вероятно, не являющиеся исчерпывающими) свидетельствуют о том, что использование лыж в средневековой Руси, это не отдельные «курьезные» случаи, а целая область материальной культуры, связанная с различными сферами общественной и хозяйственной деятельности.

Освоение зауральских земель, особенно с конца XVI в., потребовало использования и развития тех традиционных средств передвижения в малоосвоенных и труднодоступных районах Сибири, которые были наиболее эффективны во время пушных промыслов и военных зимних походов. В декабре 1582 г. часть дружины Ермака (рис. 12) была направлена в пермские владения Строгановых за продовольствием и боеприпасами «вольчею дорогою, нартами и лыжи на оленях» ²¹. Зимой 1594 г. из построенного Тарского острога на поиски убежища хана Кучука вышел отряд лыжных ратников (274 человека) под предводительством письменного головы Бориса Доможирова, весной 1595 г. этот поход был повторен — в поход в Барабинскую степь вышло уже 480 ратников, но апрельские оттепели вынудили вернуться обратно — «пришло расколье великое, итти на лыжах немочно стало» ²². Русские воинские отряды в Сибири постоянно ходили в разные «службы, зимние и летние, конные и струговые, и лыжные» ²³. В 1600 г. в Мангазее (географическое понятие — область) с князем Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым были на судах отправлены запасы и отряд казаков. После кораблекрушения, когда наступили холода и выпал снег, дальнейший путь отряда продолжался в зимних условиях: на оленях везли груз, «а сами до Мангазеи шли на лыжах» ²⁴.

В Сибири на протяжении всего XVII и начале XVIII столетия русские отряды на лыжах использовали уже оправдавшую себя тактику скрытого передвижения, когда «за большими снегами пройти на конях невозможно... и иди надо пешими на лыжах» ²⁵.

Миниатюра ремезовской летописи иллюстрирует лыжный поход дружины Ермака 1582 г.²⁶ На миниатюре изображены широкие лыжи одинаковой длины; передний конец их загнут кверху и имеет небольшое шаровидное завершение. Лыжники держат в руках по одной палке, имеющей кольцо (кольцо напоминает современное, основу его, по-видимому, составляет дерево, переплетенное ремнями). Хорошо видно и устройство лыжных креплений, они просты — небольшой ремень перетягивает переднюю часть (носок) обуви.

Однако находки натурального сибирского материала были сделаны лишь благодаря работам Мангазейской экспедиции.

Мангазейская коллекция, датирующаяся 1600—1650 гг., самая значительная из найденных в городах средневековой Руси. Историко-культурное значение сделанных находок трудно переоценить — они ценны не только для изучения истории культуры русского населения Сибири, его бытового уклада и хозяйственной деятельности, но и всей культуры Московской Руси. Важное значение мангазейских находок и в том, что они являются ценнейшим материалом для изучения типологии русских средневековых лыж и определения основных районов распространения тех или иных их типов.

Все мангазейские лыжи найдены в процессе археологического изучения комплексов как кремля, так и посада, хро-

⁶ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладoge. — СА, 1961, № 3, с. 76—84; Она же. Этнический состав населения древнейшей Ладogi. — В кн.: Тезисы докладов II научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран в Финляндии. М., 1965, с. 12—14. Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — САИ, 1968, вып. Е1-55, с. 57—58.

⁸ Там же, табл. 48, рис. 3, 4.

⁹ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, табл. 48, 1, 2.

¹⁰ В. П. Левашева писала о находке лыжной палки с кольцами в Пскове (см.: Левашева В. П. Изделия из дерева, дуба и бересты. — ТГИМ, 1959, вып. 33, с. 73), но среди псковского материала нам не удалось эту палку найти.

¹¹ Захотер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, т. II, с. 65.

¹² Там же, с. 67. Сведения Абу-Хамида о лыжах использованы А. Монгайтом. См.: Монгайт А. Л. XII век. Путешествие в Россию. — Наука и жизнь, 1965, № 1, с. 36 и др.

¹³ Арциховский А. В. Лыжи на Руси, с. 60.

¹⁴ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, рис. 21.

¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1849, т. IV, с. 328.

¹⁶ АМЮ. СПб., 1890, т. I, с. 457.

¹⁷ АМЮ. СПб., 1901, т. III, с. 234.

¹⁸ АМЮ, т. III, с. 298—307.

¹⁹ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908, с. 94.

²⁰ АМЮ. СПб., 1894, т. II, с. 394.

²¹ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. СПб., 1880, с. 84.

²² Юрасова М. К. Город над Иртышом. Омск, 1953, с. 11—13.

²³ ДАИ. СПб., 1857, т. VI, с. 5.

²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., т. I, 1937, с. 394—395.

²⁵ ДАИ. СПб., 1867, т. X, с. 393.

²⁶ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись, с. 84.

Рис. 12. Дружина Ермака на лыжах. Миниатюра Краткой (Кунгурской) летописи

нологически они как бы продолжают развитие основных типов русских скользящих лыж XI—XIV вв., найденных в Новгороде²⁷.

Все найденные в Мангазее лыжи — скользящие. Они имеют неодинаковую длину, толщину и ширину, различное качество изготовления. Не всегда можно определить, имела ли лыжа подволоку или была «голицей». Поэтому в основу классификации мангазейских лыж положено устройство ступательной площадки, т. е. той части лыжной пластины, где находились лыжные крепления.

Тип I. Лыжи этого типа характеризуются высоко поднятой над плоскостью лыжной пластины ступательной площадкой (табл. 55, 1—7). Внутри ступательной площадки находятся овальные или треугольные в сечении отверстия — пазы для лыжных креплений. Всего найдено 18 целых лыж и фрагментов лыж типа I. Однако бросается в глаза, что лыжи с высоко поднятой площадкой типологически не составляют монолитную группу, поэтому целесообразно выделить внутри этой группы два подтипа (I-A и I-B).

I-A. К этому подтипу относятся две почти полностью сохранившиеся лыжи и несколько фрагментов (табл. 56, 1—5). Лыжи характеризуются небольшой длиной (не более 150—160 см) и значительной шириной (17—22 см). Толщина лыжной площадки незначительная — 0,2—0,4 см. Место для установки ноги лыжника у лыж первого типа имеет высоко поднятую ступательную площадку (она называлась «подласом»)²⁸. В ее основании располагаются

отверстия — первое небольшое, почти овальное, второе более широкое, прямоугольное в сечении, для продевания креплений.

Особенно любопытна лыжа (табл. 56, 5), имеющая вдоль края небольшие пазы, являющиеся следами от крепления меховой обивки — подволоки. Любопытно, что среди двух однотипных по конструкции лыж одна имеет следы подволоки, другая нет. Не исключено, что одна из них голица, т. е. не имела подволоки, но вполне возможно и то, что наряду с обивкой мехом использовалась обклейка, обтягивание на ремнях, — следы этих подволоков трудно заметить²⁹. Обращает на себя внимание несколько крупных пазов, которые тщательно высверлены сверлом и аккуратно забиты нагелями из верхней поверхности ступательной площадки одной из лыж. Объяснить их назначение можно двумя причинами: во-первых, нагеля крепили на площадку берестяные прокладки под ступню лыжника; во-вторых, высокая ступательная площадка с узким основанием была довольно непрочной и, чтобы укрепить ее, сквозь толщу ступательной площадки были пропущены нагеля, дополнительно крепившие площадку к лыжной пластине. Любопытно и расположение самой ступательной площадки — она сдвинута к заднему концу лыжи. Однако высокие ступательные площадки у лыж описанного типа были все же непрочными, от поломки их не спасало и дополнительное крепление нагелями. «Вещественное» доказательство этому — многочисленные фрагменты ступательных площадок от лыж, которые были сломаны еще в древности. От лыж типа I-A найдено три фрагмента ступательных площадок. Они высокие, имеют пазы с нагелями (табл. 56, 1—3), с нижней, отломанной от лыжной пластины поверхности хорошо прослеживаются следы пазов для лыжных креплений, на некоторых ступательных площадках видны маленькие дырочки от берестяных подкладок. Особенно

изящна фигурная ступательная площадка (табл. 56, 1) — в средней части она имеет очень узкий перехват, пяточная и носковая части плавно расширяются. Площадка отломалась, хотя была укреплена четырьмя нагелями. На верхней плоскости ее лежала фигурная же берестяная подкладка. Несмотря на тонкость лыжной пластины у лыж типа I-A (говоря о легкости нужно не забывать, что она была еще подбита мехом) высокая площадка не позволяла лыжнику бежать быстро.

I-B. К этой группе лыж относятся массивные длинные лыжи с большой — длинной и широкой, но невысокой ступательной площадкой (табл. 57, 1—5). Среди лыж этого типа встречены экземпляры, которые подбиваются мехом, есть и «голицы». Всего найдено 10 целых и почти целых лыж этого типа и несколько фрагментов.

Лыжа 1. Лыжа найдена во время раскопок прибрежной части посада и датируется, по-видимому, первой четвертью XVII в. (табл. 57, 1). Она длинная (длина 196 см, ширина 16,7 см) и массивная, качество работы низкое. Носок лыжи небрежно заострен, задний конец грубо обрублен. Мангазеец, делавший эту лыжу, выбрал неудачный кусок дерева — много сучков. Ступательная площадка вырублена под стать ей — она массивная и тяжелая, центр ее немного сдвинут к носку от середины лыжи. В передней части площадки высверлены два отверстия — первое небольшое, круглое, второе четырехугольное — для креплений. Уже на верхней поверхности лыжи хорошо заметны многочисленные маленькие дырочки, как бы оконтуривающие ступательную площадку, — это следы подбивки мехом. На нижней, скользящей поверхности вся конструкция оснащения мехом видна еще лучше: поперек лыжи идет паз, к носку от него лыжа чуть толще, к пятке — тоньше. Таким образом, лыжа была как бы комбинированной — большая часть скользящей поверхности была голицей, а под ступательной площадкой был подбит мех. Это оригинальное устройство — мех находился на том участке, на котором распределялся почти весь вес лыжника. Лыжа с куском меха была гораздо легче, чем если бы она была подбита вся, но в то же время дополнительное трение позволяло лыжнику довольно легко преодолевать крутые подъемы и не слишком мешало при ходьбе по ровному месту и спуску с горы. Среди найденных фрагментов лыж, вероятно, аналогичную конструкцию имела еще одна лыжа, от которой сохранилась ступательная площадка с небольшой частью пластины. Можно предполагать, что лыжа эта сломалась еще в древности и найденный кусок был вырублен в надежде на то, что может быть использован (табл. 55, 3).

Лыжа 2. Лыжа обнаружена вместе с лыжей 1, но не является к ней парой (табл. 57, 6). Ее длина 182,5 см, ширина 17 см, носок плавно заострен, задник (пятка) имеет треугольную форму. Лыжная пластина обработана тщательно, ступательная площадка невысокая. В нижней ее части расположены два отверстия — овальное и четырехугольное. Особую ценность находке придает сохранность той части снаряжения, которая обычно не доходит до нас, — лыжа имеет крепление. Оно состоит из деревянной гнутой пластины, продетой сквозь четырехугольное отверстие ступательной площадки и закрепленной при помощи небольшого кожного жгута, зашитого по краям. Это первые лыжные крепления древнерусского лыжника, обнаруженные во время археологических раскопок. Выбор материала для крепления (дерево) объясняется, вероятно, нехваткой кожаных ремней, а скорее простотой изготовления и, главное, практичностью: такое крепление в отличие от кожного не размокает от снега и не замерзает от мороза, оно всегда готово «принять» носок сапога или валенка лыжника.

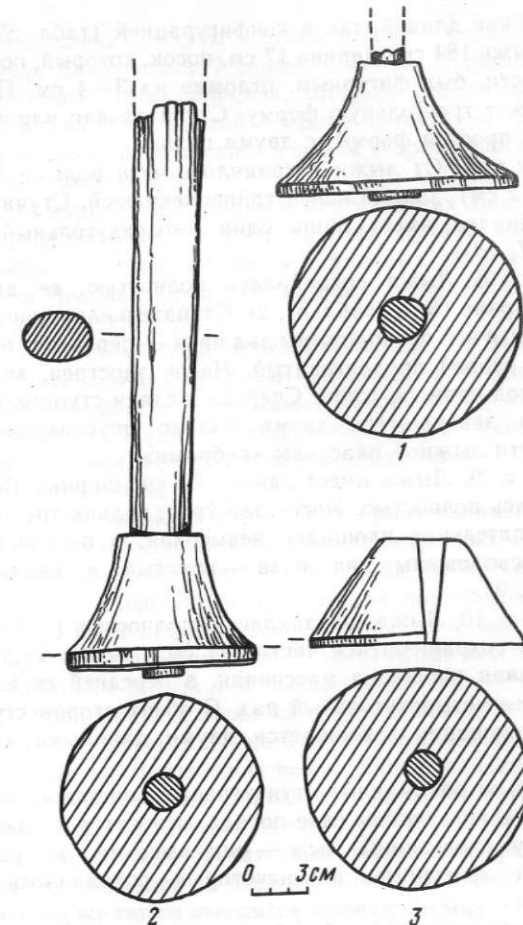

Рис. 13. Фрагменты лыжных палок (1—3)

Лыжа 3. Лыжа сохранилась неполностью — она пострадала во время пожара (хорошо видны выгоревшие места), после чего, по всей видимости, владелец обрубил ей пятку (рис. 86, 3). Лыжа найдена во время исследования прибрежной части посада, датируется первой четвертью XVII в.

Сохранившаяся часть лыжи имеет длину 120 см (первоначальная длина была около 2 м), ширину 16 см. Ступательная площадка сохранилась также неполностью, она имела уже известную по предыдущим находкам форму, в нижней ее части располагались два паза — круглый и четырехугольный. Особую достопримечательность описываемой лыжи составляет ее носок — он фигурный.

Лыжа 4. Лыжа сохранилась полностью (табл. 57, 9). Найдена она в одном из исследованных комплексов на прибрежной части посада. Находку можно датировать 1610—1620 гг.

Лыжа не очень длинная (152 см), но широкая, особенно в носовой части (до 20 см). Носок заострен, задний конец имеет форму треугольника. Ступательная площадка невысокая, длинная, в некоторой степени повторяет форму обуви — шире в носке, уже к пятке. В нижней ее части три отверстия — два небольших, круглых и одно четырехугольное.

Лыжа 5. Лыжа длинная — 207,5 см, ширина 16,5 см. Носок заострен, пятка фигурная, с боковыми выемками (табл. 57, 8). Ступательная площадка повторяет форму обуви, имеет два отверстия — круглое и четырехугольное. В четырехугольном отверстии сохранились остатки деревянных креплений (таких же, как и у лыжи 2).

Лыжа 6. Другая лыжа, найденная в сенях воеводского двора, не является парной к предыдущей — она от-

²⁷ О лыжах XV—XVI вв. по натурным находкам можно судить лишь по одному экземпляру из культурного слоя начала XVI в. (Зарядье Москвы). Лыжа из дуба, сохранившийся фрагмент — длиной 60 см, шириной 12,5 см. М. Г. Рабинович считает, что лыжа — скользящая (Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964, рис. 136).

²⁸ Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 88.

²⁹ Для подволоки в XVII в. употреблялись «кисы» (шкуры, снятые с ног животных) или «камасы» (олени, лосиные шкуры). В Сибири пользовались подволоками и из дорогих шкур — письменные источники упоминают: «подволока лыжная бобровая, бобрешко подволочный» (Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 88).

личается как длиной, так и конфигурацией (табл. 57, 7). Длина лыжи 184 см, ширина 17 см, носок, который, по всей вероятности, был фигурным, отломан на 3—4 см. Пятка лыжи имеет треугольную форму. Ступательная площадка длинная, простой формы, с двумя пазами.

Лыжа 7. От лыжи сохранилось чуть больше половины (112 см), задний конец трапецевидный. Ступательная площадка имеет лишь один четырехугольный паз (табл. 57, 10).

Лыжа 8. Лыжа сохранилась полностью, ее длина 186 см, ширина 15 см (табл. 57, 2). Ступательная площадка невысокая, в ней расположены два паза — первый от носка круглый, второй продолговатый. Носок заострен, задник обрезан под прямым углом. Спереди и сзади ступательная площадка завершается двумя плавно опускающимися к плоскости лыжной пластины «ребрами».

Лыжа 9. Лыжа имеет длину 171 см, ширину 15 см, сохранилась полностью. Носок заострен, задник треугольный. Ступательная площадка невысокая, в передней ее части расположены два паза — круглый и овальный (табл. 57, 9).

Лыжа 10. Лыжа сохранилась неполностью (табл. 57, 5). Длина сохранившейся части 144 см, ширина 14,5 см. Ступательная площадка массивная, в передней ее части расположен четырехугольный паз. С обеих сторон ступательная площадка завершается двумя длинными «ребрами».

Несколько обломанных ступательных площадок, обнаруженных в культурном слое поселения, относятся к описанному типу скользящих лыж — они высокие, по форме простые и фигурные, на некоторых сохранилось по два паза.

Трудности «лыжных служб», порой даже драматизм ситуаций, в которые попадали русские воины-лыжники в Сибири, красочно описал в своей челобитной бывший якутский воевода Матвей Кровков. Обращаясь к царям, этот участник многих походов писал: «Голод терпел и мертвую кобылятину и из-под лыж подволоку и барабанные кожи и с ног поршни разваривая ел»³⁰.

Тип II. Кроме скользящих лыж с высокоподнятой ступательной площадкой, в Мангазее обнаружены скользящие лыжи, значительно отличающиеся от описанных выше. Основное их отличие — конструктивное, оно заключается в отсутствии высокой ступательной площадки. Пазы для лыжных креплений расположены в самой лыжной пластине, на поверхность которой непосредственно ставил ногу лыжник. Таких лыж в Мангазее обнаружено почти целых семь и несколько фрагментов. Эти лыжи тоже можно разделить на две группы (II-A, II-B).

II-A. К этой группе лыж относятся такие, у которых ступательная площадка с двух сторон ограничена небольшими бортиками³¹. В бортиках находились сквозные вертикальные пазы для креплений.

Лыжа 1. Лыжа (табл. 58, 1) найдена при раскопках административного комплекса в прибрежной части поселения. Это длинная (230,5 см) массивная пластина (ширина у ступни 17,5 см, толщина 0,5 см, у пазов чуть толще). Носок лыжи заострен, пятка фигурная — концы стесаны.

³⁰ Оглобин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1769 гг.). М., 1898, т. III, с. 91. О «лыжных службах» постоянно пишут сибирские служилые люди. Так, атаман Микита Ильин в 1667 г. был челом тобольскому воеводе Петру Годуну о своих конных, пеших и лыжных степных службах (Оглобин Н. Н. Указ. соч. М., 1898, т. II, с. 128. Вероятно, именно этот тип лыж воспроизведен на рисунке у Витсена (Witsen N. Noord en Ost Tartarye. Amsterdam, 1705, t. II, p. 820 (F) и Герберштейна (Герберштейн С. Записки о Московских делах. СПб., 1908, с. 239).

Ступательная площадка оформлена двумя невысокими бортиками. Бортики как бы ограничивали ступню лыжника с двух сторон, в толще бортиков высверлено по паре вертикальных пазов. Пазы предназначались для продевания ремешков креплений. Чтобы ремни не перемещались, в пазы забивали деревянные нагели. На скользящей поверхности лыжи каждая пара пазов соединена небольшими углублениями, в которые, выходя на «рабочую» поверхность лыжи, прятались ремни креплений, тем самым не препятствуя скольжению. Ремни не пересекали поперек нижнюю плоскость лыжи, так как соединялись только наверху. На лыже не видно следов подбивки ее мехом, однако подволока могла не только подбиваться, но и приклеиваться.

Лыжа 2. Лыжа сохранилась почти полностью — утрачен лишь небольшой фрагмент носка и пятка (табл. 58, 3). Длина сохранившейся части 144 см (первоначальная длина лыжи достигала, вероятно, 160 см), ширина в передней части 18,8 см, у ступательной площадки 15,5 см, толщина 0,6—1,3 см. Ступательная площадка оформлена так же, как у предыдущей лыжи, — ограничена двумя невысокими бортиками, в которых просверлено по паре вертикальных пазов для креплений. Когда лыжа была в употреблении, она получила продольную трещину у носка. Владелец «отремонтировал» ее: просверлил на нижней поверхности лыжи два неглубоких отверстия, соединил их неглубоким пазом, а затем треснутые части стянул ремешком, концы которого заклинил в высверленных отверстиях при помощи деревянных нагелей. На ступательной площадке лыжи сохранилась подкладка из бересты. К поверхности лыжи береста, положенная в два слоя, прикреплена тонкими деревянными шпильками.

Лыжа 3. Длина лыжи небольшая — 106 см, ширина у ступательной площадки 13 см. Носок заострен, задник фигурный, с выемками (табл. 58, 4). Ступательная площадка ограничена с обеих сторон небольшими бортиками, в которых высверлено две пары вертикальных отверстий для ремешков креплений. Лыжа, по всей вероятности, детская.

Лыжа 4. Лыжа сохранилась неполностью: отсутствует вся передняя часть от ступательной площадки и задник лыжи (табл. 58, 5). Ширина ее 16 см. Находка интересна тем, что расположение отверстий для ремешков креплений здесь несколько иное. В каждом бортике вырезано по паре отверстий — одно круглое высверлено вертикально, а другое вырезано наклонно, поэтому на нижнюю плоскость лыжи оно не выходит.

II-B. К этой группе относятся лыжи, ступательная площадка у которых не имеет ограничительных бортиков и пазы для креплений высверлены непосредственно в пластине.

Лыжа 1. Лыжа найдена в культурном слое прибрежной части поселения (табл. 58, 2). Длина ее 200 см, ширина в средней части 20,5 см. Передний конец лыжи заострен, пятка фигурная, имеет боковые вырезы. У ступательной площадки нет ограничивающих ступню лыжника бортиков, четыре вертикальные отверстия для подвязки креплений проходят сквозь лыжную пластину и на скользящей плоскости каждая пара указанных отверстий соединена пазом.

Лыжа 2. Лыжа найдена при исследовании нижнего горизонта воеводского комплекса, датируется первой четвертью XVII в. Длина ее 181 см, ширина в средней части 16 см. Носок лыжи фигурный, задник округлый. Любопытно, что лыжа имеет невысокую, но отчетливо заметную ступательную площадку, но способ подвязки креплений такой же, как и у лыж 1—3, т. е. две пары вертикальных отверстий на скользящей плоскости соединены пазом

(табл. 55, 5). Оба конца лыжи слегка загнуты. Следует заметить, что у большинства мангазейских лыж очень слабо прослеживается загнутость пластин. Это можно, вероятно, объяснить особенностями культурного слоя мангазейского поселения. Нижняя, скользящая поверхность лыжи «лохматая», следы истертости видны отчетливо. Можно полагать, что эта лыжа не обтягивалась мехом, а использовалась как голица.

Лыжа 3. Лыжа найдена в сенях нижнего горизонта воеводского двора и датируется первой четвертью XVII в. Длина ее невелика — 138,5 см, ширина в средней части 15 см (табл. 58, 6). Носок лыжи слегка загнут и заканчивается фигурным выступом. В лыже имеются два вертикальных отверстия. Следов подбивки подволоки нет.

Лыжа 4. Лыжа найдена в прибрежной части поселения. Длина ее 80,5 см, ширина у ступательной площадки 18 см (табл. 58, 7). Форма лыжи в сечении треугольная, бока выпуклые. Наибольшая ширина приходится на то место, где расположена ступательная площадка, т. е. куда приходится основная часть веса лыжника. Ступательная площадка оформлена тремя парами вертикальных отверстий, которые высверлены в толще лыжной пластины. На нижней поверхности лыжи имеется стреловидный паз, который, вероятно, связан с конструкцией подбивки лыжи мехом. Небольшая длина лыжи объясняется, возможно, тем, что она принадлежала подростку (нельзя так же исключать того, что перед нами какой-то переходный тип лыжи — от ступательной к скользящей).

То значительное количество находок лыж (практически были найдены почти в каждом из исследованных комплексов), которое сделано при раскопках русского города, возникшего на севере Западной Сибири в первые годы XVII в., еще раз показало жизненную важность лыжного транспорта в начальный период освоения сибирских земель. Лыжи являлись одной из главных частей снаряжения русского промышленного и служилого населения Сибири, ими пользовались от Урала до Тихоокеанского побережья.

Любопытно, что во время пеших лыжных походов постоянно упоминаются нарты. Так, в 1648 г. служилые люди с р. Яны «зимним лыжным путем с нарты перешли на Индигирку реку», и в их челобитной несколько раз упоминается: «зимним путем, на лыжах, с нартами»³². Однако подобные сведения, довольно часто встречающиеся в документах тех лет, нельзя интерпретировать как использование собачьих упряжек. При лыжных переходах на довольно значительные расстояния нарты использовались для транспортировки в первую очередь съестных и воинских запасов в ручную. Так, в 1683 г. во время похода из Красноярского острога «на киргиз с войною», русские воины шли на лыжах, «а запас на себе таскают нартами»³³. Кстати, именно так в декабре 1582 г. «волчий дорогой» из пермских владений Строгановых шла через Урал часть дружины Ермака. Вероятно, под такими ручными нартами надо понимать легкие небольшие сани-тараты, облик которых мы на мангазейском материале можем вполне представить. Любопытно, что и в XVIII в., по сведениям И. Лепехина, использование ручных нарт на промыслах было широко распространено у вогулов: «Глубокие снега и дремучие леса преодолевают они на лыжах, а припас свой на особливых

возят санках, нарты называемых»³⁴. Такие нарты-сани имели длину около 2 сажень, широкие полозы и три пары копыльев. Промышленник, который шел на лыжах, легко управлял такой нартой — кроме привязанной веревки, для удобства поворота санок с одной стороны они имели длинную оглоблю³⁵.

О наличии подволоки у мангазейских лыж совершенно определенно можно говорить в тех случаях, когда имеются следы от ее креплений. В остальных случаях судить об этом трудно, так как подволока могла приклеиваться или подшиваться.

Уже упомянутые новгородские лыжи с высокой ступательной площадкой имеют на скользящей плоскости продольный паз, что повышает устойчивость лыжника при движении. Наличие паза исключает у лыж этого типа присутствия меховой подбивки-подволоки, т. е. они являются голицами.

Ни на одной из мангазейских лыж направляющего желоба на скользящей плоскости не встречено. Лыжные подволоки были ходовым товаром на сибирских рынках в XVII в. «Подволошины лыжные» привозились в Мангазею³⁶, подволоки лыжные росомашьи и бобровые можно было купить в Енисейске³⁷, письменные источники XVII в. упоминают у тунгусов «подволоки лыжные бобровые»³⁸.

Мангазейские лыжи наглядно демонстрируют традиционность и преемственность основных типов русских лыж на протяжении нескольких веков. Лыжи, найденные при раскопках Новгорода Великого и датируемые XI—XIV вв., представлены двумя типами — с высокой ступательной площадкой и со ступательной площадкой, расположенной непосредственно на верхней плоскости лыжи. По существу к этим же типам относятся и почти все мангазейские лыжи. Однако есть и отличия. Ступательная площадка у новгородских лыж очень сильно сдвинута к носку, у мангазейских лыж вынос места для ступни лыжника к носку меньше. Это, несомненно, улучшало ходовые качества лыж, способствовало увеличению скорости передвижения на них. Однако качество изготовления новгородских лыж выше, они тщательнее отделаны. Очень заманчиво определить лыжи с высоко поднятой ступательной площадкой (тип I) как беговые, а лыжи II типа — как промысловые. Однако говорить об этом с полной уверенностью пока трудно. Несомненно, что техника хождения на лыжах двух различных типов имела какие-то специфические особенности, причем лыжи изготавливались на месте, в Мангазее, теми людьми, которым они были необходимы. В Сибири это было обычным делом. Например, в 1645 г. в Верхотурском Братском острожке 74 служилых вышли в поход против восставших

³⁴ Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1814, с. 25.

³⁵ Там же, с. 26.

³⁶ См. главу 10. Наряду с подволошинами в Мангазею привозили лыжи кожаные и кожанные, «уледницы лыжные» (уледницы, уледи — самая простая, грубая кожаная обувь, род грубых кожаных, лыжная обувь, род сапог или бахил, у которых носок загнут крючком. — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., т. IV, с. 997). Крупнейшим поставщиком кожаной обуви в Сибири мог быть Устюг Великий, где в большом количестве производились сапоги, коты уледи (Мерзон А. У., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка XVII в. М., 1960, с. 80). На переднюю часть уледей нашивали дополнительные куски кожи, чтобы передняя скоба креплений — «оттуга» не натирала палец. Задник уледей крепился к ступательной площадке ремнями — «юсами» (Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 88—89).

³⁷ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, с. 152.

³⁸ Степанов Н. Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. — Советский Север, 1939, № 3, с. 50.

³² ДАН. СПб., 1851, т. IV, с. 3.

³³ ДАН, т. X, с. 393. Очень похоже описание похода 1703 г. в отписке томских воевод в Тобольск: в «Киргизскую землю» во главе с сыном боярским Михаилом Лавровым пошли 500 человек «пеша на лыжах с нарты и со всею полною службою» (Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882, кн. I, II, с. 237—238).

«братских людей» — «пехотою на лыжах и на нартах», перед походом «поделав лыжи и нарты»³⁹.

Не все конструктивные детали лыж мы можем пока объяснить. Трудно, например, определить, почему у некоторых лыж сквозь высоко поднятую ступательную площадку проходят три сквозных паза, а у других — два. (может быть эти пазы связаны со способом крепления лыжи к обуви лыжника?) Предположительно можно говорить и о том, что дырочки, расположенные у некоторых лыжных пластин на самом носу, а также фигурно вырезанный носок служили местом крепления бечевы («поводьев»), служивших для облегчения ходьбы на лыжах.

Как писалось выше, среди многочисленных находок деревянных предметов удалось опознать нижние части лыжных палок. Это деревянные конуса с круглым сквозным отверстием в центре (рис. 13). Верхний диаметр конуса 3—4 см, нижний — 9—11 см (нижняя часть конуса представляла собой «рабочую» площадку, на которую и опирался лыжник). Конус насаживался на шест диаметром до 3 см (в некоторых конусах сохранились обломанные нижние части шестов).

Сделано несколько попыток классифицировать типы лыж по географическим регионам. А. Цеттерсен и О. Сван выделили три типа лыж, распространенные соответственно по регионам: 1) южный тип (от Урала до южной Норвегии) — лыжи имеют выдолбленные подножия, ограниченные бортиками, в которых сделаны пазы для креплений, имеется подволока; 2) арктический тип (Северная Сибирь, север Руси и север Скандинавии) — лыжи имеют слегка выпуклую поверхность, пазы для крепления вертикальные, лыжи с подволокой и без нее; 3) северный тип (Скандинавия и Финляндия) — лыжи разной длины, длинная лыжа без подволоки (голица), короткая с подволокой — толчковая⁴⁰.

А. Обхолзер также выделил три основных типа: 1) восточносибирский тип — ступательная площадка у лыж выражена утолщением лыжной пластины, пазы для креплений сделаны наклонно; 2) западносибирский тип — лыжи имеют высокую ступательную площадку с одним или двумя пазами для креплений; 3) южный тип — ступательная площадка вырезана в толще пластины и ограничена бортиками, в которых находятся пазы для креплений.

Таким образом, все исследователи признают, что изобретение скользящих лыж и распространение их произошло в трех регионах: в Скандинавии, на Севере Восточной Европы и в Сибири. Однако вряд ли можно согласиться с четким распределением тех или иных типов лыж по отдельным географическим регионам. А. В. Арциховским справедливо отмечено, что необходима осторожность при подходе к региональной классификации скользящих лыж. Различные типы лыж могли употребляться в зависимости не только от целей лыжного похода — воинский рейд, промысловая охота, но и от состояния влажности и плотности снега. Находки различных типов лыж в Старой Ладог, Новгороде, а в особенности при раскопках Мангазейского поселения наглядно подтвердили существование нескольких типов лыж на протяжении IX—XVII вв.⁴¹

В XVI—XVII вв., в эпоху великих географических открытий на севере и на северо-востоке Азии, разрушалась культурно-территориальная замкнутость малых народов северной Сибири, начинался процесс интенсивного культурного взаимовлияния между русскими переселенцами и местным населением. Естественно, что при этом происхо-

дило заимствование более совершенных в техническом отношении средств передвижения, наиболее рациональных в местных условиях.

К сожалению, о лыжах у народов Сибири XVII в. известно слишком мало. Общая классификация лыж, предложенная В. В. Антроповой, не содержит сведений о времени появления того или иного типа лыж (ступательных и скользящих) у народов Сибири⁴². Оказали ли влияния русские лыжи на изменение конструкции лыж у малых народов приарктических областей Сибири? Или влияние было обратным? Ответить на этот вопрос исчерпывающе пока трудно, так как в этнографической литературе он разработан слабо. Однако этнографы все же отмечают интересный факт широкого распространения «русских» лыж среди местных племен западной Сибири, Якутии и на Камчатке, т. е. в тех районах, где русское население составляет значительную часть⁴³. Описывая скользящие лыжи у народов, населяющих Западную Сибирь, — у северных манси, северных и восточных хантов, В. В. Антропова отмечает особую форму лыж, которую не решается отнести ни к одной из известных ей в Сибири⁴⁴. Характерной чертой конструкции этих лыж является возвышающаяся ступательная площадка, в которой расположены пазы для лыжных креплений. В то время, когда вышла работа В. В. Антроповой, ученые не располагали великоленными находками в Новгороде Великом, однако лыжи в Старой Ладог были уже найдены. «Непонятная» форма лыж, описанная В. В. Антроповой, принесена из Восточной Европы, ее основные конструктивные черты уже прослеживаются на лыжах Старой Ладог, а затем новгородских и мангазейских. Форму русских лыж переняли в первую очередь те народы, которые первыми вступили в контакт с русскими переселенцами. Более совершенные скользящие лыжи постепенно вытесняли ступательные. Особенно бурно процесс вытеснения ступательных лыж скользящими отмечается у народов северной Сибири с конца XVIII в.⁴⁵

Высказанные предварительные замечания позволяют полагать, что некоторые типы лыж появились у народов Сибири в результате знакомства с русскими лыжами. Потребность в лыжах у русского населения Сибири способствовала тому, что уже в первой половине XVII в. их изготовление не являлось монополией домашнего ремесла, появляется ремесленная специализация «лыжников», поставивших свою продукцию на местные сибирские рынки. Лыжи в качестве товара упоминаются в енисейской «товарной ценовой росписи» 1649 г.⁴⁶ Эта ремесленная специализация продолжала существовать и в XVIII в. —

⁴¹ В 1704 г. Петру I был челом староста Керещкой волости о перемене лошадиной гоньбы с государственной почтой на лыжную, так как лошадиную гоньбу «учинить» можно только в неснежные зимы, «а егда бывають зимы снежны и в то время многими лошадми проехать дорогою невозможно... за великую тягость лошадиную, а своих скоростпыхных дел ходят на лыжах и той лыжной ходьбы никогда останковы не живет и распутия не бывает» (ЧОИДР. М., 1887, кн. I, с. 170). Любопытны сведения о действиях русских воинов-лыжников в начале XVIII в. Например, в 1708 г. русские лыжники взяли «чюхон, в том числе лыжников, около 3 десятков» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918, т. VII, вып. I, с. 315). В том же году русские ходили на лыжах на «воровских» башкирцев и казанских татар (там же, с. 616). В 1710 г. русские лыжники удачно действовали под Выборгом (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956, т. X, с. 538).

⁴² Антропова В. В. Лыжи народов Сибири. — Сб. МАЭ, 1953, т. IV, с. 7—26.

⁴³ Там же, с. 29.

⁴⁴ Там же, с. 22.

⁴⁵ Антропова В. В. Указ. соч., с. 29.

⁴⁶ Оглобин Н. Н. Указ. соч., т. II, с. 16.

в 1775 г. в Тюмени было 11 «лыжников», обслуживавших потребность населения в лыжах⁴⁷.

Археологическая наука пока только находится у истоков интересной области материальной культуры средневековой Руси. Несомненно, изучение самых различных средств транспорта, в том числе и лыж, по-новому осветит не только черты бытового уклада, но и различие форм хозяйственной жизни Руси. Появившиеся в домонгольское время два основных типа скользящих лыж оказались достаточно стабильными и дожили до позднего средневековья (этнографические данные позволяют считать их существование едва ли результатом традиционализма или замедленности технического прогресса, скорее же это следствие рациональности найденных форм, пригодных в разных сферах применения с учетом погодных условий, дальности перехода, его целей и т. д.). Знакомство народов Севера с русскими лыжами ускорило процесс замены местных типов лыж скользящими, более рациональных конструкций.

УПРЯЖНОЙ ТРАНСПОРТ

Предметы, характеризующие упряжной транспорт, составляют одну из наиболее многочисленных категорий мангазейских находок. Среди них выделяются костяные детали оленней упряжки и арканов, а также деревянные части нарт. Эти находки достаточно полно отражают характер и особенности одного из сухопутных транспортных средств жителей древней Мангазеи и свидетельствуют о применении двух видов этих средств: оленного и ручного. По виду и конструктивным особенностям как упряжь, так и нарты находят свои непосредственные аналогии в материале сибирского аборигенного населения. Как известно, оленеводство издревле являлось одной из ведущих форм хозяйства народов Севера, возникновение которого, по мнению некоторых авторов, может быть отнесено к концу I тысячелетия до н. э.⁴⁸ О раннем появлении упряжного оленеводства у самодийцев (ненцев) говорит в своей книге А. В. Хомич⁴⁹. Она же отмечает, что по крайней мере в начале XVIII в. ненцы уже имели нарты, близкие по типу современным⁵⁰. Интересные данные по этому вопросу приводит В. Ф. Зуев, описывая оленнюю нарту и упряжь, бытовавшие во второй половине XVIII в.⁵¹ Из этих описаний видно, что в то время существовал уже вполне сложившийся тип упряжного оленного транспорта, дошедший без существенных изменений до наших дней. Материалы мангазейской экспедиции, относящиеся к более раннему времени, также свидетельствуют о сходстве оленьей упряжи с современными ее типами; в конструкции нарт наблюдаются некоторые отличия.

Детали упряжки

Костяные пластины недоуздов. В мангазейской коллекции имеются различные детали оленьей упряжи. Среди них обращают на себя внимание 15 костяных пластинок от недоуздов (табл. 59, 1—9; 60, 1—5). Все они выполнены из оленьего рога и отличаются хорошей обработкой поверхности: она тщательно заглажена, в некоторых слу-

чаях до шлифовки. В то же время все изделия не имеют орнаментации, за исключением двух нащечных пластин, украшенных циркульным орнаментом. Этот вид орнамента был широко распространен у народов Сибири, особенно при украшении костяных поделок⁵². Одна из указанных пластин была покрыта орнаментом сплошь с левой наружной стороны (табл. 59, 2), а у второй украшен лишь один из концов с правой наружной стороны (табл. 59, 3). Из костяных элементов недоуздки в коллекции имеются следующие.

1. Два налобника передового оленя. Они имеют сегментовидное сечение (выпуклая часть обращена внутрь) и изогнуты. Одна пластинка слабо изогнута (табл. 59, 6), а вторая — почти под прямым углом (табл. 59, 4). На концах пластин имеются отверстия, причем на более широком конце эти отверстия парные. Размеры пластин: 1) длина 16,2 см, ширина в средней части 3 см, толщина 1,3 см, диаметр отверстий 0,7 см; 2) длина 15,3 см, ширина в средней части 3,5 см, толщина 1,4 см, диаметр отверстий 0,7 см. Пара аналогичных наголовников опубликована А. А. Поповым среди нганасанского материала⁵³.

2. Три налобные сильно изогнутые пластины передового оленя. Одна из пластин изогнута под прямым углом, а две — близко к прямому. Первая пластинка прямоугольная в сечении (табл. 59, 9). Ее стороны имеют равную длину — 15,8 см, ширина их 2,2 см, а толщина 0,8 см. Концы и угол в месте сгиба слегка закруглены. На концах просверлены круглые отверстия диаметром 1,1 см. Вторая пластинка овального сечения (табл. 59, 8), имеет неравные по длине стороны: 11 и 8 см. На длинном конце просверлено два отверстия, а на коротком — одно. Диаметр отверстий 0,8 см. Третья пластинка изогнута почти под прямым углом (табл. 59, 7). Она имеет овальное сечение и стороны длиной 7,2 и 7 см. Толщина пластинки 1,2 см. Пластинка снабжена тремя отверстиями; на концах они имеют сильно вытянутую овальную форму, а расположенное ближе к центру — круглое (диаметр отверстия 0,6 см). Такого типа налобные пластинки характерны для ненецкой⁵⁴ и энецкой упряжи.

3. Десять изделий являются нащечными пластинами от недоуздки пристяжного оленя (табл. 60, 1—5). Для них характерна слегка изогнутая коленчатая форма, причем стороны имеют не одинаковые размеры и очертания. Нижняя часть более длинная, широкая и прямая, а верхняя — короткая, равномерно сужающаяся к концу. Пластины снабжены отверстиями на концах и в месте изгиба. В двух случаях на широкой (нижней) стороне имеются парные отверстия (табл. 60, 5; 59, 1). Длина пластин колеблется от 17 до 20,6 см, максимальная ширина 2,9 см.

4. Назначение двух пластин с трудом поддается определению. Во всяком случае, в современной упряжи пластины такого типа не применяются. Основной их особенностью является то, что концы у них сильно уплощены и развернуты перпендикулярно друг к другу. Одна из пластин слабо изогнута (табл. 60, 6). На концах и в месте изгиба просверлены круглые отверстия. Длина пластины 17,8 см, ширина концов 2,2 и 1 см, диаметр отверстий 0,6 см. Вторая пластинка изогнута более сильно (табл. 60, 7). Один из концов ее относительно толстый, овального

⁴⁷ История Сибири. Л., 1968, т. II, с. 260. Любопытно, что в писцовых книгах 1621—1629 гг. по Нижнему Новгороду на посаде упомянута избака стрельца Федорова лыжника (РИБ. СПб., 1898, т. XVII, с. 143).

⁴⁸ Симченко Ю. Б. Основные черты культуры охотников на дикого оленя северной Евразии. М., 1964, с. 2.

⁴⁹ Хомич А. В. Ненцы. М.: Л., 1966, с. 52.

⁵⁰ Хомич А. В. Указ. соч., с. 90.

⁵¹ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). — ИИЭ. Нов. сер., 1947, т. V, с. 91.

⁵² Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.: Л., 1963, с. 464.

⁵³ Попов А. А. Нганасаны. М.: Л., 1948, с. 61, рис. 22, а.

⁵⁴ Хомич Л. В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев. — Сб. МАЭ, 1966, т. XX, с. 48.

ТАБЛИЦА XIII Основные размеры блоков арканов								
Форма	Длина	Ширина в верхней части	Ширина в нижней части	Толщина	Верхнее отверстие		Нижнее отверстие	
					Форма	Диаметр	Форма	Диаметр
Эллипсоидная	6	1,8	2,2	1,4	Круглая	0,7	Овальная	1,5×2,3
»	5,7	1,5	2,3	1,1	»	0,8	Эллипсоидная	1,2×1,7
»	6,7	1,6	2,3	1,3	Овальная	0,7×1	Овальная	1,2×2,1
»	6,8	1,6	2,5	1,1	Круглая	0,7	Эллипсоидная	1,6×2,5
»	6,1	2,3	2,9	0,9	»	0,5	Овальная	1,7×2,1
Прямоугольная	6,9	2,2	2,5	0,4	»	0,4	Прямоугольная	1,2×2,3

сечения, а второй сильно уплощен. Длина сторон пластины 7 и 12,5 см, ширина 1,8 и 2,5 см, диаметр отверстий 0,6 см. Можно предположить, что эти пластины служили в качестве орудия для дрессировки оленя-манщика (нганта).

Заканчивая описание пластин от оленьей упряжи, заметим, что, судя по их форме, размерам и расположению отверстий, упряжь дошла в неизменном виде до наших дней. Сохранился тот же принцип упряжи для передового оленя, где отсутствуют нащечные пластины, а налобные имеют характерную изогнутую форму и отверстия на концах (на одном конце эти отверстия служили для скрепления пластин между собой, на другом — для прикрепления подшейного ремня). Пристязной олень имел, помимо налобных, и нащечные пластины. Конструкция этих пластин и их форма вполне соответствуют современным этнографическим аналогам, среди которых известны пластины как с одинарными, так и с парными отверстиями.

Пясик. К элементам оленьей упряжи нужно отнести и костяную пуговицу особого вида (пясик), при помощи которой скреплялись отдельные части сбруи. В Мангазее их найдено два. Оба они имеют форму, близкую к овальной (с подостренными концами). В профиле пясика несколько изогнута, причем вогнутая поверхность обращена в наружную сторону, в средней части помещены парные круглые отверстия. Один из пясиков изготовлен из кости (табл. 60, 9). Его длина 8,2 см, ширина в средней части 2,3 см, толщина 0,8 см, диаметр отверстий 0,6 см. Второй пясик изготовлен из бивня мамонта (табл. 60, 10) и отличается высокой чистотой обработки поверхности, которая отполирована до блеска. Длина изделия 8,8 см, ширина в средней части 2,5 см, толщина 0,6 см, диаметр отверстий 0,7 см.

Пуговицы аналогичной формы были известны населению северо-запада Сибири с древних времен, о чем свидетельствуют находки пясиков на памятниках усть-полуйской культуры периода раннего железного века⁵⁵.

Блоки для арканов

Среди предметов, характеризующих оленеводство, в коллекции имеется шесть костяных блоков, служивших для затягивания петли аркана («тынзя»). Это довольно толстые пластинки уплощенной формы с двумя отверстиями (табл. 60, 8, 11—14). Верхнее отверстие (обычно округлой формы), расположенное в узкой части блока, служило для привязывания конца аркана, а сквозь нижнее,

овальной или эллипсоидной формы, пропусклась петля. Края обоих отверстий на всех блоках сильно разработаны и залощены. Два блока имеют на верхнем торце продольные желобки (табл. 60, 13, 14). Один из блоков атипичен. Он имеет неправильную прямоугольную форму с закругленными углами (табл. 60, 15). Нижнее отверстие большое, прямоугольной формы, а верхнее — очень маленькое, круглое, диаметром 0,4 см. В одном из верхних углов большого отверстия сделана прорезь шириной 0,2 см, сквозь которую мог пропускаться ремень аркана, видимо тонкий. Да и сам блок легкий, тонкий (толщина его всего 0,4 см). Размеры блоков приведены в табл. XIII.

Аркан — необходимое орудие оленеводов, служившее для отлова оленей. Он сплетался из кожи оленей, преимущественно диких.

Нарты

Мангазейские нарты представлены отдельными деталями: копыльями, вязами и полозьями. 16 целых копыльев позволяют нам представить размеры и форму этой важной детали нарт. Все они (так же как и найденные в виде фрагментов) однородны по форме и относятся к типу прямого копыла, приспособленного для полужесткого крепления. Последнее заключается в следующем: нижний конец копыла оканчивается шипом, который вставляется в отверстие в полозе и дополнительно закрепляется ремешком, верхний конец соединяется с нащепом только при помощи ремня. Это придает нарте дополнительную эластичность и мягкость. Для соединения с вязами на копыльях имеются специальные отверстия. Такой способ соединения обусловил форму копыла, которая в близком виде в конструкции низких прямокопыльных нарт дожила у некоторых народов Сибири до сегодняшнего дня.

Копылья имеют форму вытянутого треугольника (табл. 61, 1—5) (ширина — n), обращенного вершиной вверх (общая высота — H), на нижнем широком конце помещен шип (высота — h_3) круглого или овального сечения (диаметр — d_1), в нижней и верхней частях копыла имеются круглые или прямоугольные отверстия (диаметр — d_2), примерно в средней части копыла просверлено отверстие, служившее для соединения с шипом вяза (диаметр — d_3). В этом месте копыла несколько расширяется и утолщается. Положение этого отверстия относительно высоты копыла определяет посадку нарты, так как нижняя часть копыла (высота — h_1) равняется расстоянию от низа кузова до полоза; верхняя часть копыла фиксирует высоту кузова (высота — h_2). Основные размеры копыльев приведены в табл. XIV. Как видно из таблицы, большинство копыльев принадлежало низким нартам, что, с одной стороны, соответствует типу ездовых прямокопыльных нарт, а с другой — характерно для ручной нарты. Особенно показательны в этом отношении размеры ко-

пыльев № 17, 18 (табл. 61, 5, 6), которые определили высоту нарт в 10,3 и 9,5 см. Высота других нарт лежала в промежутке от 12,3 до 17,3 см. В большинстве случаев высота кузова превышала эти размеры и лежала в пределах от 15,5 до 25 см. Для лучшего соединения с нащепом на внутренней стороне копыла делалась выемка (табл. 61, 5), ниже которой помещалось отверстие для ремня. В сечении копылья имели круглую или овальную в верхней части и приостренно-овальную — в нижней. Шип, соединявший копыл с полозом, имел форму цилиндра или реже усеченного конуса. По размерам шипы были довольно миниатюрны и не могли обеспечить надежного соединения с полозом: длина их не превышала 2,4 см, а в среднем составляла 1,7—1,8 см. Решающая роль в этом узле принадлежала ремненным креплениям. Отверстия для соединения с вязом имели, как правило, круглую, реже овальную форму, размеры их лежали в пределах 2,4—2,9 см. Эти размеры в общем соответствуют диаметрам шипов вязов.

Вязы представляют из себя деревянные стержни круглого сечения, на обоих концах которых вырезаны шипы цилиндрической формы. Вязы служили для соединения пар копыльев и одновременно являлись основой для настила кузова (табл. 62, 1—5). Примером такого соединения могут служить находки нескольких пар копыльев, скрепленных вязами (табл. 62, 5). Стержень вяза имел цилиндрическую форму или чаще был равномерно вогнут к середине (диаметр — d_1), шипы всегда цилиндрические (диаметр — d_2), (длина — l_2). Длина стержня (l_1) определяет внутреннюю ширину кузова. Последняя была невелика и лежала в пределах 29,8—32,9 см. Общая длина вязов 39,4—45,6 см. Основные размеры вязов представлены в табл. XV.

Восемь крупных фрагментов полозьев и один целый полоз, извлеченные при раскопках, позволяют получить представление как об этой важнейшей детали нарты, так и об устройстве нарты в целом. Целый полоз от двухкопыльной нарты (табл. 63, 1) имеет длину 235 см, ширина его в передней части 11 см, а у задка 9 см. Задок равномерно закруглен, а передний конец приострен с боков до ширины 3,5 см и утолщен. Сквозь это утолщение

проходит прямоугольное отверстие размером 3×1,1 см, служившее для крепления переднего вяза. Отверстия для крепления нащепов нет. Длина приостренной части 22 см. На расстоянии 15 см от заднего конца и 96 см от переднего конца полоза просверлены овальные отверстия под копылья диаметром 1,8×1,3 см, которые сопровождаются двумя парами круглых отверстий меньшего диаметра (0,9 см). Последние служили для крепления ремней. Все отверстия сквозные, парные на скользящей поверхности полоза соединены между собой желобками, в которые укладывался ремень. Полоз имеет сегментовидное сечение, толщина его 1,5 см, в месте крепления копыльев толщина полоза увеличена до 2 см.

Судя по сохранившимся фрагментам, другие полозья конструктивно не отличались от описанного. Среди них нужно отметить три передние части полозьев, обломанные рядом с первыми отверстиями. Длина первого фрагмента (табл. 63, 2) 143 см, ширина в месте слома 10,2 см, а у передка 9,2 см, толщина полоза 1,2 см. Передний конец полоза приострен с боков (длина приостренной участка 31 см) и утолщен. Сквозь это утолщение проходит прямоугольное отверстие размером 3,4×1,8 см, предназначенное для закрепления переднего вяза. Отверстие для крепления нащепов отсутствует. На расстоянии 132 см от конца в полозе просверлено круглое отверстие диаметром 1,8 см под копыл, а впереди его на расстоянии 18 см — круглые парные отверстия, сквозь которые пропусклся крепежный ремень. На скользящей поверхности полоза эти отверстия соединены желобком. Думается, что аналогичные отверстия под ремни имелись и по другую сторону копыльного отверстия. Об этом говорит хотя бы тот факт, что у всех имеющихся в нашей коллекции полозьев с односторонними парными отверстиями (5 экз.) они просверлены сзади отверстий под копыл.

Второй фрагмент (63,3) имеет длину 125 см, ширину в месте слома 7,7 см, а в передней части 8,4 см. Сечение полоза сегментовидное, толщина 1,2 см. Передок полоза приострен с боков (длина приостренной части 26 см) и утолщен. Сквозь это утолщение проходит поперечное прямоугольное отверстие размером 3×0,8 см, служившее для крепления поперечины. На расстоянии 116 см от перед-

ТАБЛИЦА XIV
Основные размеры копыльев от нарт

№ копыла	H	h ₁	h ₂	h ₃	n	d ₁	d ₂	d ₃
1	30,4	14,3	16,1	2,1	9,5	1,8	0,7	2,4
2	32	16	16	1,8	9	1,5	0,8	2,7
3	33,6	14,3	19,5		9	1	0,7	2,6
4	32,7	17,2	15,5	1,7	7	1,2	0,8	2,6
5	31,3	15	16,3	2	7,5	1,4	0,7	2,8
6	33,9	14,1	19,8	2	7	1	0,9	2,9
7	31,6	15	16,6	2	7,1	1,1	0,6	2,4
8	35,8	15,8	20,1	2,4	9,3	1,3	0,7	2,8
9	31,4	12,9	18,5	1,8	10	1,6	0,9	2,9
10	31,2	14,9	16,3	1,5	7,8	1,4	0,8×0,5	2,7
11	31,5	14,3	17,2	1,4	8	0,9	0,8	2,6
12	37,7	17,3	20,4	1,5	8,1	1,4	1	2,6
13	37,3	12,3	25	2,2	6,9	1,9	0,8	3
14	36,8	16,8	20	2	5,7	1,3	0,7	2,6
15	31,3	14,7	16,6	1,7	7,5	1,3	—	2,4
16	39,6	14,7	24,9	4,8	10,6	3,8×2,5	—	1,9
17	28,4	9,5	18,9	1,7	7,7	1,5	—	3,2×2,9
18	28,8	10,3	18,5		6,3	1,9	0,8	2,5

⁵⁵ По материалам усть-полуйской культуры оленеводство не прослеживается, пясик связываются исследователями этой культуры с упряжным собаководством (Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полуй. — МИА, 1953. № 35, с. 84).

d_1	d_2	l_1	d_3
28,5 (фрагм.)	4	2,7	2,2
22 (фрагм.)	6,1	2,6	2,2
32,8	6,4	3	2,2
29,8	4,8	2,7	2
30,4	4,4×5,4	3,2	2
31,2	4,3	3,1	2,1
30,2	5,8×4,8	2,8	2,1
29,9	5	2,3	2,4
30,5	5,2	2,8	2
32,9	5,2	3,6	2,4
31	5,3	3,3	2

него конца просверлено круглое отверстие диаметром 2,8 см, в которое вставлялся штырь копыла. Отверстия для крепежных ремней отсутствуют; возможно, они находились на несохранившейся части полоза.

Третий передок полоза представлен коротким фрагментом длиной 96 см (табл. 63, 4). Полоз был довольно узкий и высокий: ширина его 7,4 см, а толщина 2 см. Сечение — сегментовидное. Передняя часть приотстрена с боков и слегка утолщена. Длина приотстренной части 16 см. Сквозь это утолщение проходят два отверстия: горизонтальное и вертикальное. Первое имело прямоугольную форму и служило для крепления поперечины, а второе, круглое, было предназначено для вставления конца нащепы. Переднее копыльное отверстие находилось в месте слома полоза, т. е. на расстоянии 96 см от его конца. Отверстия для ремней отсутствуют.

Один из фрагментов представляет собой заднюю часть полоза с закругленным задком (табл. 63, 7). Длина его 119 см. Как и во всех остальных случаях, полоз заметно расширяется от задка к носу, достигая 9 см в месте слома по сравнению с 6,7 см в задней части. Сечение полоза трапециевидное, толщина его 1,7 см, ширина спинки 3,5 см, у задка спинка уплощена до 1,5 см. На фрагменте имеются два конических отверстия для крепления копыльев, каждое из которых сопровождается парой круглых отверстий для ремней, расположенных сзади копыльных отверстий. Последние имеют следующие диаметры: верхний 1,9 см, нижний 1,2 см; диаметр круглых отверстий 0,7 см. Расстояние между копыльными отверстиями 93 см. Все отверстия сквозные, парные соединены между собой желобками.

Наиболее крупный фрагмент полоза имеет длину 228 см (табл. 63, 8). Создается впечатление, что это почти целый полоз с обломанными концами, хотя не исключено, что он является частью большого многокопыльного полоза. К заднему концу полоз равномерно сужается: ширина переднего конца 11,2 см, в середине — 9,5 см, сзади — 8,7 см. Сечение полоза прямоугольное, толщина 1,8 см, в местах крепления копыльев толщина полоза увеличена до 3,3 см. Копыльных отверстий два. Одно из них помещается у узкого конца фрагмента, второе — на расстоянии 87 см от него и 110 см от переднего конца. Отверстия овальные в плане, конусовидные в профиле и сквозные. Их диаметры: верхний 1,7 см, нижний 1 см. По обе стороны от них помещены круглые парные сквозные отверстия диаметром 0,7 см. Снизу они соединены желобками.

Последние три фрагмента представляют собой части полозьев от многокопыльных нарт. Один из них имеет длину 103 см и ширину 7,7 см у одного конца и 7,2 —

у другого (табл. 63, 6). Сечение полоза сегментовидное, спинка поднята довольно высоко, толщина 1,5 см. На фрагменте заметны три цилиндрических сквозных отверстия под копылья диаметром 1,9 см. Расстояние между ними 43 и 28 см. Отверстия сопровождаются парными односторонними круглыми отверстиями для крепления ремней. Диаметр последних 1,1 см. Снизу они соединены между собой желобками. Особенностью второго фрагмента является то, что он снабжен не круглыми, а прямоугольными отверстиями для копыльев (табл. 63, 5). Нужно сказать, что копылья с широким прямоугольным шипом употреблялись в то время, видимо, довольно редко. Об этом говорит не только то, что это единственный полоз среди девяти, сохранившихся до наших дней, но и то, что среди десятков копыльев копыль с прямоугольным шипом представлен единственным небольшим фрагментом. Длина фрагмента полоза 85 см, о ширине судить трудно вследствие плохой сохранности образца, но она была несколько больше 7 см. Сечение полоза прямоугольное, толщина 1,5 см. Несмотря на то, что отверстий под копылья всего два, на целом полозе их, вероятно, было больше: об этом говорит малое расстояние между ними — 34 см. Размеры отверстий 3×1,4 см. Их сопровождают парные односторонние отверстия для крепления ремней. Они круглые, вертикальные, диаметр их 0,7 см. Последний полоз сохранился в виде очень небольшого фрагмента длиной 53 см. Он также принадлежал многокопыльной нарте, судя по тому, что имеющиеся на нем два отверстия под копылья находятся между собой на расстоянии 13,5 см. Их сопровождают парные односторонние отверстия диаметром 0,7 см.

Все рассмотренные полозья, вязки и копылья принадлежали прямокопыльным нартам двух типов: с двумя парами копыльев и многокопыльным. Для всех нарт характерна низкая посадка кузова. Из девяти полозьев пять принадлежат двухкопыльным нартам (табл. 63, 1—5). Они довольно однообразны по конструкции и размерам. Судя по тому, что у полозьев, сохранившихся фрагментарно, передние копылья были отнесены от конца примерно на то же расстояние, что и у сохранившегося целиком (110, 116, 132, 99 и 96 см), можно допустить, что они имели и равную длину — порядка 2 м. Учитывая, что этот размер деформированных прямых полозьев, длина нарт была несколько меньше. Что касается формы полозьев, то для них характерно наличие приотстренного передка и закругленного задка. Передние концы полозьев скреплялись поперечинами прямоугольной формы (передними вязками), которые вставлялись в специальные отверстия. Нащепы имели круглое сечение и к передним концам копыльев крепились ремнями (за исключением одного случая, приведенного выше).

Таким образом, имеющиеся детали двухкопыльных нарт рисуют нам тип легкой, низкой, прямокопыльной нарты длиной 1,7—1,8 м, шириной около 40 см и высотой около 35 см, расстояние между полозьями и кузовом (в среднем) 13—14 см. Такие нарты принадлежали, вероятно, к типу ручных охотничьих нарт. Не исключено, что более массивные детали нарт и многокопыльные полозья принадлежали оленьим нартам, конструктивно аналогичным ручным. Прямокопыльные нарты с ремennыми креплениями известны у некоторых современных народов Сибири: якутов, эвенков, долган⁵⁶. Применялся этот тип нарт, причем с близкими по форме треугольными копыльями, и селкупам⁵⁷ (в настоящее время утрачен), которые появились на Тазу во второй половине XVII в. По име-

щимся в настоящее время археологическим материалам есть основание считать тип прямокопыльной нарты с креплением копыла при помощи шипа и ремennых растяжек наиболее древним, возникшим в эпоху раннего металла. Полозья от таких нарт найдены в двух уральских торфяниках: Шигирском⁵⁸ и Горбуновском⁵⁹. В последнем случае полоз был извлечен из слоя при археологических раскопках, что позволяет связать его с культурным комплексом (нижний слой 6-го разреза), который по современным представлениям датируется второй половиной III тысячелетия до н. э.⁶⁰

Вероятно, такой тип нарт был широко распространен у древних сибирских народов, а у самодийцев он дожил до XVII в. В этой связи нужно отметить находки аналогич-

ных копыльев при раскопках на берегу залива Симса⁶¹, которые датируются первой четвертью XVII в.⁶² Судя по описанию В. Ф. Зуева, во второй половине XVIII в. у ненцев уже существовал тип высокой косокопыльной нарты⁶³.

Находки многочисленных деталей упряжного транспорта, а также лыж в культурном слое русского сибирского города XVII в. впервые дают надежное основание для натурного изучения средневековых сухопутных средств передвижения в арктической зоне Западной Сибири. Мангазейская коллекция обширна, но ценность ее не только в количестве. Представленные в ней типы лыж и упряжного транспорта дают основание говорить о плодотворном взаимовлиянии местных традиций и традиций, принесенных с собой русским населением — выходцами с Русского Севера.

⁵⁸ Хранится в Свердловском областном краеведческом музее.
⁵⁹ Эдинг Д. Н. Горбуновский торфяник. — Материалы по изучению Тагильского округа. Тагил, 1929, полутом I, вып. 3, рис. 1, 7.

⁶⁰ Старков В. Ф. К вопросу о периодизации зауральского неолита. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 8.

⁶¹ Трапун Н. Д. Остатки нарт. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л., 1951, с. 103.

⁶² Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. — Там же, с. 28.

⁶³ Зуев В. Ф. Указ. соч., с. 91.

⁵⁶ Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.; Л., 1961.
⁵⁷ Пелих Г. Н. Происхождение селкупов. Томск, 1972, с. 28, табл. XXVI, 3.

Глава 8

ОРУДИЯ ОХОТЫ И ПРОМЫСЛОВ, ОРУЖИЕ

С рубежа XVI—XVII вв. земли, вошедшие в огромную территорию Мангазейского уезда, энергично осваивались сотнями артелей «промышленных людей», приходящих «с Руси» за основным «сибирским товаром» — пушниной. Промысловый характер первоначального освоения сибирских земель русским населением, в первую очередь пушной промысел, достаточно полно освещен в трудах русских и советских историков. Несомненно, промысловый характер хозяйства первоначального русского населения в Сибири нашел отражение в составе и характере инвентаря, обнаруженного в жилищно-хозяйственных комплексах, раскопанных на Мангазейском поселении. Почти в каждом из раскопанных комплексов, причем даже среди остатков административных построек, найдены многочисленные вещи, связанные с вооружением лучника-охотника: костяные и железные наконечники стрел, целиком деревянные стрелы, предохранительные щитки для стрельбы из лука (целые и заготовки), струг для обработки древков и, наконец, обломки древков стрел.

Костяные наконечники стрел получили широкое распространение среди русского населения Сибири. Это объясняется не только тем, что в первые десятилетия XVII в. Сибирь не имела своей достаточно мощной металлообрабатывающей базы, чтобы в широких масштабах удовлетворить растущие нужды в железных изделиях, в первую очередь орудиях труда и промыслов.

Обилие разнообразных сортов кости (олений рог, «моржовый зуб», ископаемая мамонтовая кость) позволяло широко использовать этот материал для изготовления как целого ряда бытовых изделий, так и промыслового снаряжения. Однако главная причина широкого распространения костяных наконечников стрел объясняется размахом сибирских пушных промыслов и специфическим набором промыслового охотничьего снаряжения.

ЛУК

В Мангазее при раскопках обнаружены фрагменты четырех сложных составных деревянных луков. Они являются частями тщательно обработанных, особенно с внешней стороны, внешних обкладок, изготовленных из кедр¹.

Это слегка изогнутые деревянные пластины, плоские с внутренней стороны и выпуклые с внешней. В средней части они более узкие и выпуклые. Судя по характеру изгиба, луки имели сложную форму с вогнутой серединой. Длина их, насколько можно судить по фрагментам, ненамного превышала 1 м (1—1,2 м).

Один из наиболее крупных фрагментов, длиной 64,5 см (сохранилась средняя часть и один из концов) позволяет получить представление о виде изделия в целом (табл. 64,

1). Общая длина лука равнялась примерно 1 м, наиболее утолщенная средняя часть толщиной 1,3 см была выгнута наружу (при натягивании тетивы она прогибалась внутрь). От наиболее узкой средней части (шириной 2,8 см) пластина равномерно расширялась до 5,4 см, а к концу сужалась до 4 см. Конец имел прямой срез. Форма остальных луков аналогична, они отличаются лишь размерами, прежде всего большей шириной. Размеры второй пластины (табл. 64, 2): длина сохранившейся части 64 см (общая длина лука составляла, вероятно, 1,2 см), ширина в средней части 3,2 см, ширина на концах 7,8 см, толщина в средней части 1,5 см, а на концах 0,7 см. Длина (41 см) сохранившегося фрагмента третьего лука (табл. 64, 3) не позволяет судить о размерах целого лука. Можно лишь отметить, что минимальная ширина пластины (ближе к центру) 3,4 см, а максимальная — 7,7 см. Толщина соответственно 1,4 и 0,8 см. От четвертого лука (табл. 64, 4) сохранился лишь небольшой фрагмент одного из его концов длиной 39,1 см. Торец пластины выражен прямым срезом шириной 4 см, ниже она несколько расширяется (до 6,5 см), а затем к центру опять сужается. Толщина пластины 0,6 см.

В настоящее время техника изготовления сложных составных луков, форма которых определялась специфическим прогибом в средней части, у местного населения утрачена. Несомненно, в XVII в. самодийцы² переняли у русского населения технику изготовления сложного составного лука (тазовские селькупы с целью экономии патронов до сих пор при охоте на лениную утку пользуются простым луком).

Налуч. Во время раскопок найден лишь один кожаный налуч (рис. 14, 12) длиной 51 см. Верхняя часть сделана раструбом шириной 16,5 см, нижняя чулком шириной 5,5. Вся средняя часть предмета украшена тесным орнаментом — сочетанием кружков и небольших отрезков параллельных линий. В верхней части имеются следы от крепления костяной или кожаной пластины, которая вместе с петлей на одной из торцовых сторон, вероятно, служила местом крепления ремня, которым налуч торочился к седлу.

Защитные щитки. Любопытны находки костяных защитных щитков. Необходимость применения подобных щитков состояла в том, что при стрельбе из длинного и слабо изогнутого лука азиатского типа (как говорилось выше, в Мангазее найдены остатки именно таких луков) отпущенная тетива ударяла по запястью левой руки и могла поранить ее. С предохранительной целью к запястью прикреплялась специальная пластинка из кости или других материалов (при раскопках на острове Фаддея был найден защитный щиток из меди). В Мангазее обнаружено четыре щитка. Все они изготовлены из бивня мамонта и отличаются высоким качеством обработки наружной поверхности,

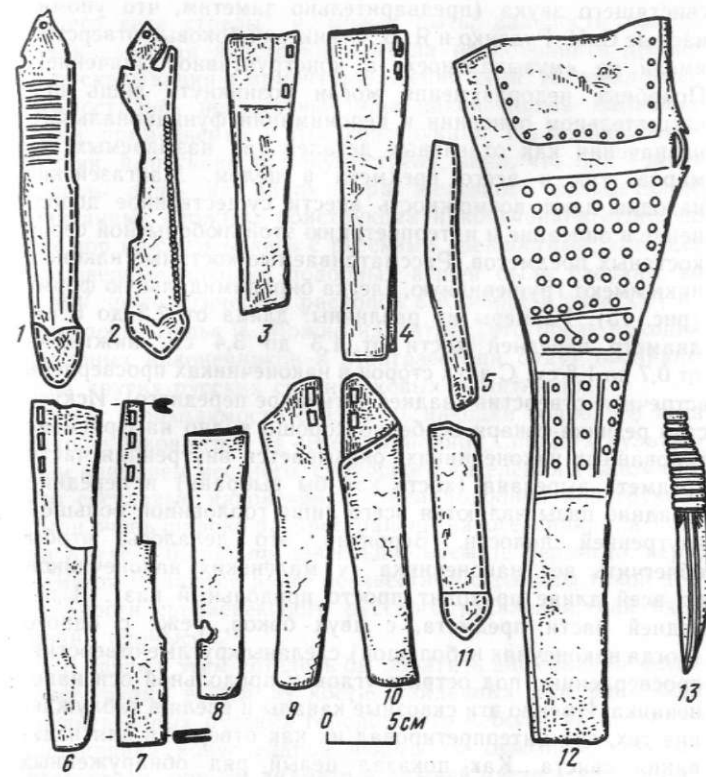

Рис. 14. Изделия из кожи (1—13)
1—11, 13 — ножны; 12 — налуч

которая отполирована до блеска. Щитки имеют вытянутую овальную форму и довольно сильно изогнуты вдоль продольной оси. Средняя их часть наиболее толстая, к краям они заметно утончаются. Два щитка имеют у краев узкие парные отверстия, служившие для привязывания ремешков, которыми щитки крепились к руке (табл. 65, 1, 4). Третий и четвертый щитки — вытянутой формы, отверстия на одном из них отсутствуют, а на другом имеются только

ТАБЛИЦА XVI
Основные размеры защитных щитков, см

№ п/п	Длина	Ширина	Толщина	Диаметр отверстий
1	7,3	4,1	0,4	0,2
2	8,2	3,8	0,3	0,2
3	11,4	3,8	0,25	—
4	7,7	3,2	0,3	0,1

с одной стороны. Возможно, что здесь была применена другая система крепления, однако скорее данные изделия являются заготовками (табл. 65, 2, 3). Размеры щитков приведены в табл. XVI.

СТРЕЛЫ

Древки стрел. Представление о древках стрел в Сибири в XVII в. дают находки около полутора десятков деревянных стрел, часть которых является хвостовыми частями (табл. 66, 1—6, 8). Среди последних особый интерес представляют фрагменты с полосками бересты — остатки примотки оперения. Все стрелы изготовлены очень тщательно, поверхность их ровная и гладкая. Одна стрела, по-видимому, была окрашена в черный цвет. Среди деревянных стрел встречаются экземпляры, древки которых

в сечении имеют цилиндрическую форму (диаметр 0,9—1,3 см), другие стрелы имеют более сложный профиль: они тонкие в хвостовой части (0,7—0,9 см) и утолщаются в передней части до 1,2 см. Ушко для тетивы — мягких овальных очертаний. В зависимости от характера наконечника стрелы варьируют и форма насада. Можно с уверенностью говорить о местном изготовлении древков стрел. Об этом свидетельствует и находка костяного струга, применявшегося для отделки древка, шлифовки его поверхности. Находки костяных стругов на средневековых русских памятниках известны³. Мангазейский костяной струг отличается от прежних находок прежде всего размерами: это довольно большая пластина (10×4,5 см) в профиле слегка изогнутой формы. Рабочая часть струга — косой полуовальный сквозной вырез — располагалась не в центре пластины, а немного ближе к краю.

Томары. В пушном промысле наряду с разнообразным набором ловушек, ловчих сетей, обметов и т. д. использовались специфические формы наконечников стрел — так называемые томары⁴. Группа деревянных и костяных томаров, обнаруженная на мангазейском поселении, четко выделяется своими основными характерными признаками от остального инвентаря.

Деревянные томары широко использовались в пушном промысле. Древко стрелы и сам наконечник выстругивались из одного куска дерева. Форма деревянного томара — округлая или слегка удлиненная, передняя часть граненная или овальная (табл. 66, 9—13). Значительные размеры этой части по сравнению, например, с костяными (длина 6,6 см, наибольший диаметр 2,9 см; длина 7,4 см, наибольший диаметр 3,4 см), объясняется тем, что дерево легче кости. В связи с этим любопытно обратить внимание на очень близкие находки в культурном слое древнерусских городов, в которых условия грунта способствуют сохранению органических остатков. Имеется в виду уже довольно многочисленная серия находок — так называемые деревянные булавы.

Ряд подобных находок из древнего Новгорода действительно являются булавами или наверхиями, но далеко не все. Как в самом Новгороде, так и в других древнерусских городах (например, в Полоцке) имеются булавоподобные изделия, диаметр наверхий которых всего 3—4 см, а диаметр рукоятей — около 1,1 см⁵. Вероятно, это деревянные томары, предназначенные для охоты на пушного зверя. Вполне возможно, что в ближайшем будущем приоткроется еще одна страница истории хозяйства древней Руси, опознанная в значительной своей части уже в накопленном материале.

Костяные томары по способу соединения с древком стрелы можно разделить на втульчатые и черешковые. Однако более существенным типологическим признаком является характер верхней площадки томара — его «рабочей» части. Костяные томары с плоской «рабочей» частью представляют собой усеченные конусы диаметром около 1 см для насадки на древко (табл. 65, 5, 6; 66, 15, 16). Характер задней части наконечника этого типа дает возможность с большой долей достоверности реконструировать способ насадки на древко (табл. 66, 6). Томары с плоской передней частью известны на памятниках и домонгольской Руси (от мангазейских они отличаются более вытянутыми пропорциями и меньшим диаметром)⁶.

³ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 152.

⁴ «Томар — тупоконечная стрела с костяным наконечником, которым бьют соболей» (Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847, с. 286).

⁵ Штыков Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975, с. 91, рис. 49, 1, 2.

⁶ Материал раскопок городища древнего Изяславля.

Найден фрагмент втульчатого пулевидного томара (табл. 65, 10; 66, 20, 21). Пулевидные томары были особенно широко распространены в средневековой Руси (между собой сильно отличались длиной, диаметром, тщательностью выделки).

Следующая группа томаров — со сферическим передним краем и с черешком для насадки на древко (табл. 65, 7—9; 66, 14). По размерам они различны. Характерной чертой таких томаров является плавно нарастающее утолщение к передней части.

Томары с граненной (ребристой) передней частью отличаются друг от друга размерами и способом скрепления с древком. Черешковые томары этого типа имеют длинный раздвоенный черешок (длина томара 9 см, длина черешка 4,5 см) (табл. 65, 11, 12; 66, 17, 18). Втульчатые томары с граненной передней частью — небольших размеров (длина 4,5 см, диаметр втулки около 0,7 см) (табл. 65, 13; 66, 19).

Наконечники стрел сложной конструкции. Необходимо рассмотреть еще одну группу костяных наконечников стрел, обнаруженных на Мангазейском поселении, — это бипирамидальные, слегка грушевидные предметы, большей частью отличающиеся изяществом работы. Несомненно, это продукция высококвалифицированного токаря-ремесленника, так как почти вся группа рассматриваемых вещей изготовлена на токарном станке, единичные «самодельные» предметы этой серии хорошо отличаются от ремесленной продукции. Рассматриваемая группа находок — не первая в Сибири. В количестве 6 экз. аналогичные вещи были найдены у берегов Таймырского полуострова (о-в Фаддея и берег залива Симса) при раскопках остатков русской полярной экспедиции XVII в. При публикации вещи были описаны и интерпретированы как «массивные костяные наконечники стрел грушевидной формы, с верхним закругленным и нижним, несколько суженым и прямо срезанным концами, так называемые томары»⁷.

Таким образом, вся данная серия костяных вещей была атрибутирована как наконечники стрел, применявшиеся для охоты на пушного зверя. Указанные авторы предполагают, что «томар» поражаля зверя сильным ударом в голову, причем стрела с таким наконечником при полете издавала свист при помощи двух сквозных боковых отверстий в теле наконечника. С подобной интерпретацией трудно согласиться: по целому ряду типологических и конструктивных признаков описываемые предметы нельзя объединять с группой достоверных костяных и деревянных томаров.

Во-первых, в позднесредневековой Руси существовала типология стрел, в которой томары и свисты четко различаются как два совершенно различных типа стрел. Например, в описи царской оружейной казны 1666 г. описываются основные типы стрел: северги, томары, срезни и свисты⁸, но не упоминаются, как между прочим и в других письменных документах XVII в., свистящие томары. Заметим, что свистящие стрелы довольно хорошо известны — отверстия для извлечения свиста — звука располагались в лопастях металлических наконечников стрел (например, на Алтае в V—IX вв., у енисейских кыргызов VII—IX вв.)⁹.

Во-вторых, таймырские и мангазейские «томары» вообще не имели приспособления для издавания при полете

свистящего звука (предварительно заметим, что упоминаемые С. И. Руденко и Я. В. Станкевич боковые отверстия имели не «музыкальное», а конструктивное значение). Подобные недоразумения могли возникнуть лишь при нетщательном описании и непонимании функционального назначения как отдельных деталей так называемых томаров, так и всего предмета в целом. Мангазейские находки дают возможность внести существенное дополнение в описание и интерпретацию этой любопытной серии костяных предметов. Рассматриваемые костяные наконечники имеют грушевидную, слегка бипирамидальную форму (рис. 15). Размеры их различны: длина от 2,2 до 6 см, диаметр передней части от 1,3 до 3,4 см, нижней — от 0,7 до 1,8 см. С двух сторон в наконечниках просверлены встречные отверстия (заднее чуть шире переднего). Искусство резчика-токаря особенно хорошо видно на фрагментированных наконечниках: оказывается внутренняя часть предмета вырезана (кость как бы выбрана) и передние и задние пазы являются всего лишь горловиной большой внутренней полости. Вероятно, это делалось, чтобы облегчить вес наконечника (у маленьких наконечников по всей длине проходит просто продольный паз). В передней части предмета, с двух боков, реже с одного (когда наконечник небольшой) сделаны круглые отверстия, просверленные под острым углом к продольной оси наконечника. Именно эти сквозные каналы и ввели в заблуждение тех, кто интерпретировал их как отверстия для издавания свиста. Как показал целый ряд обнаруженных вещей, просверленные отверстия служили для небольших костяных «заклепок» — нагельков, острые концы которых заклинивали деревянное древко в канале наконечника, обеспечивали прочное, жесткое крепление с древком стрелы. Костяной нагель забивался в паз наконечника так, что верхняя его площадка была заподлицо со сферической поверхностью наконечника. Таким образом, и продольные, и поперечные отверстия несли совершенно определенную конструктивную нагрузку. Процесс соединения наконечника и древка можно представить следующим образом: деревянное древко вырезалось и обстругивалось так, что плотно входило во втулку наконечника и закреплялось костяными нагелями через боковые отверстия. Недоумение могло вызывать наличие переднего сквозного отверстия. Однако и это нашло объяснение. В одном из мангазейских наконечников внутри сквозного паза сохранился обломок деревянного древка, причем в верхней части древка (из верхнего отверстия костяного наконечника) торчал небольшой обломок черешка железной стрелы.

Таким образом, оказалось, что костяной наконечник — всего лишь часть более сложного составного наконечника стрелы, состоящего из костяной части и железного наконечника черешкового типа. Теперь мы можем как бы продолжить процесс насадки наконечника на древко: в передний паз костяного наконечника, в котором заподлицо находился верхний конец древка, вставлялся черешковый железный наконечник стрелы. В связи с этим следует обратить внимание еще на одну деталь костяной части наконечника: ее поверхность зонами, а иногда и сплошь покрыта параллельными линиями. При небольших размерах предмета они несут исключительно декоративную нагрузку, являясь единственным элементом декора. При значительных его размерах, когда внутренняя часть костяного наконечника «выбрана» мастером, создается опасность раскалывания. Поэтому в верхней и нижней частях наконечника делался глубокий паз, в котором утапливали стягивающую конструкцию (это могла быть тонкая нить или сухожилие). Какую баллистическую нагрузку должна была нести подобная конструкция? Можно предполагать, что одновременно с увеличением ударной силы (за счет

общего веса стрелы) и, может быть, дальности полета такая сложная конструкция могла предохранять древко от раскалывания в момент поражения цели. К сожалению, нам остались неизвестны типы наконечников железных стрел, применяемых в этой конструкции. По крайней мере лучник, выпускавший такую стрелу, знал, что она войдет в цель лишь на длину пера железного наконечника. Описанные сложные конструкции наконечников стрел до сих пор не связывались с русскими древностями, хотя две достоверные находки подобных вещей были сделаны во время археологических раскопок в Копорье в слое XVI в., в крепости Велье¹⁰. Можно надеяться, что после находки подобных наконечников в Мангазее они будут опознаны и на других русских средневековых памятниках.

Нет необходимости связывать находки подобного типа наконечников стрел на севере Западной Сибири с культурным влиянием местного, сибирского населения (напомним, что составные наконечники стрел подобной конструкции были очень широко распространены на юге Сибири, в Туве, на Алтае и бытовали длительное время). Вероятно, перед нами открываются ранее неизвестные страницы такой деятельности средневекового русского населения, как охотничий промысел.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на большую группу вещей из кости, найденных при раскопках средневековых русских городов. Это небольшие костяные цилиндрики конусовидной формы со сквозным круглым отверстием, причем диаметр в нижней части конуса шире, чем в верхней. Такие вещи известны в Пскове¹¹, Старой Ладого и других местах и получили название «костяных цилиндров», частей наборной рукояти ножа. Вряд ли упомянутые находки являются частями наборных рукояток (форма сильно усеченного конуса, круглый паз делали бы неудобными такие рукояти при пользовании ножом). В свое время при публикации старолadoжских находок из раскопок Н. И. Репникова была предложена более интересная и, по всей вероятности, более правильная интерпретация костяных «конусов»: «Костяные цилиндрики выше именовались вставками от гарпунов, т. е. костяными навершиями деревянных рукояток, в отверстие которых вставлялось основание костяного же или металлического гарпуна»¹². К сожалению, в последнее время эта очень интересная мысль была забыта. В дополнение к этому мнению можно сказать, что мангазейские находки дали возможность говорить не столько о гарпунах, завершающих такой сложный наконечник стрелы, сколько о железных наконечниках стрел, применявшихся в данной конструкции. Важно и то, что подобные находки в слоях средневековых русских поселений не единичны и в такой важной отрасли хозяйства древней Руси, как охота, использовались длительное время. Мы не знаем древней терминологии составных наконечников стрел. Возможно, что они назывались по наиболее характерной и существенной части составной конструкции — по типу железного наконечника. Не исключено, что встречающееся в средневековых письменных документах определение стрел — «северги на косточке»¹³ относится к подобной составной конструкции.

Железные наконечники стрел. Железные наконечники стрел, обнаруженные в Мангазее, в количественном отношении составляют немногочисленную (около двух десят-

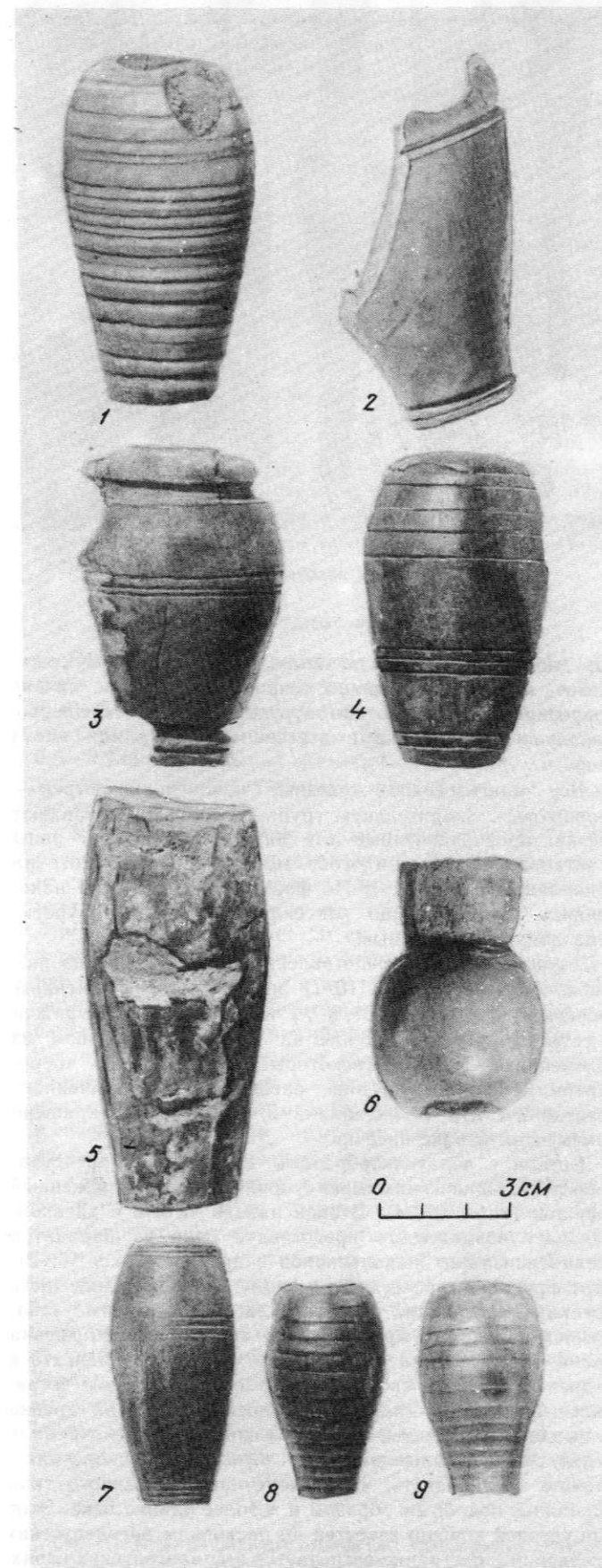

Рис. 15. Костяные детали сложных составных наконечников стрел (1—9)

⁷ Руденко С. И., Станкевич Я. В. Стрелы и предметы для стрельбы из лука. Памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л., 1951, с. 100, табл. IV, 10, 21; V, 8.

⁸ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915, с. 586.

⁹ Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. — МИА, 1949, № 9, с. 353, табл. XLVIII, рис. 21.

¹⁰ Раскопки в Копорье проводились О. В. Овсянниковым. За возможность ознакомиться с находкой из Велье приносим благодарность А. Н. Кирпичникову.

¹¹ Благодарим за сообщение О. А. Кондратьеву и О. И. Давидан.

¹² Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладого, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. — В кн.: Старая Ладога. Л., 1948, с. 103.

¹³ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог. СПб., 1877, с. 191.

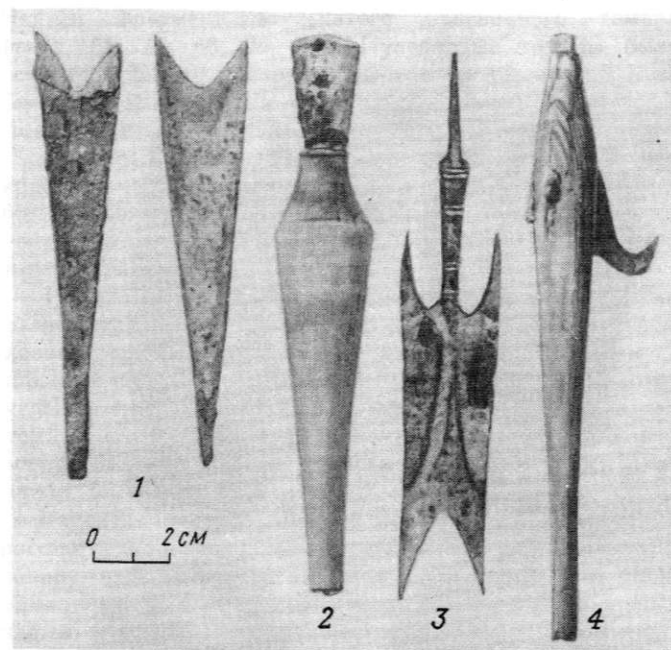

Рис. 16. Железные наконечники стрел (1—4)

ков), но разнообразную по типам группу находок. К сожалению, не все они хорошо сохранились, многие сильно корродированы, что нередко затрудняет определение первоначального их облика и отнесение к тому или иному типу.

Все мангазейские железные наконечники стрел — черешковые. Значительную группу среди них составляют срезны, предназначенные для нанесения широкой раны (считается, что срезны особо эффективны при охоте на водоплавающую птицу). По форме передней части наконечника срезны можно классифицировать на двурогие и на лопаточкообразные.

Двурогие срезны представлены 6 экз.: четыре из них (табл. 67, 1—3, 5; рис. 16, 1) имеют слабовыраженный черешок, у двух (табл. 67, 6, 7) черешок хорошо выражен и есть «упор» — утолщение на черешке. На одном из наконечников «упор» (некоторые называют его «перехватом») оформлен в виде расширения, ограниченного спереди и сзади двумя валиками (расширение украшено орнаментом в виде насечки).

Срезны с лопаточкообразным завершением представлены 2 экз. Один из них имеет «упор» и хорошо выраженный черешок (табл. 67, 4). Второй найден вместе с древком, что дает возможность представить один из вариантов соединения таких наконечников с древком (рис. 16, 2). Этот фрагмент стрелы имел в длину 10 см. Верхняя часть древка — массивная, заканчивалась небольшим утолщением-валиком. Вырезанный по верхнему краю древка валик, не позволял обмотке из сухожилий двигаться с древка. Срезень своим нижним острым концом вставлялся в широкий паз древка, после чего край древка (под валиком) заматывался сухожилием, что предохраняло стрелу от раскалывания или выпадения наконечника. Можно предполагать, что наконечники описанного типа крепились подобным образом и в более ранние века. Этот тип срезней хорошо известен по раскопкам древнерусских поселений и постоянно встречается в домонгольских слоях. Например, в Новгороде срезны двурогие, вытянутые, без «упора», встречались лишь во второй половине X в.¹⁴

¹⁴ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 156.

Находка двурогих срезней без упора в культурном слое Мангазеи позволяет значительно расширить хронологические рамки бытования этого типа наконечников стрел. Заметим, что находка такого срезня была сделана в Сибири на Барсовом городке.¹⁵

Наконечников стрел удлиненных пропорций (с длинным черешком) с небольшим ромбовидным или треугольным пером найдено пять (табл. 67, 1—4, 6). Два из них имели на конце черешка небольшое удлинение (собственно черешок, служивший для насадки на древко).

Можно указать на находку небольшого черешка с треугольным пазом (табл. 67, 7) и ромбовидный наконечник с двумя опущенными вниз жальцами (табл. 67, 5).

Два фрагмента веретенообразных наконечников, граничных в сечении, представляют собой тип боевых броневых стрел (табл. 67, 8, 9).

Среди мангазейских находок встречен фрагмент верхней части древка стрелы с пазом для крепления одного из типов черешковых наконечников.

Среди железных наконечников стрел встречен один, несомненно, местного происхождения. Это черешковый наконечник, передняя часть которого оформлена в виде типичного срезня, а задняя имеет оттянутые вниз жальца (рис. 16, 3). Поверхность наконечника не плоская, она имеет с двух сторон как бы «утопленные» плоскости, выступает центральная часть пластины.

Найдена стрела комбинированного типа — в сигарообразную переднюю часть древка вставляли четыре загнутых по направлению полета стрелы жала, а в самую верхнюю — железный наконечник (он обломан, поэтому о его типе судить трудно) (рис. 16, 4). Аборигенный, местный характер находки не вызывает сомнений — вплоть до XIX в. подобными стрелами на охоте пользовались остяки.¹⁶

Среди снаряжения полярных мореходов, погибших у берегов Таймыра, были найдены три типа железных наконечников стрел, которые встречены в Мангазее: двурогие срезны без упора и наконечники удлиненных пропорций с треугольным и ромбовидным пером.¹⁷ Это дает основание говорить о том, что в мангазейской коллекции представлены основные типы железных наконечников стрел, которыми широко пользовались русские промышленники в Сибири.

Однако промысел на основного пушного зверя в Сибири — соболя — велся при помощи ловушек (кулем) и сетей (обметов), это хорошо прослеживается по многочисленным известиям письменных источников.¹⁸

Несомненно, среди многочисленных деревянных предметов, найденных в Мангазее, имеются детали различного рода ловушек натяжного действия. Наибольший интерес представляют сложные ловушки натяжного ударного действия (табл. 68, 1—5). Ловушка состоит из двух частей. Основная ее часть представляет собой плоскую дощечку, конец которой заканчивается длинным штырем со сквозным пазом или зарубками с двух сторон. В средней части она имеет углубление и сквозное прямоугольное «окошечко». Общая длина этой части ловушки достигает 57 см, ширина 9 см. В выступающих бортиках пластины есть пазы, по которым скользила плоская дощечка (на узком длинном конце дощечки также имеется сквозной паз).

¹⁵ Arne T. J. Barsoff gorodok. Stockholm, 1935, fig. 24.

¹⁶ Изделия остяков Тобольской губернии. — Ежегодник Тобольского музея. Тобольск, 1911, с. 125.

¹⁷ Руденко С. И., Станкевич Я. В. Указ. соч., табл. IV, рис. 13, 16—18.

¹⁸ Бахрушин С. В. Снаряжение русских промышленников в Сибири XVII в. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.: Л., 1951, с. 85—92.

Ловушка представляет собой механизм натяжного ударного действия, устроенный по принципу мышеловки. Вырезанный знак, несомненно, являлся меткой хозяина ловушки или артельной меткой, т. е. знаком собственности.

С пушным промыслом связаны найденные фигурные дощечки, которые служили распялками для шкурок пушных зверей (табл. 68, 6—9). На них, так же как и на ловушках, встречены вырезанные ножом знаки собственности (табл. 68, 6).

ОРУЖИЕ

Огнестрельное оружие

Огнестрельное и холодное оружие, широкий ассортимент деревообрабатывающих и слесарных инструментов — все это составляло важную часть снаряжения промышленников в Сибири. Во время археологических раскопок Мангазейского городища не было найдено огнестрельного оружия, но о его распространении свидетельствуют в первую очередь многочисленные находки (несколько сотен) свинцовых пуль от ручных пищалей.¹⁹ Часть этих пуль отлита в пулейках (они более или менее правильной сферической формы, со следами «обкатки»), часть — в литейных формах.

Широкое освоение сибирских земель началось в третьей четверти XVI в., поэтому можно предполагать, что основным видом огнестрельного оружия сибирских первопроходцев в то время были ручные затинные пищали («пищали с жагрью»). «Самопалы» — ручное огнестрельное оружие, оснащенное механизмом для воспламенения пороха (кремневым замком), — вероятно, появились позднее. Впервые в русских письменных источниках «самопалы» на вооружении русского войска упомянуты в описании осады Пскова войсками Стефана Батория в 1581—1582 гг. Единственная находка детали кремневого замка от «самопала», относящаяся приблизительно к этому времени, известна из прорезки вала земляного городища Старой Ладоги.²⁰ В Сибири «самопалы» могли появиться на несколько десятилетий позднее. О наличии в Мангазее огнестрельного оружия с кремневым ударным механизмом свидетельствуют железный винт от кремневого ружейного замка и скобы (табл. 69, 1—3). Большой интерес представляет находка бронзовой головки сборного ружейного шомпола (табл. 69, 4). Аналогичная находка известна из культурного слоя конца XVI—начала XVII в. в Москве.²¹

В Мангазее найдено 23 кремня от ручных пищалей. Это небольшие изделия из розового кремня, для которых характерно отсутствие стандартных форм и размеров, хотя определенное сходство между ними все же имеется (табл. 70). Насколько можно судить по виду кремней, это сходство обусловлено не особенностями производства, а общим характером применения и условиями их срабатываемости. Основное требование, которое предъявлялось к пищальным кремням, заключалось в том, чтобы они были плоскими (это важно при закреплении их в курке).

В соответствии с этим все кремни имеют плоское брюшко и низкую спинку, часто уплощенную продольными сколами. В отдельных случаях такие сколы отсутствуют

¹⁹ Остатки огнестрельного оружия — ружейные замки, ложе ружья со стволом — были найдены в заливе Симса (Косинский М. Ф. Оружие и огнестрельные припасы. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л., 1951, с. 94).

²⁰ Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Указ. соч., с. 86, табл. V, 6.

²¹ Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы. — В кн.: Древности Московского кремля. М., 1971, с. 41, рис. 6, 3.

и на спинке видны одно или два невысоких ребра. Помимо этого, вторичная обработка кремней заключалась в нанесении крутой притупляющей ретуши по краям (круговой или частичной). Дальнейшее изменение их формы происходило в процессе срабатывания.

Как известно, принцип применения кремней в пищалах строится на том, что кремень плотно зажимается винтом между губками курка, а при выстреле ударяется об огниво,²² вследствие чего на рабочих краях кремней образуются выемки (табл. 70, 1, 2, 4, 9, 17, 19), в отдельных случаях правильной прямоугольной формы, ширина которой соответствует размеру огнива (ширина выемки 1,8 см, глубина 0,3 см). Выемки на других кремнях выражены хуже, что объясняется, возможно, тем, что использовались все краевые участки кремня. Об этом, в частности, говорит и хорошо выраженная забитость краев. На некоторых кремнях со стороны брюшка видны следы от клея, которым были приклеены какие-то мягкие (скорее всего кожаные) прокладки. Размеры кремней, как говорилось выше, произвольны. Они лежат в следующих пределах: длина 2—3,4 см, ширина 1,5—3,5 см, толщина 0,8—1 см. В заключение нужно сказать, что все кремни, найденные в Мангазее, были сюда привезены, так как выходы розового кремня, из которого они изготовлены, в районе Мангазеи неизвестны.

Холодное оружие

Сабли. Во время раскопок Мангазеи были найдены две железные оковки от деревянных ножен сабли (табл. 69, 5, 6). Это железные пластинки с полуovalным сечением, что обеспечивало им большую прочность. Ширина пластин 0,6—0,7 см, наибольший диаметр около 6 см, что позволяет установить приблизительную ширину ножен сабли — около 6 см.

Ножи и ножны. Мангазейские ножи (табл. 71, 1—9) различны по своему назначению. Большинство ножей по своим функциям универсальны, они являлись составной частью личного вооружения промышленного человека. Длина лезвий достигает 20 см, ручки преимущественно деревянные (встречаются и костяные). Почти все ножи при переходе от лезвия к рукояти имеют медный припой — своеобразную гарду. Некоторые из ножей на гарде имели еще и бронзовую орнаментированную накладку. Орнамент растительный, как правило гравированный. На тыльной стороне части рукояток были также медные или костяные накладки, иногда с кольцом (для ремешка). Клинки ножей в сечении треугольные. Много сильно сточенных лезвий — свидетельство долгого употребления.

Кожаные ножны разной длины, до 27,5 см. Различаются они и по форме, и по сложности отделки. Преобладают ножны простой формы с небольшим расширением в верхней части и с двумя отверстиями на одной из сторон. Размеры ножен зависели от длины клинка. Исследователи древнерусских городов отмечали, что короткие ножны чаще клиновидной формы, сделаны из плотной кожи и обычно не имеют украшений; украшались длинные ножны.²³ Украшения наносились способом тиснения, нарезками, вышивкой.²⁴ Кожаные ножны, найденные в Мангазее (более десятка), относятся к двум типам. Ножны первого типа сделаны из толстой кожи (рис. 14, 1, 2, 5, 11, 13).

²² Об устройстве пищальных замков см.: Мышковский Е. В. Замки русского огнестрельного оружия. XVI—XVII вв. — СА, 1965, № 4.

²³ Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. — АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 93, 94.

²⁴ Изюмова С. А. К истории кожаного и сапожного ремесла Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 218.

Форма их прямоугольная или клиновидная. Иногда в верхней части такие ножи имеют цельнокроенные ушки для подвязки к поясному ремню (рис. 17; табл. 73, 1). Применялся и другой способ крепления: через проушины в верхней части ножен пропускался ремешок, крепившийся к ремню, а через нижние отверстия — к ноге (табл. 73, 2).

Поверхность некоторых ножен украшена тисненым орнаментом (рис. 14, 2, 13; табл. 73, 3, 4). На одном экземпляре в качестве декоративного элемента применена плетенка-шов из медной проволоки (рис. 14, 2). Ножны, которые относятся к описываемому типу, не имели внутри каркаса. Сделанные из плотной кожи, снабженные нередко

Рис. 17. Кожаные ножны

на конце дополнительным, порой фигурным «наконечником», такие ножны должны были хорошо «держат» нож и предохранять его владельца от случайных уколов и порезов. Подобные ножны уже довольно хорошо известны по находкам в позднесредневековых слоях русских городов²⁴.

В Мангазее найдены кожаные ножны и иного облика — тип II. Они имеют более сложную конструкцию (рис. 14, 6—10). Само появление таких ножен, несомненно, связано со специфическими условиями жизни в Сибири в XVI—XVII вв.: употребление ножей с более мощными (длинными и массивными) клинками, с тяжелыми рукоятками, приближение ножей промышленника к орудью универсального типа было необходимо в условиях продолжительных скитаний по сибирским «землицам». Широкое распространение больших и тяжелых ножей привело к появлению кожаных ножен с деревянным каркасом внутри (рис. 14, 3, 4, 6—10). Мангазейские находки дают возможность полностью реконструировать как процесс их изготовления, так и первоначальный вид²⁵. Ножны продолжали раскрывать из одного куска кожи так, что сшивалась только одна боковая сторона и нижний торец, на который мог также нашиваться кожаный «наконечник» (головка). Однако из кожи делалась только внешняя часть — чехол. Внутри него вставлялся каркас из дерева, представлявший собой пластину, вырезанную по форме ножен (у такого каркаса низ более широкий, чем верх). С одной из боковых сторон пластины выдалбливался паз (в него входило лезвие ножа). В верхней части каркаса вырезались отверстия (соответственно отверстиям на кожаном чехле), через которые продевались ремешки, скреплявшие чехол и каркас и одновременно служившие отверстиями для подвязки ножен к поясному ремню. На миниатюрах краткой Сибирской (Кунгурской) летописи ножны являются почти обязательной частью снаряжения (например, миниатюра, иллюстрирующая поход дружины Ермака), носили их на поясе у правого бока. Некоторые ножны изображены с орнаментом.

Несколько слов о ножевых клинках и рукоятках. Сильная сточенность (сработанность) многих клинков свиде-

тельствует об их интенсивном и длительном употреблении. Среди мангазейских ножевых клинков можно выделить несколько групп по их функциональному признаку: инструменты (сапожные ножи и для обработки дерева), столовые и универсальные. Ножи-инструменты встречаются в единичных экземплярах (сапожный нож имеет характерное массивное лезвие, заточенное сверху, нож для обработки дерева — «опущенный» носок лезвия; для тех и других характерно короткое лезвие). У столовых ножей небольшие размеры клинка (длина 6,5—12,5 см, ширина порядка 1,5 см) и, как правило, деревянная или костяная рукоять. Подавляющее большинство найденных в Мангазее ножей относится к группе универсальных, т. е. они могли использоваться в качестве холодного оружия, а также для различных работ. Эти ножи имеют длинные массивные клинки (длина клинка до 18—20 см, ширина до 2,5 см, толщина обуха клинка до 0,5 см), прочно насаженные на крупные деревянные или костяные рукояти. По сведениям С. В. Бахрушина, сибирские промышленники пользовались ножами «чугриками», которые выделялись на Мезени, и зырянскими, которые назывались «курты»²⁶. Сейчас трудно идентифицировать те или иные ножи с наименованиями их в письменных источниках, однако происхождение их из металлообрабатывающих центров, в первую очередь Русского Севера, не вызывает сомнения. Об этом же свидетельствуют таможенные книги северорусских и сибирских городов.

ИНСТРУМЕНТЫ

Топоры. Железные топоры на протяжении всего средневековья являлись важнейшим инструментом, по своему функциональному назначению почти универсальным (изготовление жилищ, орудий лова и охоты, подготовительный цикл во многих промыслах и ремеслах, связанных с обработкой дерева). Тем не менее до недавних пор сам термин «рабочий топор» был до некоторой степени дискуссионным. В русской и в советской археологии отчетливо определялась тенденция универсализации функции топора в хозяйственной и военной областях. Точка зрения, высказанная в свое время А. А. Спицыным об универсальном использовании русских средневековых топоров²⁷, в работе М. Г. Рабиновича, посвященной истории русского оружия IX—XV вв., была гипертрофирована до признания нецелесообразности поиска критериев, позволяющих выделить боевые и рабочие топоры²⁸.

Безусловно, признание этого положения значительно обединило бы представление как о развитии военного дела древней Руси, так и о специализации отдельных отраслей ремесленного производства (в первую очередь обработки черных металлов). Предпринятая М. Х. Алешковским попытка систематизировать средневековые русские топоры была основана лишь на выделении типологических признаков, характерных для рабочего и боевого топоров²⁹. Другой путь поисков шел не по линии формальной типологической схемы, а был связан с учетом признаков, необходимых для топора как боевого оружия и орудия труда³⁰.

Оказалось, что среди восьми выделенных типов топоров X—XIII вв. лишь только три имели специфические формы боевого оружия, остальные типы топоров дифференцировались на боевые и рабочие только по весу³¹. Накануне монголо-татарского нашествия ведущей формой рабочего топора являлся узколезвийный топор. «Появление этих топоров не означало возврата к архаическим формам, их следует связать с выработкой массового типа рабочего топора без каких-либо трудоемких, удорожающих деталей», — характеризует А. Н. Кирпичников этот тип топоров³².

Археологические находки в Новгороде Великом, где прослежено развитие топоров с конца XIII по XVI в., намекают дальнейшую эволюцию русских рабочих топоров — появление удлиненного утяжеленного обуха, зачатки будущей «бородки»³³. Интерес к топорам после-монгольского времени, а особенно к позднесредневековым значительно снизился. Этому способствовало существенное уменьшение числа самих находок, а также утрата специфической военной роли топоров в вооружении войска Киевской Руси. Нельзя сказать, что в XVI—XVII вв. они исчезают из вооружения русского войска. Росписные списки русских городов XVII в. среди прочего вооружения упоминают в арсенале крепостей и «топорники», которыми, например, в Суздале из 1417 защитников было вооружено 918³⁴, в Угличе из 552 человек 214³⁵. Таким образом, к концу русского средневековья на небольших боевых топорах («топорниках») с длинной рукоятью³⁶ заканчивается многовековое типологическое развитие древнерусских боевых секир.

Подъем производительных сил страны в период сложения централизованного русского государства, расцвет металлообрабатывающих ремесел способствовали дальнейшей дифференциации орудий труда.

Находки железных топоров еще в довоенное время при работах на трассах Московского метрополитена, изучение древнерусских миниатюр служили главным образом материалом для решения одной типологической проблемы — появления на обухе топора «бородки»³⁷. Тем не менее хронологический рубеж появления топора с «бородкой», намеченный А. В. Арциховским, — конец XVI — начало XVII в. — можно считать очень условным. Внимание к находкам позднесредневековых топоров в самые последние годы и прежде всего публикация Р. Л. Розенфельдом³⁸ коллекции топоров, найденных В. А. Политковским на месте Тушинского лагеря (1608—1610 гг.) позволяют внести в этот вопрос некоторые уточнения. Высказанная Р. Л. Розенфельдом мысль о существовании массивных безбородчатых топоров как специфических орудий для рубки леса и плотничьих работ вплоть до середины XVII в.³⁹ заслуживает внимания. По-видимому, на рубеже XVI—XVII вв. происходит не «тотальное» изменение типологии русского средневекового топора,

а эволюционирует лишь один из типов орудий этого облика (по Р. Л. Розенфельду) — клиновидные топоры, у которых обухной проем в виде клиновидной щели. Безусловно, это расширяет представление о более узкой специализации различных деревообделочных работ.

Наряду с этим представляется возможным сделать и кое-какие хронологические уточнения на материале «русских» и сибирских памятников. Русский импорт в Сибирь железных топоров начался задолго до начала официального освоения зауральских земель. Об этом свидетельствуют находки на Искерском (Кучумовом) городище, сделанные еще в начале XX в. Два топора, опубликованные в свое время В. Н. Пигнатти, не имеют бородок⁴⁰. Правда, В. Н. Пигнатти опубликовал всего лишь два топора из восьми, однако ясно, что коллекция топоров с этого памятника типологически не однородна. Вероятно, она не исчерпывается характеристикой, данной им В. П. Левашовой: топоры «старинного русского типа с отрезком в верхней части обуха, вытянутого вдоль рукоятки»⁴¹, т. е. топоры не имеют «бородки». Можно указать еще одну находку XVII в., сделанную на севере Западной Сибири, в районе Обдорска, — топор имеет «бородку»⁴². Пожалуй, самой многочисленной коллекцией русских топоров XVII в. до недавнего времени были находки со становища погибшей русской полярной экспедиции у о-ва Фаддея и в заливе Симса⁴³. Все топоры носят следы очень сильной сработанности. Имея обухной проем треугольной формы, вытянутую вдоль рукоятки верхнюю часть обуха, топоры относятся, на наш взгляд, к промежуточному типу — «бородка» в нижней части обуха еще только наметилась.

Пока самая многочисленная коллекция сибирских топоров получена во время археологических работ на Мангазейском городище — она насчитывает девять целых экземпляров и около десятка фрагментов обухов и лезвий. Все мангазейские топоры носят следы сильной сработанности, что свидетельствует о продолжительном и интенсивном их употреблении. Типологически мангазейские топоры можно разделить на три группы.

К первой группе относятся топоры «архаического» облика (табл. 72, 1—3). Они характеризуются удлиненными пропорциями и асимметричным лезвием (длина топоров 16, 15, 3, 14, 1 см, ширина лезвия — соответственно 11, 1, 10, 5, 10 см). Обухное отверстие — треугольной формы, верхняя площадка обуха слегка овальная, оттянута назад для лучшего скрепления с деревянной рукоятью. Ко второй группе топоров относятся топоры также удлиненных пропорций (длина 17 см, ширина лезвия 12,3 см). Отличие этих топоров от топоров первой группы состоит в наличии наметившегося отрезка в нижней части обухного отверстия — «бородки» (табл. 72, 4—6). Эти топоры имеют обухное отверстие треугольной или слегка овальной формы. Верхняя площадка обуха слегка овальная (только в одном случае граненая), верхняя часть ее вытянута вдоль топорника. К последней, третьей группе топоров относятся более «приземистые» экземпляры (длина топора 12,5 см, ширина лезвия — 9,5 см). Топоры имеют достаточно четко выраженную «бородку» (табл. 72, 9, 10). Топоры первой и второй групп предназначались, видимо, для рубки леса

³¹ Там же, с. 6.

³² Там же, с. 40.

³³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 25—26, рис. 9.

³⁴ ДАИ. СПб., 1875, т. IX, с. 21.

³⁵ Там же. «Топорники» упоминаются в XVII в. в арсенале Костромы, Переяславле-Залеском и т. д.

³⁶ «А велено топорники и бердыши делать с образцов и те топорники наладить на долгие топорнища мерою дву аршин» (ААЭ, т. IV, с. 131).

³⁷ Арциховский А. В. Находки в колодцах на Моховой. По трассе первой очереди Московского метрополитена. — ИГАИМК, 1936, вып. 132, с. 134—137; Он же, Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 199—200.

³⁸ Розенфельд Р. Л. Инструменты московских ремесленников. — В кн.: Древности Московского кремля. М., 1971, с. 253—256.

³⁹ Там же, с. 253—256.

и плотницких работ, а топоры третьей группы могли использоваться (в зависимости от размеров) для этих же работ и в столярном деле. Если функциональное назначение тех или иных топоров можно только предполагать, то хронологическая последовательность их «появления» не вызывает сомнения. В конце XVI в. бытовали две первые группы топоров. Это хорошо прослеживается по находкам XVI в. на «земляном городище» в Старой Ладоге, Белгороде, Старице⁴⁴. На протяжении первой половины XVII в. постепенно увеличивается количество топоров с наметившейся «бородкой» и сам выступ в нижней части обуха становится более отчетливым (удлинняется и начинает поддерживать деревянное топориче снизу)⁴⁵.

Несомненно одно, что в Сибирь ввозились «с Руси» топоры различных типов, предназначенные для широкого круга плотнико-столярных работ. В сибирских землях в условиях первоначального освоения «незванных земель» любой топор мог быть универсальным орудием. Запрет русского правительства на ввоз в Сибирь «заповедных товаров» — железа и орудий из него значительно поднял ценность железного топора. Любопытный документ 1641 г. — яркое свидетельство этому: промышленный человек Трифон Федоров подал якутскому воеводе челобитную об отдале ему найденного им топора⁴⁶. Еще в конце XVI в. ясачные вогуличи и татары подали челобитную царю Федору Ивановичу о дозволении покупать им у торговых людей топоры, ножи и пешни: «а нам, государь, без топоров и без ножей и без пешен прожить невозможно»⁴⁷. Однако нужды сибирских промыслов, постройка деревянных острогов и городов вынудило правительство пойти на широкий ввоз в Сибирь железного инструментария. Огромные партии железных товаров идут через главный торговый центр Сибири — Тобольск. Железные топоры постоянно упоминаются при описании снаряжения промышленных людей. Несомненно, что в XVII в. господствующим типом железного топора в Сибири, как и «на Руси», становится топор с «бородкой» на обухе. По этому на рисунке Сибирской (Кунгурской) летописи конца XVII в. изображен топор без «бородки» и с длинным топоричем⁴⁸.

В Мангазее найдено два деревянных топорича длиной 55 см (сохранились неполностью). Рукоятка топоричей овальная в сечении, с небольшим утолщением на конце. Та часть топорича, на которую насаживался топор, — имеет треугольное (клиновидное) сечение, соответствующее обушному отверстию.

Топоры устюжского и сольвычегодского «дела» служили традиционным товаром для вывоза в Сибирь — с этим товаром ехали в Сибирь сольвычегодцы и устюжане, москвичи и жители Двинской области. Например, по данным Таможенных книг Устюга Великого и Соли Вычегодской, только семь человек увезли «на Сибирскую руку» 780 топоров⁴⁹. Были отпуска топоров и более крупными партиями — житель Ваги в Устюге купил топоры и поехал в Сибирь «на две лошади»⁵⁰. Таможенные книги дают

и сведения о типе топоров, вырабатываемых северными кузнецами: «исцельные», средни, малые, мастеровые⁵¹.

Железная оковка лопаты. В Мангазее найдена лишь одна железная оковка деревянной лопаты (табл. 71, 26), но она дает вполне определенное представление об этом типе землеройных орудий. В отличие от более древних оковок, как бы оконтуривающих деревянный заступ, железная оковка лопаты XVII в. обрамляла лишь нижний край заступа. Ширина лезвия лопаты 17 см, высота 6,5 см. В верхней части оковки имеются два сквозных отверстия для скрепления с деревянным заступом. Форма оковки — трапецевидная, нижний край шире верхнего. Оковка такого же типа была найдена в поздне-средневековых слоях при археологических раскопках в Москве⁵². Изображения деревянных лопат с железными оковками типа мангазейской встречаются на миниатюрах Сибирской летописи. Художник нарисовал небольшие деревянные лопаты с короткими заступами и трапецевидными железными оковками на нижней части заступа. Большинство изображений лопат иллюстрирует событие, связанное с погребением дружиной Ермака 20 погибших казаков на Сусканском мысу («и погребе своих на Сусканском мысу на царском кладбище, на край мысу, для признаки...») ⁵³.

Деревообрабатывающие инструменты. В Мангазее найден небольшой, но достаточно разнообразный и выразительный набор деревообрабатывающих инструментов. По своему назначению они не столь универсальны, как топоры, но, входя в качестве необходимой части в снаряжение промышленного человека, широко использовались и в условиях городской жизни — в домостроительстве, для различного рода столярных поделок, а также в судостроительстве.

Долота представлены двумя находками. Одно целиком железное, с небольшим расширением и значительным утолщением в нижней части (табл. 71, 16). Верхняя его часть слегка расширена вследствие длительного использования. Цельнометаллическое долото могло использоваться для выемки глубоких пазов. Для более «деликатных», вероятно столярных, работ использовалось втульчатое долото (табл. 71, 15). Нижняя его часть имеет утолщение, а в верхнюю часть — короткий, но широкий раструб втулки — была вставлена сохранившаяся деревянная рукоятка.

В Мангазее найден лишь один фрагмент скобеля с полукруглым лезвием. Инструмент в заполярном городе мог использоваться для окаривания бревен, а также для обработки брусового дерева.

Найденные буравы имеют различные размеры и использовались для высверливания отверстий различного диаметра и глубины. Самый большой бурав мог высверливать отверстие глубиной около 21 см и диаметром 1,5 см (табл. 71, 17). Стержень бурава имеет овальное сечение, его сверло лишь немного шире стержня. Вполне естественно, что сверло бурава, имевшего стержень четырехугольного сечения (табл. 71, 18), намного шире стержня (этим буравом можно было просверливать отверстия диаметром 2 см). Для просверливания неглубоких, но достаточно широких отверстий использовались короткие буравчики (табл. 71, 20, 21).

Небольшие перовидные сверла использовались для просверливания отверстий небольшого диаметра (до 1 см) и глубиной приблизительно до 8 см. Овальные в сечении перовидные сверла, как правило, имели плоскую расширен-

ную верхнюю часть, которая не давала сверлу прокручиваться при просверливании (табл. 71, 22—25). Находки в Мангазее дают возможность почти полностью реконструировать эту средневековую «дрель» с лучковым приводом. Уже более ранняя находка хорошо сохранившегося лучкового сверла на о-ве Фаддея показала, что конструкция этого деревообрабатывающего инструмента в средневековье была технически гораздо сложнее, чем реконструкция, выполненная Б. А. Колчиным⁵⁴.

В мангазейской коллекции имеется четыре целых лучковых сверла, из которых одно большое и три малых. Отличаются они друг от друга лишь размерами, конструктивных различий нет. Все сверла (табл. 74) состоят из рукояти, в одной из торцов которой проделан глухой прямоугольный паз для крепления железного наконечника. Верхний торец оканчивается штырем в форме усеченного конуса, на который надевается свободной вращающаяся головка из твердого дерева (кедра). Головка имеет вид цилиндра, закругленного сверху. Соответственно закруглен и торец штыря. Вдоль головки проделано сквозное коническое отверстие под штырь; второе отверстие, также конической формы, проходит поперек головки примерно на половине ее высоты. На этом же уровне на штыре вырезан кольцевой паз, по высоте равный выходному поперечному отверстию на головке. Когда сверло находилось в нерабочем состоянии, в это отверстие и паз вставляли деревянную пластинку конической формы, которая запирала сверло и не позволяла головке соскочить со штыря, что было особенно важно при переездах. На рукояти имеется три прямоугольных сквозных отверстия, прорезанных по узкой хорде: одно в средней части, а два — ближе к краям. Сквозь эти отверстия пропускался ремень лука. Край всех ручек ограничены кольцевыми бортиками. У большого сверла бортики выделены за счет того, что средняя часть ручки имеет равномерную вогнутость, а у малых сверел, ручки которых бочонкообразной формы, бортики более рельефны и хорошо очерчены.

Приводим размеры сверел.

1. Большое сверло (табл. 74, 1). Общая длина 29,5 см, длина штыря 6,5 см, диаметр штыря у основания 2,5 см, в верхней части — 2 см, ширина паза на штыре 1,2 см, глубина паза 0,7 см. Размеры ручки: диаметр в средней части 5,6 см, диаметр бортиков 8 см, размеры отверстий под ремень лука 3,5×1,3 см, глубина паза под наконечник 5,2 см, размеры его в плане 2×0,3 см, диаметр головки 5,6 см, диаметр продольного отверстия на головке 4,5 и 3,5 см.

2. Первое малое сверло (табл. 74, 2). Общая длина 24,4 см, длина штыря, равная высоте головки, — 7 см, ширина кольцевого паза 1 см, глубина его 0,3 см, диаметр штыря в верхней части 1,8 см, у основания — 2 см, диаметры отверстия в головке 3 и 2,5 см. Размеры ручки: диаметр в средней части 3,3 см, диаметр бортиков 4,8 см, ширина бортиков 1,6 см, длина отверстий под ремень лука 2,4 см, ширина их 0,5 см, глубина паза под наконечник 5,4 см, размеры его в плане 1×0,2 см.

3. Второе малое сверло (табл. 74, 3). Общая длина 24,2 см, длина штыря 6,8 см, диаметры его 1,9 и 1,4 см, ширина кольцевого паза 0,8 см, глубина его 0,4 см. Размеры ручки: длина 14,4 см, диаметр в средней части 3,2 см, длина отверстий под ремень лука 1,1 см, ширина — 1 см, ширина бортиков с учетом фасок 1,4 и 1,6 см, глубина паза под наконечник 6,5 см, размеры его в плане 0,9××0,2 см, головка отсутствует.

4. Четвертое сверло найдено вместе с головкой (табл. 74, 4).

Помимо этого в раскопе найдена отдельная головка (табл. 74, 5), в которой сохранилась пластинка-стопор (табл. 74, 6). Высота головки 6,3 см, диаметр 5,4 см, диаметры продольного отверстия 2,9 и 2,3 см; прямоугольные отверстия под стопор имеют высоту 1,5, а ширину 1,2 и 1,5 см. Стопор — прямоугольная в профиле деревянная пластинка, одна сторона которой прямая, а другая имеет выемку в средней части.

Таким образом, сверла, найденные в Мангазее, являются довольно сложными в конструктивном отношении деревообрабатывающими инструментами. Следует заметить, что основной конструктивный принцип лучкового сверла дожил почти до наших дней, что хорошо известно по этнографическим материалам⁵⁵.

К деревообрабатывающим инструментам относится еще один — резец (табл. 71, 30). Однако рабочая часть его загнута слабо и не имеет четко выраженной загнутой языкообразной пластины.

Среди других инструментов, которые входили в снаряжение русского промышленника, можно отметить слесарный инструмент — напильники плоские и круглые (табл. 71, 27, 28). Массивный железный инструмент (табл. 71, 29) с длинным четырехугольным в сечении черенком (насаживался на деревянную рукоять) служил, вероятно, для «разрубания» металла. Об этом свидетельствует его сильно расплюснутая верхняя площадка, по которой били молотком или небольшим молотом.

Железные шилья, ромбовидные в сечении, насажены на небольшие деревянные рукояти (табл. 71, 10—13). Наряду с тонкими железными иглами, служившими для пошива одежды из тканей (швейные иглы), найдена большая игла, стержень которой прямоугольный в сечении, ушко большое (табл. 71, 14). Такие иглы применялись, вероятно, в сапожном деле, а также при шивании больших парусных полотнищ⁵⁶.

КРЕСАЛА

В Мангазее найдено два железных кресала. Одна находка представлена однолезвийным, так называемым калачевидным кресалом (табл. 69, 7), которые в средневековых русских городах известны с X—XI вв.⁵⁷. Однако ближе всего мангазейская находка стоит к калачевидному кресалу XIV—XV вв., найденному при раскопках в Старице⁵⁸. Характерно, что этот тип кресал доживает до позднего средневековья.

Вторую находку кресалом можно назвать в известной мере условно — его стороны не выпуклые, а вогнутые (табл. 69, 9). Не исключено, что стороны этого железного предмета могли и сноситься во время употребления. Более существенно то, что оба конца «кресала» заканчиваются широкими и острыми концами, которые могли использоваться в качестве инструмента, например отвертки.

ОРУДИЯ РЫБЛОВСТВА

Судя по материалам археологических раскопок, в хозяйственном укладе жителей древней Мангазее рыболовство занимало немаловажное место. В средневековой Руси рыбные блюда составляли существенную часть пищевого рациона жителей как деревни, так и города.

⁵⁵ Полностью сохранившееся сверло найдено среди снаряжения промышленников у берегов Таймыра (Стакевич Я. В. Указ. соч., с. 168, рис. 1).

⁵⁶ Розенфельдт Р. Л. Указ. соч., с. 263, рис. 4, 6.

⁵⁷ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 161.

⁵⁸ Воронин Н. Н. Раскопки в Старице. — КСИИМК. 1951, вып. XXXVIII, рис. 20, 2.

⁵⁴ Колчин Б. А. Указ. соч., рис. 53, 5.

⁴⁴ Никитин А. В. Белгородская крепость XVI—XVII вв. — СА. 1962, № 3, рис. 6, 2; Воронин Н. Н. Раскопки в Старице. — КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII, рис. 21, 3.

⁴⁵ Любопытно, что в Букваре Кариона Истомина (конец XVII в.) слово «топор» проиллюстрировано двумя рисунками: на одном топор изображен с «бородкой», на другом — без «бородки» (Тарабрин И. М. Лицевой Букварь Кариона Истомина. — «Древности», 1916, т. 25, табл. XXXV).

⁴⁶ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 160, картон III, стб. 14.

⁴⁷ РИБ. СПб., 1875, т. II, с. 145.

⁴⁸ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. СПб., 1880, статьи 72, 81.

⁴⁹ Таможенные книги Московского государства XVII в. М.; Л., 1951, т. II, с. 12, 122, 126, 176, 295, 356 и др.

⁵⁰ Там же, с. 40.

⁵¹ Мерзон А. В., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. XVII в. М., 1960, с. 52.

⁵² Рабинович М. Г. О древней Москве, рис. 119, 6.

⁵³ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись, статья 81, а также статья 36.

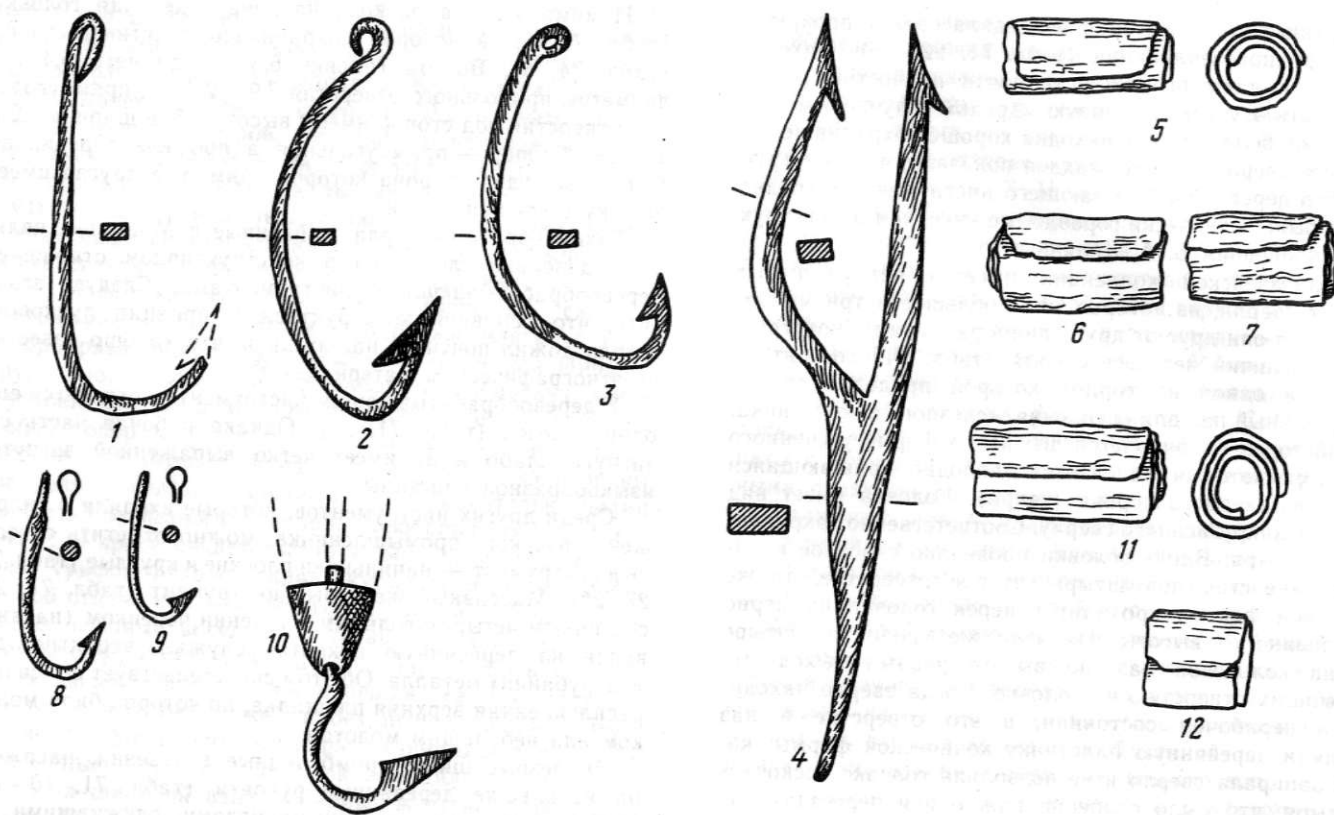

Рис. 18. Орудия рыболовства
1—3, 8—10 — рыболовные крючки; 4 — острога; 5—7, 11, 12 — берестяные поплавки

На начальном этапе освоения сибирских земель русское население Сибири испытывало острый недостаток в продовольствии, так как основные продукты питания привозились «с Руси». Письменные источники нередко рисуют трагическую картину сибирских городов, когда население «мрет» от голода, служилые люди разбегаются, а от того «урон государеву делу немалый». Безжалостная рука голода была неизбежным спутником, своеобразной «тенью», никогда не отстававшей от первых русских землепроходцев, осваивающих «неведомые земли». Как писал в своей челобитной бывший воевода Якутска Матвей Кровков, приходилось ему голод терпеть, есть мертвую кобылятину, «барабанные кожи» и «с ног поршни разваривая ел»⁵⁹.

Недостаток продуктов питания побуждал использовать в первую очередь местные ресурсы — охоту и рыбную ловлю. Развитию рыболовного промысла в Мангазее способствовало удачное расположение поселения на мысу, образованном впадением р. Осетровки (Мангазейки) в р. Таз, и наличие по соседству множества мелких водоемов, богатых рыбой. Развитие пушного промысла, сопровождавшегося увеличением сезонного промыслового населения в Мангазее, способствовало широкому развитию рыболовства. Поэтому не случайно, что во всех жилищно-хозяйственных комплексах посада и города были найдены скопления костных остатков рыб и рыбьей чешуи, а также орудия рыболовного промысла. В культурном слое памятника найдено довольно много железных, деревянных, берестяных и глиняных предметов, которые относятся к орудиям рыболовного промысла. Находки позволяют говорить о том, что в Мангазее применялись все основные приемы рыбной ловли, как индивидуальные, так и коллек-

тивные⁶⁰. Это не только обеспечило рыбой ловцов, но и позволяло поставлять ее на местный мангазейский рынок. Рассматриваемые орудия лова являлись необходимыми как в условиях жизни постоянного населения, так и входили в снаряжение русских промышленников.

Снасти для индивидуальной рыбной ловли

К индивидуальным приемам ловли можно отнести ловлю при помощи рыболовных крючков, острог и различных ловушек.

В Мангазее найдено несколько десятков рыболовных крючков. Они железные, кованые, различных размеров, относятся к двум типам — с петелькой на конце (рис. 18, 1—3) и с расплюсненной головкой (рис. 18, 8, 9). Крючки имеют овальный в сечении стержень и острое жало с оттянутой бородкой. Оба типа крючков широко известны в домонгольской Руси⁶¹.

Составитель русского букваря Карион Истомина (конец XVII в.) иллюстрировал слова «уда» и «удица» двумя рыболовными железными крючками⁶². Характерно, что нарисованные им крючки принадлежат уже к указанным нами двум типам — с петелькой и с уплощенной головкой. О ловле рыбы при помощи «уды» упоминается в письмен-

ных источниках с XI в. (Изборник 1076 г.). И. И. Срезневский объясняет этот термин как «снаряд для ручной одиночной ловли рыбы»⁶³. От слова «уда» воспроизводится «удити» (ловить удой) и «удица» — уменьшительное от «уды» («Иди верзи удицу в море») ⁶⁴. Следует отметить, что под «удой» подразумевается не только рыболовный крючок, но и «рыболовное орудие из тонкой лесины и привязанной к концу ею нити из волос конского хвоста с металлическим крючком, и имеющим на конце зазубрину»⁶⁵. Вероятно, термин «уда» относится в равной степени к отдельному крючку и ко всей рыболовной снасти (письменные источники не знают терминов, которые были бы эквивалентны современным — удочка, перемет, дорожка). Несомненно, не все средневековые русские рыболовные крючки по своим размерам подходили к ловле на «подсечку». Скорее всего основная масса крючков относилась к жерлицам, дорожкам и т. д.

Любопытны данные сибирских «Описных книг» рыбных ловлей (1704—1705 гг.), в которых упоминается ловля «удами». «Удами» ловили летом и зимой («по льду в прорубях») ⁶⁶.

Среди археологического материала имеется несколько своеобразных рыболовных крючков с блеснами. Основная часть стержня крючка не видна — на стержень наложена широкая свинцовая пластинка. Это блесна (рис. 18, 10). Хотя блесны сохранились плохо, все же можно реконструировать процесс их изготовления. Железный стержень не проходит сквозь всю свинцовую пластинку, он невелик. Слегка расклепанный конец стержня крючка не дает свинцовой пластине, за которую блесна привязывается к лесу, сорваться. В Мангазее было найдено еще две блесны, пластины которых по форме напоминают контур рыбы. Крючки у обеих блесен отломаны. Уже на памятниках эпохи Киевской Руси наряду с простыми рыболовными крючками были найдены и рыболовные крючки с блеснами, хотя таких и немного⁶⁷.

Во время раскопок была найдена железная острога. Она двушипная, из двух стержней (рис. 18, 4). Стержни имеют прямоугольное сечение и заканчиваются острым жалом с оттянутой бородкой (типа гарпуна). Применение одношипных острог вряд ли было эффективным, так как остроги применялись на мелких местах, во время «хода» рыбы, при ночном лове с факелами. Поэтому несколько одношипных острог составлялись в двух или трехшипные (использование в средневековой Руси составных острог, скрепленных уже непосредственно на деревянной рукоятке, убедительно доказал Р. Л. Розенфельд⁶⁸). Технологический процесс изготовления и составных, и монолитных двушипных и трехшипных острог не был сложным, и его хорошо освоили древнерусские кузнецы. В Мангазее найдено несколько одношипных гарпунов, из которых делались составные многошипные остроги.

Термин «острога» в значении «гарпун» появился, по всей видимости, сравнительно недавно — в письменных источниках средневековья он не встречается. Зато нам известен другой термин — «остен», «осн», «ости», иллюстрированный в Лицевом Букваре Кариона Истомина

несколькими рисунками составных орудий, рабочая часть которых состоит из шипов — двух, пяти, девяти⁶⁹. Само слово «осн», «остий» в позднем средневековье употреблялось для обозначения острого конца: «Глаголют инции, что сына своего царевича Ивана того ради остном прокол»⁷⁰. Вполне возможно, что некоторые из рисунков Кариона Истомина изображают рыболовные орудия, позднее известные как остроги.

В Мангазее найдены фрагменты рыболовных ловушек типа «морды». Сохранившиеся фрагменты (обломки крепящих дуг) дают представление о некоторых размерах этого рыболовного снаряда (высота дуг около 1,2 м, средняя ширина около 0,6 м; поскольку найдены только фрагменты вертикальных стоек, судить об общей длине ловушки трудно). На крепящих вертикальных дугах есть овальные или четырехугольные пазы, имеющие еще и круглое отверстие для нагеля (для заклинивания горизонтального крепления).

Снасти для коллективной рыбной ловли

Приемы рыбной ловли, которые мы выделяем как коллективные, предполагают непременно участие группы промышленников. Коллективный рыбный промысел велся сетями, неводами, бреднями. Хорошая сохранность органических остатков в культурном слое памятника способствовала тому, что сейчас можно судить не только о снаряжении неводных сетей (поплавки, грузила), но и о самих сетях и об инструментах, которыми они изготовлялись. Поплавки от сетей сделаны из различного материала: береста, дерево, кора. Берестяные поплавки (рис. 18, 5—7, 11—12) представляют собой неширокие (4—8 см) тугоскатанные полоски бересты. Таких поплавков около трех десятков.

Большинство поплавков сделано из древесины местных пород, размеры их различны, как и тщательность, с какой они изготовлены. Форма поплавков разнообразна — овальные, круглые, трапециевидные, встречаются даже «фигурные» (табл. 75; 76). В сечении поплавки плоские или слегка овальные. Они имеют одно отверстие для крепления к верхней тетиве сети или невода. Поплавки из коры ливневницы встречались реже; может быть, это объясняется тем, что кора сохраняется хуже в культурном слое, расслаивается. Форма поплавков из коры более стабильна — в основном трапециевидная, реже прямоугольная или овальная.

Любопытно, что из общей массы деревянных поплавков удалось выделить группы поплавков, схожие по форме, размерам и технике изготовления. Эти группы найдены в определенных раскопах. Таким образом, есть все основания предполагать, что такие группы поплавков происходят от одной сети. На деревянных поплавках и поплавках из коры встречаются различные знаки в виде букв («М», «А» и др.), геометрических фигур или рыб. Вероятно, «клеймение» поплавков производилось владельцами сетей и вырезанные знаки являлись тамгой — знаком собственности не только поплавков, но и всего рыболовного снаряда⁷¹.

Найденные в Мангазее грузила представлены также

⁶⁰ Деление рыболовных снарядов на индивидуальные и коллективные в известной мере условно, оно сделано для удобства рассмотрения археологического материала, так как орудия промыслового лова обычно подразделяются на три группы, отличающиеся (невод и его разновидности), объясняющие (сети) и ловушки (Алексеев В. Р. Озера и реки в хозяйстве Северного края. — В кн.: Хозяйство в дикой природе Севера. Архангельск, 1930, с. 19).

⁶¹ Малин В. А. Промыслы древнерусской деревни. — ТГИМ, 1956, вып. 32, с. 117; Шрамков Б. А., Цепкин Е. А. Рыболовство у жителей донецкого городища в VIII—XIII вв. — СА, 1963, № 2; Колчин Б. А. Указ. соч., с. 77; Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, с. 57 и др.

⁶² Тарабрин И. М. Указ. соч., табл. XXXVI.

⁶³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1912, т. III, с. 1143.

⁶⁴ Там же, с. 1147—1149.

⁶⁵ Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1947, т. IV, с. 324; Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.; Л., 1937, с. 372.

⁶⁶ Оглоблин Н. Н. Указ. соч., с. 68 (иногда упоминается количество «уд» в одном рыболовном «снаряде», например 50 «уд»).

⁶⁷ Федорова Г. Б. Городище Екимовцы. — КСИИМК, 1953, вып. I, рис. 52, 16; Малин В. А. Указ. соч., с. 118, рис. 4, 7.

⁶⁸ Розенфельд Р. Л. О конструкции и назначении некоторых железных изделий. — СА, 1960, № 2, с. 276, рис. 1.

⁶⁹ Тарабрин И. М. Указ. соч., табл. XXXIX.

⁷⁰ Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1847, т. III, с. 86. Такую же трактовку этого слова (остен, жало, бодец, игла) дают и другие словари (Полный церковно-славянский словарь. М., 1899, с. 391).

⁷¹ Знаки собственности на деревянных и берестяных поплавках в значительном количестве найдены при раскопках древнего Новгорода (Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия — САИ, 1968, Е1-55, с. 22). Орешка (Кильдешевский В. И. Постройки XV в. из раскопок Орешка. — КСИИМК, 1972, вып. 129, рис. 29, 1, 4).

несколькими типами: глиняными, каменными и берестяными. Глиняные грузила имеют «классические» формы, т. е. такие, которые были выработаны рыбаками еще Киевской Руси⁷², но известны и в более позднее время⁷³. Они в основном цилиндрические (или слегка биконические) и округлые (шаровидные). Грузила сделаны из красной, плохого качества глины. Можно судить о способе их прикрепления к сети — они не подвязывались, как это можно было бы предполагать. После того как сквозь имеющееся в грузиле отверстие пропусклась бечева, отверстие затыкалось палочкой, т. е. заклинивалось. Это было удобно — достаточно было вынуть палочку и грузило легко перемещалось (табл. 77, 1—8).

Каменных грузил немного, они представляют собой уплощенную гальку, слегка подправленную, трапецевидной формы, с отверстием; на краях отверстия обычно видны следы стертости. Больше всего найдено грузил-бифасов, берестяная оболочка которых прошита лыком. Грузило, по всей вероятности, имело петлю из лыка, за которую и подвешивалось к сети.

Кроме описанных грузил, в Мангазее найден еще один тип, тоже достаточно хорошо известный по находкам на средневековых русских памятниках⁷⁴. Техника изготовления их была несложной — камень оплетали лыком и монтировали в центр согнутого кольца прута (табл. 77, 9—11).

Повсеместное распространение поплавок, грузил (найлены почти во всех жилищно-хозяйственных комплексах) свидетельствует о значительных масштабах неводного рыболовного промысла и большой его роли в жизни этого заполярного города. Рыбным промыслом могли заниматься все категории мангазейского населения — дворня, обслуживавшая хозяйство воеводы (например, воевода Борис Пушкин привез с собой в Мангазею 32 дворовых человека)⁷⁵, служилые и посадские люди.

Рыбу ловили круглый год. В XVII—начале XVIII в. в Сибири пользовались неводами⁷⁶ («большими», «средними», «полуредиком», «частиком», т. е. разными как по размеру ячеек, так и по длине), поплавными сетями, «по льду на ямах сетями сапными»⁷⁷, «кривыми»⁷⁸. Кроме того, рыбу ловили различными ловушками, мордами, езами, «запорами».

Рыбный промысел был насущной потребностью сибирских городов особенно в первые десятилетия XVII в. Значение рыболовства для жителей Западной Сибири убедительно показал О. Н. Вилков, который отметил и растущую товарность сибирского рыбного промысла⁷⁹. К концу XVII в. сибирская рыба (ценные сорта) уже шла на рынок «Руси». Вряд ли прав В. А. Александров, рассматривая рыбный промысел как вспомогательный в пушном промысле и не оценивая должным образом товарную про-

дукцию рыболовства⁸⁰. Важность сибирского рыболовного промысла, поставляющего продукты питания как «на себе», так и для продажи, очевидна. Рыбу употребляли в пищу свежей, соленой, письменные источники упоминают красную и черную икру⁸¹. Наиболее часто в тех же источниках упоминаются налимы, стерляди, ерши, караси, плотва, «менька», «рыба мелкая» — сорота. Во время раскопок чаще всего попадали лишь некоторые кости рыб — осетровые шитки, реже позвонки, много чешуи.

Подробное рассмотрение рыболовного промысла нам представляется интересным в нескольких аспектах. Во-первых, многочисленные материальные остатки, связанные с этим промыслом, свидетельствуют о нем, как об одном из жизненно важных занятий мангазейцев. Во-вторых, это свидетельствует о том, что русское население Сибири начинало разностороннее освоение природных богатств на новых землях. Это представляет интерес с точки зрения развития производительных сил Сибири. Наконец, есть еще один аспект, на котором следует остановиться подробнее. О. Н. Вилков собрал сведения о привозе в Тобольск «с Руси» орудий лова: за 3 года (1639/40 г., 1655/56 г., 1668/69 г.) было привезено 12 500 осетровых и стерляжьих «уд», а за 1639/40 г. 2759 сажень «дели неводной» (льняной)⁸². Большие транспорты сетей неводных, «прежние неводные» идут не только в Тобольск, но через него транзитом⁸³. Таким образом, в развитии сибирского рыболовного промысла на начальном этапе освоения новых земель большую роль сыграл привоз промысловых орудий «с Руси». Данные, полученные О. Н. Вилковым при изучении главным образом тобольских таможенных книг, можно проверить при рассмотрении того материала, которым располагают таможенные книги Московского государства XVII в.

Откуда же «с Руси» поступали в «сибирские города» рыболовно-промысловые снасти? Крупнейшим северным рынком, на котором постоянно продавались и покупались сети неводные, а также «прядено неводное», был Устюг Великий. Здесь запасались товаром «на сибирскую руку» торговцы, отправлявшиеся «через Камень». Устюг был крупнейшим рынком, с которого сети, «прядено» шли не только в Соль Вычегодск, Яренск, на Сысолу и Печору⁸⁴, но и в Сибирь⁸⁵. В этой торговле деятельное участие принимали устюжане, сольвычегодцы, яренчане, сысольцы, вятчане, пежемцы, важане и лаличи. Кстати, о важанах: они не только покупали эти товары на Устюге⁸⁶ для сибирской торговли, но и привозили их сюда для продажи⁸⁷. В таможенных книгах иногда упоминаются эти сети с Ваги — «ваские», а также и «прядено неводное»⁸⁸. Наряду с Важской областью крупным районом производства неводного прядения и сетей неводных была Красноборская волость⁸⁹. Вероятно, в XVII в. в Северной Руси районы верхней Ваги и верхнего течения Северной Двины

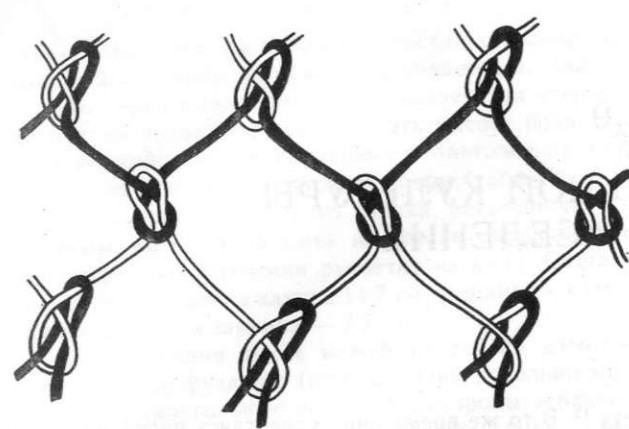

Рис. 19. Схема плетения сети

специализировались на этом виде продукции. Любопытно, что шедшие на сибирский рынок сети неводные (иногда «ваские»), как правило, измерялись в сажнях, «прядено неводное» (иногда — тонкое или «троесучное», т. е. в три нити) измерялось в пудах, фунтах или мотках. Характерно, что в XVI—XVII вв., в период складывания единого всероссийского рынка товаром становится продукция деревенских мастеров. Уже в XVI в. район севера к югу и западу от Устюга поставяет на рынки мережи, пряжу мережную, конопляные невода, проволоку на «уды»⁹⁰. Характерно, что экспорт в Сибирь представлял, с одной стороны, готовую продукцию — сети неводные, «уды», пешни (для зимнего рыбного промысла), с другой стороны, полуфабрикаты — «пряденые неводные» в виде мотков нитей, из которых можно было уже вязать сети. Вязка сетей частично происходила уже в сибирских районах. Несомненно, это должно было способствовать появлению и в сибирских городах (конечно, не сразу) ремесленников, доводящих «прядено» до готовой продукции.

В Мангазее найдена целая группа вещей, позволяющая говорить о том, что существовало местное, мангазейское производство сетей. Это прежде всего костяные и деревянные иглы (табл. 77, 12—17) для вязания сетей. Они имеют характерную сигарообразную форму, с утолщением на обоих концах, в верхней части иглы — прорезь с «язычком». Одна из игл служила для ремонта сетей (табл. 77, 18). Для измерения ячеек сети использовались деревянные пластины с ручкой или круглые отверстия (для продевания пальца). Наконец, в Мангазее найдены фрагменты сетей⁹¹. Анализ одного из таких фрагментов показал, что

сеть сплетена из шнура, состоящего из трех нитей, сученных влево. Нити — пряденные, при осмотре поперечных срезов хорошо видны характерные признаки пеньки (рис. 19). Ячей сети, имеющие размеры приблизительно 4×4 см, закреплены узлами двух систем: на одной петли обращены вправо, на другой влево. Узлы чередуются рядами. Находки некоторых инструментов, свидетельствующих о местном производстве сетей, позволяют под особым углом зрения взглянуть на категорию вещей, связанных с женским рукоделием, — прядлиные гребни, веретена, детали составных прялок, «гребни» (лопасти) прялок. Нет сомнений, что наряду с изготовлением ткани эти инструменты использовались для получения «прядена неводного», из которого вязались затем сети и невода.

Рыболовный промысел был характерным занятием для русских поселений как домонгольской Руси, так и времени Московского государства. Особые условия, в которых возникали и развивались первые города Сибири (отсутствие условий для хлебопашества, привозные продукты питания и трудности их доставки), способствовали интенсивному развитию рыбных промыслов. Известная часть продуктов промысла могла выступить в роли товара на местном мангазейском рынке⁹². Население Мангазеи знало все приемы рыбной ловли и пользовалось теми же орудиями лова, которые были известны «на Руси». Более того, хотя значительная часть этих орудий поступала на рынок в качестве «русских товаров» (железные рыболовные крючки, блесны, остроги), в Мангазее наряду с привозными сетями и неводами было налажено местное производство.

Обнаруженные в жилищно-хозяйственных комплексах Мангазеи многочисленные и разнообразные орудия охоты и пушного промысла свидетельствуют, таким образом, об определенной хозяйственной специфике жителей этого поселения, основанной на лесных и пушных промыслах.

Несколько слов о таком важном вопросе, как взаимное культурное влияние русского и местного сибирского населения. Русское культурное влияние на население вновь осваиваемых сибирских «незнакомых земель», как неоднократно отмечалось в советской исторической науке, было мощным, разносторонним и прогрессивным. Однако необходимо учитывать и то, что, вступая в контакт с местным населением, русские промышленники могли заимствовать те элементы его культуры, которые отражали географическую и экономическую специфику того или иного района Сибири. Поэтому находки некоторых категорий вещей самодийского облика, о которых говорилось, являются не столько доказательством присутствия в Мангазее значительного контингента аборигенного населения, сколько фактом использования этих вещей русскими промышленниками.

⁷² Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 24, 3; Юра Р. О. Древний Колодажин. — Археологичні пам'ятки УРСР, 1962, т. XII, рис. 34, 17; Шрамков В. А., Цепкин Е. А. Указ. соч., рис. 3, 7—12 и др.

⁷³ Рабинович М. Г. О древней Москве, рис. 121, 6.

⁷⁴ Рабинович М. Г. О древней Москве, рис. 121, 8; Кошкин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, табл. 7, рис. 8, 9.

⁷⁵ Оглоблин Н. Н. Указ. соч., с. 27.

⁷⁶ Там же, М., 1895, т. I, с. 68—69.

⁷⁷ Сапны — сети, которые ставят «в запорах и рыба идет вниз рекою и в сап валится» (там же, с. 69).

⁷⁸ Кривды — сети на шестах, при помощи их рыбу ловят с берега, держа шесты в руках; обычно ловят таким способом на быстрых местах. Письменные источники упоминают «првую рыбу», «чердашную рыбу», которую ловят на «првых» и «чердашных» плесах (Оглоблин Н. Н. Указ. соч., т. I, с. 47, 374).

⁷⁹ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967, с. 304—313. О товарности рыбного промысла говорит хотя бы такой факт: в 1669 г. на иртышских плесах только «на государе» в качестве десятины было взято 24 874 стерлядей и 14 осетров и чебишей.

⁸⁰ Александров В. А. Русское население Сибири XVII—XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. Наряду с этим В. А. Александров приводит данные о развитии в 50-х годах XVII в. рыбного промысла в Турханске, откуда рыба вывозилась в Енисейск (Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, с. 132—133).

⁸¹ Оглоблин Н. Н. Указ. соч., т. II, с. 121.

⁸² Вилков О. Н. Указ. соч., с. 87, 99.

⁸³ Там же, с. 149.

⁸⁴ Таможенные книги Московского государства XVII в. М.; Л., 1951, т. III, с. 81, 101, 127—129, 153, 197, 299, 321, 350 и др.

⁸⁵ Там же, т. II, с. 33, 64, 124, 384, 356, 380, 382; т. III, с. 17, 34, 45, 109, 156, 161, 162, 210, 230, 380—383 и др.

⁸⁶ Там же, т. II, с. 33.

⁸⁷ Там же, т. III, с. 299.

⁸⁸ Там же, т. II, с. 44, 63, 270.

⁸⁹ Там же, т. III, с. 257—261, 350, 379—384, 387—389.

⁹⁰ Бахрушин С. В. Сельские торжки и ярмарки. — Научные труды. М., 1952, т. I, с. 196—200. Продавали рыболовные «снаряды» и в таком крупнейшем ремесленном центре, как Пскове, где был специальный «вершаный ряд» (Бахрушин С. В. Русский город XVI в. — Там же, с. 14).

⁹¹ Определение сети любезно дано по просьбе авторов. А. А. Гавриловой, за что они приносят ей глубокую благодарность.

⁹² На севере Западной Сибири рыболовство в XVIII—XIX вв. занимало большое место в хозяйстве русского населения в течение всего года (летом ловили неводами, переметами, зимой — неводами и мордами) (Миненко Н. А. Березов и Сургут в XVIII — первой половине XIX в. — В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974, с. 91).

Глава 9

ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Среди находок, извлеченных из культурного слоя Мангазеи, довольно большую группу составляют предметы, принадлежащие той летописной самодийской, которая представлена здесь местный аборигенный слой.

Коренное население обширного Мангазейского уезда было относительно немногочисленно и по составу неоднородно. Это были кочевники-оленьеводы, охотники и рыболовы¹. В этническом отношении они включали в себя три основные группы: самоедов (предки современных нганасанов, тундровых и лесных энцев), остяков (предки современных кетов) и тунгусов (предки современных эвенков)². Позже, с середины XVII в., в состав уезда вошли представители ненцев, а со второй половины этого столетия — селькупы³. Что касается того района, где была построена Мангазея, то это была территория обитания энцев, которые занимали бассейн Таза и Турухана и все низовье Енисея вплоть до Енисейского залива⁴. Общая численность энцев достигала в начале XVII в. 3 тыс.⁵ Среди них выделяются группы лесных и тундровых энцев, причем, по мнению большинства исследователей, район Мангазеи следует связывать с местом обитания лесных энцев⁶. Им же город обязан и названием. В отношении последнего в свое время было высказано немало точек зрения, большинство из которых в качестве эпонимного источника принимало тот или иной семантический вариант, восходящий к названию одной из обитавших здесь этнических группировок. Еще в 80-х годах XVIII столетия Г. Ф. Миллер связывал название города с самодийским родом Мокасе⁷. Впоследствии эта точка зрения была развита в ряде работ советских исследователей. Так, В. Н. Чернецов считал это название производным от ненецкого рода Монканси⁸. Однако большинство этнографов и лингвистов — Г. Н. Прокофьев⁹, Г. Д. Вербов¹⁰, Б. О. Долгих¹¹ и другие — связывают название города с обитавшим на этой территории энецким родом Муггади (по-ненецки — Мангаси-я). Начиная с середины XVII в. энцы претерпевают давление вначале с запада со стороны ненцев, а затем с юга — со стороны селькупов. В результате этого они переместились с Таза в верховье Турухана и на Большую

Хету¹². В то же время они подверглись частичной ассимиляции со стороны ненцев, особенно активной в XVIII в., когда отдельные группы ненцев проникли в Туруханскую округу¹³.

Из сказанного видно, что наиболее тесные контакты с городом имели энецкие роды, большинство из которых платило ясак непосредственно в Мангазею¹⁴ и, вероятно, наиболее активно участвовало в торговом обмене с русским населением города. Эти постоянные контакты между жителями Мангазеи и местной аборигенной средой (прежде всего энцами) привели к появлению в культурном слое города целой серии находок, характеризующих отдельные стороны материальной культуры самодийцев первых трех четвертей XVII в. Не исключено, что некоторые категории вещей были заимствованы у них русскими (детали оленьей упряжи, некоторые типы наконечников стрел), хотя обратное влияние было более широким и плодотворным. К разряду бытовой утвари и предметов труда аборигенного населения можно отнести единичные находки из кости и дерева, среди которых имеется костяной игольник, деревянный очажный крюк, нож и деревянный футляр для ножа.

Костяные игольники — одна из древнейших форм бытовой утвари, известных еще со времен палеолита и бытовавших у современных народов Сибири вплоть до настоящего времени¹⁵. Из близлежащих территорий костяные игольники (правда, четырехугольные в сечении) известны в материале Усть-Полюя — культуры раннего железного века¹⁶.

Мангазейский игольник изготовлен из лебяжьей кости. Он чрезвычайно прост по конструкции и представляет из себя отрезок трубчатой кости длиной 12,3 см, на одном из концов которого имеется небольшой овальный вырез, куда помещался, вероятно, стопор: узелок или бляшка (табл. 78, 3). Внешняя поверхность игольника тщательно отполирована.

Деревянный очажный крюк (табл. 78, 1), найденный в Мангазее, имеет хорошие аналоги в современной сибирской этнографии¹⁷. Это длинный плоский стержень с семью овальными отверстиями и выступом на конце. Он изготовлен из ствола молодой березы с сучком на конце длиной 1,8 см. Общая длина изделия 87 см, ширина 4 см и толщина 1,1 см. Крюки такого типа входят в состав специального приспособления для подвешивания котла

над очагом в чуме: в одно из отверстий крюка продевается круглый стержень, который навешивается на два горизонтально укрепленных шеста. Имеющиеся на стержне семь отверстий позволяют регулировать высоту подвески.

Самодийский нож, найденный в Мангазее, имеет форму, типичную для ножей народов Сибири (табл. 78, 2). Он состоит из длинного и узкого клинка, заточенного с правой стороны, который насажен на слегка опущенную вниз и эллипсоидную в сечении рукоятку из капа. Общая длина ножа 24,7 см, длина клинка 14,7 см, ширина — 1 см, высота ручки 3,3 см, а ширина — 2,7 см.

Для ношения таких ножей из дерева изготавливались специальные футляры (ножны). Они довольно массивны, имеют прямоугольную форму. Со стороны верхнего торца и одного из боков вырезана полость, куда помещается лезвие ножа и часть рукояти. В верхней и нижней частях ножен проделаны отверстия: верхнее для прикрепления к поясу, а нижнее для привязывания к ноге. Футляр, найденный в Мангазее, имеет высоту 25,5 см, ширину 9,2 см и толщину 2 см.

К разряду копий отнесены три массивных острых наконечника, изготовленных из кости. Они употреблялись при охоте на крупных животных, в частности, диких оленей. Существовало несколько способов добычи диких оленей, среди которых наиболее продуктивным являлась посылка их на речных переправах в период массовых сезонных перекочевков. При таком способе охоты применялось легкое копье «поколота». Копья, найденные в Мангазее, имеют две разновидности. К первой относятся трехгранные наконечники вытянутых пропорций с заостренным передним краем и уплощенным с двух сторон черешком (табл. 78, 4, 5). Передняя часть обоих наконечников обломана. Размеры наконечников: 1) длина сохранившейся части 22,5 см, максимальная ширина 1,9 см, длина черешка 5 см, ширина черешка 5 см. 2) длина сохранившейся части 19 см, максимальная ширина 1,2 см, длина черешка 4 см, ширина черешка 1,3 см. Третий наконечник имеет ромбическое сечение и меньшие размеры: его длина 14,2 см, ширина 2,8 см, толщина 0,8 см (табл. 78, 6). Наконечник изготовлен очень тщательно, его поверхность отполирована до блеска.

На мостовой в районе таможен найден один из предметов наступательного оружия энцев — рубильный нож (лаку). Он имеет вид однолезвийного меча с длинной и плоской рукояткой (деревянные накладки не сохранились) и коротким перекрестьем (табл. 78, 10). Общая длина ножа 57 см, длина рукояти 18,5 см, ширина — 2 см и толщина — 0,7 см, длина перекрестья 4 см, ширина — 0,4 см. Клинок, относительно узкий у перехвата (шириной 3 см), постепенно расширяется, достигая наибольшей ширины (4 см) на расстоянии $\frac{2}{3}$ длины от рукояти, где находился центр тяжести оружия. Далее лезвие плавно поднимается вверх и завершается острием. Верхний край клинка плоский, прямой, он лишь слегка приострен за счет округлого желобка (типа фаски), который проложен с правой стороны клинка. От нижнего края этого желобка идет скос — заострение к лезвию клинка. Заточка односторонняя, правая, левая сторона плоская. Таким образом, рубильный нож заострен по общим принципам заточки самодийских ножей. У перекрестья на клинке нанесен орнамент в виде пояса, составленного из двух чередующихся элементов: узких валиков из железа (по три в ряд) и гладких поясков из нержавеющей металла (возможно, серебра). Общая ширина орнаментального пояса 4,6 см. С левой стороны орнамент более скуден: там имеются лишь две полоски железных валиков, между которыми положена пластинка из нержавеющей металла.

Образцы оборонительного оружия местного населения представлены находками четырех нагрудных панцирей,

среди которых есть один целый экземпляр (табл. 79, 1), а остальные представлены крупными фрагментами (табл. 79, 2—4). Все панцири изготовлены из рога лося и совершенно однотипны. Они имеют форму трапеций, вершины которых опущены вниз. Все углы панцирей закруглены, так же как и края, которые обработаны особенно тщательно. Внутренняя и внешняя поверхность панцирей также хорошо обработана и залощена. Все четыре панциря выгнуты в наружную сторону. Две пластины имеют в средней части невысокие, но достаточно четкие острые продольные ребра. Кроме того, все панцири имели с наружной стороны какие-то украшения, о чем говорит ряд круглых ямок, расположенных в определенном порядке. Лучшее всего о характере этих ямок можно судить по панцирю, сохранившемуся целиком. Они расположены тремя группами: вверху, в середине и внизу. В верхней части просверлено четыре отверстия, образующих квадрат; в середине имеется также четыре отверстия, три из которых составляют вершины равностороннего треугольника, а четвертое расположено над ним; в нижней части прямо по центру просверлено одно отверстие. Насколько можно судить по остальным панцирям, сохранившимся фрагментарно, они имели такую же схему расположения отверстий. Не вполне ясно, как крепились эти доспехи на воине, но можно допустить, что они просто привязывались ремнями. На трех панцирях заметны следы порубов, а на одном — щель, по обе стороны от которой проделаны отверстия (следы ремонта).

Приводим основные размеры панцирей: 1) панцирь, сохранившийся целиком, имеет длину 40 см, ширину в нижней части 18 см, а вверху 27 см, толщина 0,7 см. 2) длина сохранившейся части (до середины) 22 см, ширина в средней части 24,5 см, ширина в нижней части 19 см, толщина 0,7 см. 3) третий панцирь сохранился также до середины; длина фрагмента 24,5 см, ширина в средней части 21 см, ширина в нижней части 14 см, толщина 0,8 см. 4) четвертый панцирь сохранился в виде небольшого фрагмента. Ширина его (в нижней части) 18 см, толщина 0,7 см.

Находка в Мангазее четырех роговых доспехов представляет большой интерес с точки зрения реконструкции оборонительного доспеха сибирских народов XVII в. Произведения устного народного творчества (в том числе энецкого, ненецкого и селькупского), подтвержденные данными этнографии, рисуют нам облик воина, облаченного в железную кольчугу¹⁸ или костяной пластинчатый доспех, нашитый на основу¹⁹. Очевидно, что доспех в виде крупных нагрудных пластин, изготовленных из лосяного рога, также был им достаточно хорошо известен. В этой связи можно напомнить о находках двух нагрудных пластин в усть-полуйской археологической культуре периода раннего железного века²⁰.

В Мангазее найдена костяная острога в виде небрежно обработанной пластинки, которая слегка приострена с боков грубыми срезами (табл. 78, 8). На одном из краев ближе к острию сделан косой вырез, обозначивший зубец. Конец остроги заострен, а черешок уплощен с боков. Общая длина остроги 12,2 см, ширина 1,3 см. В профиле острога имеет клиновидную форму, заметно увеличиваясь по толщине к переднему концу (до 0,5 см). Обнаружены также два железных однотипных наконечника острог (табл. 78, 7, 9). Они тонкие, пластинчатые, их толщина 0,3 см, ширина 0,7 см, а длина 11 и 14 см. Для них характерны длинные приостренные черешки и зубцы треугольной формы, поднятые к самому острию. Длина зубца 0,5 см.

¹⁸ Хомич Л. В. Указ. соч., с. 145; Пелих Г. Н. Указ. соч., с. 299.

¹⁹ Пелих Г. Н. Указ. соч., с. 229.

²⁰ Мошинская В. И. Указ. соч., с. 99.

Глава 10

РУССКИЕ ПРИВОЗНЫЕ ТОВАРЫ НА МАНГАЗЕЙСКОМ РЫНКЕ (по данным мангазейской таможни)

Вопрос об организации ремесла и торговли в городах Сибири XVII в. был предметом неоднократного изучения¹. Необходимо отметить то, что авторы названных исследований касались сравнительно поздних периодов русской торговли — середины или второй половины века. Вместе с тем хранящиеся в фондах Сибирского приказа ЦГАДА таможенные материалы о Мангазее дают возможность расширить изучение вопроса хронологически и тем самым в какой-то степени заполнить образовавшийся в научной литературе, посвященной исследованию организации ремесла и торговли в городах Сибири XVII в., пробел.

Были изучены дела и книги Мангазейской таможни 20—30-х годов XVII в., в особенности «книги зборные Мангазейского города целовальников...», содержащие разнообразные сведения о торговцах и привозных (доставленных) на мангазейский рынок товаров. В «зборные книги» заносились фамилия и имя владельца каждого коча, подвергнутого таможенному досмотру, имена и фамилии прибывших на судне торговцев и промышленников, количество, номенклатура и стоимость их товаров, взятая за товар пошлина, причем отмечалась взятая еще раньше, если такой случай имел место, пошлина «по тобольской оценке».

Наиболее важны для нас в таможенных записях две категории показателей: оценка фактической стоимости привезенного товара в ценах того времени и указание на ту местность, откуда он поступил. Для науки наиболее ценно последнее.

Проведенный анализ таможенных записей показал, что с известной долей вероятности надо принять прибавляемые таможенниками приписки к фамилии товаровладельца. Например, Карп Петров мезенец, Иван Денисов устюжанин как указание на местожительство товаровладельца и места, где он приобрел товар. В последнем случае речь шла об определенной территории — Устюге или Мезени.

Для нашего времени сохранились две сборные товарные книги: одна сбора 1633 г.², другая сбора 1635 г.³ Имеется еще одна сборная книга мангазейской таможни за 1630 г., но в ней отсутствуют записи о прибытии товаров. Таможня собрала пошлину «с прожиточных денег с 1 рубля 5 денег». С 325 человек, прибывших на 28 кочах, таможня собрала

«прожиточных с 24 534 рубля 674 рубля 22 алтын 2 деньги»⁴.

Развитие мангазейской торговли прошло ряд этапов, разворачивавшихся в тесной связи с становлением, расцветом и упадком Мангазеи. Первый этап, носивший характер «коробейничества», пришелся на первые десять лет жизни города. Так как в 1608 г., уже после того как был построен город и организован посад, приступила к работе таможня, можно считать, что были сделаны первые шаги к организованной торговле. К сожалению, события этого времени нашли слабое отражение не только в таможенных, но и других документах Мангазеи, уничтоженных пожаром кремля в 1642 г. А вместе с тем бесспорно, что в эти годы наблюдался значительный наплыв торговых людей. Упоминание о торговых и промышленных людях в первые годы жизни «непаханного города» в наказных памятах первым мангазейским воеводам свидетельствует, что число их было значительным. Этот вывод теперь подтвержден материалами раскопок Мангазейского городища и особенно наличием предметов явно привозного характера, обнаруженных в нижних слоях общественных построек, а также фактами возникновения и развития на посаде торговой части, заполненной амбарами для хранения товаров.

Второй этап мангазейской торговли датируется десятилетиями — первой половиной 20-х годов. Он связан с организацией регулярной торговли. В 1617—1618 гг. силами мирской общины, торговых и промышленных людей в северной части торговой стороны был построен обширный двухэтажный гостинный двор.

Третий этап — конец 20-х, 30-е и часть 40-х годов ознаменовался расцветом мангазейского рынка. В эти годы между Тобольском и Мангазеей активно работал южный Мангазейский морской ход. Была налажена доставка всевозможных товаров, в том числе продовольствия, значительная часть которого поступала прямо на мангазейский рынок и уже оттуда развозилось в зимовья и остроги. Значительное место заняли товары ремесленного производства и среди них полуфабрикаты, поступавшие в мастерские Мангазеи. Это всякого рода кожи, ситцы и сукна, медь, олово, шелк-сырец. Не приходится говорить о заводе ювелирных изделий, игральные карты и других всевозможных игр.

На основании анализа завозимых в город товаров можно говорить о значительном расширении их географии. Намного увеличился список представителей ведущих сибирскую торговлю царских гостей и крупных торговцев России⁵. Расширились обороты самой мангазейской тор-

⁴ Книга Мангазейского города зборных целовальников Андрея Иванова Калинина Волока Пинежского с товарищи пожиточные с торговых и промышленных людей на государевы расходы и на всякие держки земские с рубля по 5 денег. 138. году ноября в первый день (ЦГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 67—113).
⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 75, стб. 105, л. 245—247. Запись 16 прибывших в Мангазее гостей и их приказчиков.

ТАБЛИЦА XVII
Торговые и промышленные люди, прибывшие в Мангазее
(определено 50%) *

Наименование	1633 г.	1635 г.	Всего
Пинежане	54	24	78
Мезенцы	24	18	42
Устюжане	39	3	42
Выметяне	19	9	28
Вычетжане	15	—	15
Усольцы	11	1	12
Важенцы	7	4	11
Вологжане	2	4	6
Холмогорцы	3	3	6
Кеврольцы	3	1	4
Пияженцы	—	4	4
Вилюжане	6	—	6
Казанцы	3	—	3
Двиняне	3	—	3
Кайгородцы	2	—	2
Москвитяне	—	2	2
Тобольцы	1	1	2
Черезкаменщики	—	2	2
Долгокурцы	3	1	4
Пустозерцы	—	2	2
Верхотурцы	1	—	1
Яренцы	1	—	1
Корела	1	—	1
Кулойцы	1	—	1
Осиенцы	1	—	1
Ярославцы	1	—	1
Шенкурцы	1	—	1
С Таза	1	—	1
Лученской волости	1	—	1
Каргопольцы	—	1	1
Червикуцы	1	—	1
Южанинцы	1	—	1
Яропольцы	1	—	1

* В составлении таблиц принимала участие Е. В. Травина.

говли и количество торговых кораблей. В 30-е годы в Мангазее прибывало до 28 кочей ежегодно, на борту которых размещались товары нескольких сотен торговых людей. Так было в 1630 г., когда из Тобольска в Мангазее пришло 28 кочей, на борту которых находилось 325 человек. Они привезли на рынок различные товары, оцененные таможней в крупную по тому времени сумму — в 27 047 руб.⁶ В 1633 г. в Мангазее пришло уже 387 человек. Товары этих купцов были оценены в 28 006 руб.⁷ В 1634 г. прибыло всего два коча братьев гостя Записи. Они привезли товаров на сумму 6918 руб. 2 алтына 2 деньги⁸. В 1635 г. мангазейская таможня зарегистрировала приход 14 кочей⁹.

Названные цифры сами по себе не могут пояснить характер и номенклатуру завезенных товаров. Это можно определить только с помощью двух упомянутых таможенных книг 1633 и 1635 гг. Поэтому эти книги были подвергнуты тщательному изучению, что дало возможность опре-

⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 192.

⁷ Там же, кн. 45, л. 384—550.

⁸ Там же, кн. 75, л. 214.

⁹ Там же, кн. 82, л. 29—169 об.

ТАБЛИЦА XVIII
Товары, ввозимые на мангазейский рынок

Наименование	Единица измерения	1633 г.	1635 г.
Предметы домашнего обихода			
Свечи восковые	пуды	9,4	7,5
Воск	»	14,5	24,7
Подзатыльники	шт.	80	—
Колокольцы	»	24	31
Окончина слюдяная	»	1	—
Светцы	на полтину	—	—
Косы железные	»	13	20
Кляпцы	»	1	—
Напарья	фунты	3,5	—
Пробой	шт.	50	—
Пилы	»	49	30
Сверла	»	40	298
Топоры	»	635	—
Скобы железные	»	3000	—
Скобы сапожные	»	50	—
Олифа	фунты	—	5
Гвозди	шт.	—	110
Подбрусники	»	—	24
Подсвечники медные	»	—	5
Проволока медная	фунты	—	3

Предметы, необходимые для промыслов

Матки	шт.	27	108
Порох	пуды	0,2	1,7
Лыжи с подволоками	пары	11	—
Подволоки	шт.	9	—
Удлы лыжные	»	64	16
Прядено неводное	моты	1102	128,5
	пуды	27	7
Сети неводные	саж.	2395	—
Удлы	шт.	20 с удилками	1107
Пешни	»	87	58
Прядено обмётное	моты	62,5	—
Переметы	шт.	12	—
Мережи	саж.	25	—
Обметы соболей	шт.	27	10
Обметы заячьи	»	1	—
Огнива	»	118	208
Зелье мазное	фунты	3	7
Уклад	гривны	31	—
Судовые скобы	шт.	7500	—
Шила	»	—	50
Кремни	»	—	900
Смола	ведра	—	71

Продукты питания

Соль	пуды	146,5	245
Сало	»	10,1	11,5
Мясо	полти	118	130
Масло	пуды	320	115
Перец	»	0,28	4,5
Пряники	алт.	на 20	—
Чернослив	пуды	2	—
Хмель	»	9	13,5
Мука	»	3 межа	17285
Мед	»	3	33,5

ТАБЛИЦА XVIII (продолжение)

Наименование	Единица измерения	1633 г.	1635 г.
Винные ягоды	»	2	—
Семя распадное	гривны	на 10	—
Толокно	пуды	—	26
Овес	»	—	22,5
Крупы	»	—	9
Ячмень	»	—	72,5
Горох	»	—	10
Рыба	»	—	135
Рыбий жир	»	—	5
Чеснок	»	—	13
Патока	»	—	29
Рожь	»	—	92,5
Одежда			
Сукмана	шт.	3	—
Киндяки	»	80	—
Вороты	»	20	—
Платки	алт.	28	—
Рукавицы	шт.	77	—
Зипуны	»	88	—
Кафтаны	»	96	37
Кафтаны напудные	»	—	17
Шубы	»	16	—
Сарафаны	»	1	—
Штаны холщовые	»	210	13
Штаны суконные	»	10	—
Рубахи холщовые	»	748	48
Стельки волосные	»	7	—
Рукавицы вагет	»	981	227
Рукавицы голлицы	»	245	38
Чулки	»	99	80
Исподки	»	111	18
Вершцы голицы	»	18	—
Вареги	»	2	38
Заплаты	алт.	5	—
Воротники	шт.	—	5
Вершки шапочные	»	—	37
Чепцы	»	—	46
Зипуны	»	—	21
Полукафтаны	»	—	18
Кожевенные товары			
Юфть	шт.	27	—
Дубленая кожа	»	88,5	54
Сыромятная кожа	»	150	3
Овчины	»	403	124
Кисы оленьи	»	2885	—
Кисы лосиные	»	144	3087 (всего)
Кисы конинные	»	58	—
Камусы оленьи	»	560	283
Ремни	»	70	—
Коты	»	1098	252
Переды котовые	»	185	47
Сапоги мужские	»	19	—
Сапоги женские	»	15	—
Подошвы дубленые	»	519	87

ТАБЛИЦА XVIII (окончание)

Наименование	Единица измерения	1633 г.	1635 г.
Сколоты подошвенные	»	122	67
Башмаки	»	7	—
Переды сапожные	»	—	40
Камусы лосиные	»	—	383
Металлы и другое сырье			
Медь красная в котлах	пуды	4,5	1,3
Медь зеленая	»	14,5	6,8
Олово	»	7,2	8
Сера	фунты	13	6
Пруты железные	шт.	415	—
Свинец	пуды	—	1,5
Висцы оловянные	»	—	200
Ртуть	фунты	—	4
Слюда	гривны	—	1

делить номенклатуру товаров и географию их возникновения. Это представляется важным в плане определения того, кто же участвовал в торговле на мангазейском рынке. Изучение таможенных книг 1633 и 1635 гг. дало возможность также составить таблицы завоза на мангазейский рынок русских промышленных товаров. Из табл. XVII видно, что ведущими районами на мангазейском рынке выступали: пинежский, мензеньский и устюжский, а также районы рек Вымы, Ваги и Вычегды. В торговле участвовали Вологодский и Холмогорский уезды, т. е. районы северной и северо-восточной Руси. Именно отсюда пробирались в далекую Мангазею торговые и промышленные люди, доставлявшие на емкий мангазейский рынок большинство продаваемых там товаров. В то же время сюда поступали товары из других областей Руси и привозные изделия из-за границы.

Таблица XVIII показывает процесс торговли в одностороннем плане. Ее второй стороной являлся вывоз пушных товаров из Мангазеи на Русь. Здесь бросается в глаза несоразмерность статей завоза и вывоза товаров: стоимость поставленных товаров уступает статье вывоза. Такое положение держалось в течение долгого времени. В качестве примера можно привести сопоставление цены доставленных на мангазейский рынок товаров и вывезенной за те же годы пушнины. В 1630 г. в Мангазею были доставлены товары, оцененные таможен в 27 047 руб. В том же году отсюда на Русь было отправлено на 47 240 товарных соболей¹⁰. Если принять, что средняя цена каждого соболя составляла 2 руб., то доход от пушнины по сравнению со стоимостью доставленных товаров был в 3,5 раза выше.

Вывоз на Русь обильной мангазейской пушнины создал в народе славу о Мангазее как златокопавшей царской вотчине. Мягкое золото Мангазеи ускорило и укрепило обороты всероссийского рынка и явилось существенным вкладом в первоначальное накопление зарождающегося русского капитала.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 45, л. 384—550.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Две части коллективной работы о Мангазее — «Мангазея. Мангазейский морской ход», часть I и «Мангазея. Материальная культура древнерусских мореходов и землепроходцев XVI—XVII веков», часть II — представляют собой первый опыт комплексного исследования позднефеодального русского «непашенного» города в Сибири. В настоящее время это пока наиболее полно изученный в документальном и археологическом отношении русский сибирский город.

В процессе раскопок выявлены архитектурные комплексы, которые были интерпретированы с привлечением широкого круга письменных источников. Использование метода дендрохронологической датировки позволило с точностью до года определить время постройки почти всех обнаруженных деревянных сооружений — оборонительных, торгово-административных, жилых и хозяйственных. Письменные источники и археологические раскопки впервые на массовом материале позволили сделать целый ряд конкретных основополагающих выводов.

Русский сибирский город Мангазея в период своего расцвета имел постоянное население и являлся одним из центров городского ремесла в Западной Сибири.

Впервые раскрыт характер регулярной застройки мангазейского поселения, выделены торгово-административные и ремесленные части посада, выявлены на основании анализа архивных документов характер и особенности формирования постоянного населения Мангазеи.

Мангазея, как и любой другой город в Сибири того времени, в значительной мере удовлетворял свои потребности в ремесленных изделиях (одежда, обувь, инструменты, посуда) за счет широкого привоза товаров «с Руси». Характер находок, прежде всего в жилищно-хозяйственных комплексах, и анализ архивных материалов о мангазейском рынке со всей очевидностью подтверждает, что Мангазея прочно входила в состав единого всероссийского рынка.

Вполне естественно, что наиболее тесные связи существовали с уездами Русского Поморья. И для самого Русского Севера XVII век — один из наиболее ярких и насыщенных периодов его истории. Оформление местных рынков, расширение рыночных связей вплоть до поселений на таежных сибирских реках, превращение крупнейших северных посадов в торгово-ремесленные центры, являющиеся по существу городскими центрами, составляет отличительную черту этого периода. Немаловажную роль в подъеме городской экономики Севера в то время сыграл спрос растущего сибирского внутреннего рынка. Высокий уровень развития хозяйства и городской, в первую очередь ремесленной, культуры северорусских земель в конце XVI—XVII в. позволил обеспечить сибирские территории не только ремесленной продукцией, но и кадрами промышленных людей, строителей и высококвалифицированными ремесленниками, активно участвовавшими в создании посадского ремесла на всех стадиях его развития.

Археологический материал дал возможность по-новому взглянуть на историю древнерусского городского жилища

в Сибири и на влияние северорусских домостроительных традиций в его сложении. На сложение сибирского городского жилища сильное влияние оказало в первую очередь посадское жилище Русского Севера, и влияние это особенно отчетливо проявилось уже в самый начальный период освоения сибирских земель.

Мангазея была типичным «непашенным» русским сибирским городом эпохи первоначального освоения зауральских земель, и археологические материалы, полученные в результате раскопок, а также тщательный анализ архивных материалов имеют первостепенное значение для изучения позднесредневековой городской культуры как североазиатской, так и азиатской части Русского государства, для исследования истории культуры русского населения такого обширного региона, как Сибирь.

И, наконец, необходимо подчеркнуть то, что Мангазея осталась в анналах сибирской истории как исключительно ценный опыт создания первого городского поселения в зоне вечной мерзлоты. Мангазее наследовала целая группа долговременных поселений, в том числе новых городов в Сибири. Здесь следует упомянуть город Новая Мангазея, куда по царскому приказу был переведен не только стрелецкий гарнизон, но и ремесленный и промысловый люд. Город Новая Мангазея просуществовал до начала XX столетия.

Как результат продвижения мангазейцев по правому притоку Енисея — Нижней Тунгуске, в среднем течении р. Лены в 1632 г. возник Ленский острог, вскоре превратившийся в «непашенный» город Якутск. Примечательно то, что ленские торговые, служилые и промышленные люди немедленно после постройки Якутска, опираясь на уже имевшуюся у них практику продвижения деревянных судов-кочей во льдах, вскоре развили морское караванное передвижение между дельтой Лены и устьями восточно-сибирских рек Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы. В 1648 г. несколько десятков мезенцев, пустоозерцев, пинежан, холмогорцев и других жителей Русского Поморья, ранее участвовавших в плаваниях по Мангазейскому морю, совершили безумно смелый поход во главе с Семеном Ивановым Дежневым, крестьянином Волока Пинежского, из Колымы вдоль северных берегов Чукотки в пролив, разделяющий два континента — Азию и Америку. Затем они прошли в Тихий океан, открыли р. Анадырь, где построили долговременное поселение — Анадырское зимовье и острог. Среди участников похода были те, кто сами или их деды, отцы и старшие братья ходили на кочах в Мангазею, на Новую Землю и Грумант.

Таким образом, история Мангазеи — это не только история освоения бескрайних просторов севера нашей страны, но и важный этап в овладении Северным морским путем. Это был форпост в освоении севера Сибири и в то же время первое городское поселение, в котором сконцентрировались все особенности, характерные для начального этапа городской жизни в зауральских землях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ	— Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Государственного комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды	ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией	ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
АИ	— Акты исторические	ЛОИИ АН СССР	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
АМЮ	— Акты Министерства юстиции	МАР	— Материалы по археологии России
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ГААО	— Государственный архив Архангельской области	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ГИМ	— Государственный исторический музей	РИБ	— Русская историческая библиотека
ГЭ, ОИПК	— Государственный Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры	СА	— Советская археология
ДАИ	— Дополнения к актам историческим	САИ	— Свод археологических источников
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества	Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
ИАК	— Известия Археологической комиссии	СГКЭ	— Собрание грамот коллегии экономики
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры	СЭ	— Советская этнография
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
		ТИЭ	— Труды Института этнографии
		ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов СССР
		ЧОИДР	— Чтения в обществе истории и древностей российских

ТАБЛИЦЫ

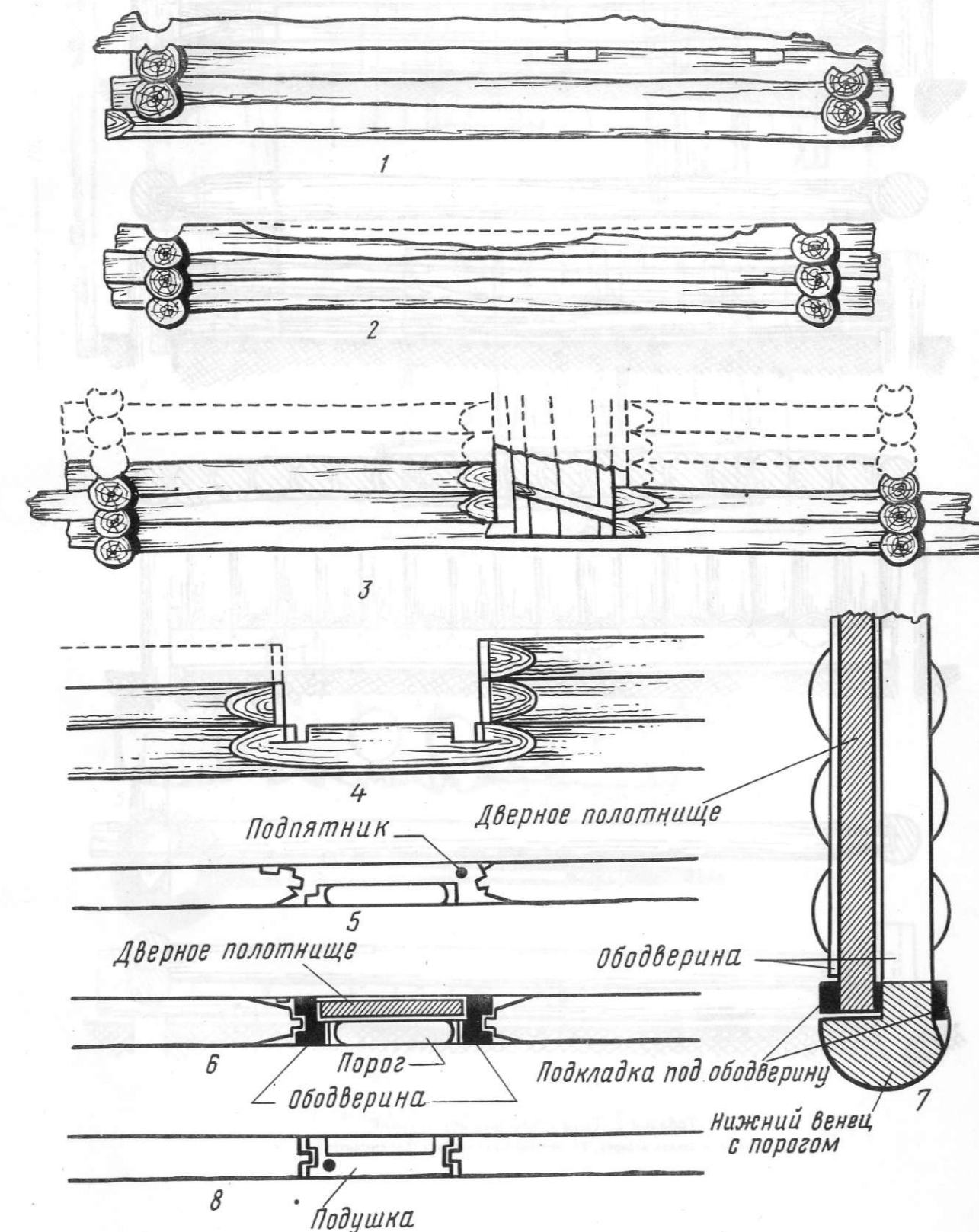

Таблица 1. Характер рубленых стен (1—3) и дверные проемы (4—8)

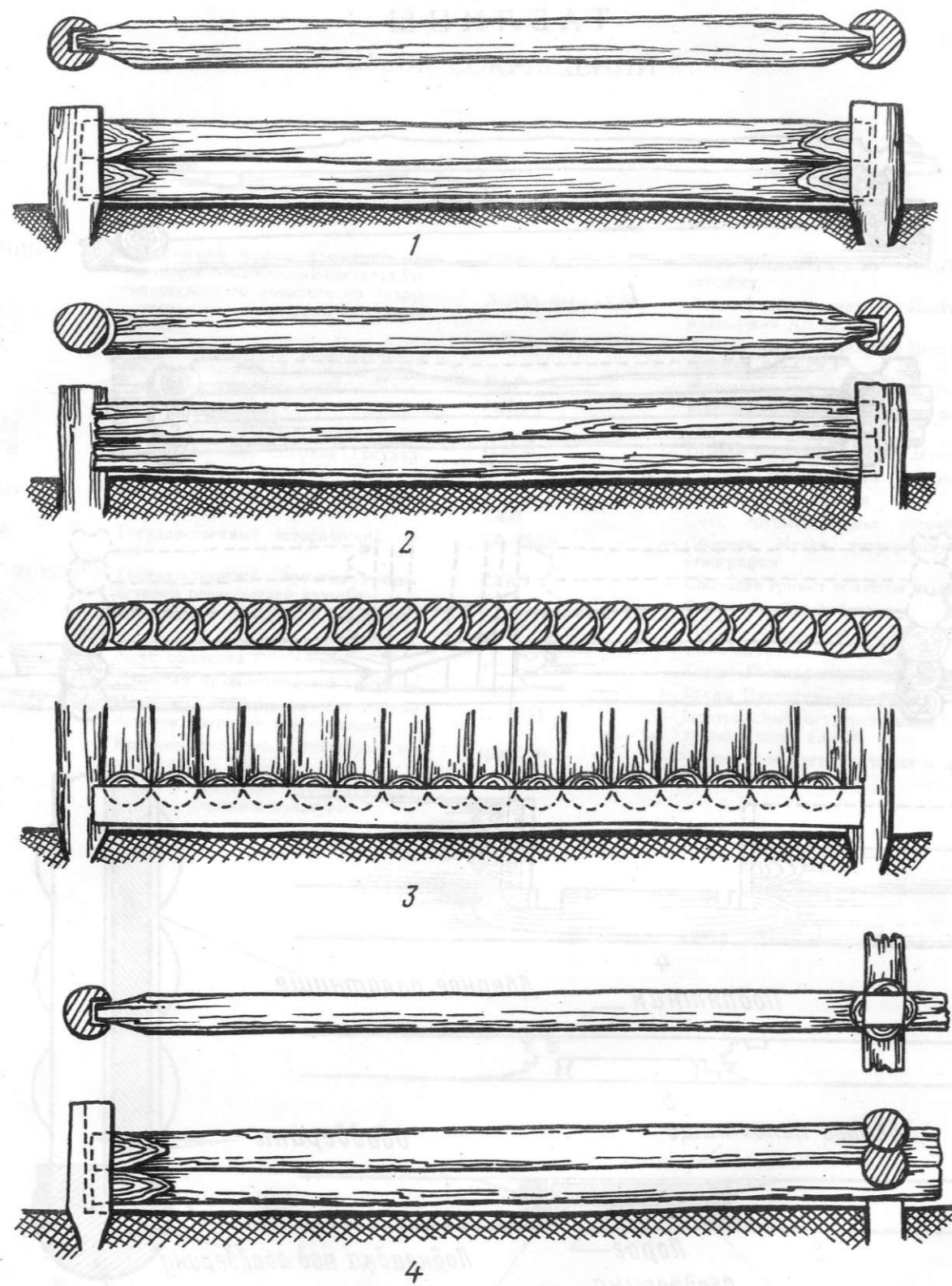

Таблица 2. Типы столбовых конструкций

1, 2 — горизонтальная набирка; 3 — вертикальная набирка; 4 — смешанный прием

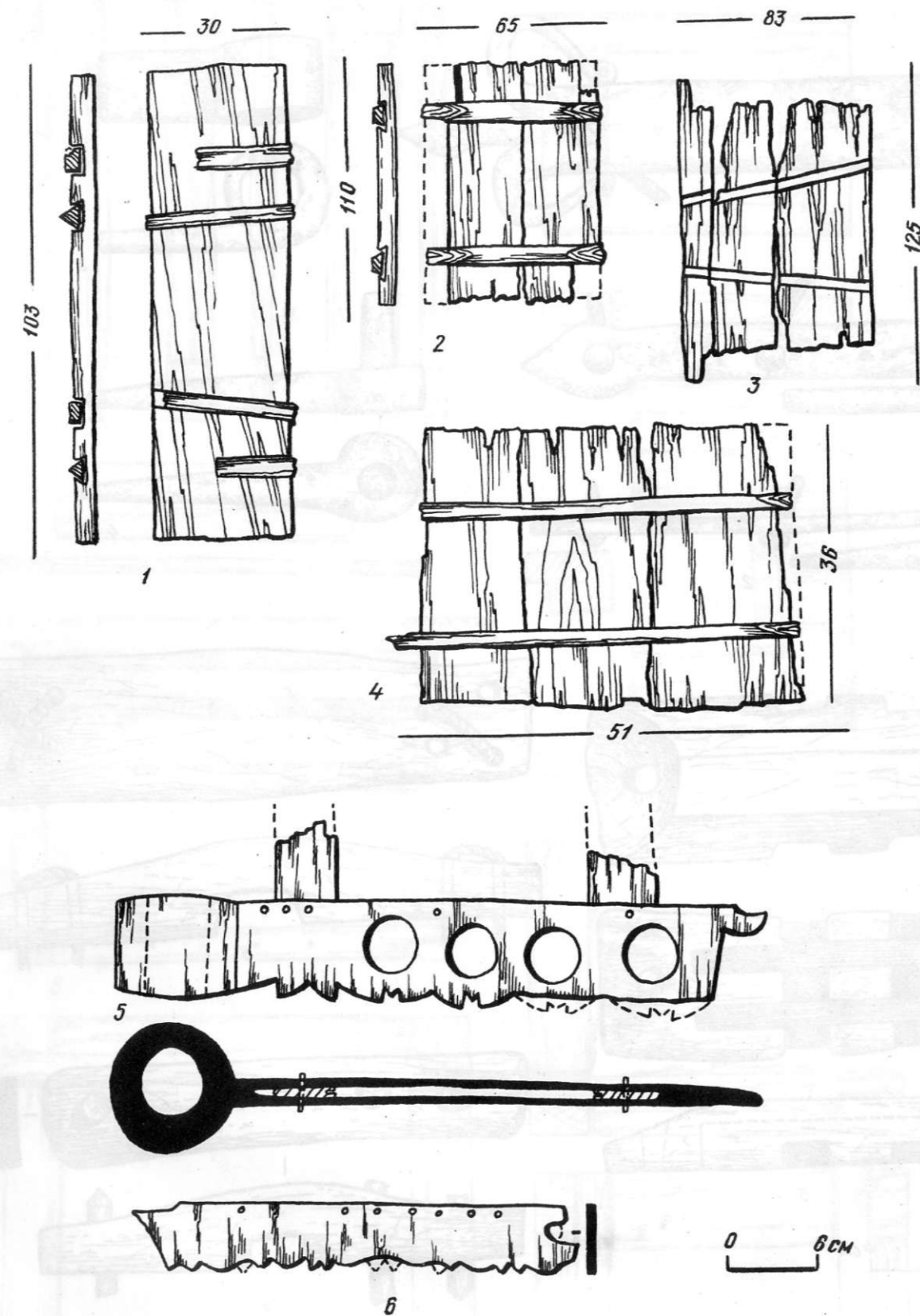

Таблица 3. Фрагменты ставен и дверей

1-4 — фрагменты дверных полотнищ; 5, 6 — фрагменты ставен

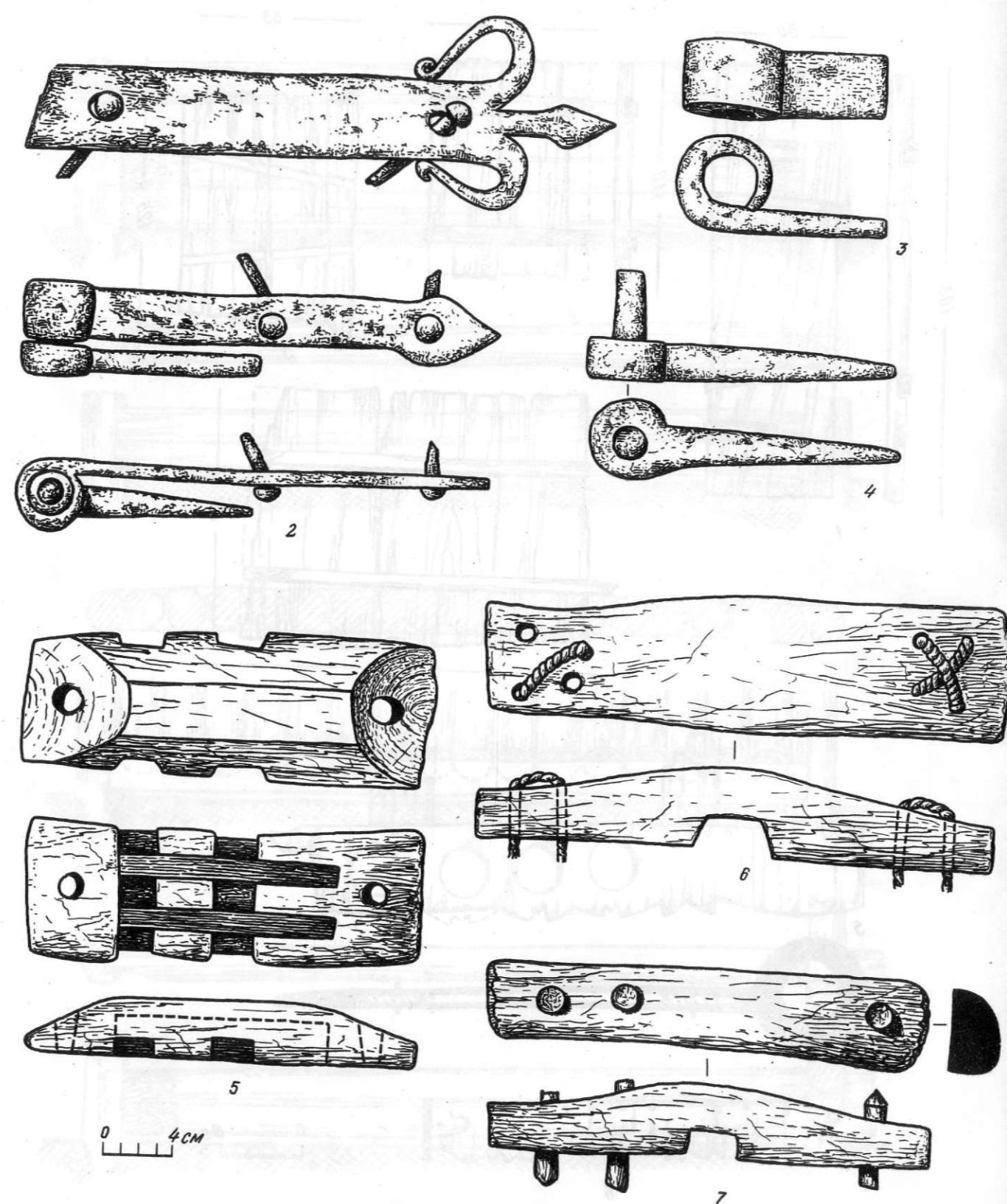

Таблица 4. Дверной снаряд и дверные запоры
1, 2 — накладки-жировины; 3, 4 — дверная накладка и подпятник; 5—7 — деревянные дверные запоры

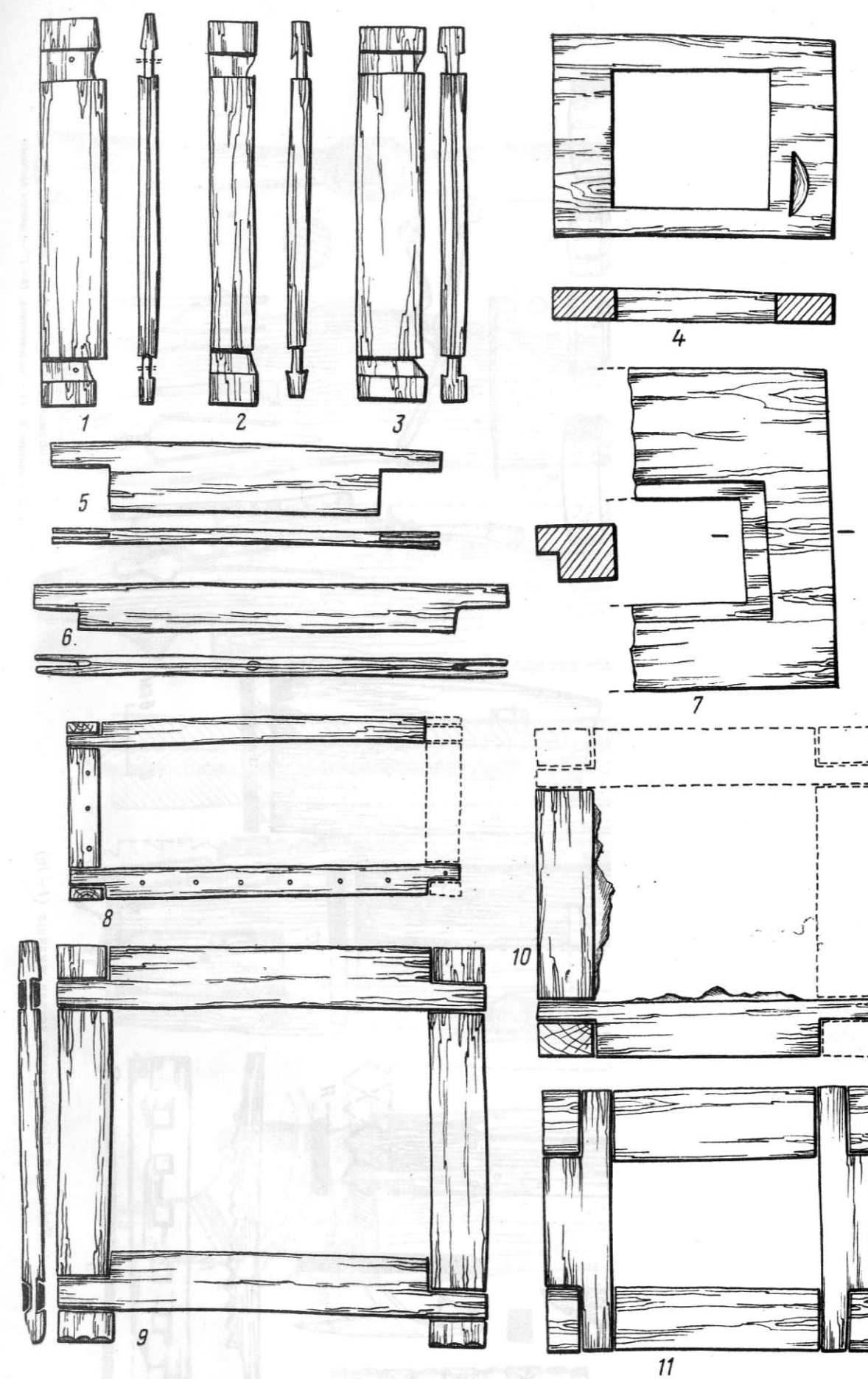

Таблица 5. Оконницы (1—11)

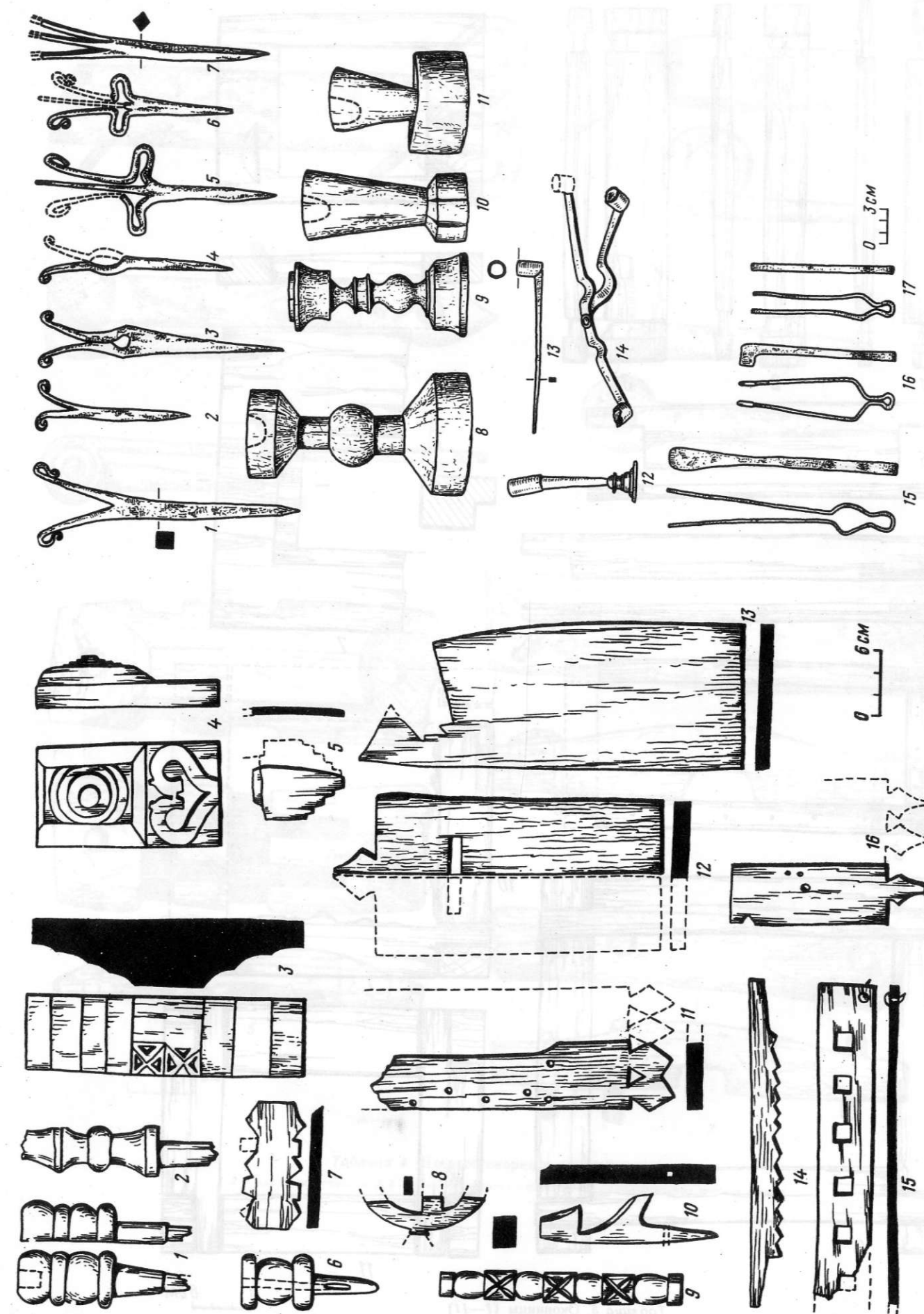

Таблица 6. Декоративные детали жилаща (1—16)

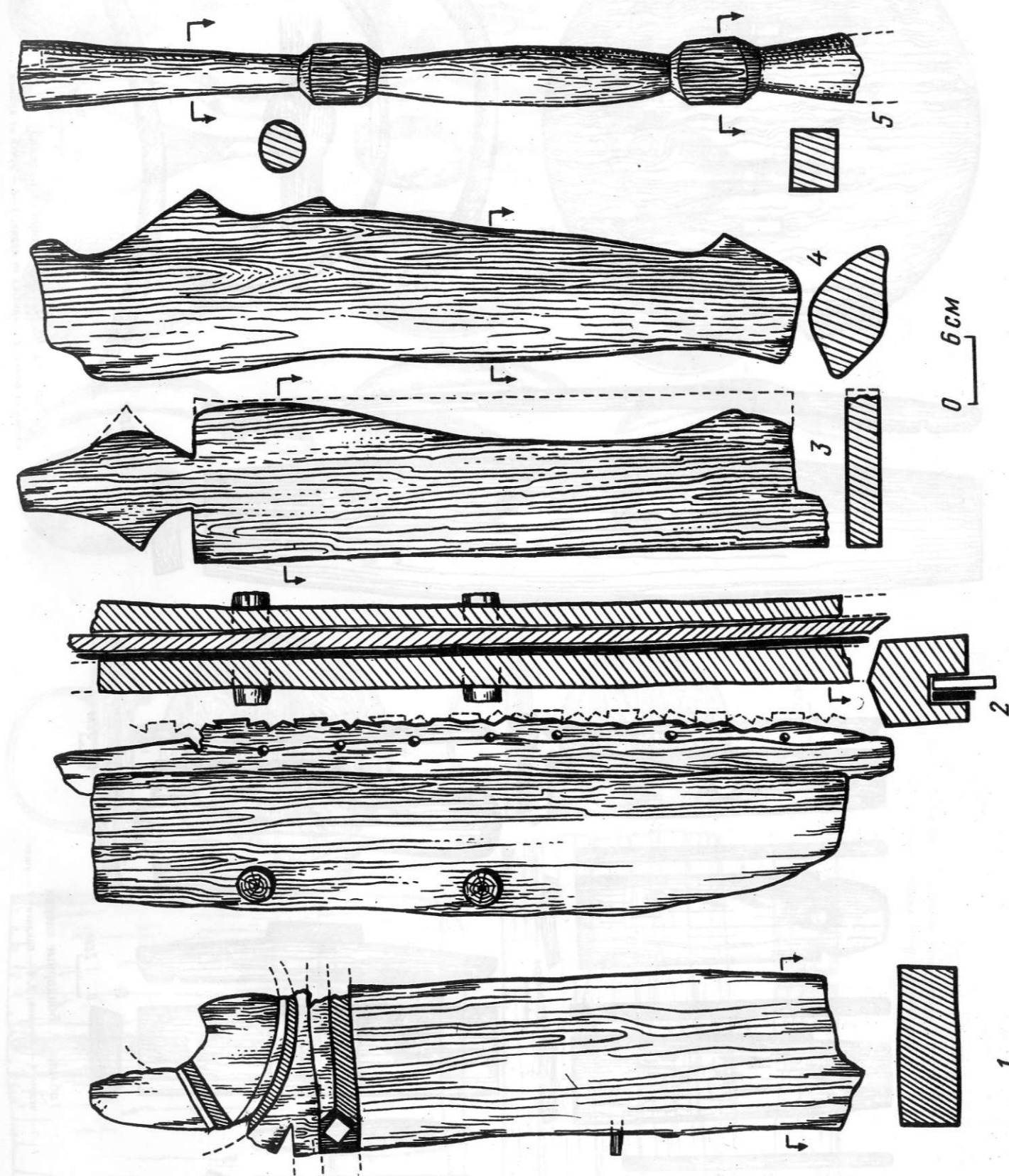
Таблица 7. Осветительные приборы
1—7 — лампы, 8—14 — подсвечники, 15—17 — мелкие предметы

Таблица 8. Декоративные детали жилаща (1—5)

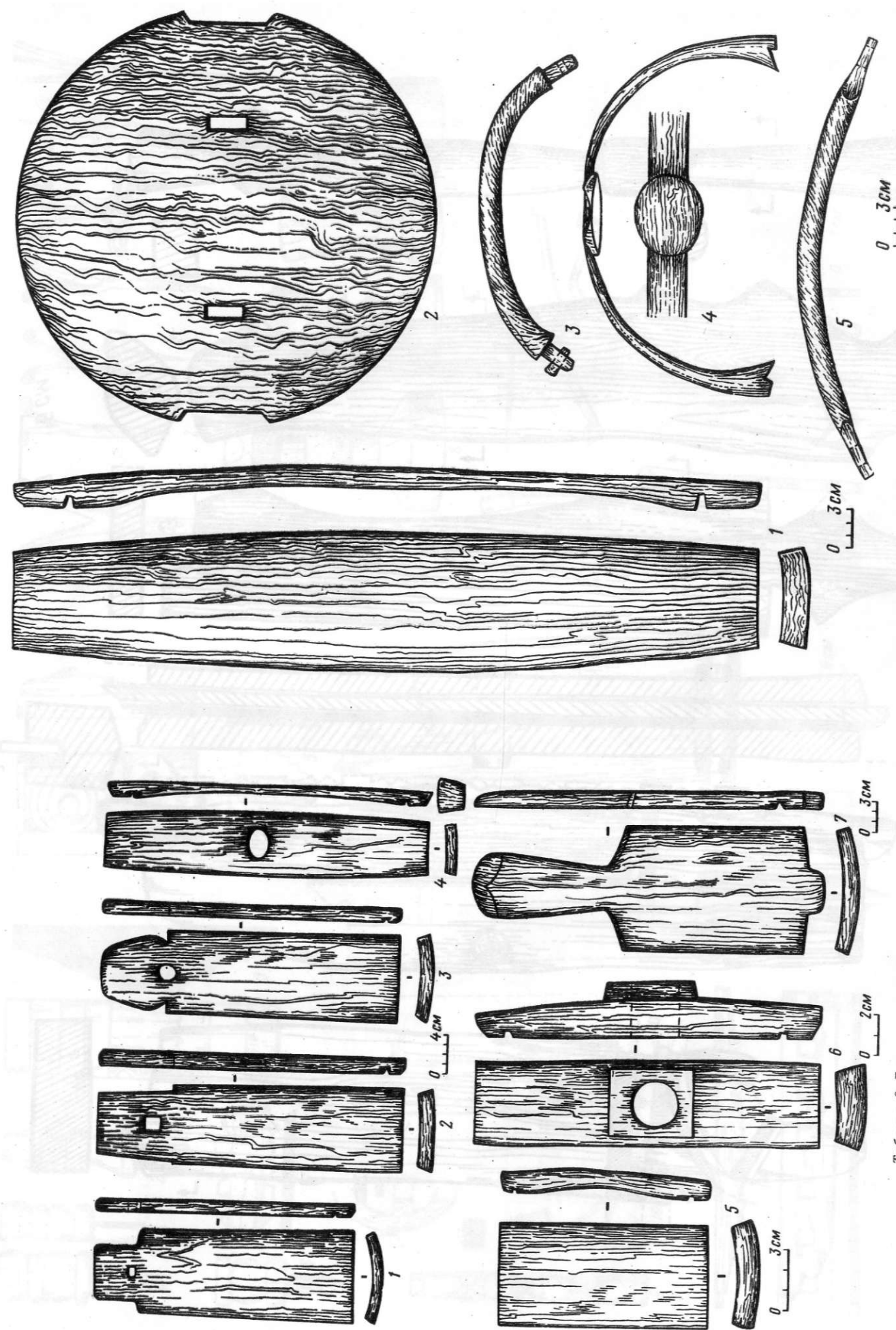

Таблица 9. Бондарные клепки

1 — водро; 2 — бонок; 3 — бонданы; 4 — ушит

Таблица 10. Части бондарных изделий

1 — кельма от бочки; 2 — кельма от кадки; 3 — ручка от крышки

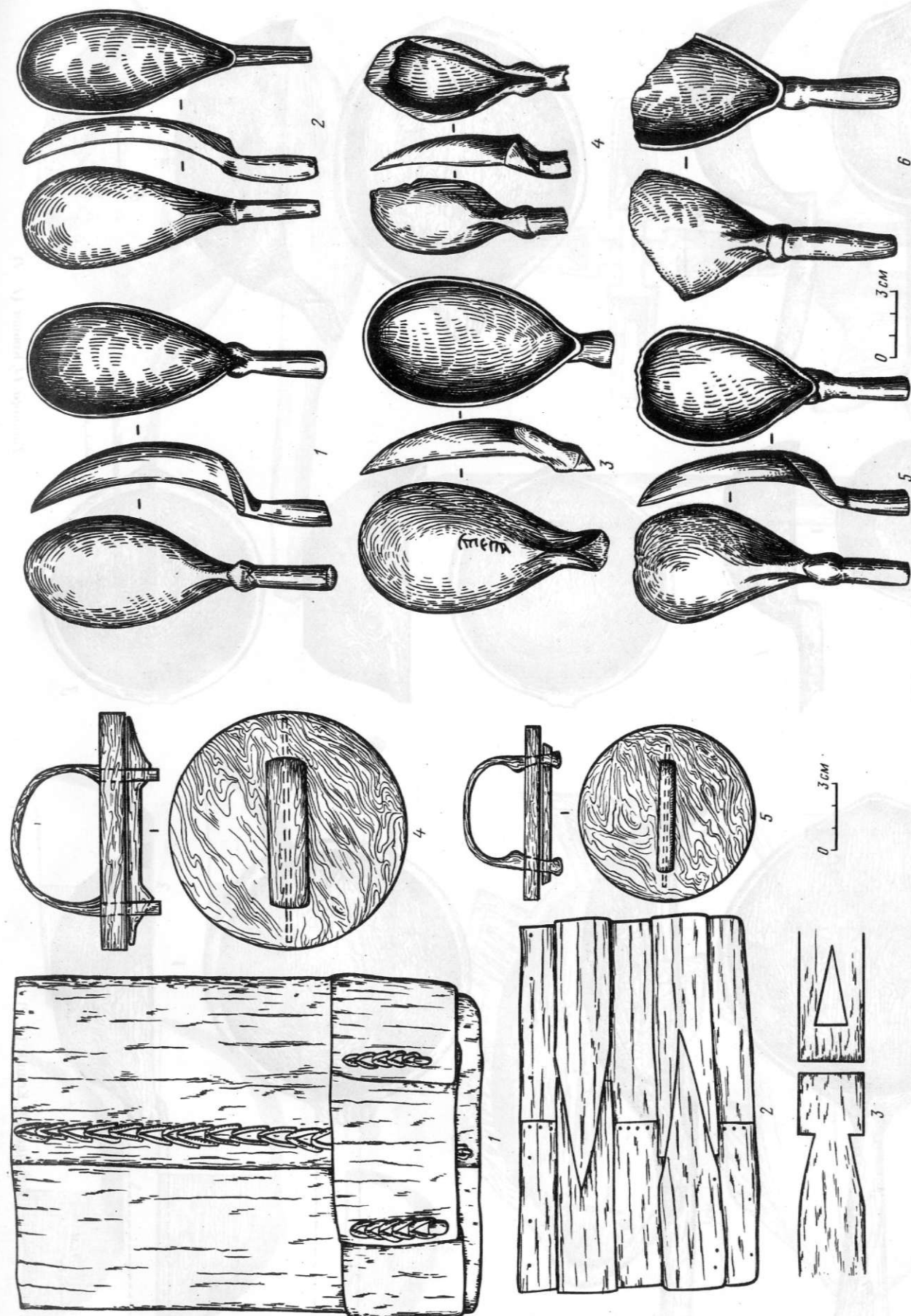

Таблица 11. Берестяные изделия

1, 2 — туссы; 3 — схема замка обруча; 4, 5 — крышки от туссов

Таблица 12. Ложки (1-6)

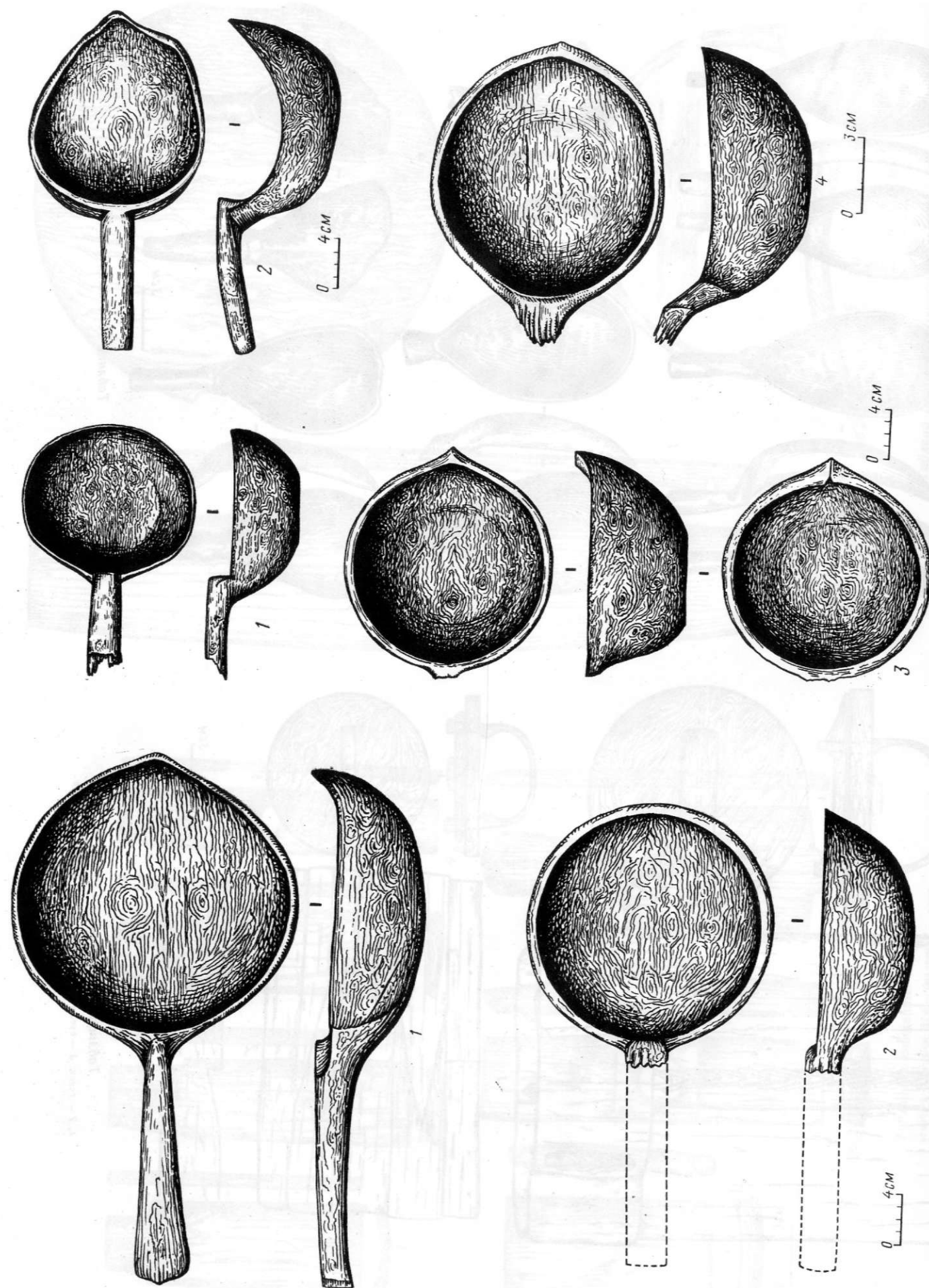
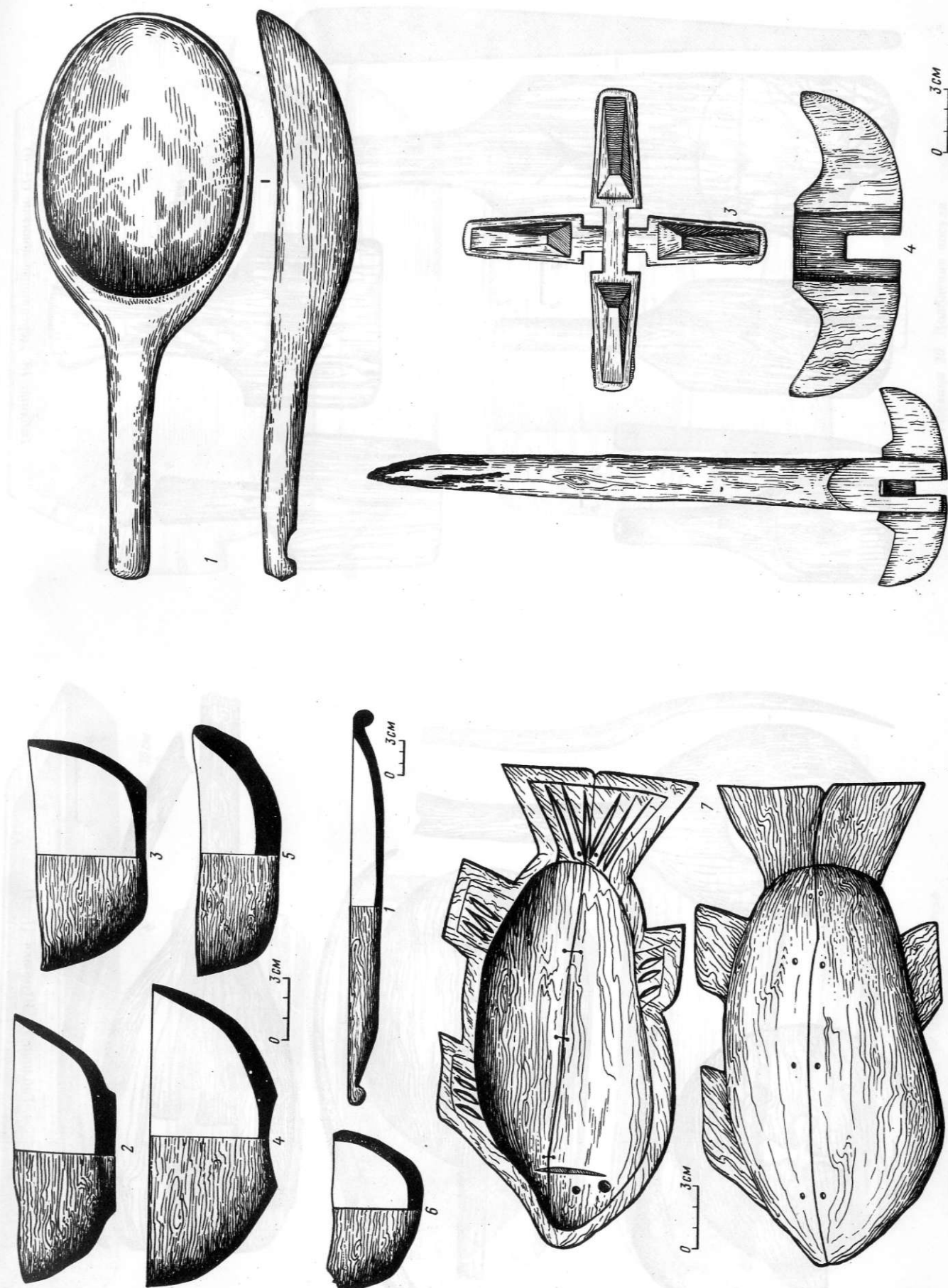

Таблица 13. Ковши (1, 2)

Таблица 14. Ковши (3, 4)

Таблица 15. Резная посуда
1—5 — чаши, 6 — нож, 7 — форма для печеньяТаблица 16. Кухонная утварь
1 — уполовинник, 2, 3 — мутовки, 4 — деталь составной мутовки

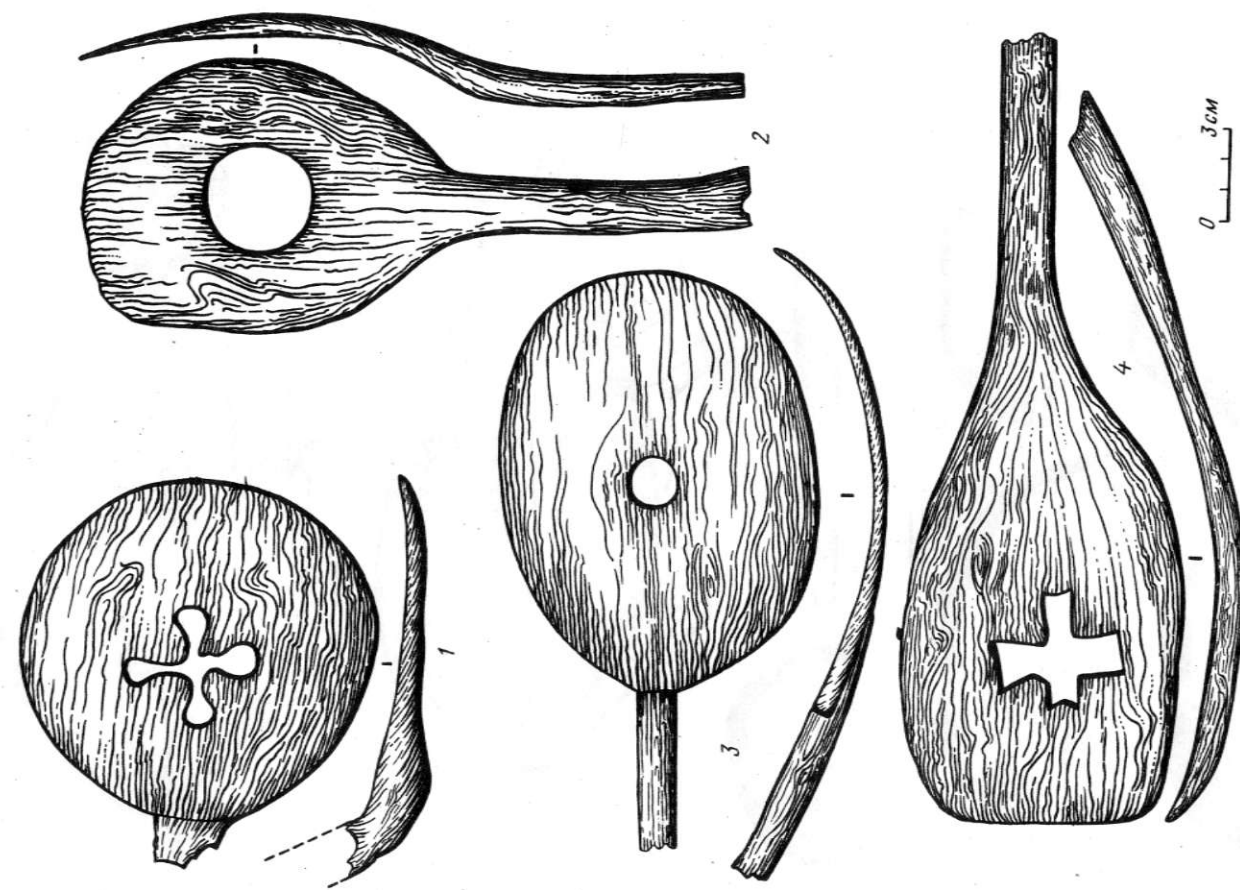

Таблица 17. Шутовки (1—4)

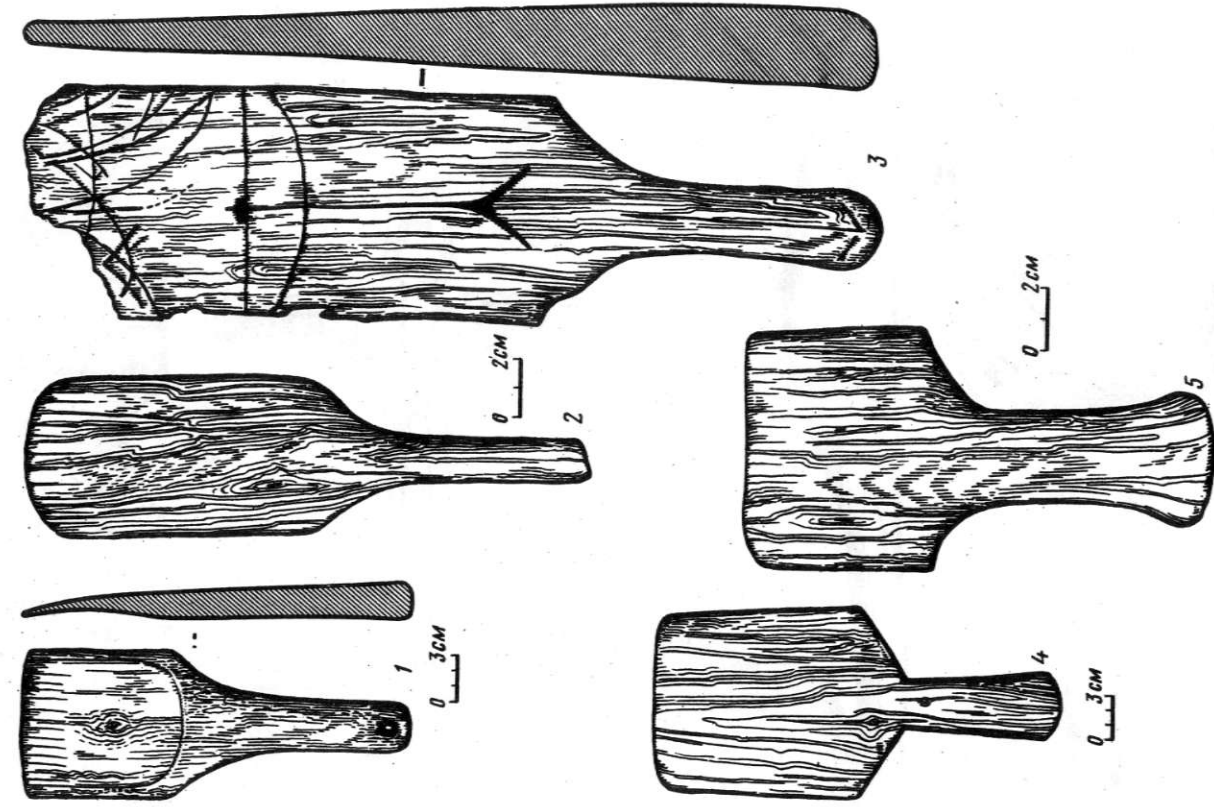

Таблица 18. Деревянные лопатки (1—5)

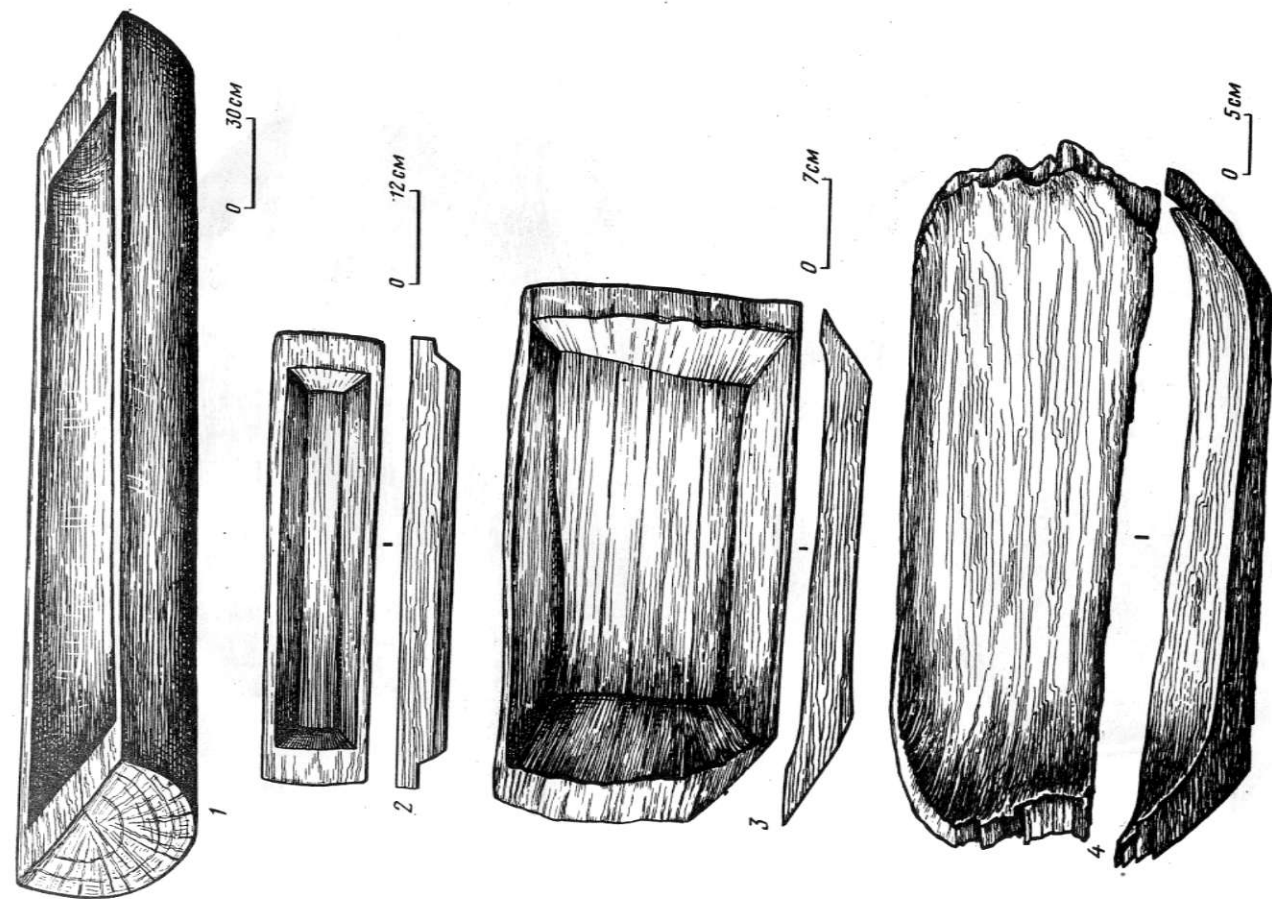

Таблица 19. Долбленая посуда

1 — колода; 2 — корыто для кормления птиц; 3, 4 — корыта для рубки

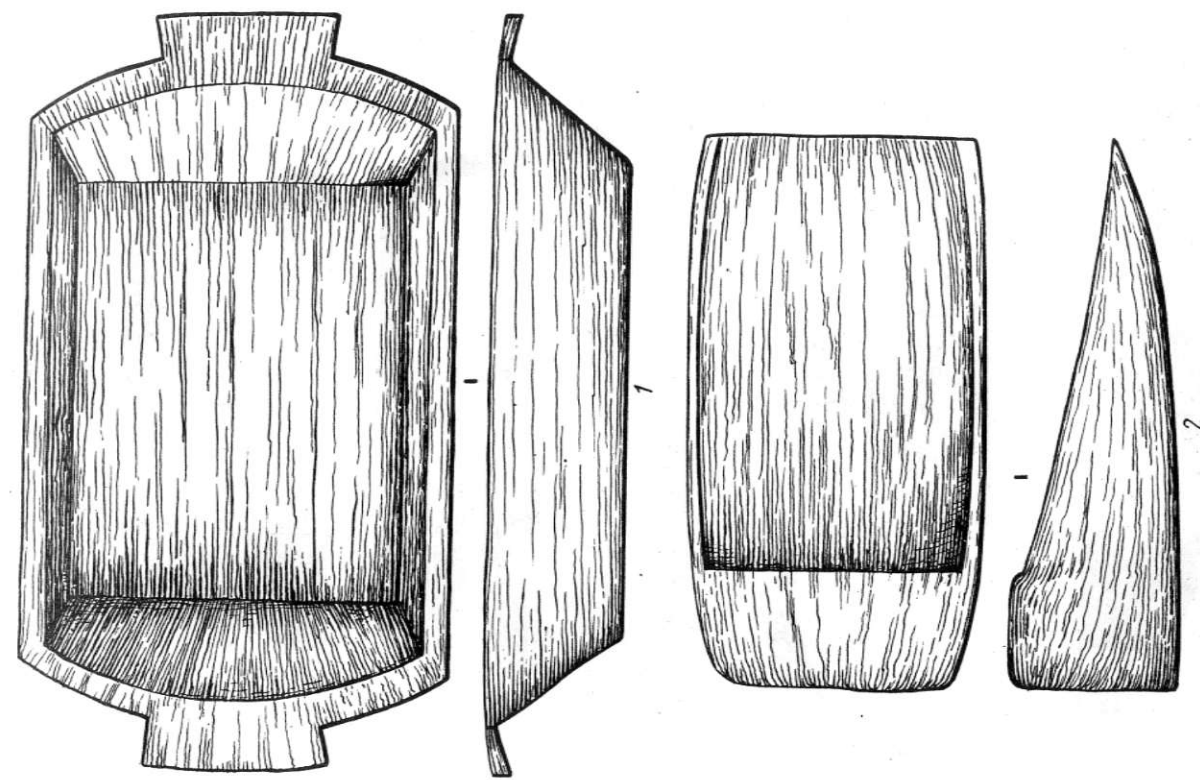

Таблица 20. Долбленая посуда

1 — лоток; 2 — совок

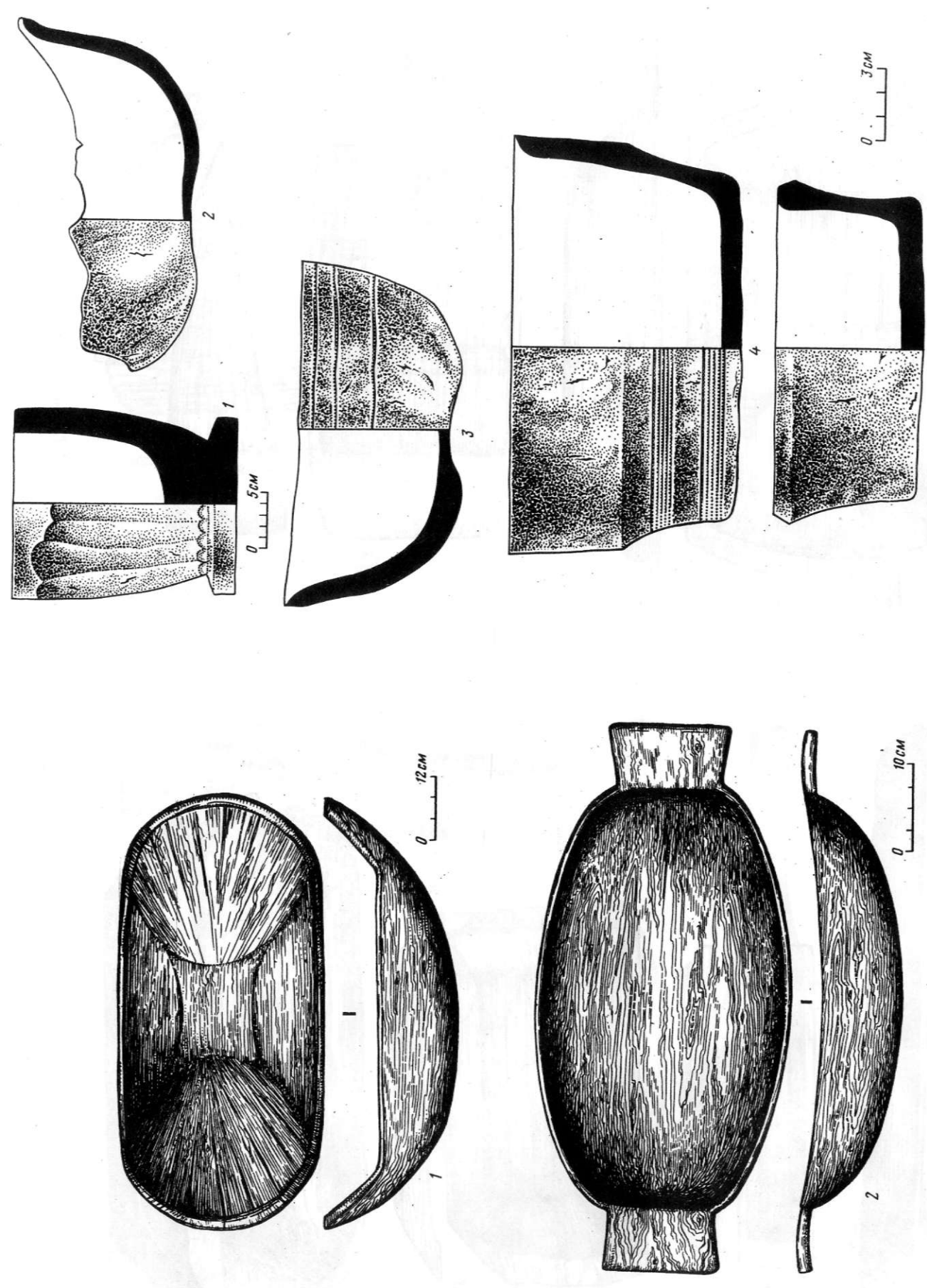

Таблица 21. Долобная посуда. Сельницы (1, 2)

Таблица 22. Точеная посуда
1 — ступа; 2, 3 — сосуды со ситами; 4, 5 — формы для выпечки хлеба

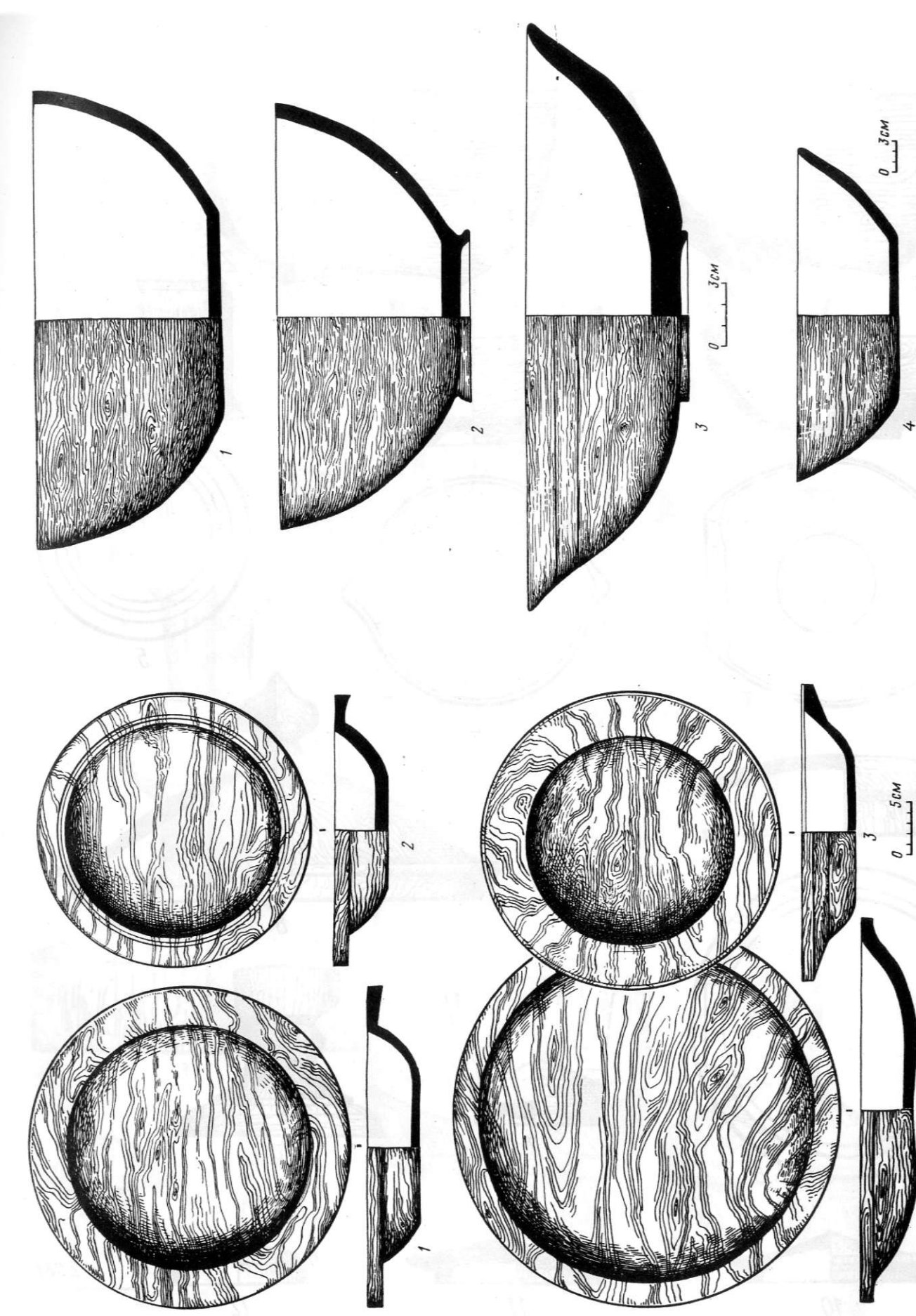

Таблица 23. Точеная посуда. Блюда (1—4)

Таблица 24. Точеная посуда. Чаша (1—4)

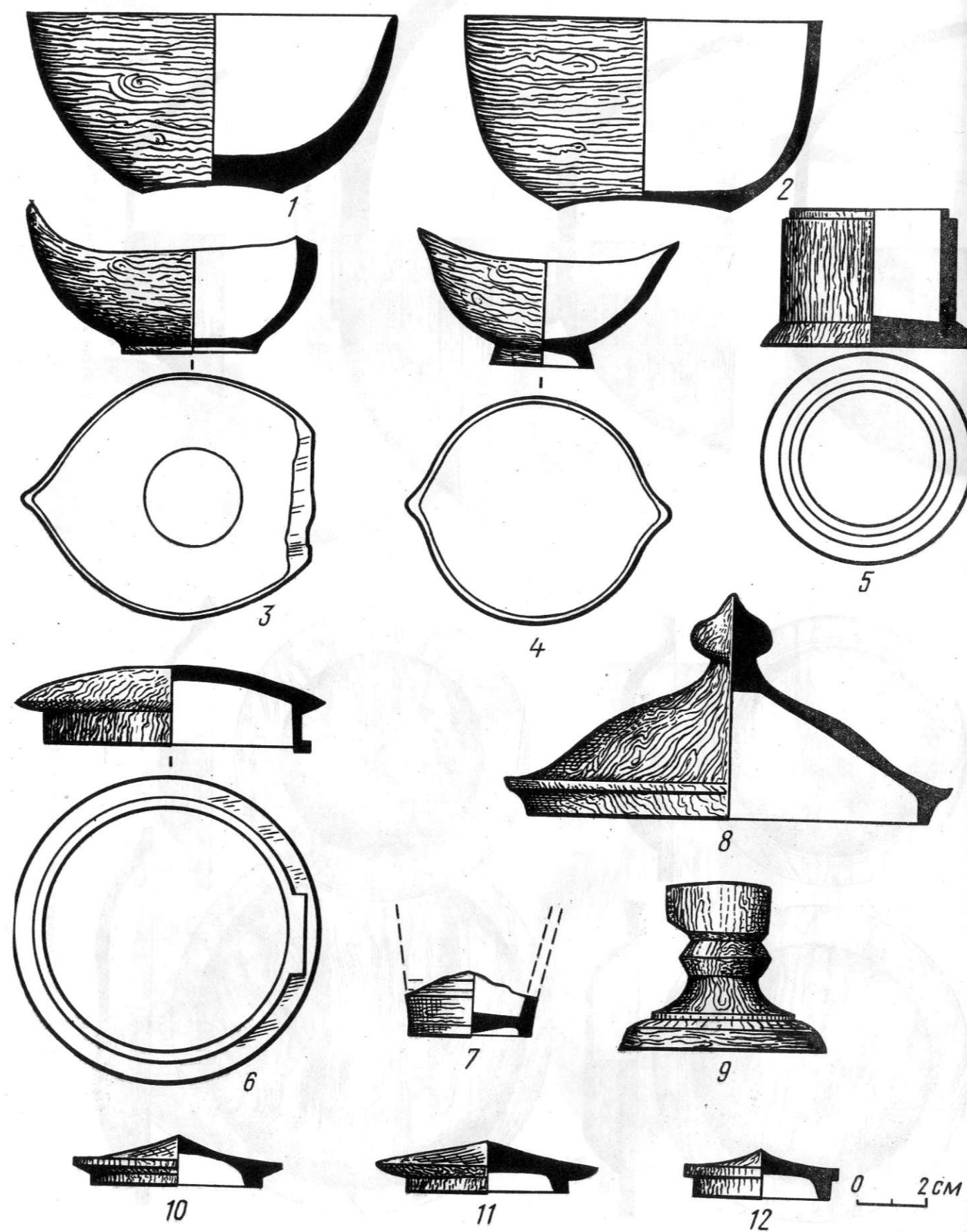

Таблица 25. Точеная посуда
1-4 — чаши малые; 5 — коробочка; 6, 10-12 — крышки; 7 — стаканчик; 8 — крышка от солонки; 9 — стояк

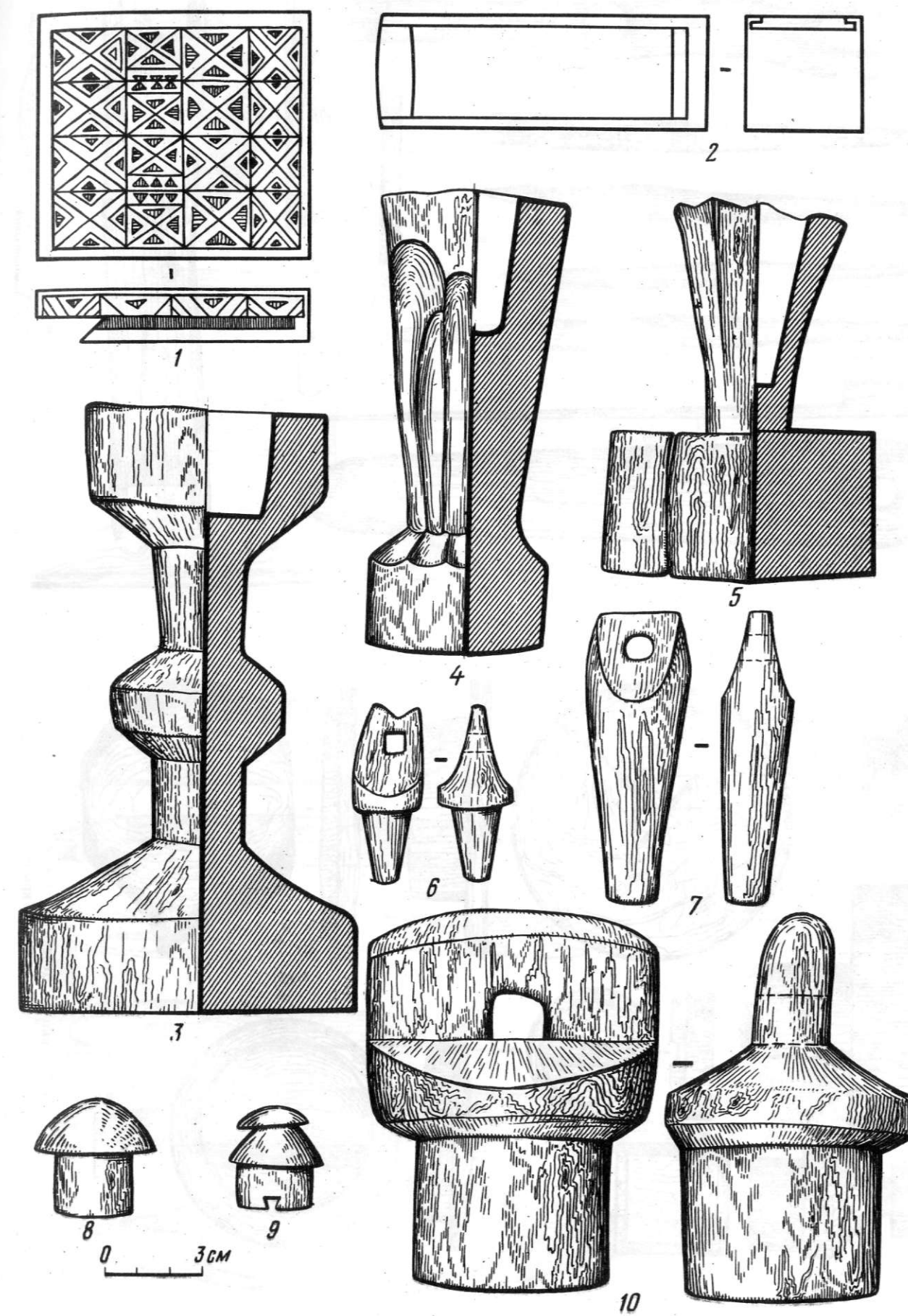

Таблица 26. Деревянная утварь
1 — резная крышка от коробочки; 2 — коробочка; 3-5 — подсвечники; 6-10 — пробки

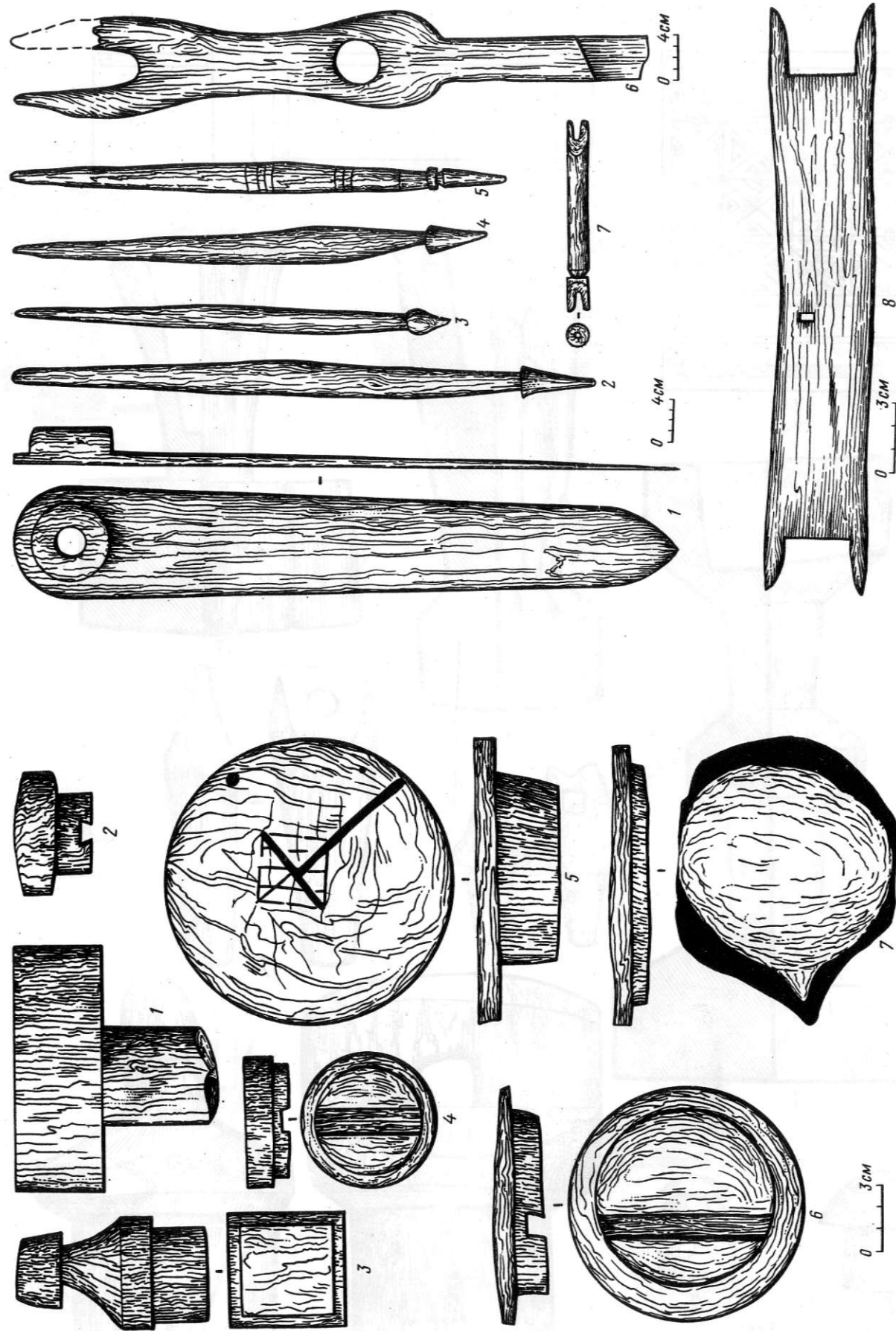

Таблица 27. Деревянная утварь
1—3 — пробки; 4—7 — крышки

Таблица 28. Орудия для обработки волокистых веществ
1 — лопе праки; 2—3 — веретена; 4 — стойка мотыля; 7 — юрек; 8 — ченок выкобанный

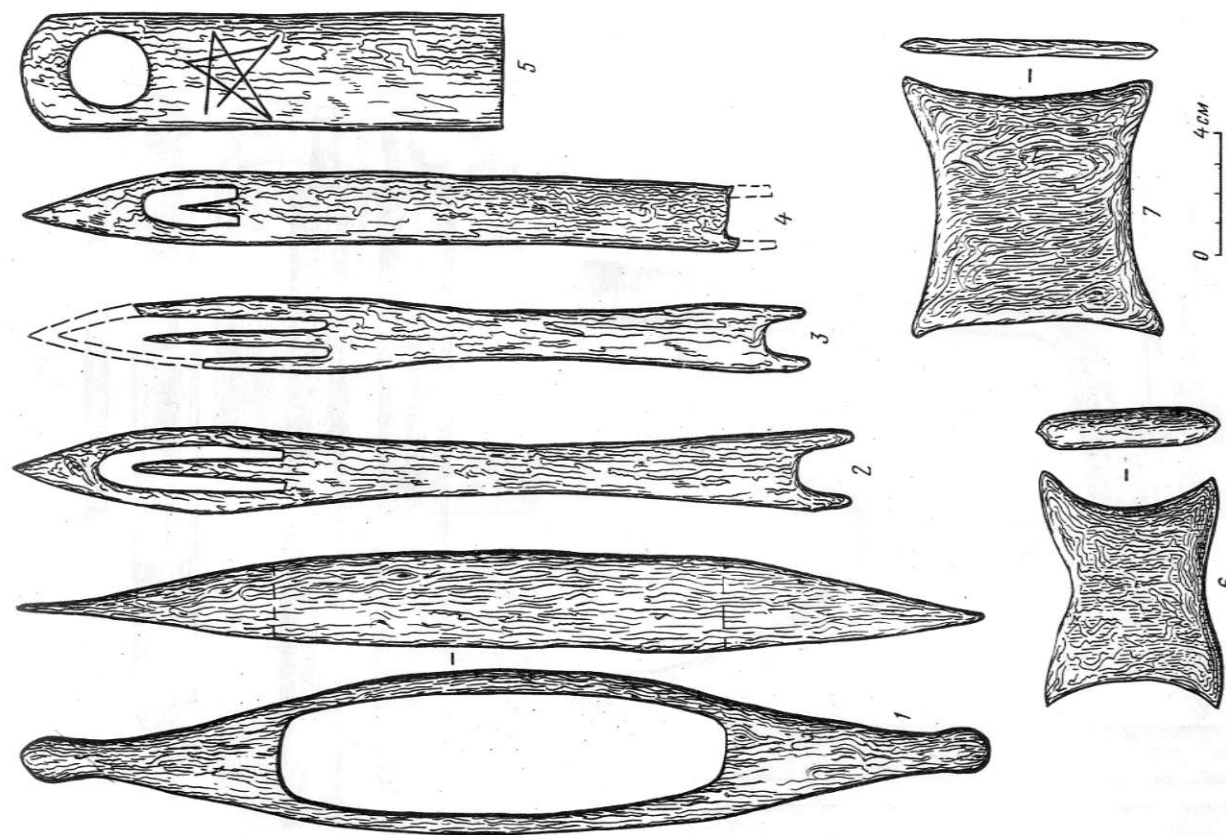

Таблица 29. Орудия для обработки волокистых веществ
1 — ченок гальеобразный; 2—4 — иглы для вязания сетей; 5 — шаблон для сетей; 6, 7 — мотыля

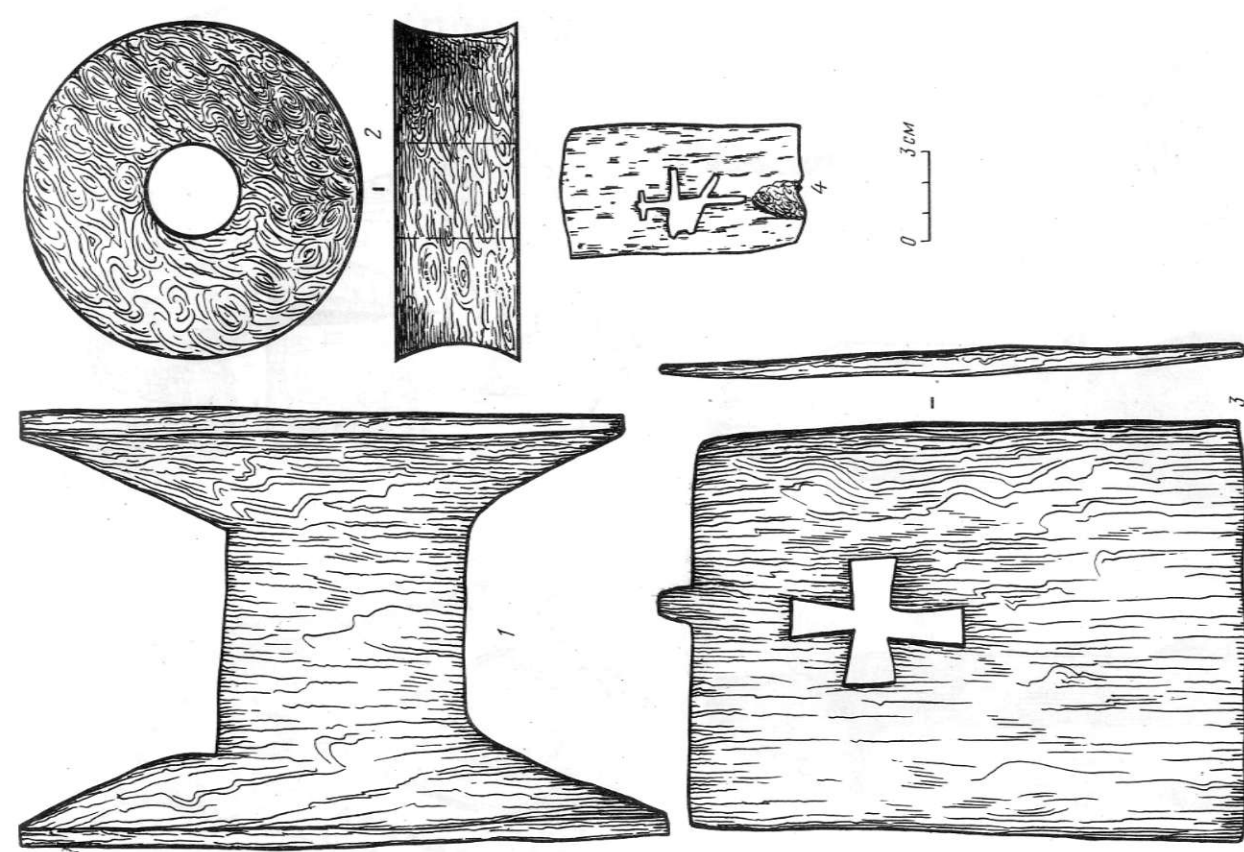

Таблица 30. Изделия из дерева и бересты
1 — мотыля; 2 — блок; 3 — лопе с прорезным крестом; 4 — берестяная пластинка с прорезным крестом

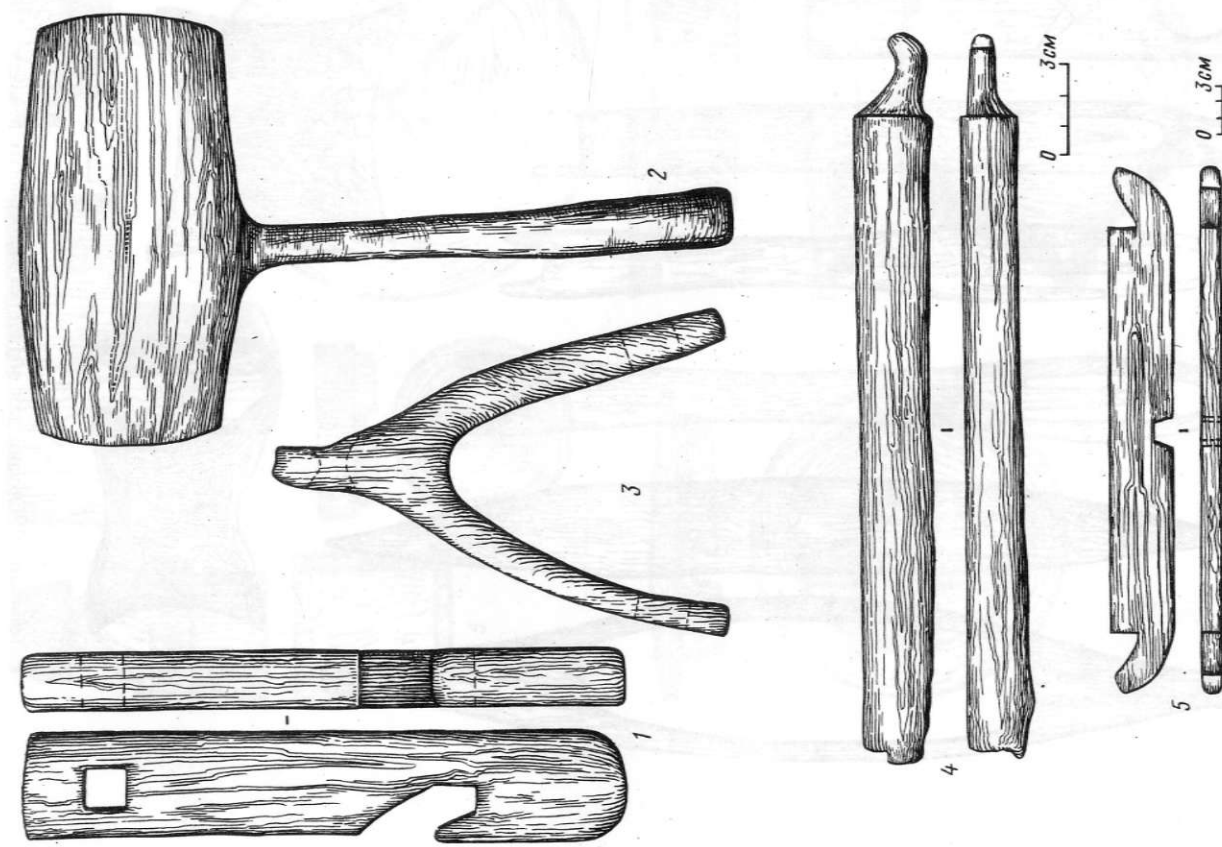

Таблица 31. Деревянная утварь

1 — край податливый; 2 — киялка; 3 — строгальное изделие; 4, 5 — коромысла весов

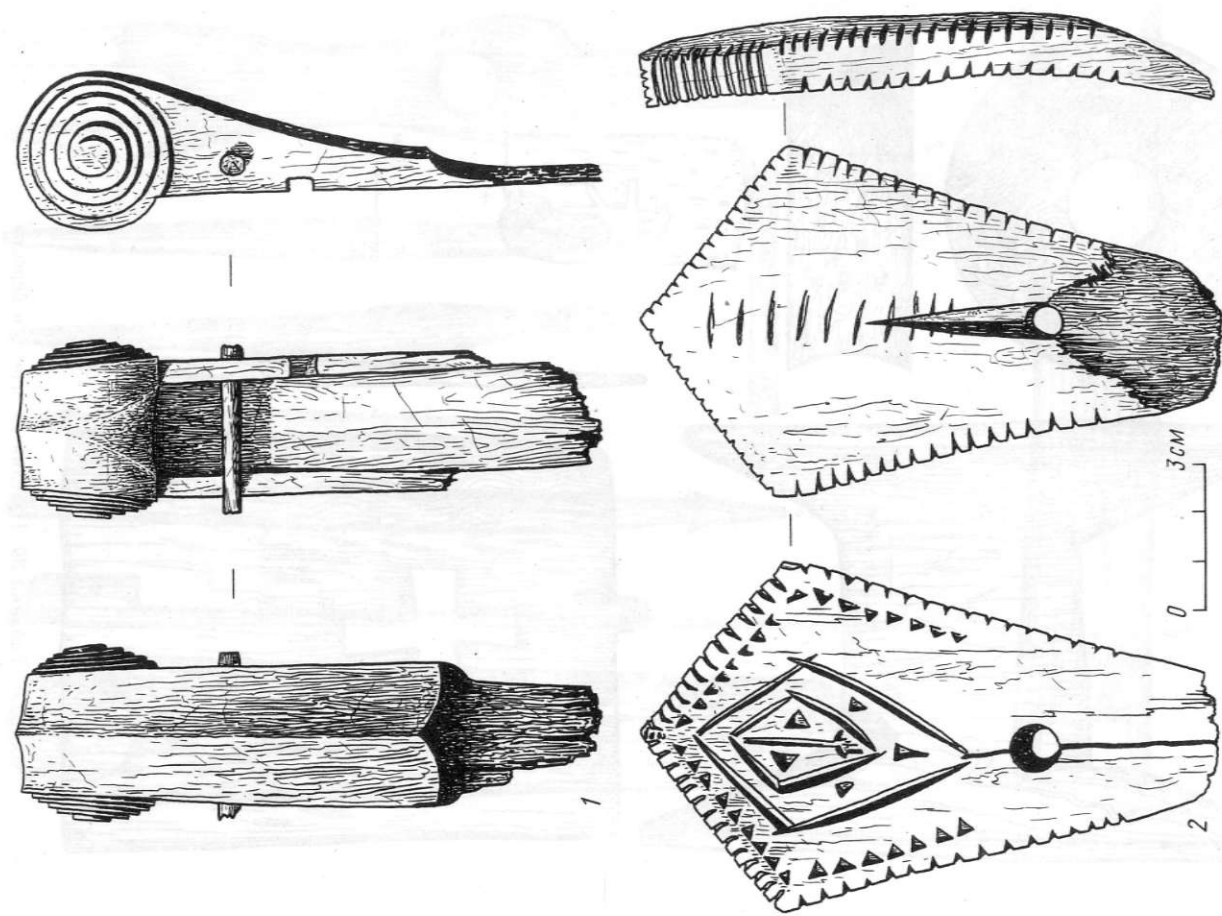

Таблица 32. Головки гудков (1, 2)

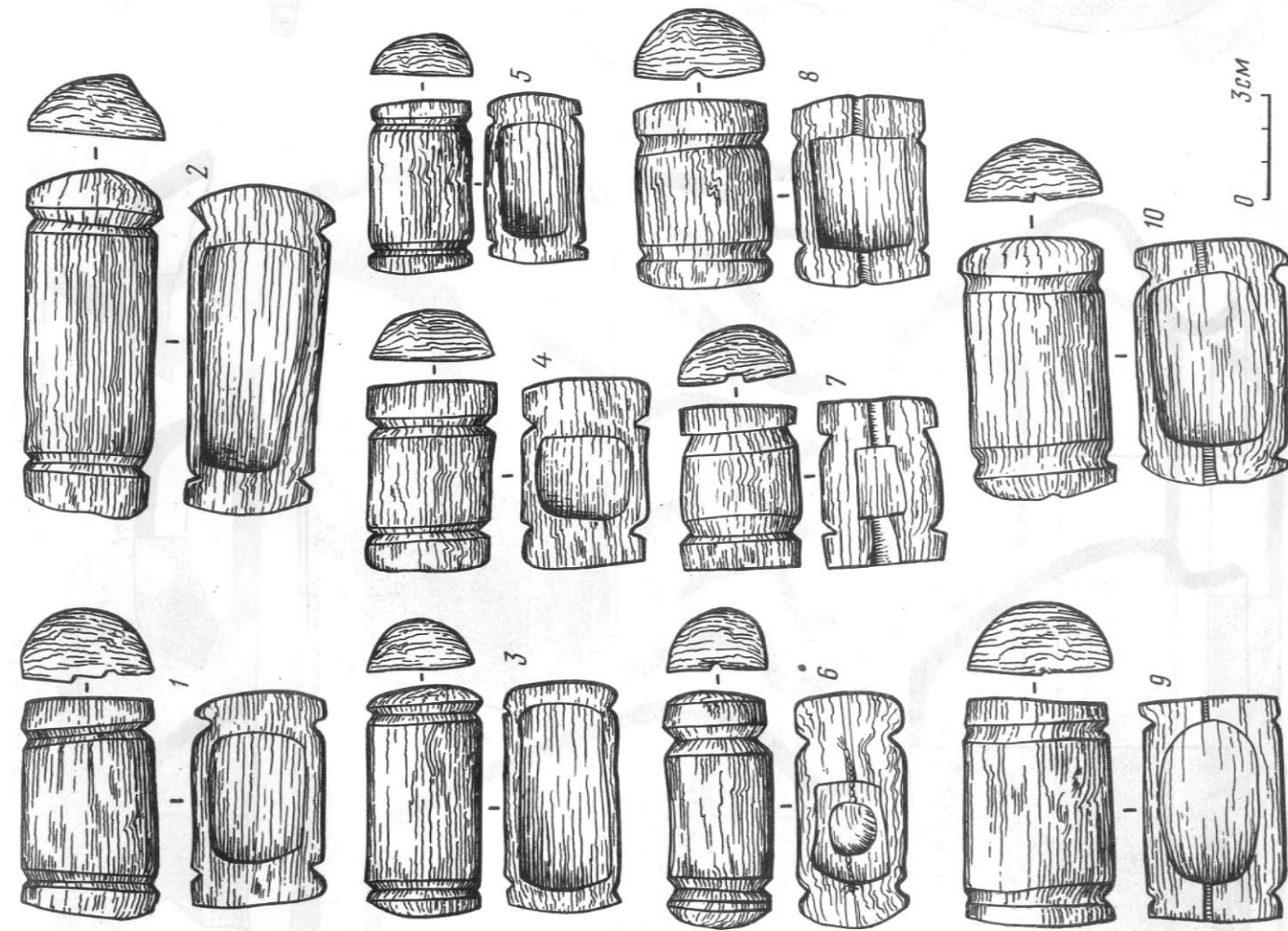

Таблица 33. Футляры для печатей (1—10)

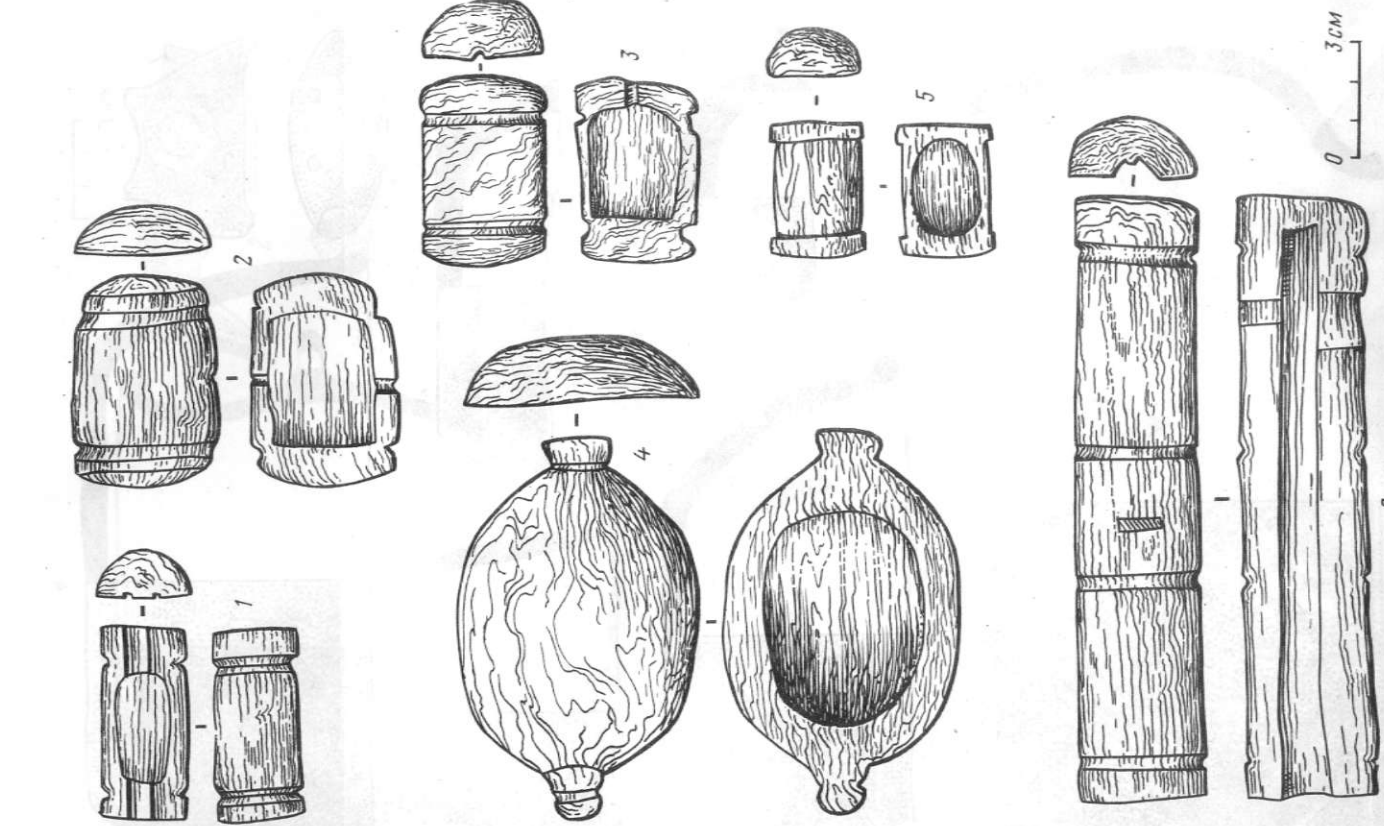

Таблица 34. Футляры для печатей (1—6)

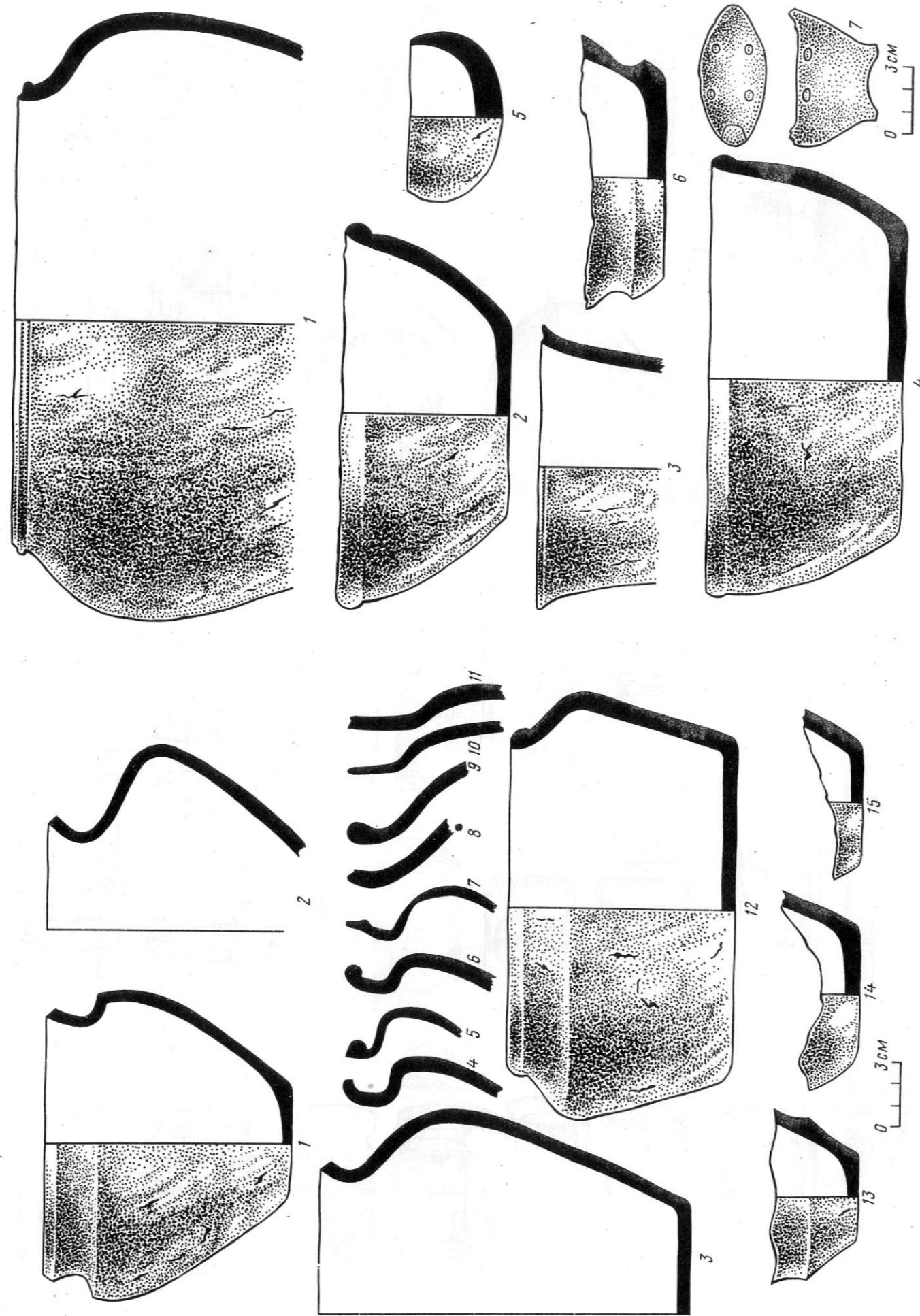
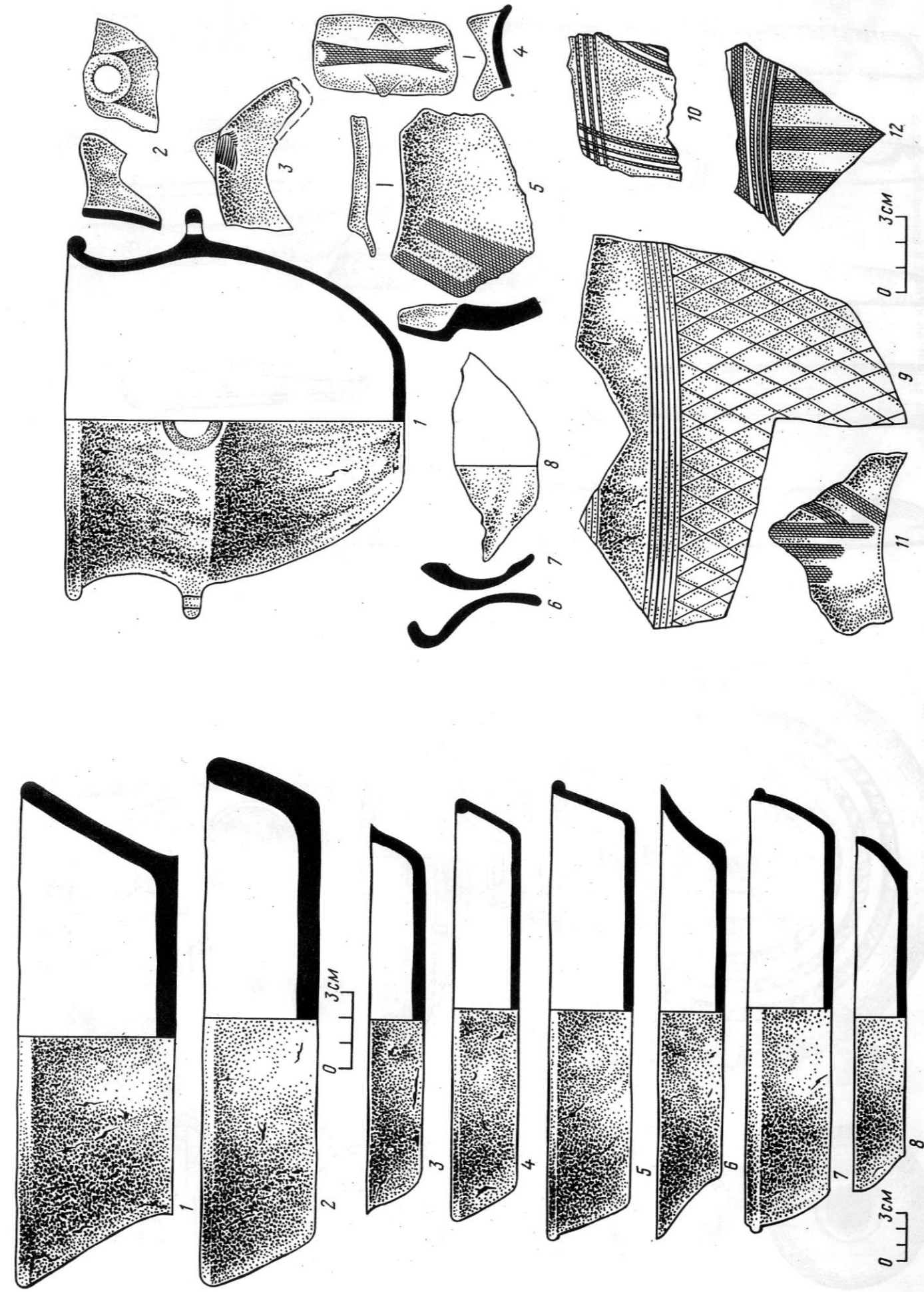

Таблица 35. Керамическая посуда. Горшки (1-15)

Таблица 36. Керамическая посуда
1 — корчаги; 2-4 — миски; 5, 6 — миски малых размеров; 7 — детская игрушкаТаблица 38. Изделия из керамики
1-4 — сосуды со сшивками; 5 — ваза; 6-8 — фрагменты черлощенных горшков;
9-12 — фрагменты орнаментированной черлощенной керамики

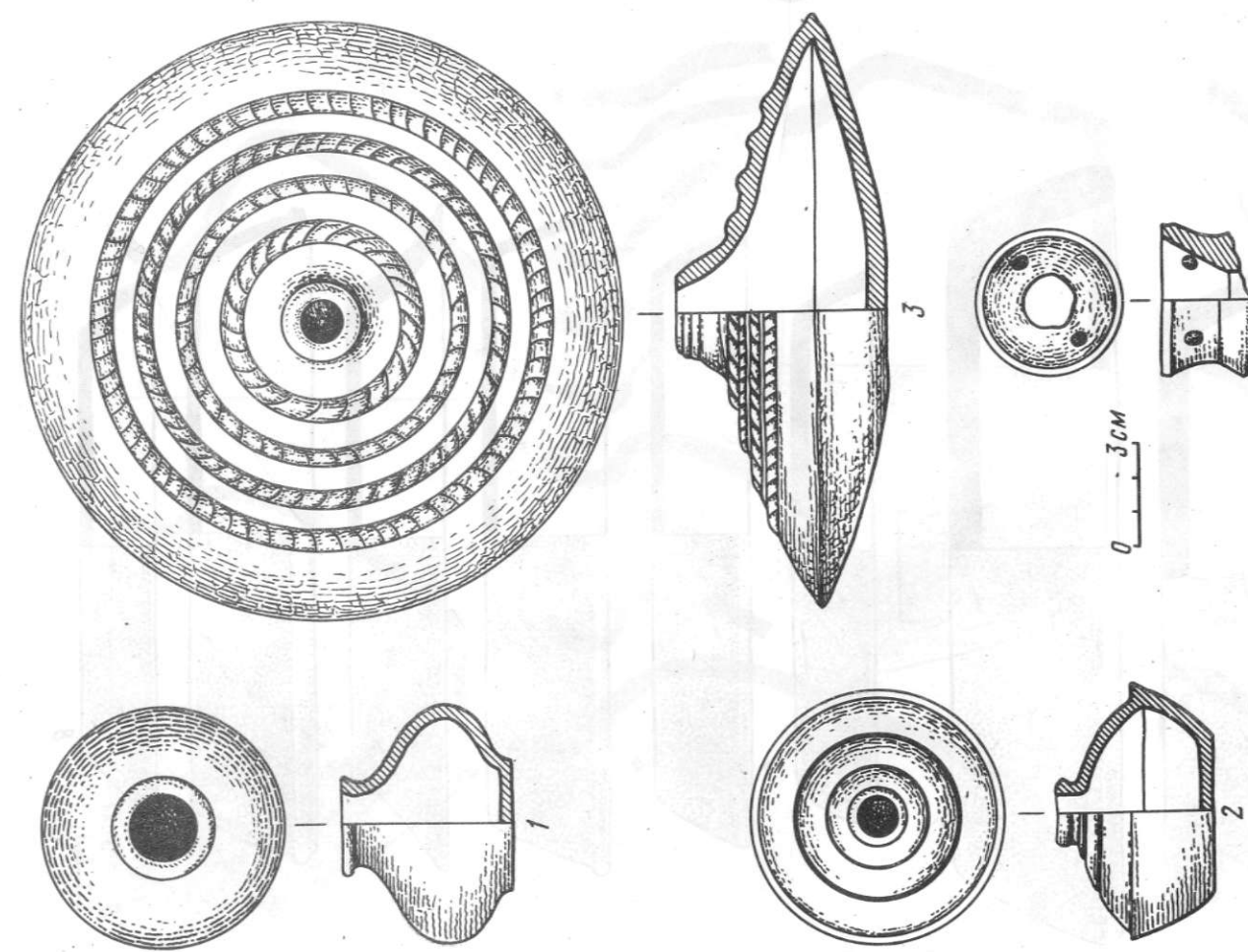

Таблица 39. Керамические черняльницы
1 — черняльница; 2, 3 — чаши; 4 — фрагмент от черняльницы

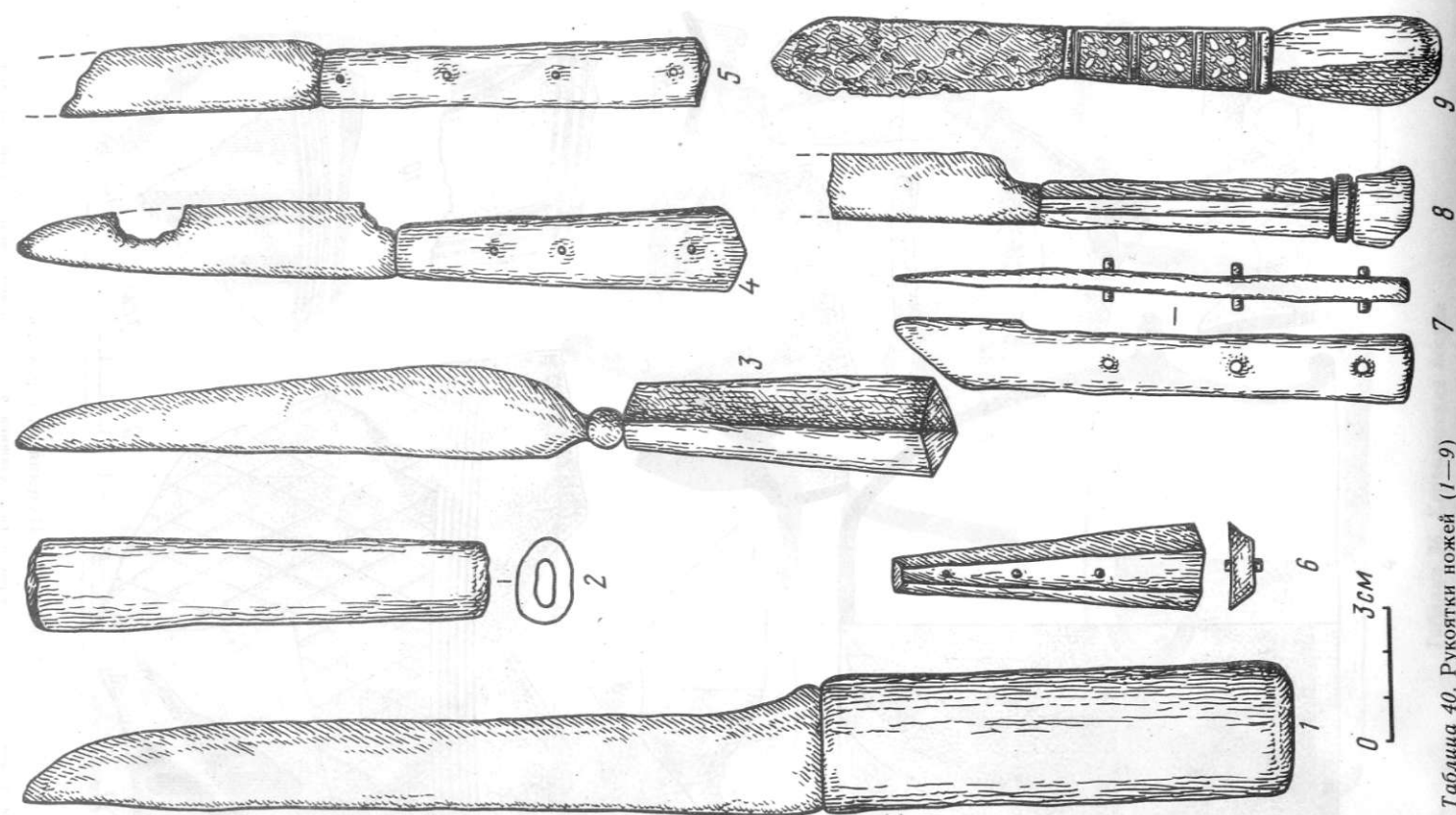

Таблица 40. Рукоятки ножей (1—9)

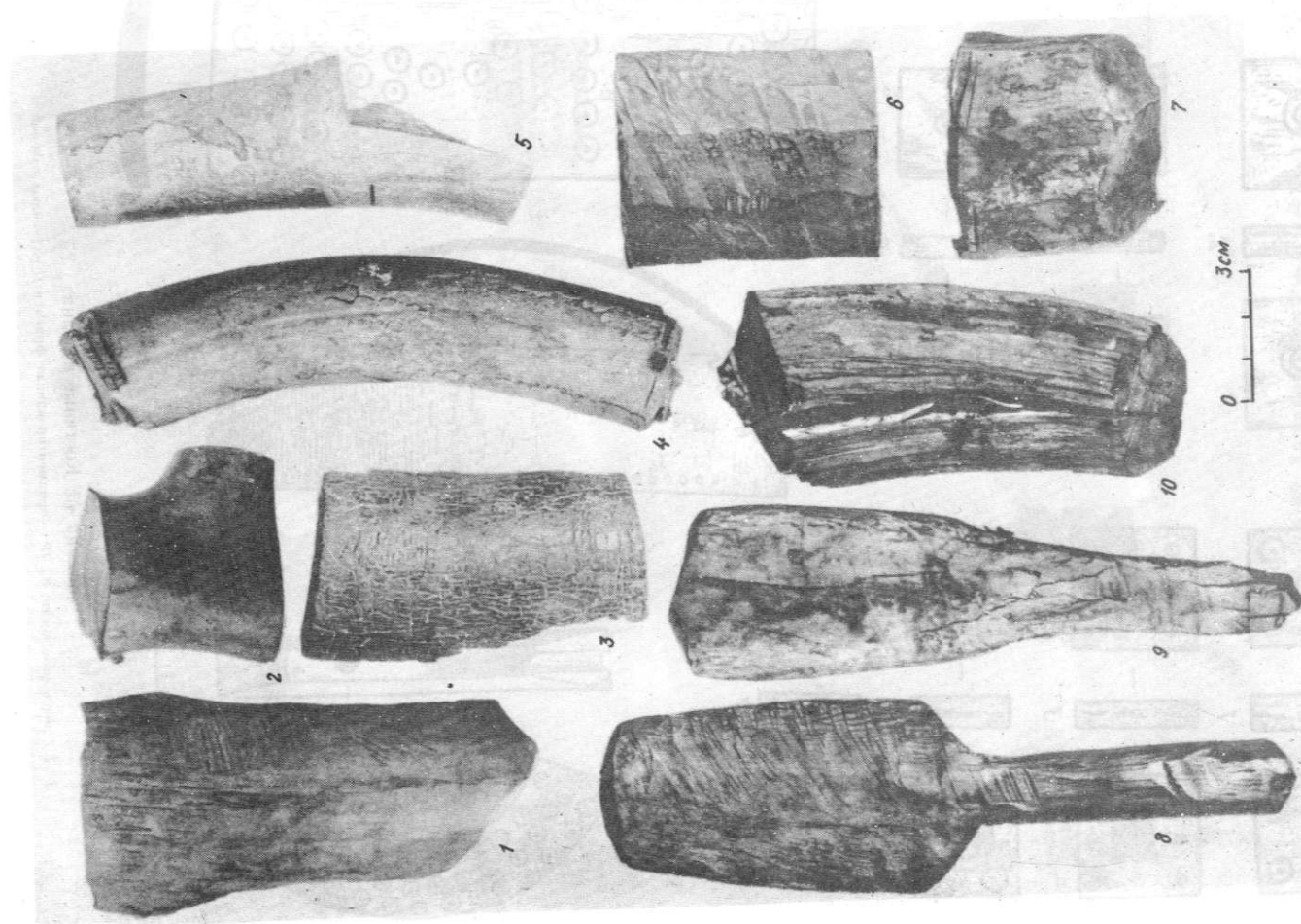

Таблица 41. Заготовки изделий из кости, рога и бивня мамонта (1—10)

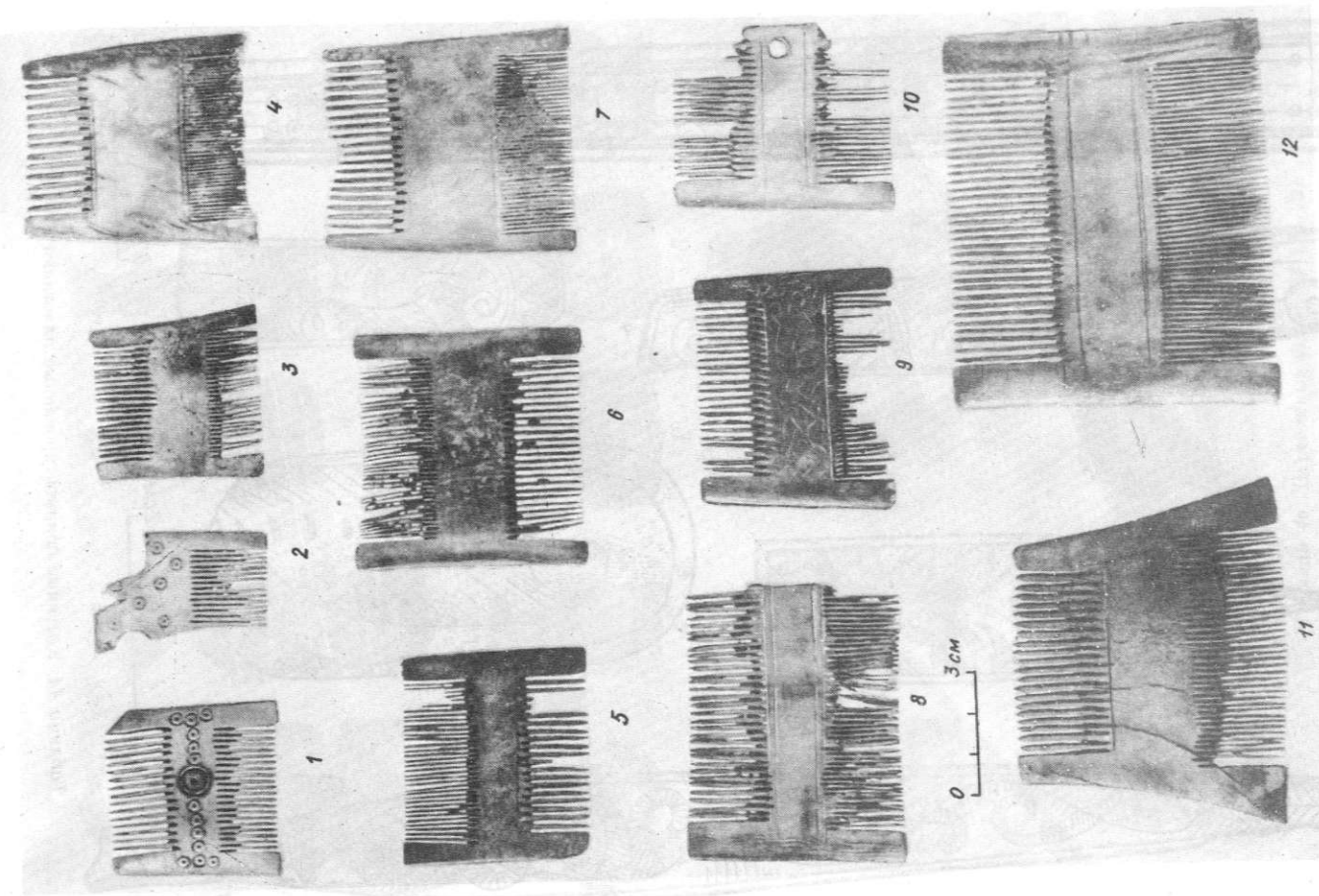

Таблица 42. Гребни из рога и бивня мамонта (1—12)

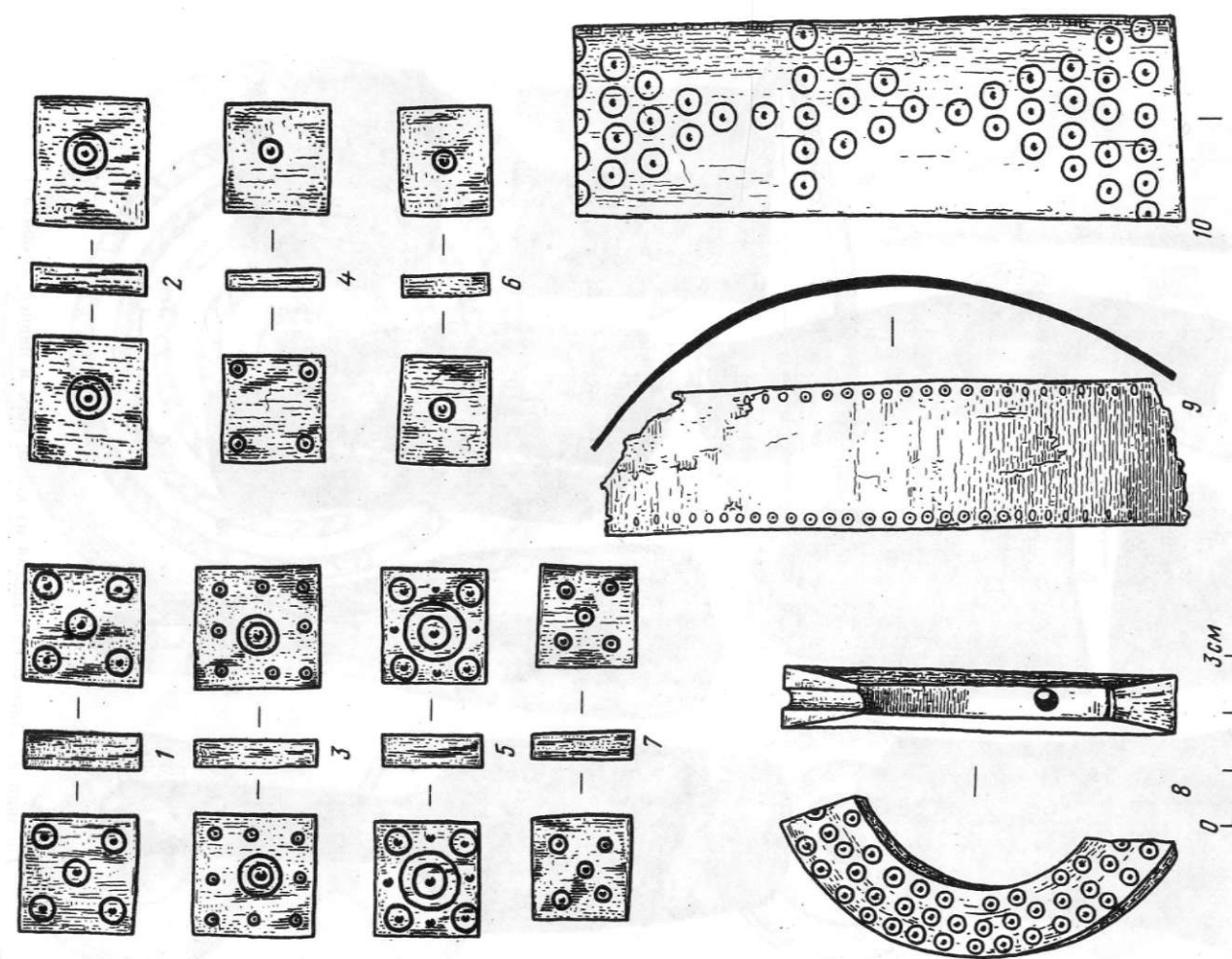

Таблица 43. Костяные изделия.
1—7 — игральные кости; 8—10 — орнаментированные фрагменты различных изделий

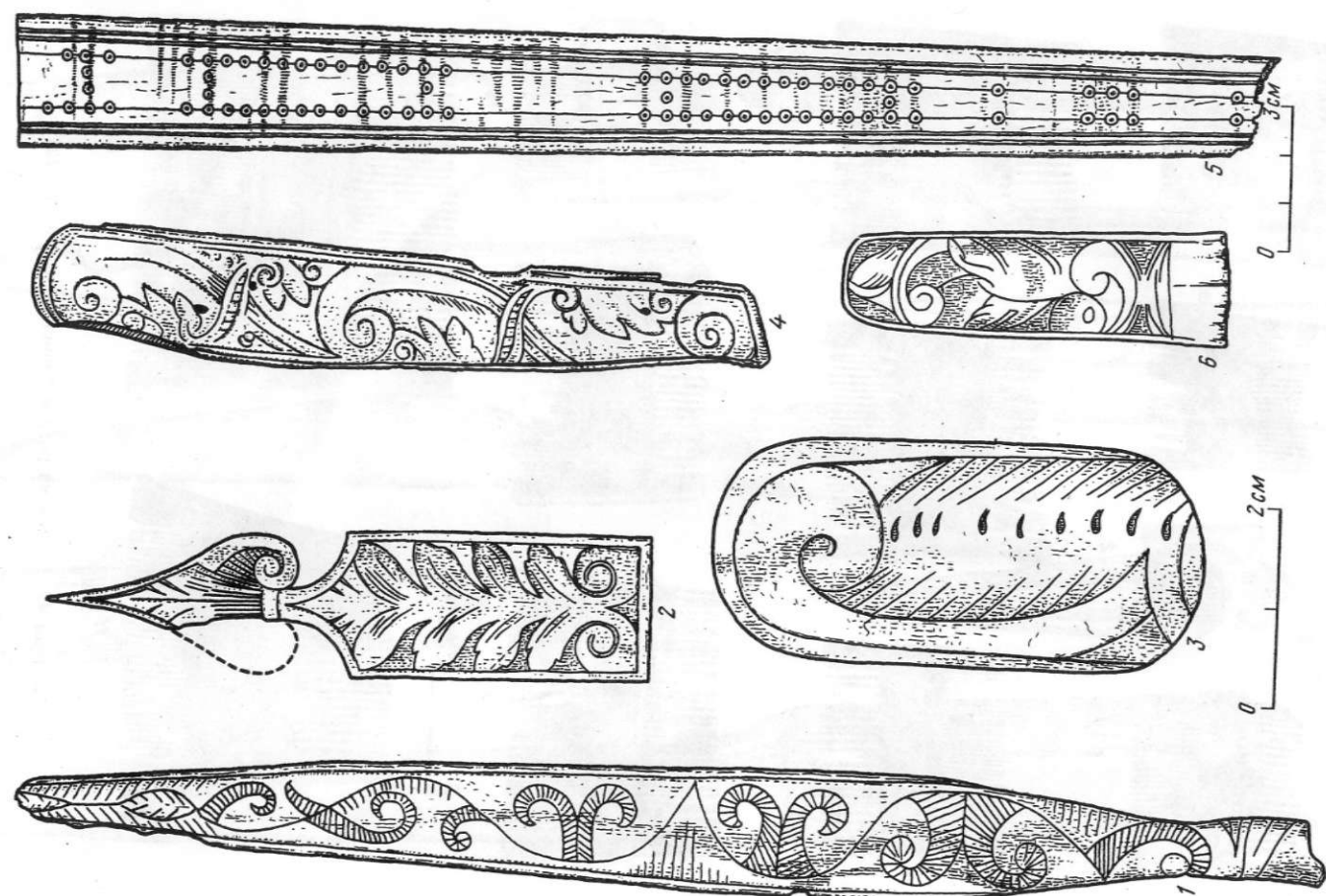

Таблица 44. Костяные орнаментированные пластины (1—6)

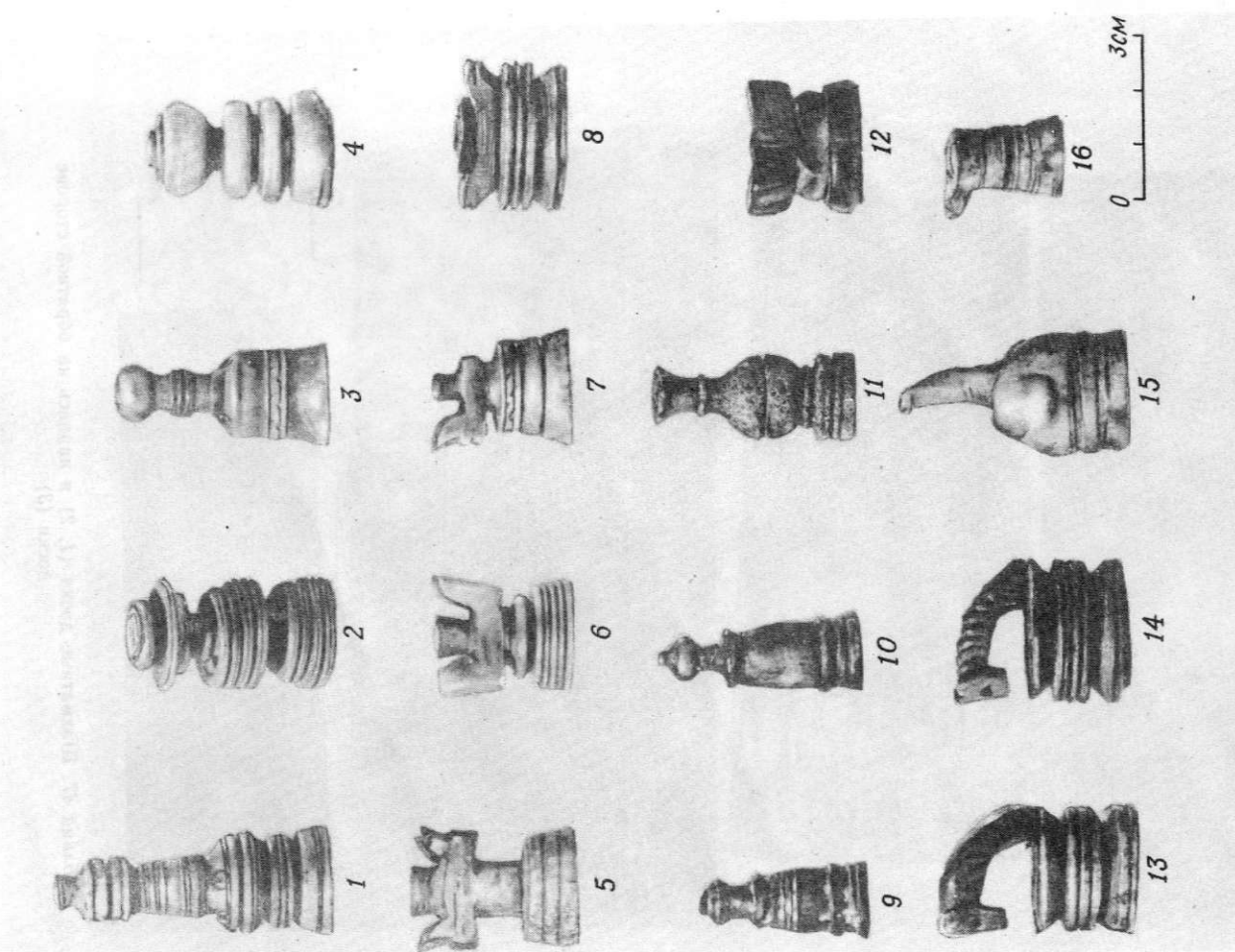

Таблица 45. Костяные шахматы (1—16)

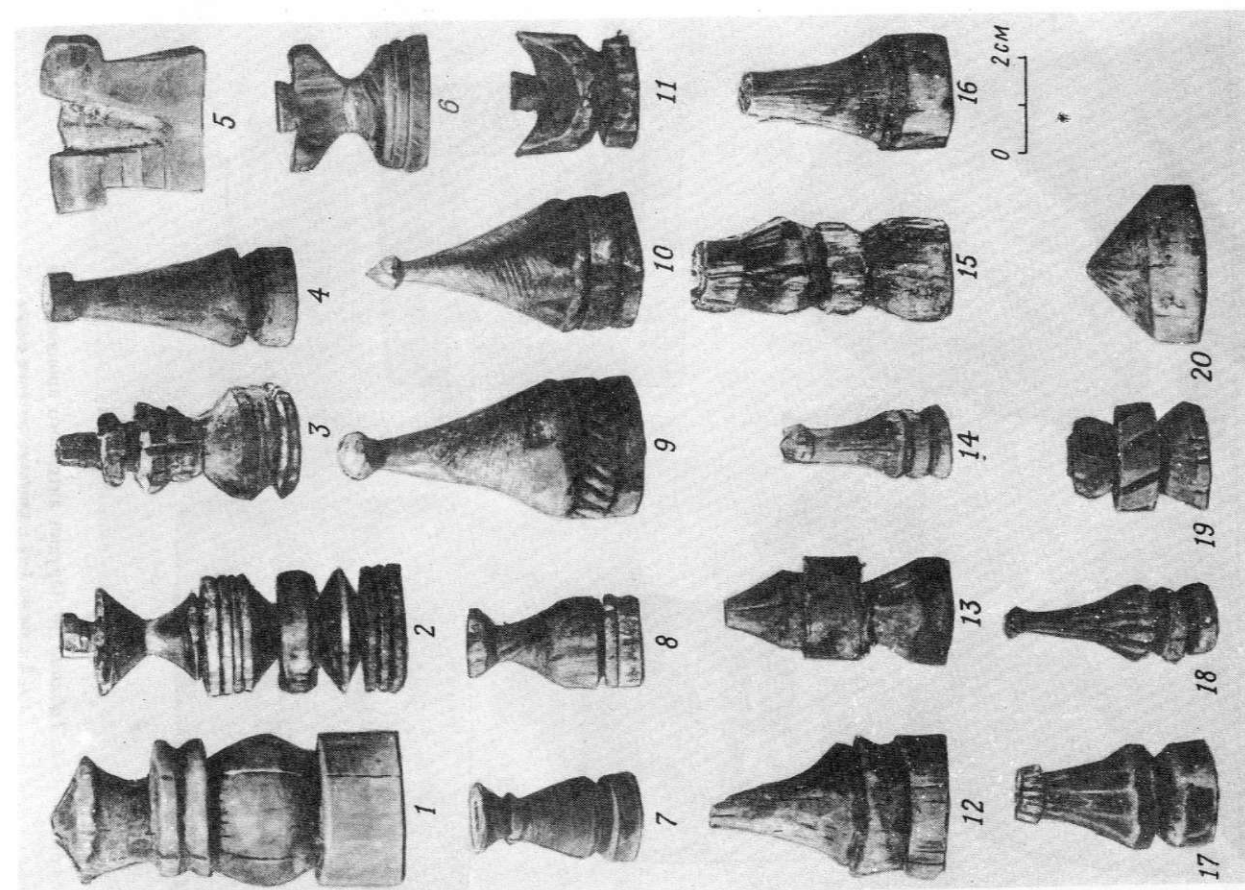

Таблица 46. Деревянные шахматы (1—20)

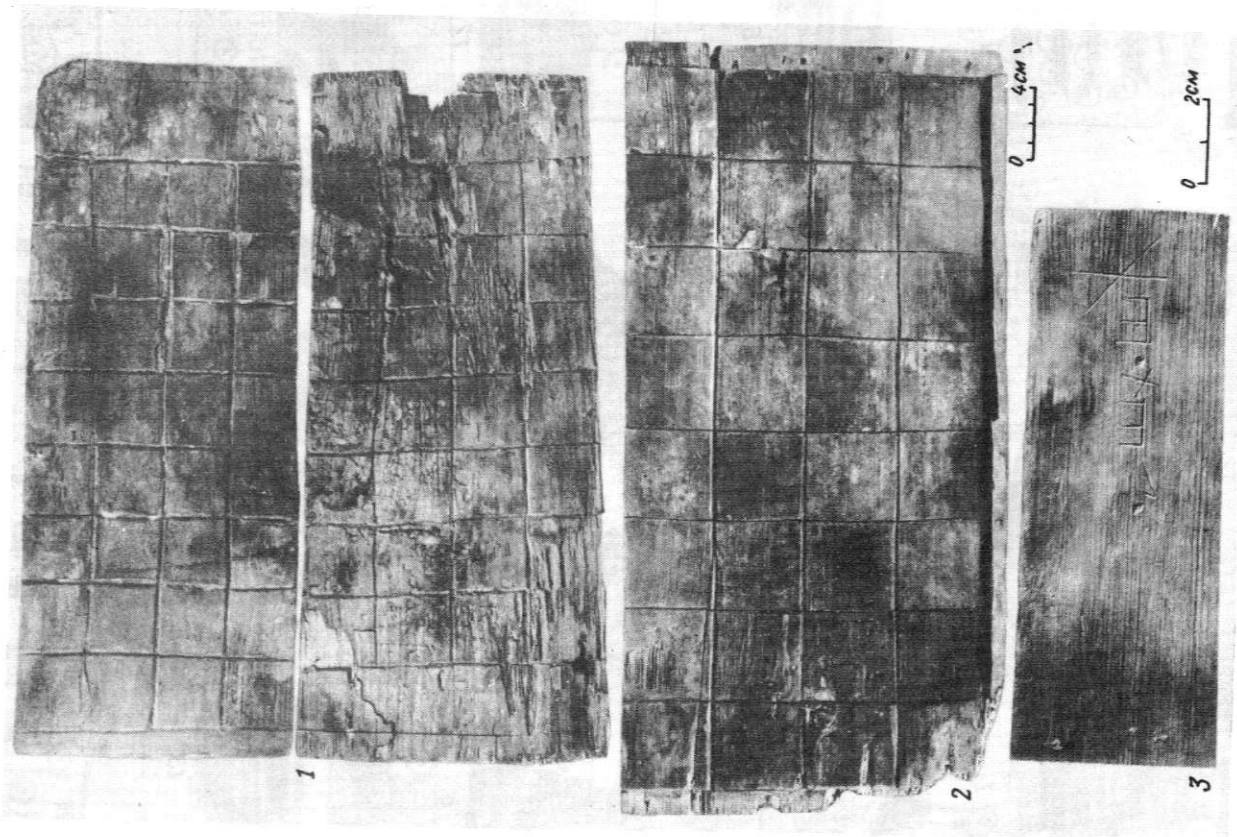

Таблица 47. Шахматные доски (1, 2) и надписи на обратной стороне доски (3)

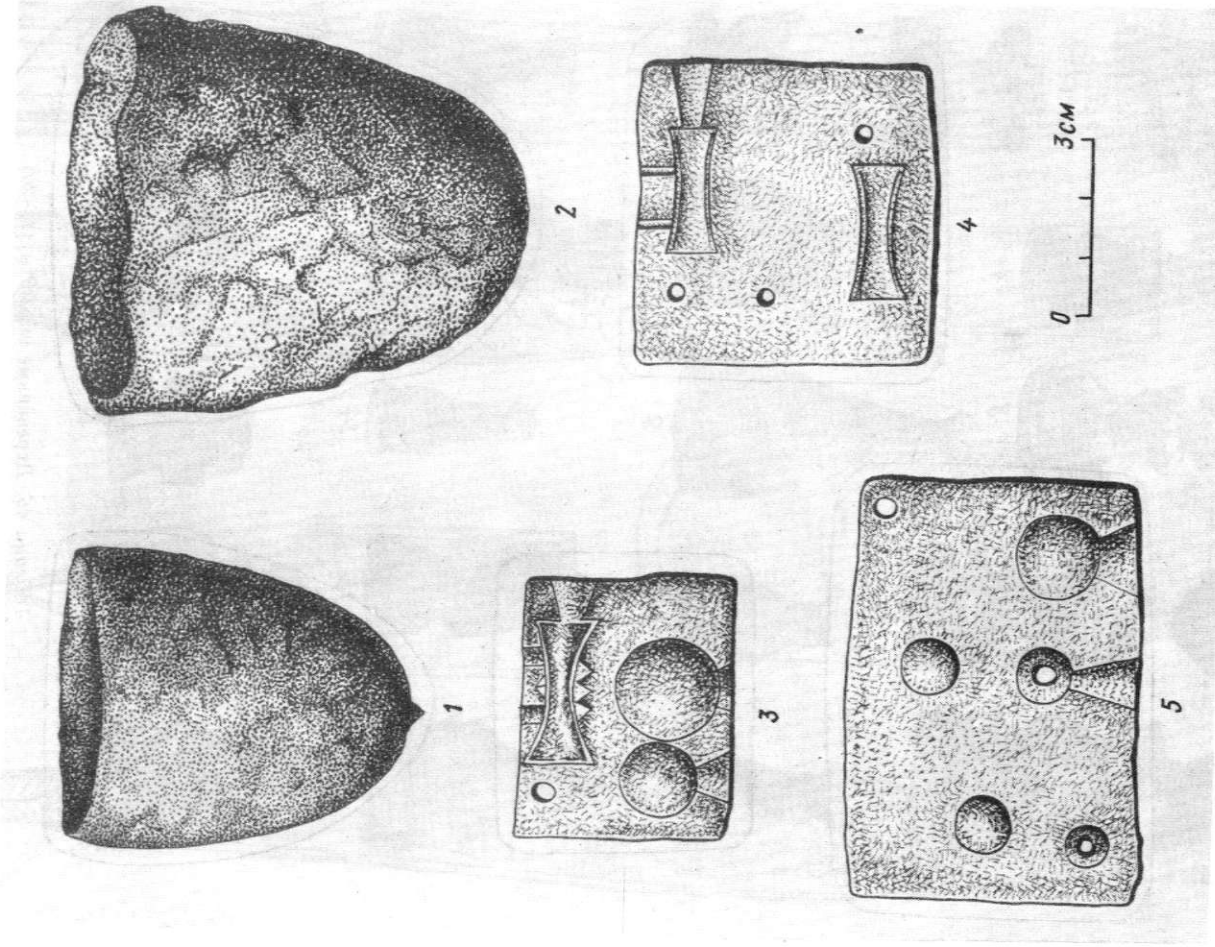

Таблица 48. Орудия литейного производства
1, 2 — тигли; 3—5 — каменные литейные формы

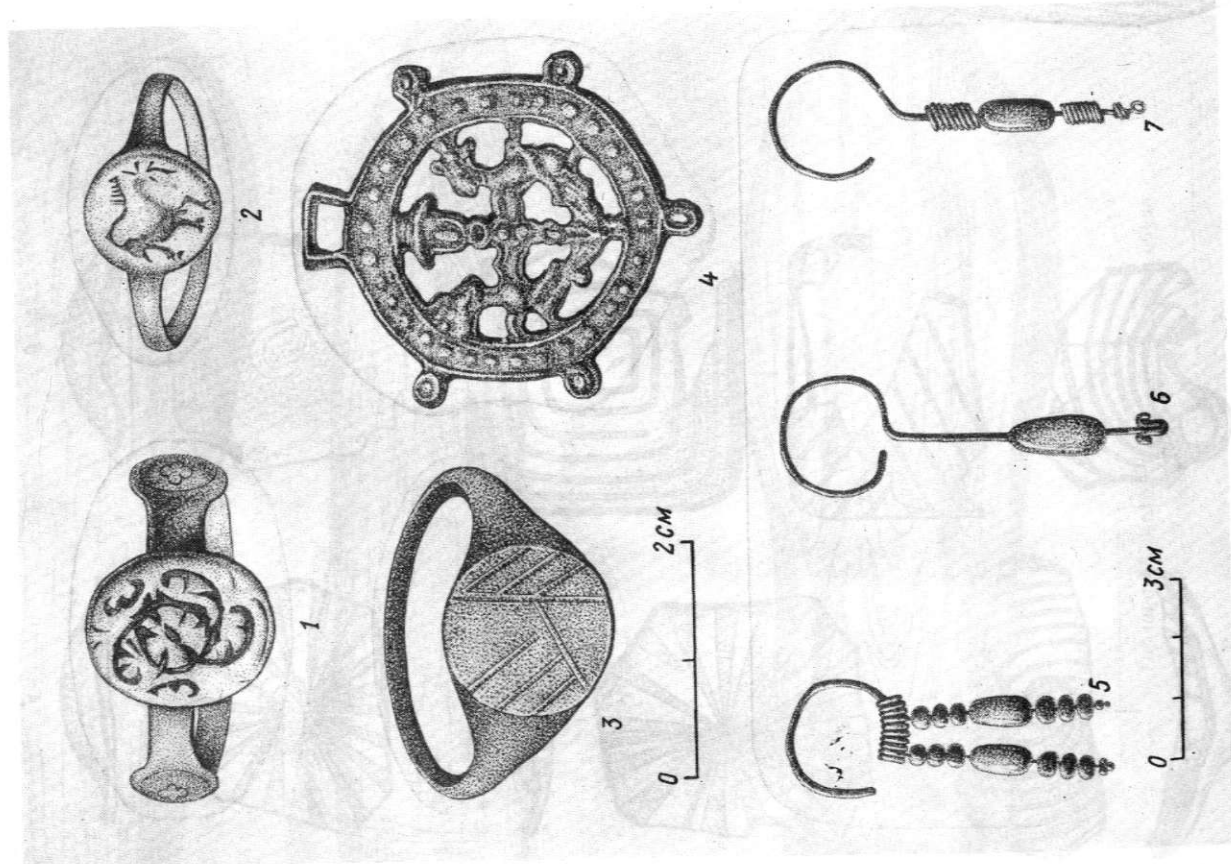

Таблица 49. Ювелирные изделия
1—3 — перстни; 4 — ажурная бахча; 5—7 — серьги

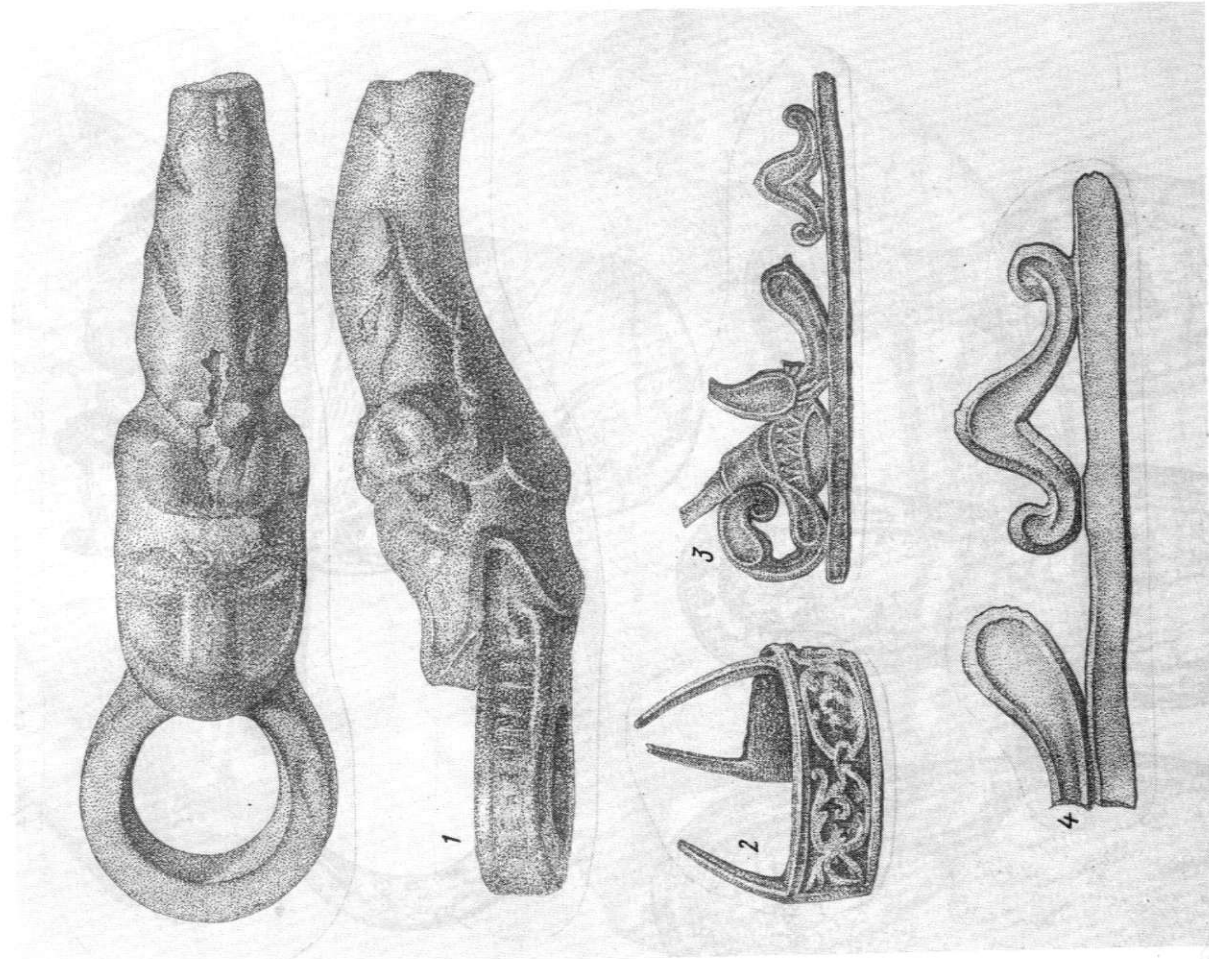

Таблица 50. Образцы фигурного литья
1 — фрагмент оловянной ручки; 2 — подставка; 3, 4 — фрагменты ажурного литья

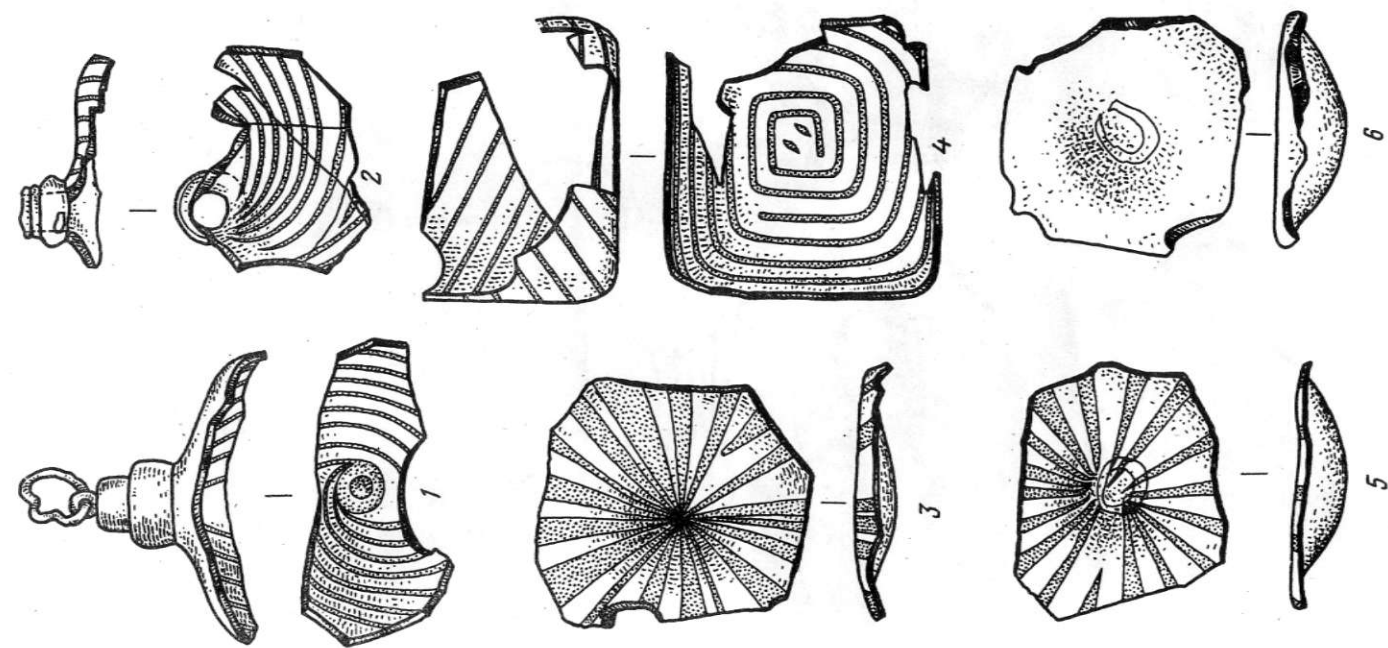

Таблица 51. Фрагменты стеклянных штофов (1—6)

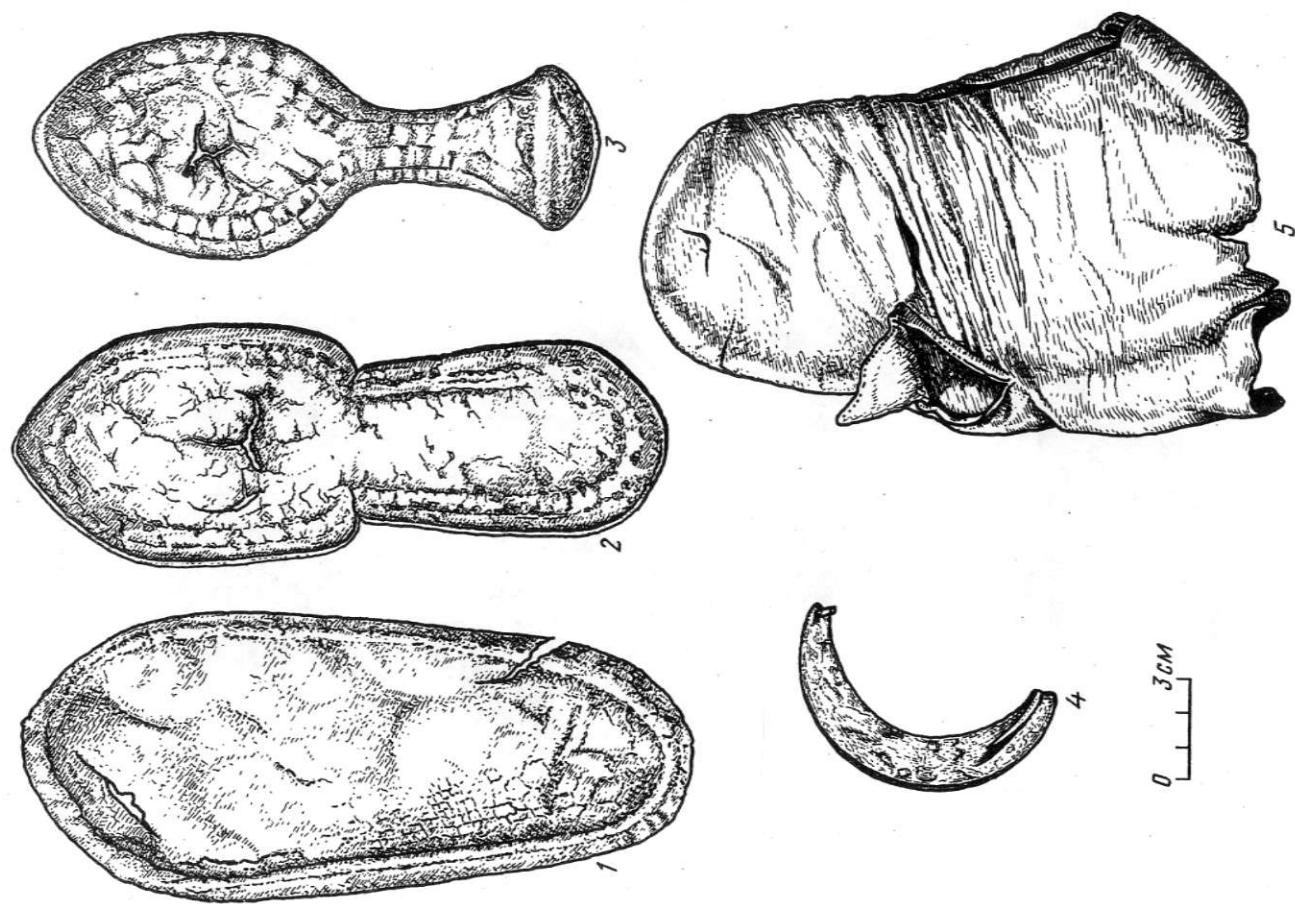

Таблица 52. Фрагменты кожаных изделий
1 — подошва башмака; 2 — подошва башмака 2-го типа; 3 — подошва женского башмака с каблучком; 4 — металлическая подкова; 5 — рукавица

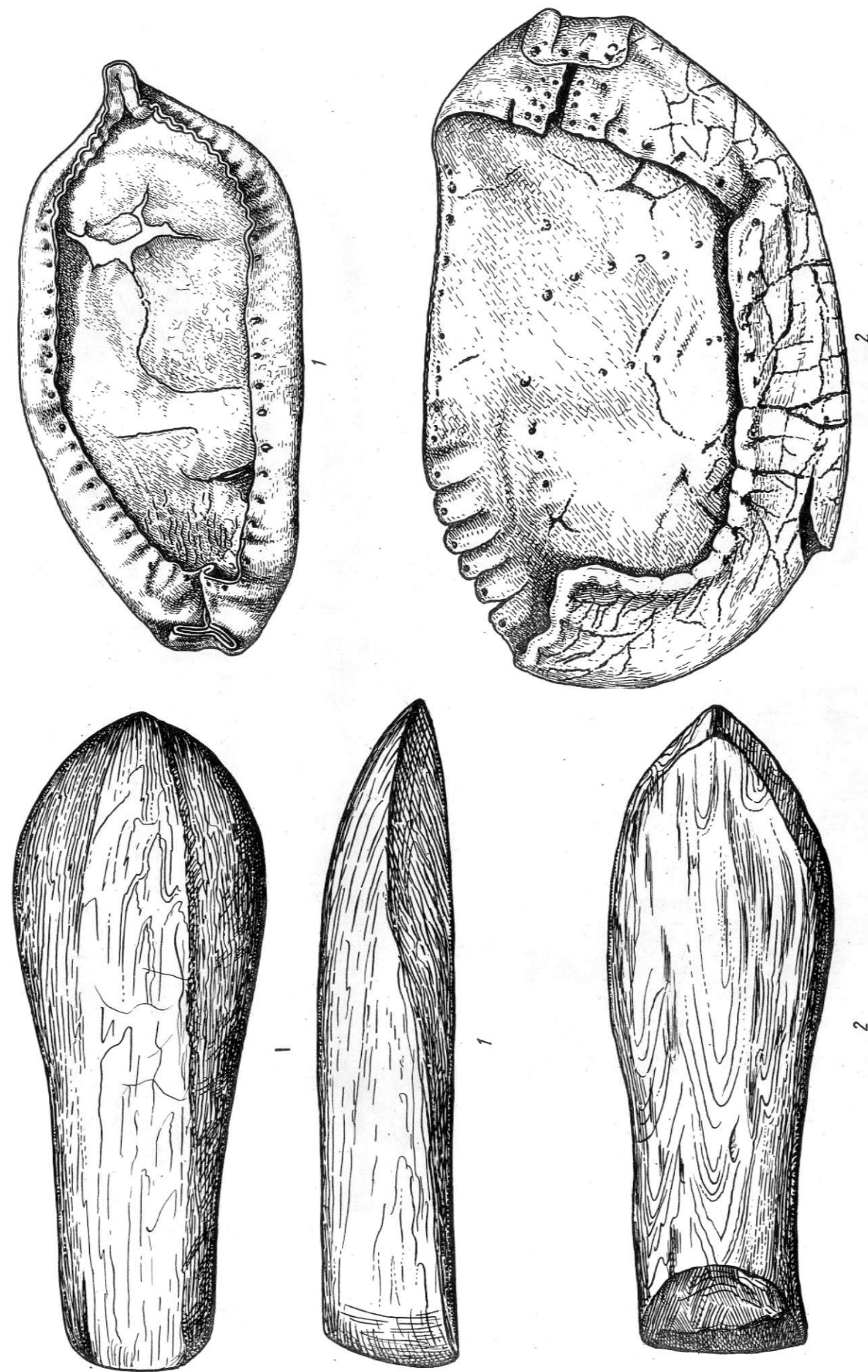

Таблица 53. Колотки для изготовления обуви
1 — правый; 2 — левый

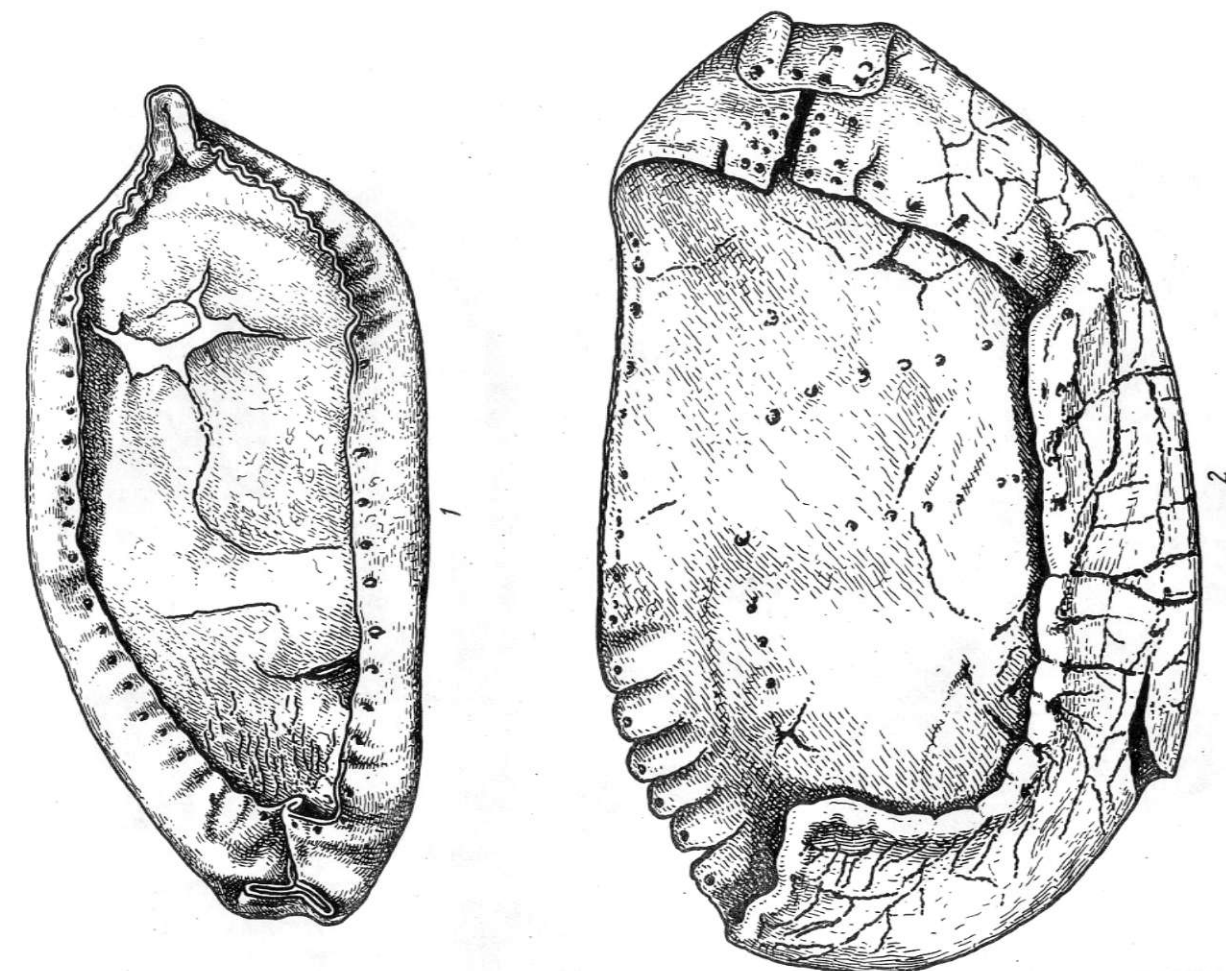

Таблица 54. Поршни
1 — женский; 2 — мужской

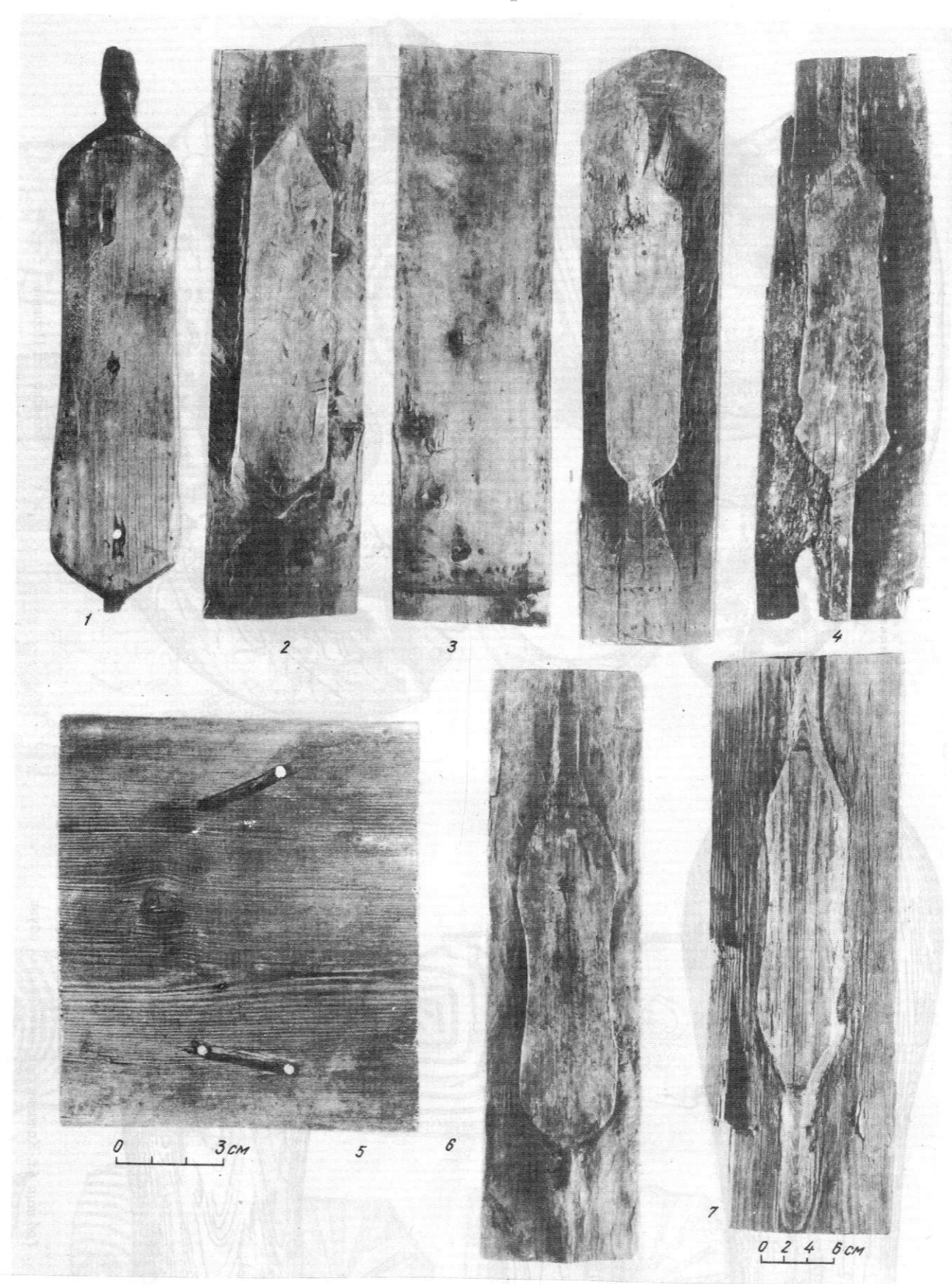

Таблица 55. Ступательные площадки лыж (1—7)

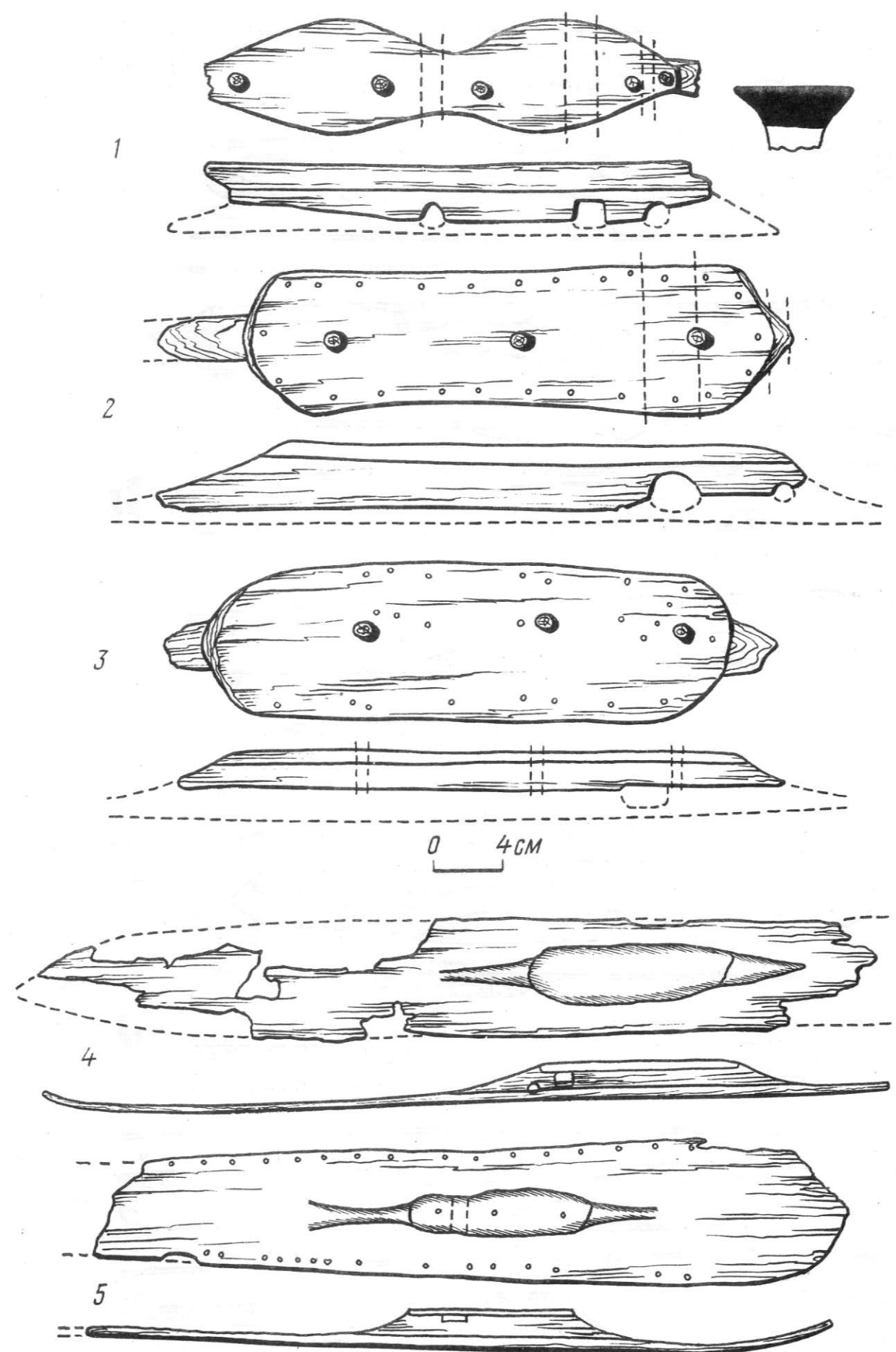

Таблица 56. Лыжи типа 1-а (1—5)

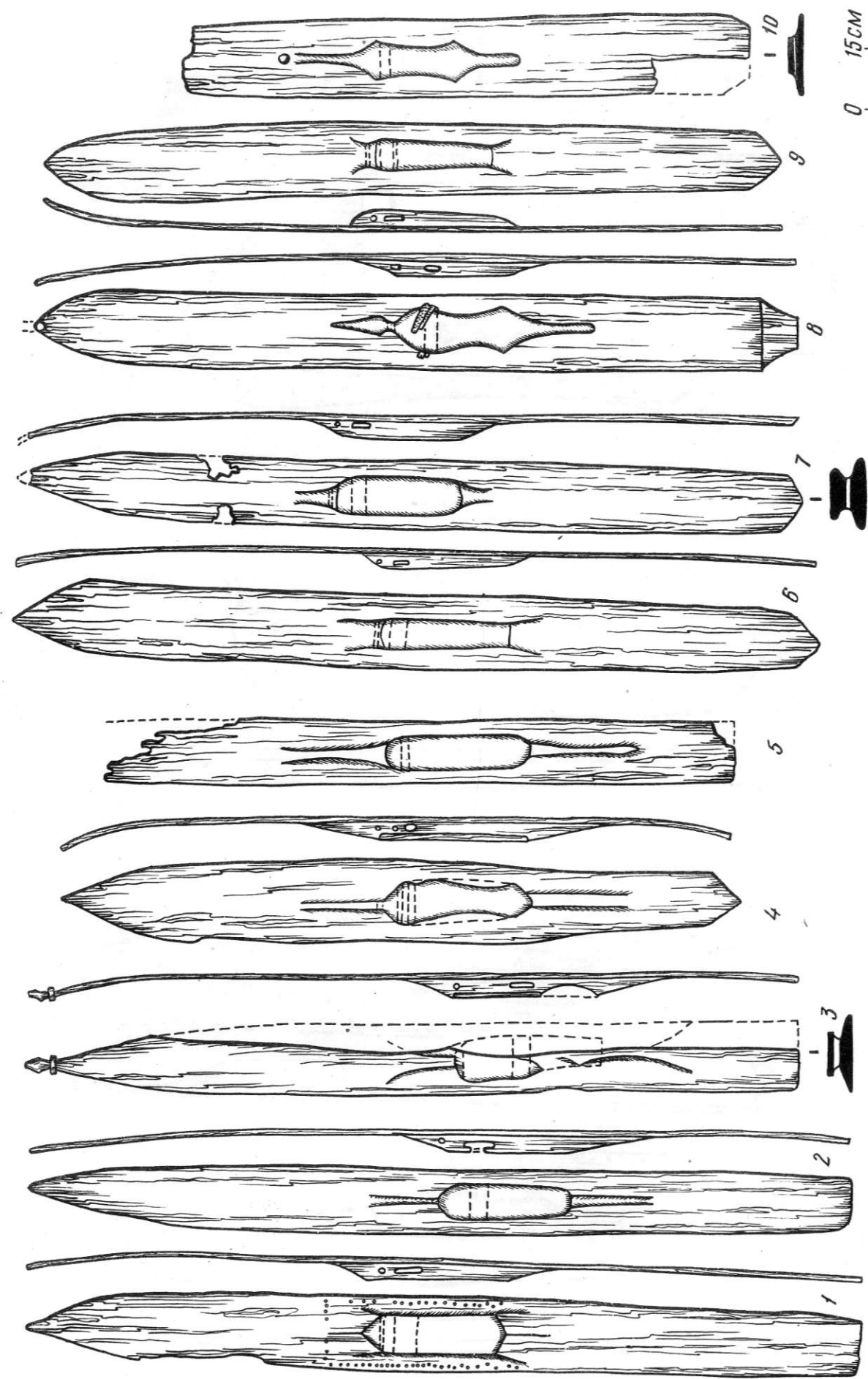

Таблица 57. Лыжи типа 1-6 (1-10)

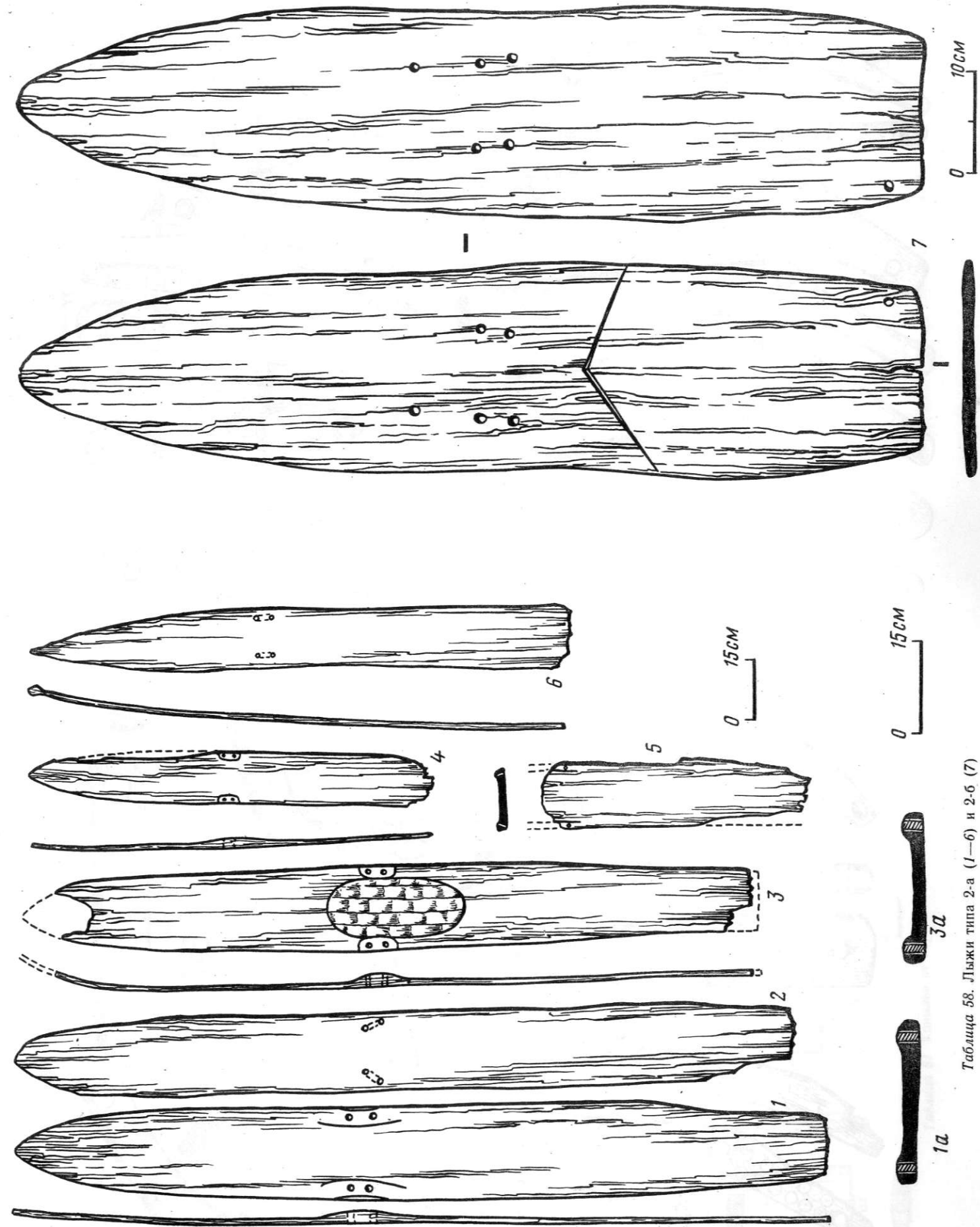

Таблица 58. Лыжи типа 2-а (1-6) и 2-б (7)

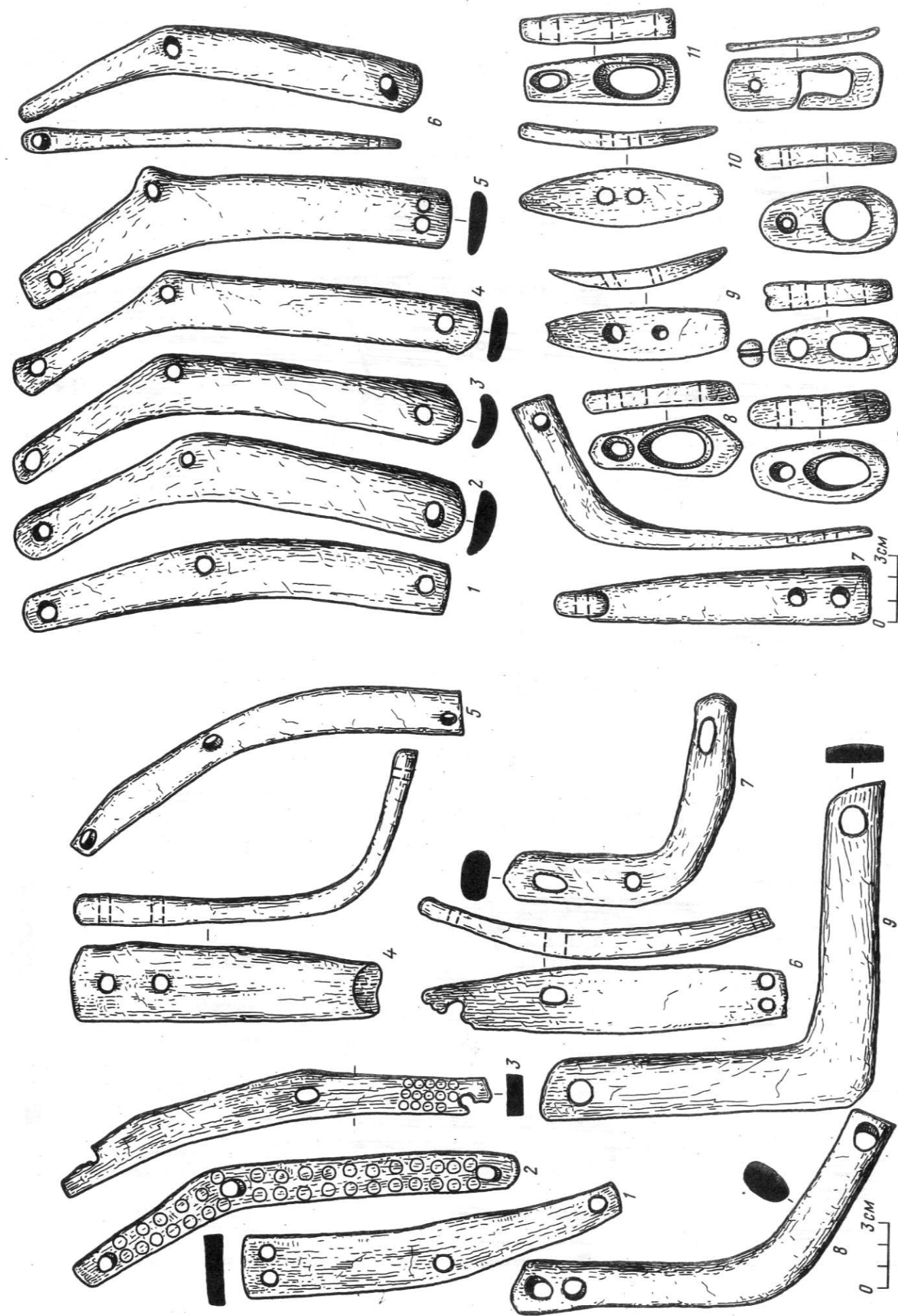

Таблица 60. Детали оленьей упряжи (недоузда)

1—3 — нащечные пластины; 4, 6—9 — нащечные пластины

1—5 — нащечные пластины от недоузда; 6—9 — упряжки; 10 — пластины для трещинок оленьих манашек; 11—15 — блоки арканов; 9, 10 — пеньки

Таблица 60. Детали оленьей упряжи

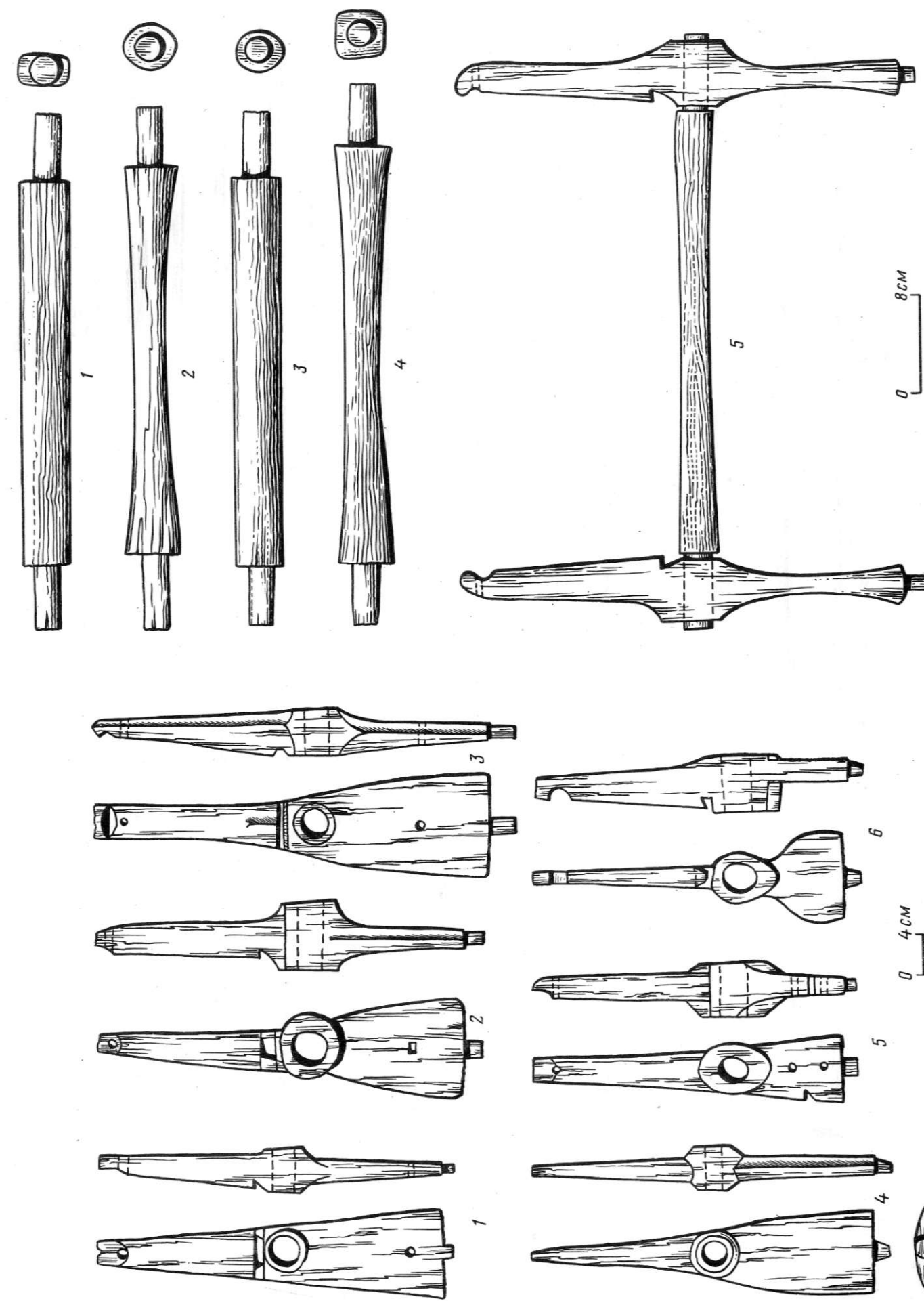

Таблица 61. Копыльца от нарт (1—6)

Таблица 62. Виды нартенных вьюзов (1—5)

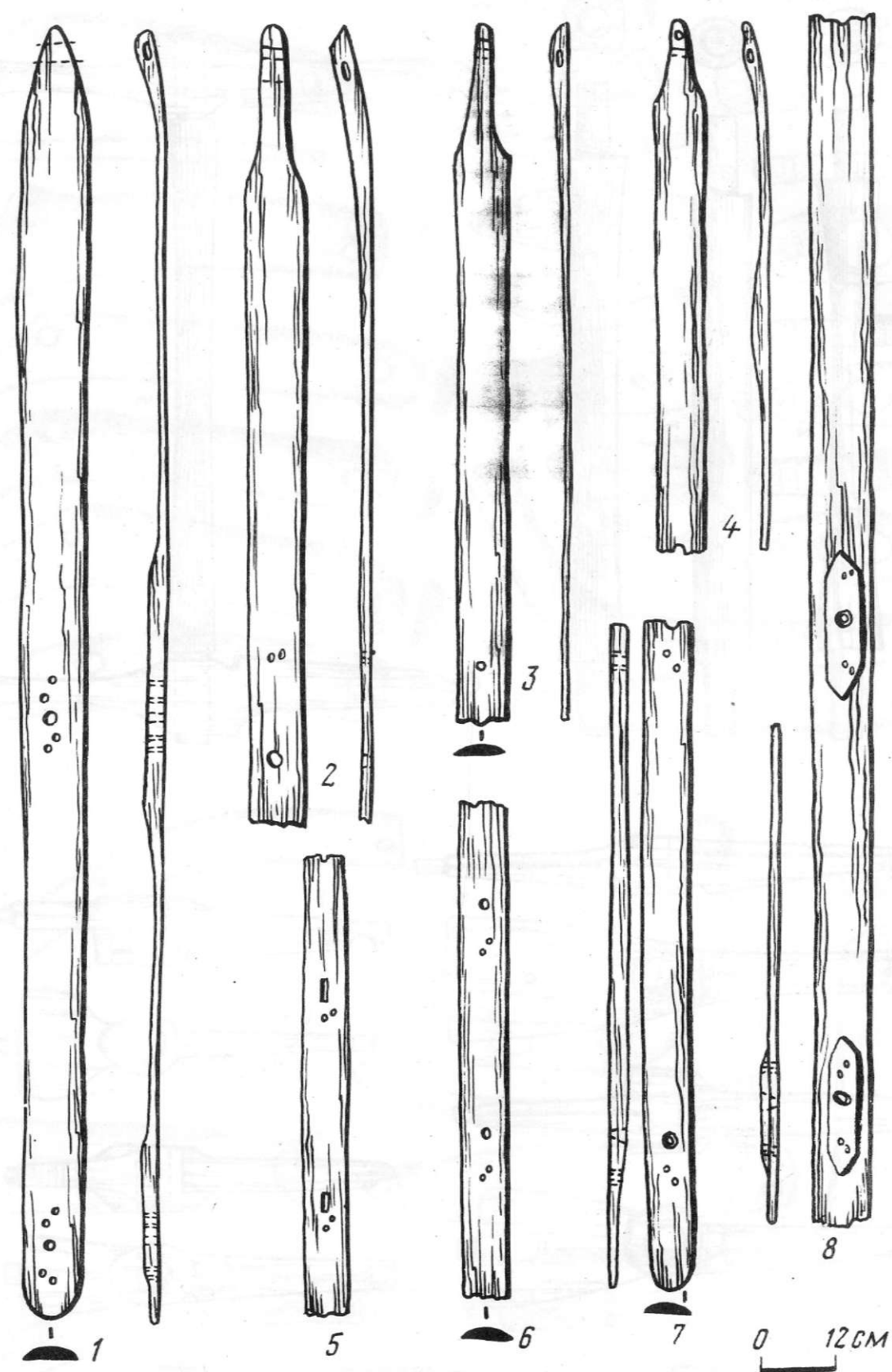

Таблица 63. Полозья от нарт (1—8)

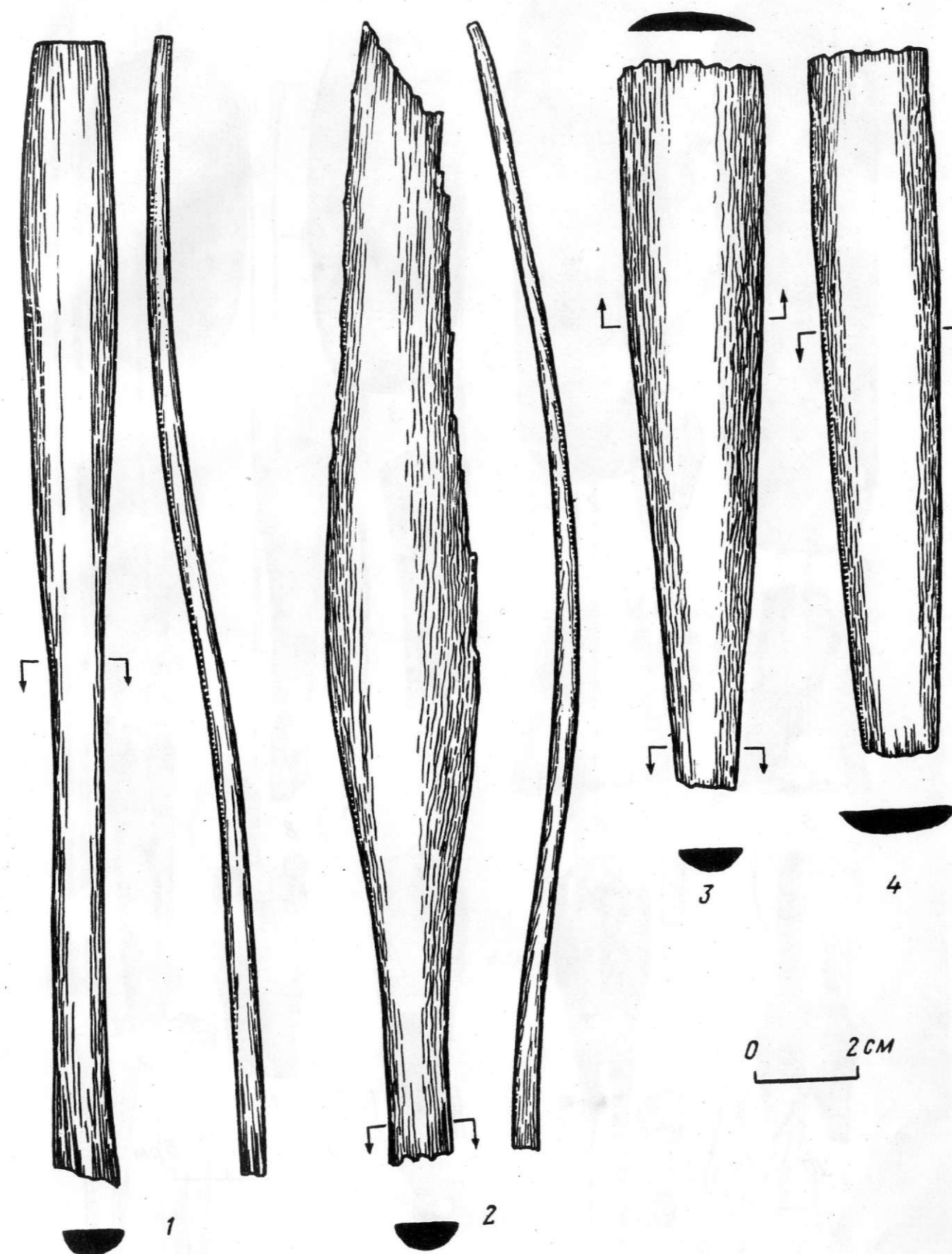

Таблица 64. Деревянные фрагменты составных луков (1—4)

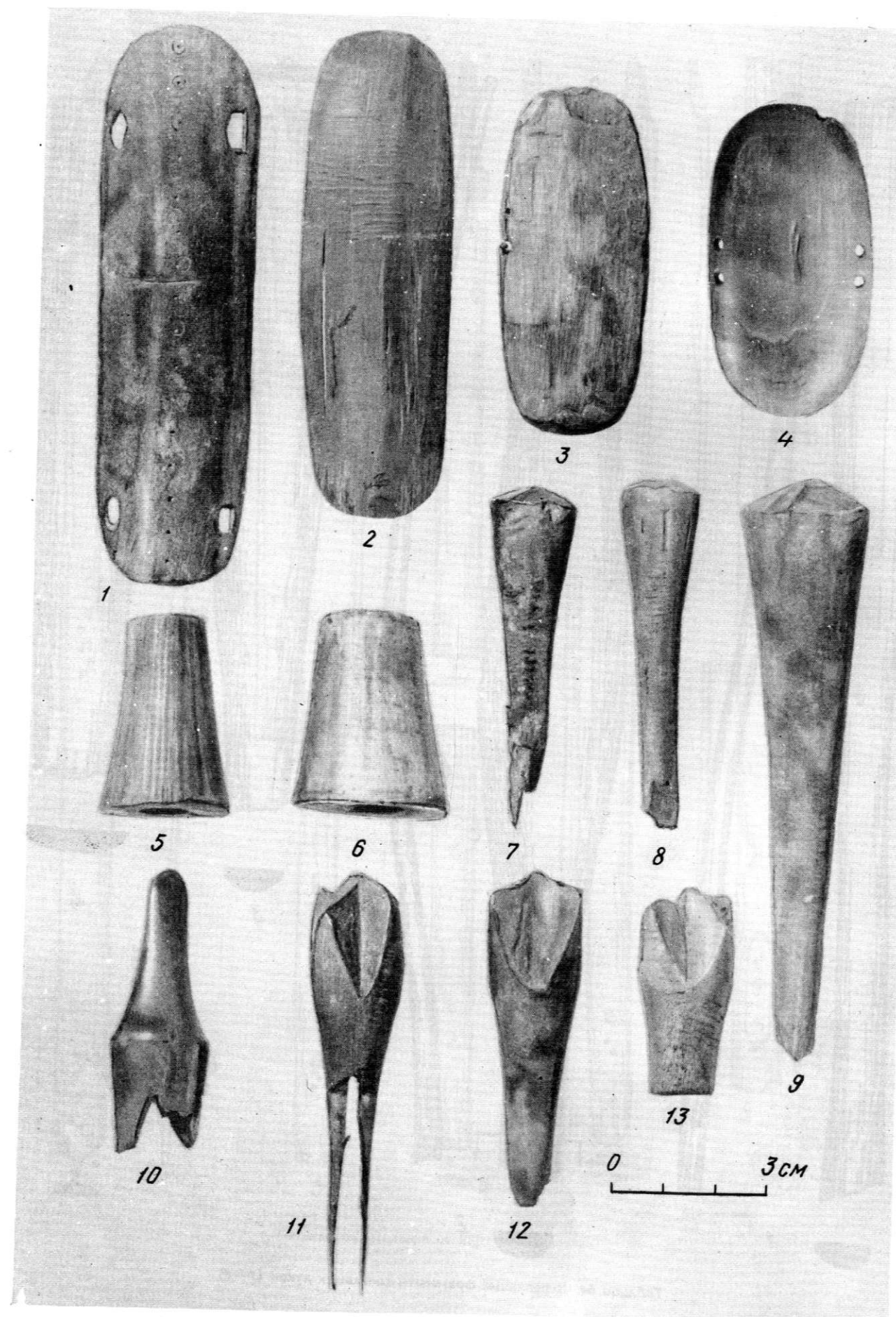

Таблица 65. Костяные щитки (1—4) и томары (5—13)

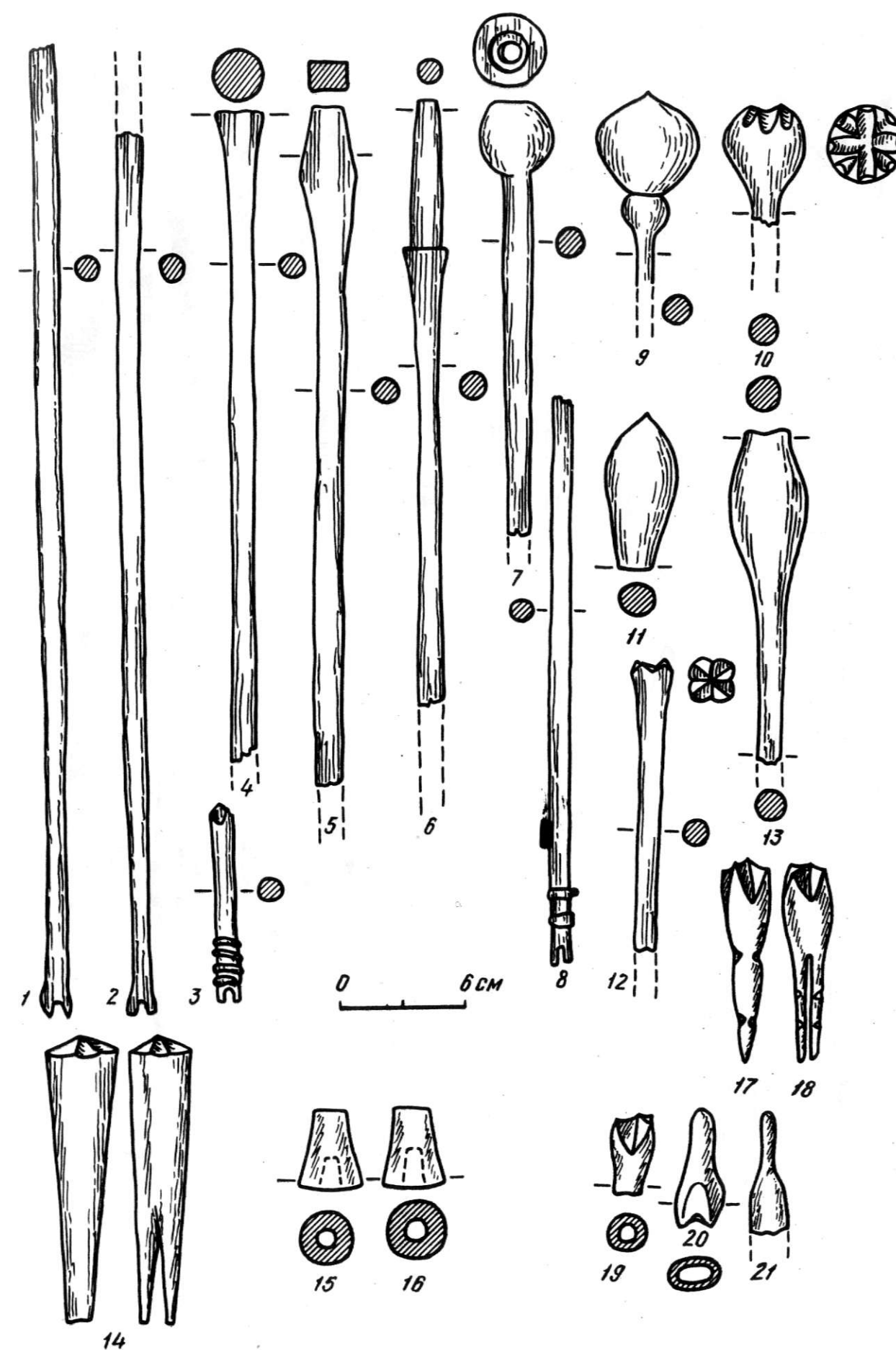

Таблица 66. Деревянные древки стрел (1—6) и томары (7—21)

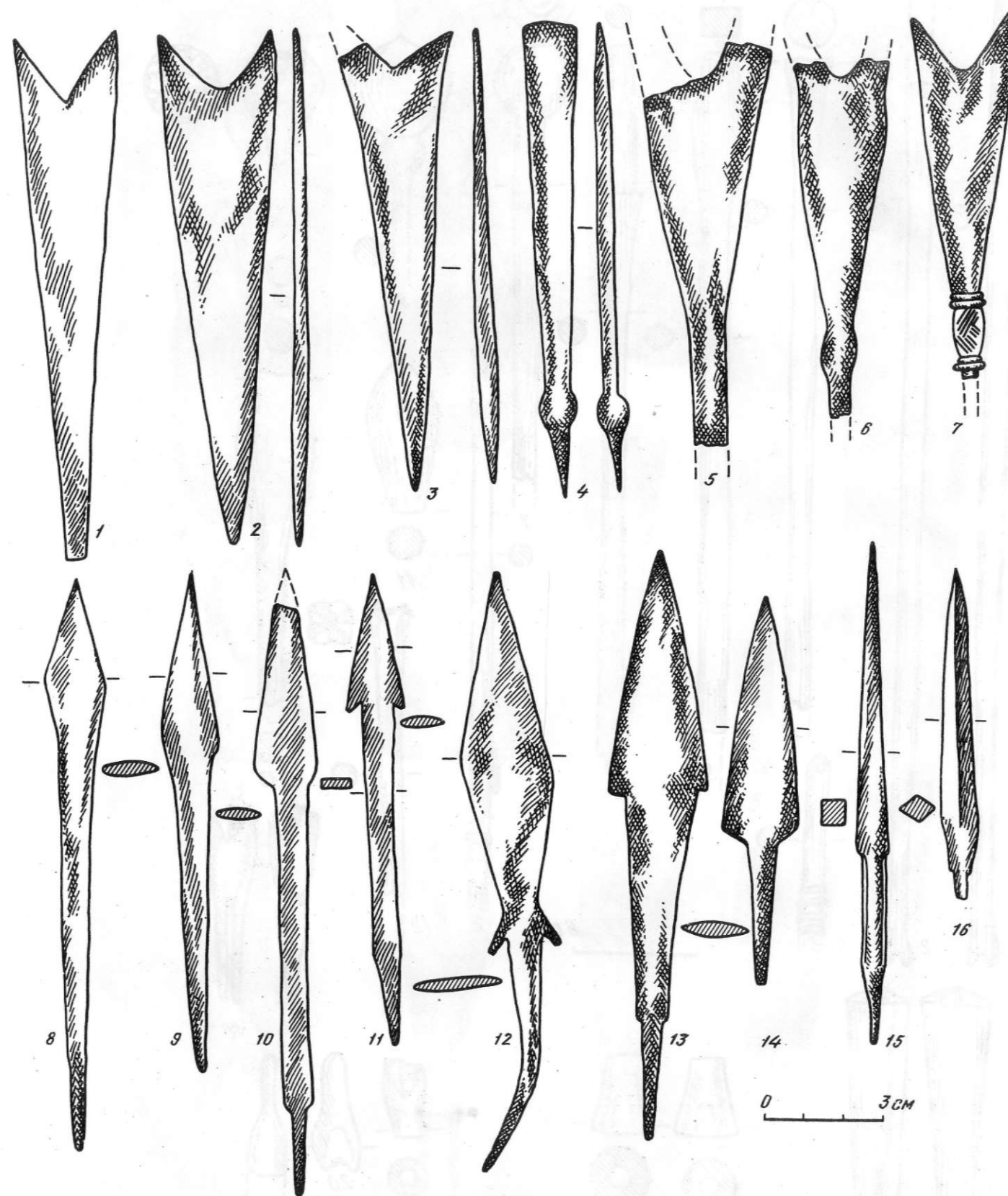

Таблица 67. Железные наконечники стрел (1—16)

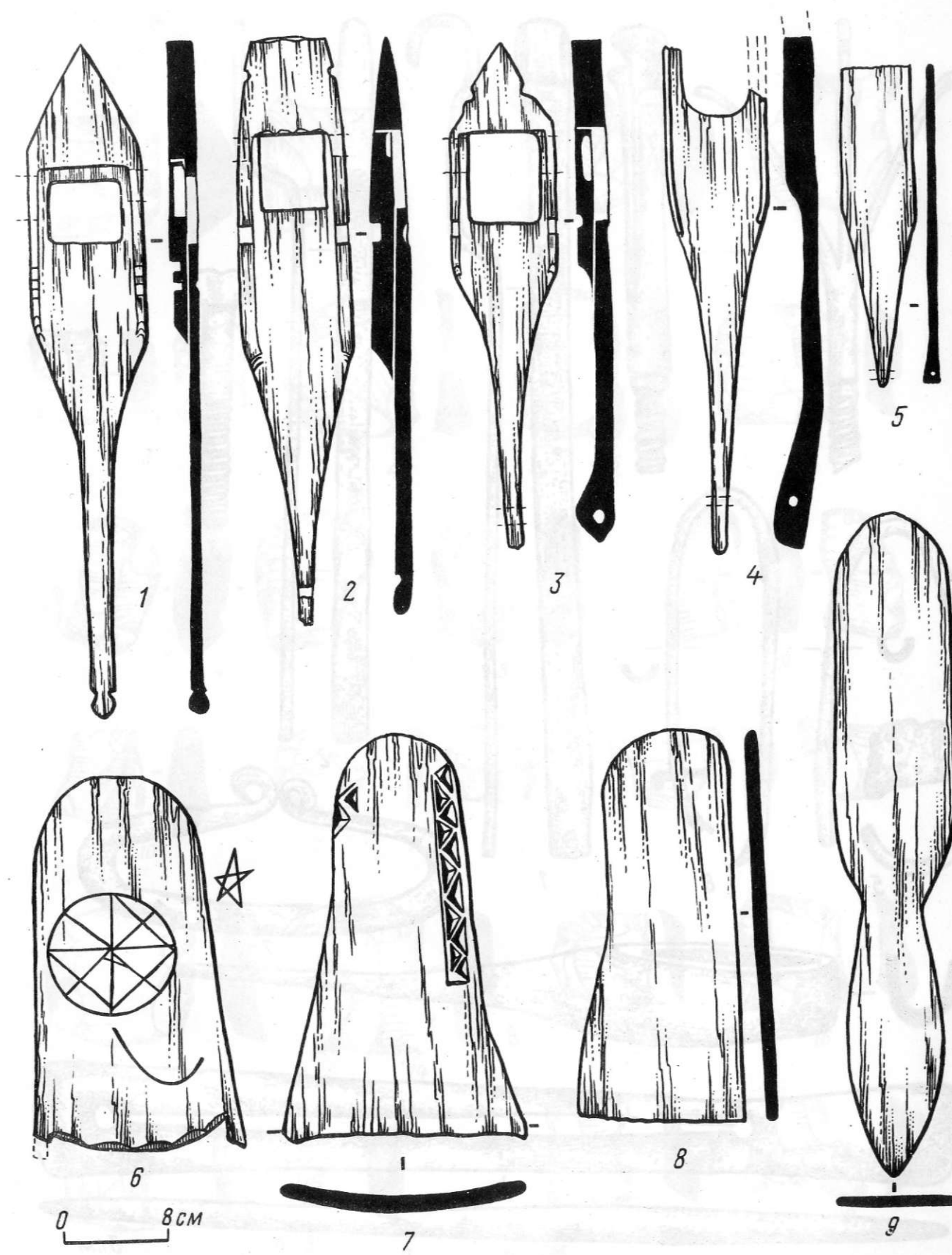

Таблица 68. Орудия промыслов (1—9)
1—4 — фрагменты ловушек; 5—8 — распялки для шкур

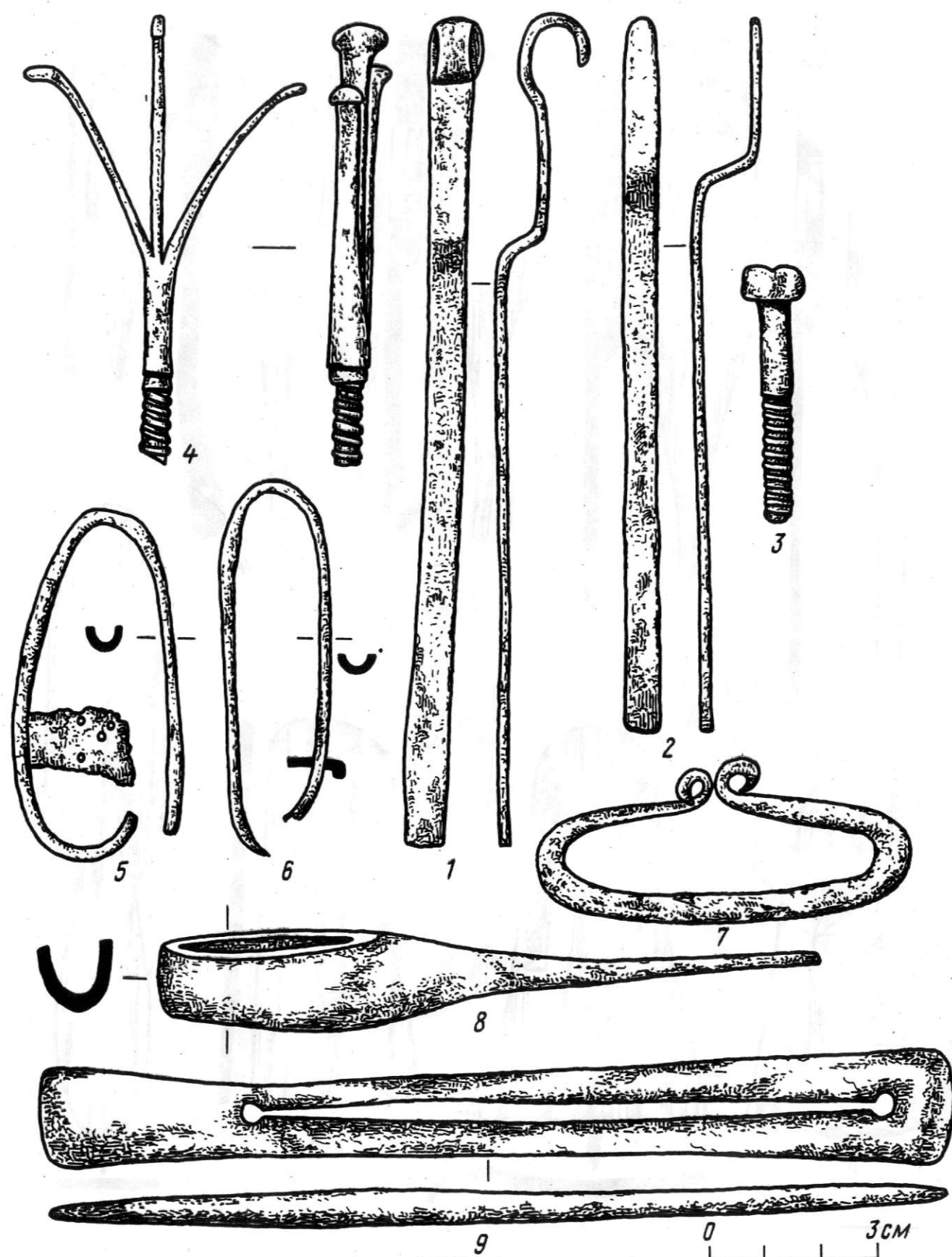

Таблица 69. Изделия из железа

1, 2 — скобы от пищалей; 3 — винт от кремневого ружейного замка; 4 — шомпол пищальный; 5, 6 — оковки саблей; 7 — кресало; 8 — пулелейка; 9 — отвертка

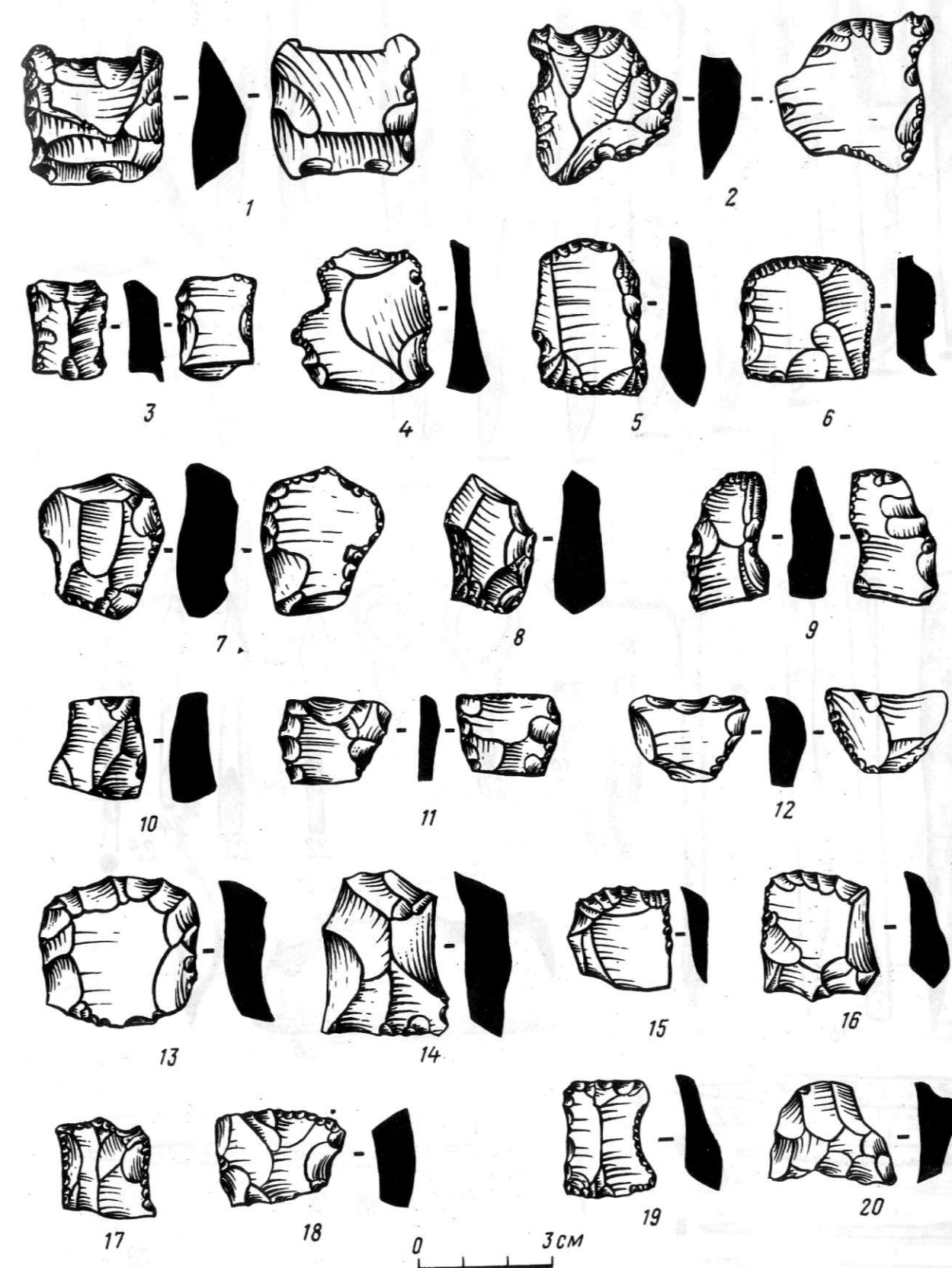

Таблица 70. Пищальные кремни (1—20)

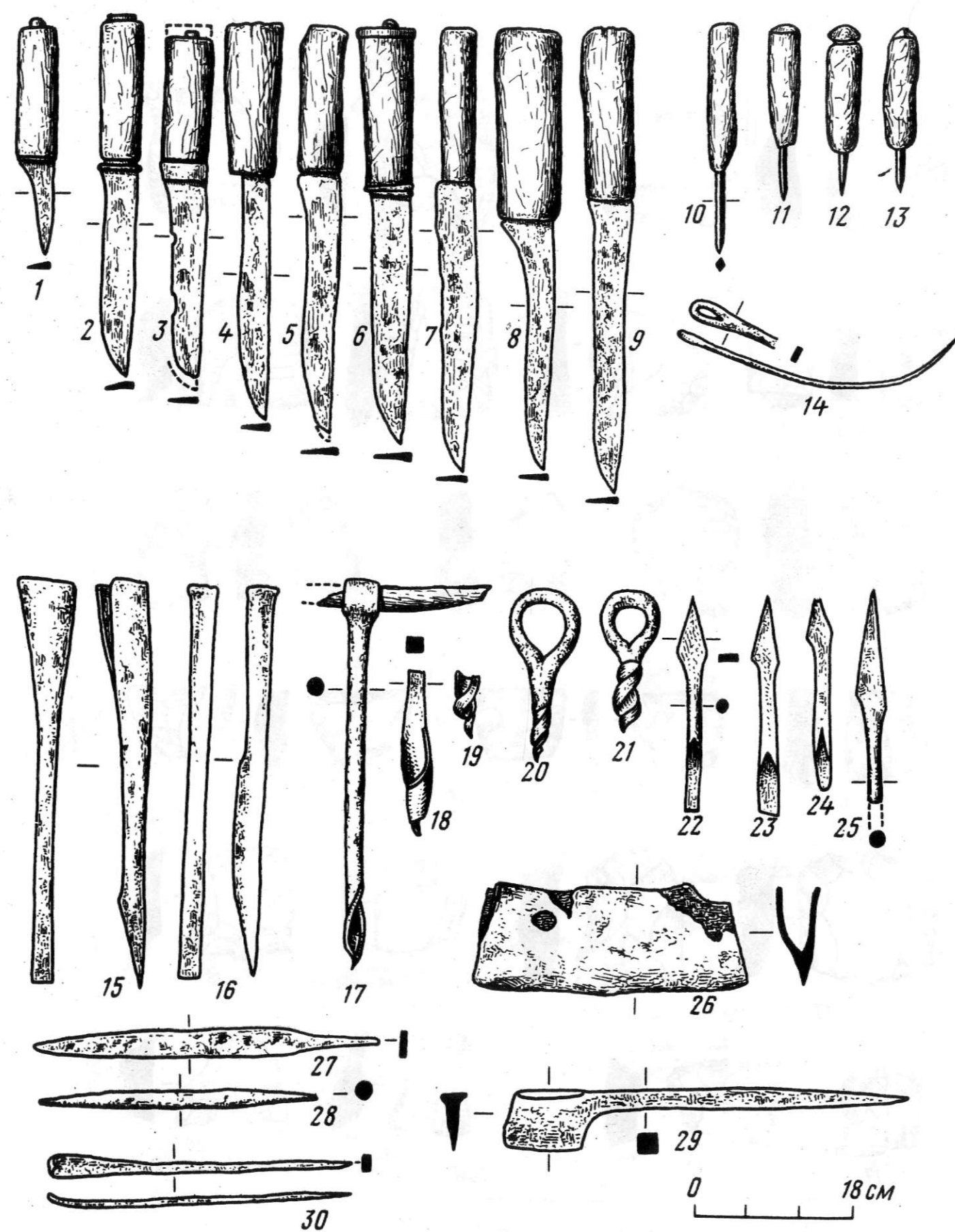

Таблица 71. Железные инструменты
1—9 — ножи; 10—13 — шила; 14 — игла; 15, 16 — долота; 17—21 — буравчики; 22—25 — сверла; 26 — оковка лопаты;
27, 28 — напильники; 29 — инструмент для разрубания металла; 30 — резец

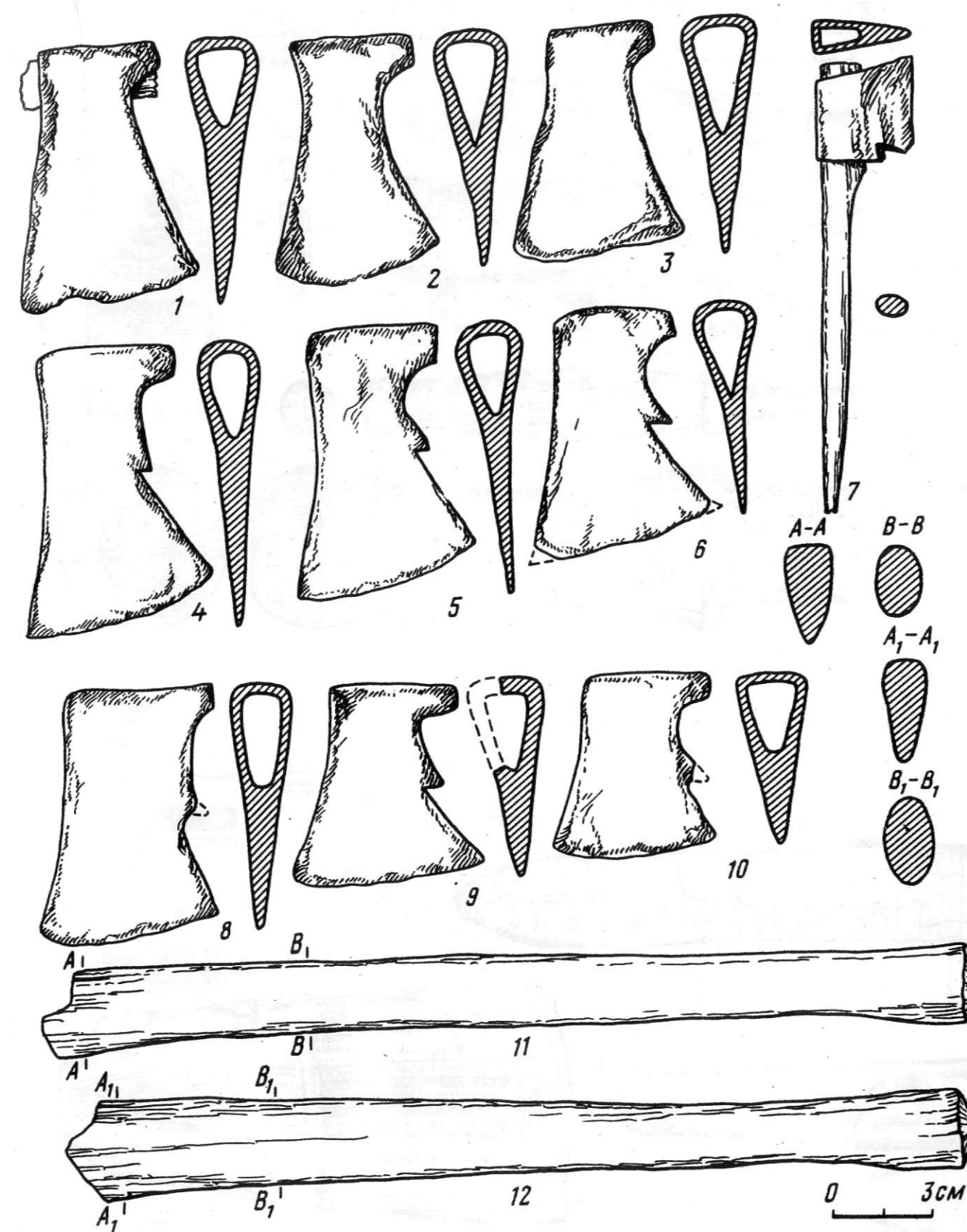

Таблица 72. Железные топоры (1—10), топорыща (11, 12)

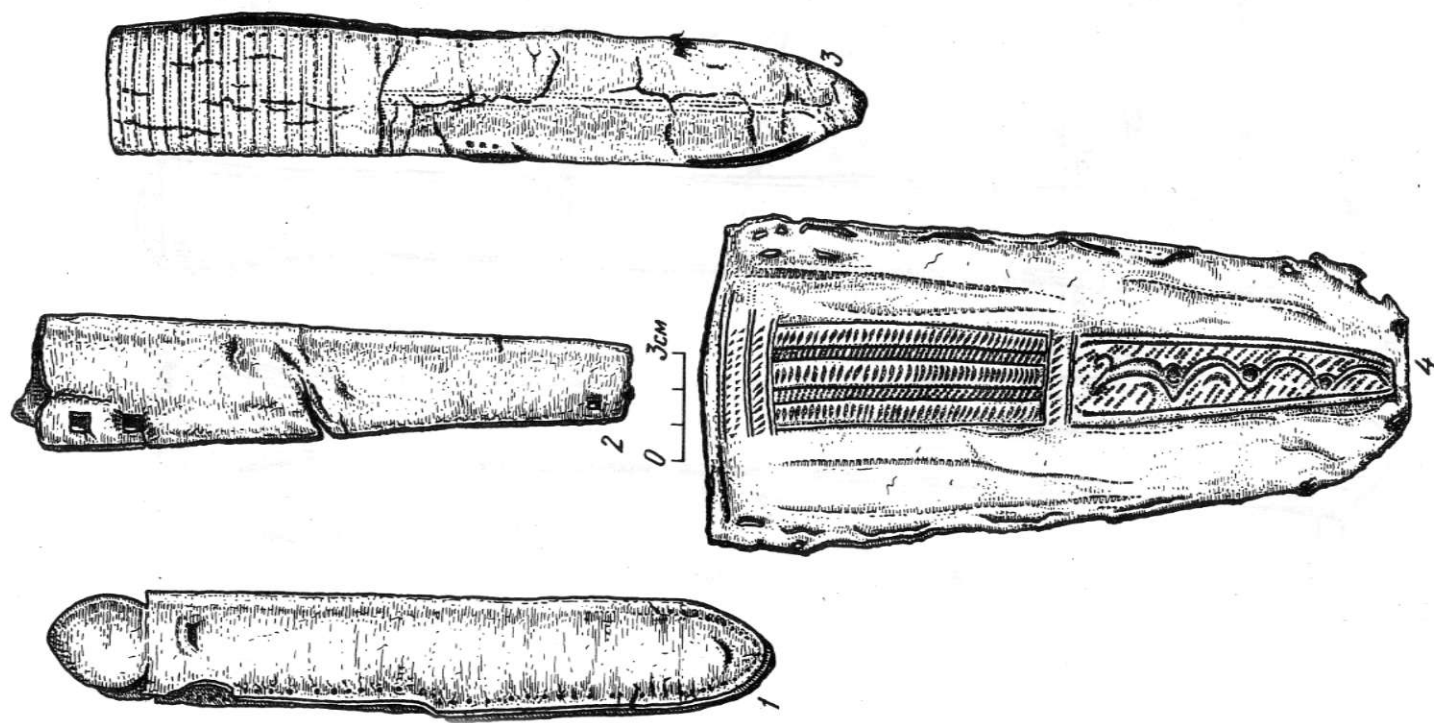

Таблица 73. Кожаные ножи (1—4)

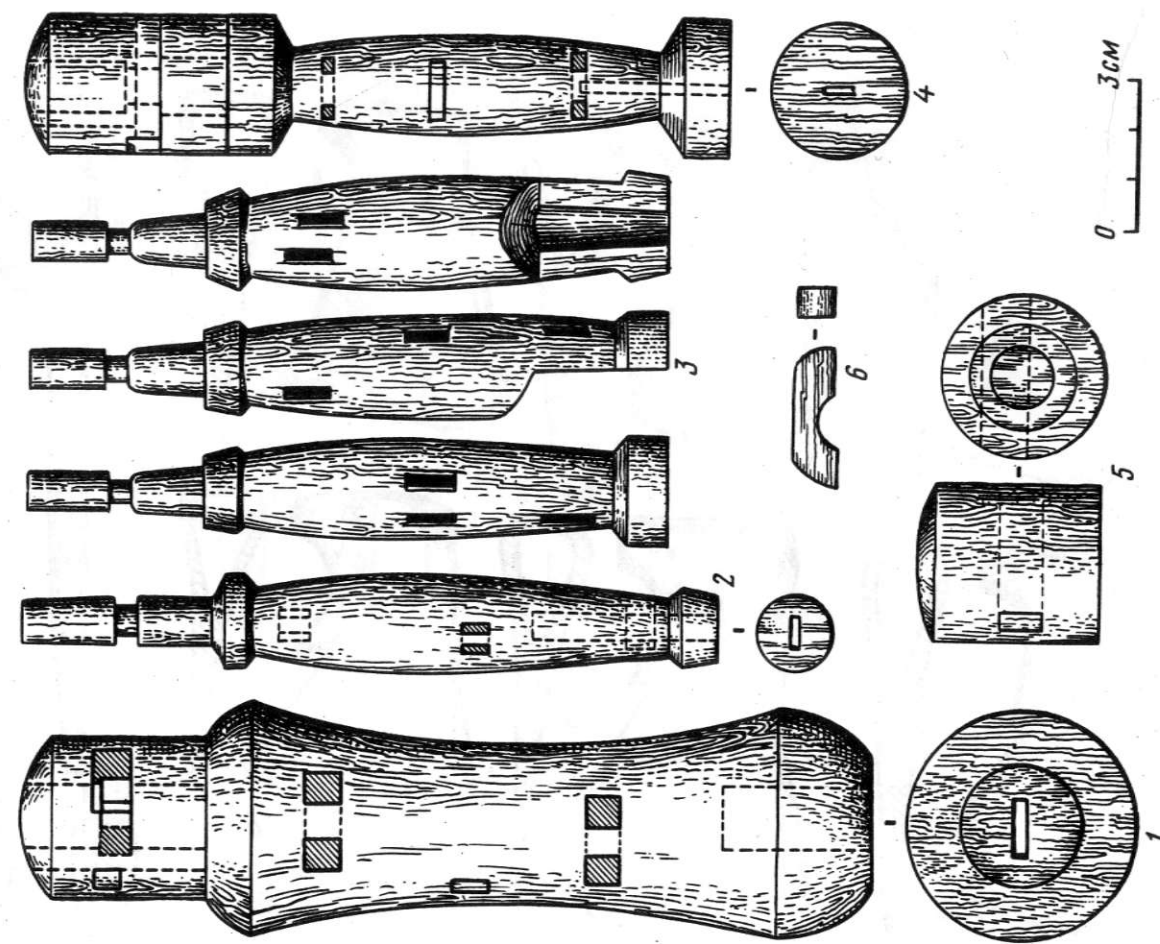

Таблица 74. Лучковые сверла (1—6)

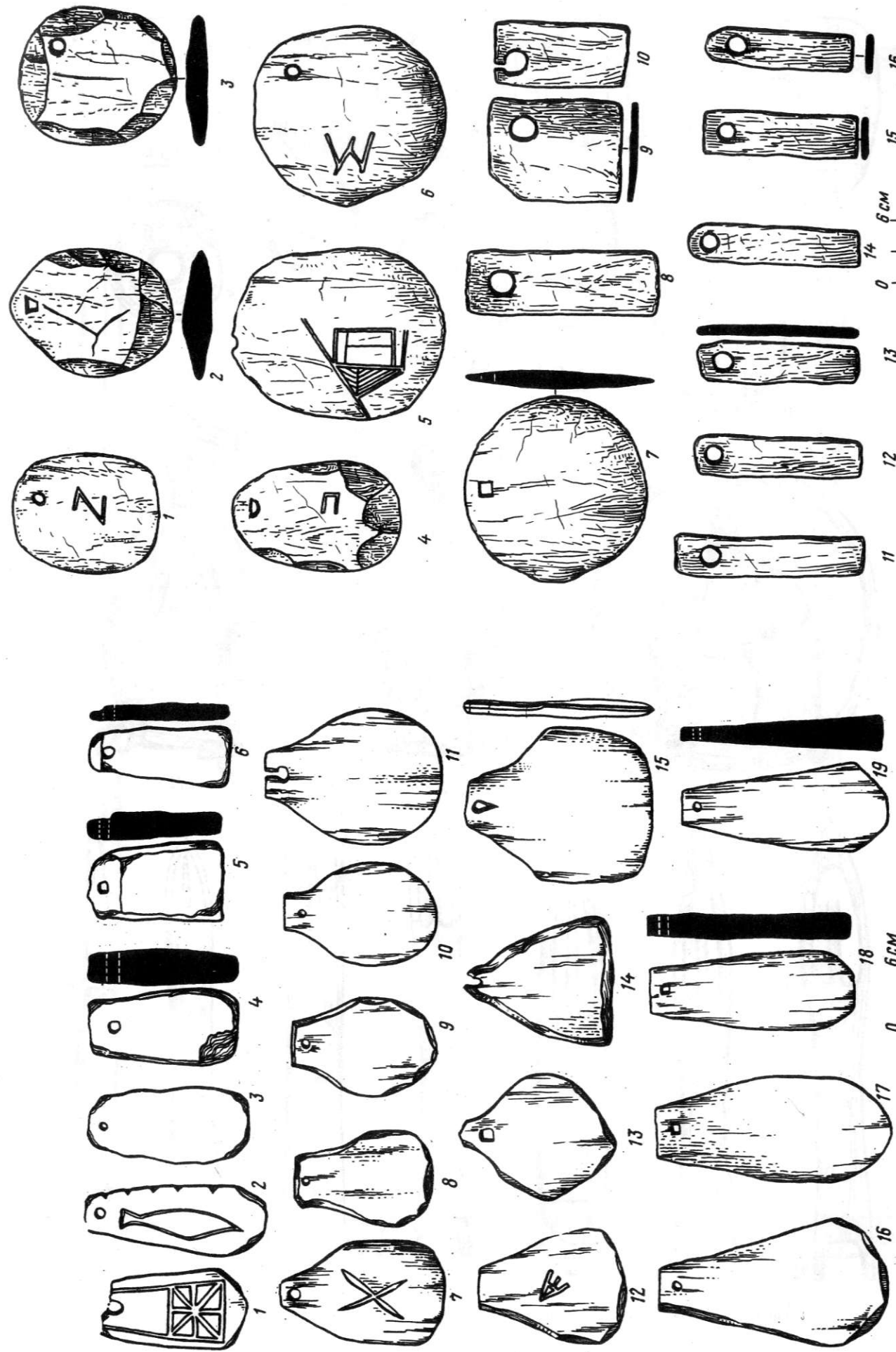

Таблица 75. Поплавки из дерева и коры (1—19)

Таблица 76. Деревянные поплавки (1—7), шаблоны для сетей (8—16)

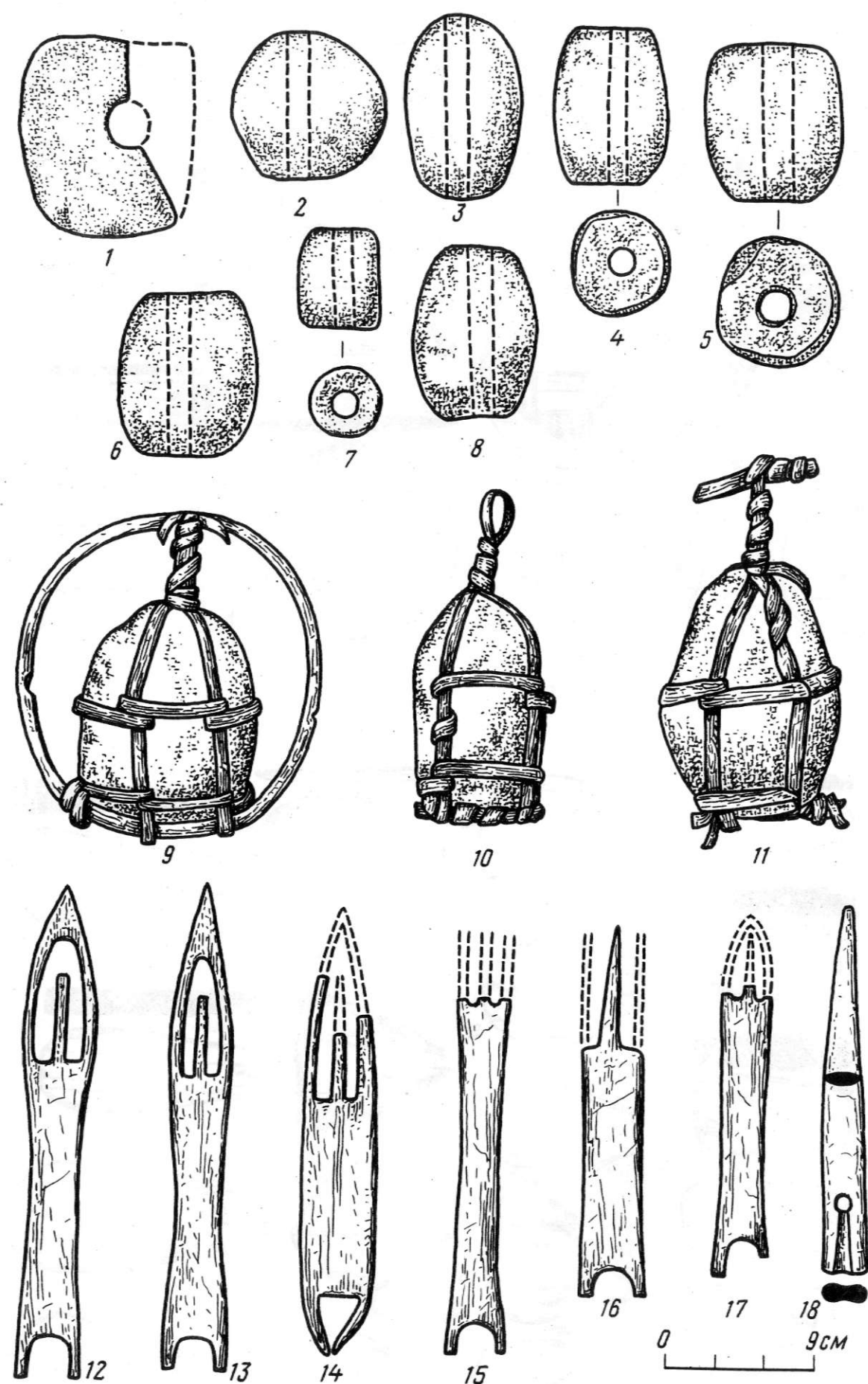

Таблица 77. Керамические и глиняные грузила (1—11), иглы для вязания и ремонта сетей (12—18)

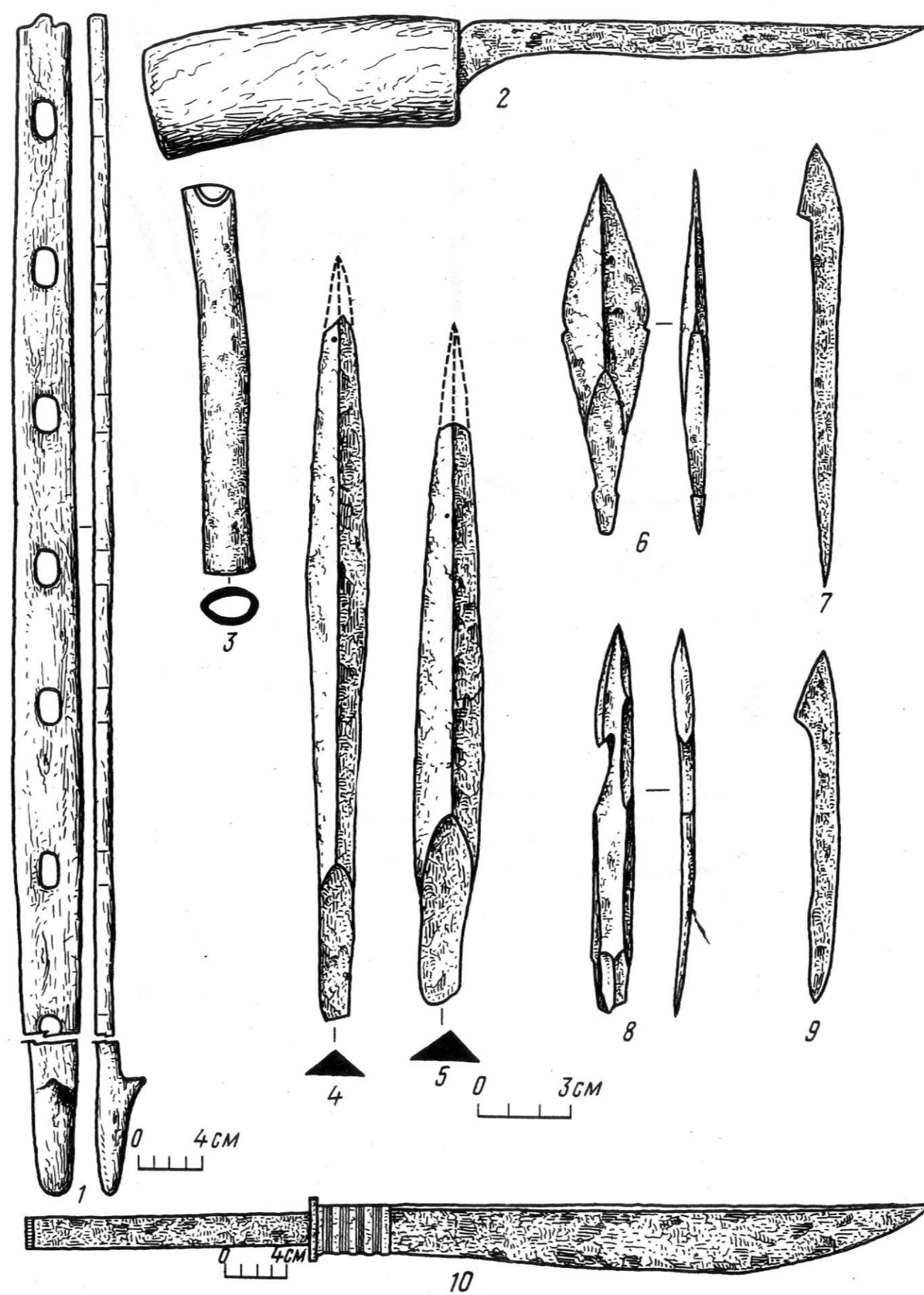

Таблица 78. Различные предметы аборигенного населения
1 — очажный крюк; 2 — нож; 3 — игольник; 4—6 — костяные наконечники копий; 7, 9 — наконечники железных острог;
8 — костяной наконечник острога; 10 — рубильный нож

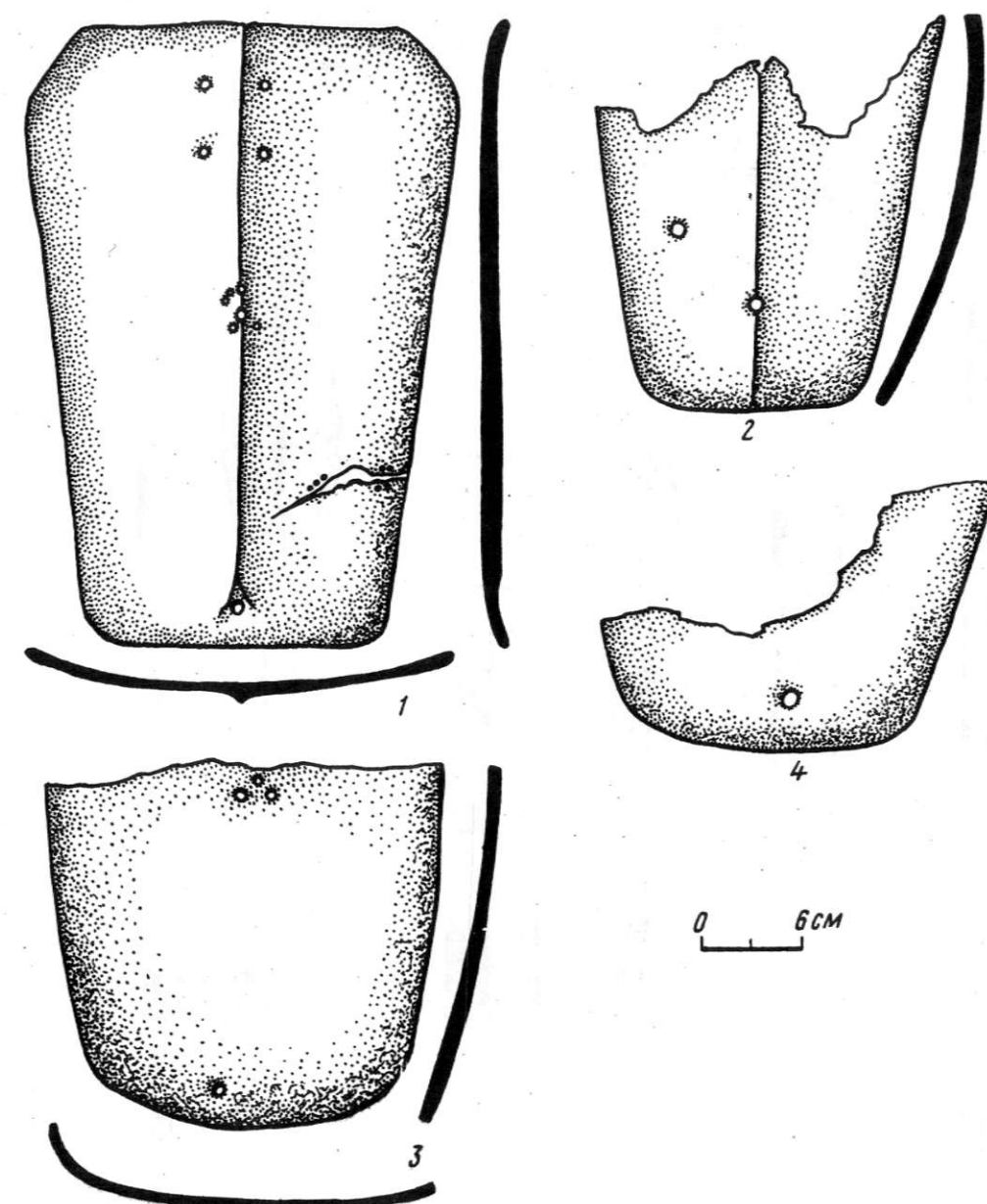

Таблица 79. Роговые панцири (1—4)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3	Изделия из стекла	48
Глава 1		Обувь и изделия из кожи	50
ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТО-		Глава 6	
ЯННОГО НАСЕЛЕНИЯ «НЕПАШЕННЫХ» ГОРОДОВ		КОЛЛЕКЦИЯ МАНГАЗЕЙСКИХ МОНЕТ	53
СИБИРИ XVI—XVII вв.	5	Глава 7	
Тазовские стрельцы	6	СУХОПУТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА.	61
Жилецкие посадские люди	7	Лыжи	61
Жилецкие оброчные люди	8	Упряжной транспорт	69
Жилецкие оброчные люди-годовальщики	9	Детали упряжи	69
Оброчные люди-откупщики	10	Блоки для арканов	70
Глава 2		Нарты	70
РУССКОЕ СИБИРСКОЕ ЖИЛИЩЕ XVII в.	12	Глава 8	
Элементы построек	12	ОРУДИЯ ОХОТЫ И ПРОМЫСЛОВ, ОРУЖИЕ	74
Планировка мангазейских дворов. Этажность по-		Лук	74
строек	18	Стрелы	75
Глава 3		Оружие	79
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА И ГЛИНЫ	24	Огнестрельное оружие	79
Изделия из дерева	24	Холодное оружие	79
Бондарные изделия	24	Инструменты	80
Изделия из бересты	26	Кресала	83
Резная посуда и кухонная утварь	27	Орудия рыболовства	83
Долбленая посуда	30	Снасти для индивидуальной рыбной ловли	84
Точеная посуда	31	Снасти для коллективной рыбной ловли	85
Различная деревянная утварь	32	Глава 9	
Орудия прядения и ткачества	34	ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕН-	
Футляры для печатей	35	НОГО НАСЕЛЕНИЯ	88
Керамика	37	Глава 10	
Грубая белоглиняная керамика	37	РУССКИЕ ПРИВОЗНЫЕ ТОВАРЫ НА МАНГАЗЕЙСКОМ	
Чернолощенная керамика	38	РЫНКЕ (ПО ДАННЫМ МАНГАЗЕЙСКОЙ ТАМОЖНИ)	90
Красноглиняная керамика	39	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
Поливная керамика	39	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	94
Глава 4		ТАБЛИЦЫ	95
ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ. ШАХМАТЫ	40		
Бытовые предметы	40		
Шахматы	43		
Глава 5			
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ, СТЕКЛА И КОЖИ	47		
Изделия из цветных металлов	47		

Михаил Иванович Белов,
Олег Владимирович Овсянников,
Вадим Федорович Старков

МАНГАЗЕЯ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
РУССКИХ ПОЛЯРНЫХ МОРЕХОДОВ
И ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ XVI-XVII ВВ.

ЧАСТЬ II

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е.П. Прохоров
Художник Э.А. Дорохова
Художественный редактор Н.Н. Власик
Технический редактор Н.М. Петракова
Корректоры О.А. Разуменко, В.Н. Пчелкина

ИБ № 22240

Подписано к печати 15.10.81. Т-27516. Формат 60 х 90 1/8.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печл. 18,5.
Уч.-издл. 20,0. Тираж 2700 экз. Тип. зак. 343. Цена 2р. 20 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового красного Знамени 1-я типография
издательства "Наука, 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12